

Ирина Матлак

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

— Перед тем как официально заключить ваш брак, я хотела бы услышать, является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы вступаете в этот союз? Прошу ответить вас, жених.

— Да, — звучит мужской голос, в котором за показной сдержанностью кроется безысходность и тоска по привольной холостяцкой жизни.

— Прошу ответить вас, невеста.

— Да! — Женский голос, напротив, полон радости и довольства.

Щелк-щелк! — это я нажимаю на кнопку своего родного Canon, запечатлевая рождение новой семьи.

— В соответствии с семейным кодексом Российской Федерации ваше взаимное согласие дает мне право зарегистрировать этот брак. Прошу скрепить подписями ваше желание стать супругами.

Щелк-щелк! — продолжают записываться на карту памяти кадры начала новой семейной жизни.

В отличие от гостей, разодетых согласно случаю, на мне кроссовки, простая футболка и не сковывающие движений джинсы, благодаря которым я могу спокойно принимать те позы, из которых получится снять наиболее выигрышный ракурс. Вот и сейчас, пока молодые подписываются под окончанием свободы, я извращаюсь как могу. Присела на корточки, чуть отклонилась в сторону, стараясь не задеть стоящего рядом ребенка, и честно отрабатываю свой гонорар. Это всего вторая по счету свадьба, которую мне доводится снимать, поэтому волнение зашкаливает. Точнее, зашкаливало — накануне вечером и этим утром. Сейчас осталось только желание сделать свою работу хорошо, вернуться домой и засесть за обработку снимков.

Откровенно говоря, свадьбы я недолюбиваю. Даже популярное сейчас «лавстори» предпочла бы не снимать, если бы не постоянная нужда в деньгах. На одних творческих съемках, которые пока не только не приносят дохода, но еще и требуют некоторых вложений, далеко не уедешь.

Стоящая около меня девчушка, не стесняясь, зеваает, пока идет обмен кольцами. Жених вспотел и выдавливает жалкую улыбку. Худошавая невеста смотрит на него типичным взглядом собственницы и окольцовывает с победоносным выражением лица. Мама невесты украдкой смахивает слезы. Папа тяжело вздыхает, сочувственно глядя на теперь уже зятя.

Скукота.

Слава богу, на банкет сегодня ехать не нужно. После загса — недолгая фотопрогулка, и на этом все. Никогда не понимала, на кой ляд нужно кормить, поить и развлекать огромную толпу гостей, которые приходится молодоженам седьмой водой на киселе? После пары-другой бокалов чхать им и на жениха, и на невесту, и вообще на повод, по которому все, собственно, собрались.

Щелк! — еще один кадр в копилку.

Звучит музыка, и молодые начинают танцевать. Окончательно раскрасневшийся жених, цвет шеи которого уже равняется оттенку свеклы, двигается неуклюже и наступает невесте на ногу. Та мужественно терпит, продолжая счастливо улыбаться. Впрочем, не мне говорить о неуклюжести — тоже в настоящий момент грацией не блистаю. А ты попробуй не врезаться в людей, не мешать новоиспеченной семейной паре, одновременно делая фото двух движущихся объектов, да еще и выглядя при этом красиво!

— Родные и гости, прошу поздравить молодых! — через некоторое время звучат слова, ознаменовывающие начало следующего этапа моего испытания.

Нет, фотографировать я люблю. Более того — обожаю. Живу этим, можно сказать. Но только не в том случае, если процесс фотографирования превращается в рутину, какой для меня являются подобные коммерческие заказы.

Сфотографировав молодых со свидетелями, молодых с родителями, молодых с бабушками, племянниками, друзьями и далее по списку, я первой выскочила в коридор, набросила оставленную там черную кожанку и следующие кадры делала уже на улице. Жених, лицо и шея которого цветом теперь окончательно напоминали конкретный такой бурлак, выносил невесту на руках. Далее — лепестки, голуби и прочие пошлости.

С фотопрогулкой стало повеселее. Погода в середине мая стояла теплая, неподалеку от загса располагался сквер, где цвели пышные кусты сирени — избитое место для таких фотосессий, но все оригинальные идеи невеста безапелляционно отклонила. Несмотря на это, моя творческая жилка, не убитая даже после оставленных позади четырех курсов экономического факультета, пробудилась. Несколько фоток вышли действительно классными, так что мое настроение стремительно поползло вверх.

Уже прощаясь, я заверила, что непременно пришлю все фото в оговоренный срок, поздравила с бракосочетанием — каюсь, не от чистого сердца, сугубо из вежливости, — и потопала домой.

Погода, как назло, начала стремительно портиться, предвещая скорый дождь. Дождь я не любила почти так же, как водоемы, а водоемы — еще более сильно, чем свадьбы. Нет, полюбоваться на заводь реки я могла. И к морю, на котором никогда не бывала, наверняка не испытывала бы отвращения. Но только глядя на него с обласканного солнышком бережка и оставаясь сухой. Даже ванну не любила принимать, предпочитая исключительно душ — что, впрочем, не самая большая моя странность.

Дождь все-таки начался. Налетел ветер, крупные капли упали на асфальт, и направление моих мыслей резко сменилось. Теперь переживала не за собственные неудобства, а за фотоаппарат. Хоть его и защищал чехол, абсолютная водонепроницаемость в список характеристик этого самого чехла не входила.

Редкие капли превратились в полноценный ливень как раз в тот момент, когда я юркнула в ближайшую на пути кафешку. Малопривлекательное заведение делилось на две зоны, в одной из которых располагался небольшой продуктовый магазин, а в другой — собственно кафе, если расставленные пластиковые столы и стулья можно таким назвать. За одним из столов расположились три мужика, почти дошедшие до кондиции «смотри, что умею — не, ты смотри, как надо!», сидящая у кассы продавщица лениво копошилась в смартфоне. Больше посетителей не было.

Дождь набирал обороты, и только я мысленно посетовала на отсутствие зонтика, как желудок негромко заурчал, напоминая, что в последний раз его кормили ранним утром. Глянув на свободные столики, я непроизвольно скривилась, отметив следы от пролитых напитков и несметенные крошки. Затем посмотрела на витрину, где красовались сомнительной свежести беляши, сосиски в тесте и иже с ними, после чего остановила выбор на пачке вафель. К ним купила стаканчик кофе, который оказался растворимым. Будь у меня выбор, выпила бы латте — чтобы побольше молока, аппетитной пенки... мм, но пришлось довольствоваться тем, что есть.

— Да нет ничего после смерти! — как раз в тот момент, когда я расплачивалась, прозвучал позади меня запальчивый возглас. — Что ты мне втираешь!

— А я говорю — есть! — возразил второй мужик, для убедительности стукнув кулаком по хлипкому пластмассовому столику. Как тот выдержал, непонятно. — У меня вон дочка этим увлекается... как его... короче, всяким. Души-то перерождаются!

— Давайте лучше выпьем! — дружелюбно предложил третий, кого моментально и безоговорочно поддержали.

Пригубив обжигающее нечто, отдаленно напоминающее нормальный кофе, я мысленно хмыкнула. Вот и последняя ступень перед стадией «смотри, что могу!» — «слушай, что знаю!» называется.

К тому моменту, как дождь трансформировался в мелкую водную пыль, я успела

опустошить половину стаканчика и съесть две вафли. Голод особо не утолила, но зато дома меня ждали остатки еще вчера заказанной пиццы. Мысли о тягучем теплом сыре и фотошопе, наедине с которым мне предстояло коротать вечер, подстегнули ускориться. Так и не допив кофе, я отправила его в мусорный бак, оставшиеся вафли засунула в свободный кармашек чехла и заспешила домой.

После дождя приятно пахло мокрым асфальтом, свежей зеленью и цветущими яблонями. Люди, как и я, потихоньку выбирались из своих укрытий и спешили по отложенным из-за ливня делам. Проходя мимо женщины, ведущей на поводке мелкую собачонку, я удостоилась заливистого лая. Даже не поморщилась, давно привыкла. Уж не знаю за что, но все поголовно собаки меня терпеть не могут. Даже Сонькин йорк — мелкое недоразумение, по ошибке прозванное псом, и то каждый раз на меня тьякает, когда я прихожу к подруге в гости.

Красного человечка на светофоре сменил зеленый, и я шагнула на проезжую часть. Переходя улицу, привыкла смотреть по сторонам, даже если горел нужный свет, поэтому была уверена, что машин поблизости нет.

Тем неожиданнее стал внезапно раздавшийся гул. Резко повернув голову, я увидела на всех парах несущееся на меня черное авто. Не было ни скрипа тормозов, ни попытки увильнуть в сторону — водитель, лица которого я не успела рассмотреть, словно вообще меня не видел... Или намеренно решил прикончить.

Говорят, за секунду до смерти перед глазами проносится вся жизнь. Я же успела подумать лишь о том, что никакой пиццы с тягучим сыром не поем ни сегодня, ни вообще никогда. А фото со своей свадьбы Лиза и Матвей Терехины, сейчас празднующие бракосочетание в ресторане, так и не получают...

Было больно и темно. А еще — холодно. Я лежала на чем-то твердом и мокром, ощущая, как ноет каждая кость. В отличие от Соньки, которая училась на биологическом, я в анатомии сильна не была, но сейчас, кажется, могла пересчитать каждую кость и мышцу, вдобавок указав их точное местоположение.

Ну что ж так паршиво-то, а?..

— О, глянь! — внезапно раздался где-то поблизости мужской голос.

— Баба! — обрадованно подхватил другой и, словно не веря своему счастью, выдохнул: — Да еще и голая! А ладная какая!

Пока рядом шло обсуждение прелестей некой голой «бабы», я пыталась сделать три вещи: открыть глаза, пошевелиться и понять, что вообще происходит.

Воспоминания приходили медленно.

Свадьба, дождь, какая-то забегаловка, где я пила кофе... стоп! В той кафешке сидела тройца подвыпивших мужиков. Может, это их разговор я сейчас слышу?

В это время выпивохи как раз обсуждали пятую точку той самой «бабы», которая успела переквалифицироваться в «девку», и намеревались ее обойти. Видимо, та особа находилась к ним спиной.

Сделав очередную попытку пошевелиться, я глухо застонала, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота, по телу наконец отозвалось. С трудом разлепив глаза, увидела неясные очертания зеленой поляны, которая в настоящий момент ходила ходуном. Голова кружилась, и я снова на миг прикрыла глаза, а когда открыла, увидела прямо перед собой две пары сапог. Медленно подняла голову и наткнулась на две заросшие рожи.

— Э-э, а это у нее что? — совершенно неэтично тыкнув в мою сторону толстым указательным пальцем, хрипло спросила одна рожа, почему-то отступив на шаг назад.

Вторая округлила глаза, сглотнула, сотворила какой-то странный жест и тоже попятилась.

А потом лес озарил громогласный синхронный крик:

— Ликой!!!

И обе рожи ломанулись прочь с поляны, хрустя ветками и голося что есть мочи.

От их воплей голова заболела еще сильнее, и я, присев, обхватила ее руками.

Ой, как скверно... так отвратно я себя не чувствовала даже после самых безбашенных вечеринок, которые с определенной периодичностью однокурсники устраивали в моей доставшейся от бабушки квартирке.

Не знаю, сколько так просидела, но, когда головокружение, головная боль и тошнота немного отступили, открыла для себя один невероятный факт: голой бабой, о которой говорили мужики, была я.

И вот это как ничто другое способствовало мгновенному пересиливанию слабости и резкому подъему на ноги, от которого перед глазами зароились черные точки.

Какого...

Так, спокойно. Дышим, просто дышим. Вот так, размеренно и глубоко.

Только не паниковать!

Затолкав готовую разразиться истерику куда подальше, я попыталась восстановить в памяти цепочку последних событий. Что было после недопитого кофе? Просто шла домой, переходила улицу и...

Внезапное воспоминание о несущейся на меня машине заставило моментально похолодеть, — хотя мне и так было далеко не жарко, — и вызвало желание вновь осесть на землю. Заставив дрожащие ноги слушаться, это желание тут же подавила.

У меня имелся всего один вариант того, что со мной произошло. Меня сбила машина, но вместо того, чтобы вызвать «скорую», водитель отвез меня в лес — не то бросил помирать, не то... нет, бред какой-то! Почему я раздета? Меня что, еще и изнасиловали?

Из последних сил стараюсь не паниковать, я стала лихорадочно себя осматривать. Никаких ссадин на теле не было, что довольно странно при любых обстоятельствах — удар машины я помнила точно, как минимум синяки остаться должны были. Малейшие намеки на изнасилование отсутствовали тоже — я облегченно вздохнула. Уже хорошо. Единственные изъяны на коже — шрамы, но все хорошо знакомые, старые, присутствующие столько, сколько себя помню, оставшиеся с далекого детства.

Пока себя осматривала, что-то очень сильно меня настораживало, а вот что именно, никак не могла понять. Что-то помимо ситуации, в которой я оказалась. Самоощущение было таким, как будто...

Я провела рукой по пояснице, спустилась чуть ниже, и в следующий момент лес наполнил уже мой, полный ужаса крик.

На мне сидело что-то пушистое! Какой-то лесной звереныш вцепился в меня и не желал отпускать, как бы я ни прыгала и ни пыталась его стряхнуть!

Я вопила как ненормальная, пока не осознала один невероятный, невыносимый, попросту невозможный нюанс: то пушистое, что пыталась с себя стряхнуть, я... чувствовала. Чувствовала, как часть себя.

Перестав орать, пугая настоящую лесную живность, извернулась, посмотрела вниз через плечо и... лишь чудом подавила очередной готовый вырваться крик. Мою пятую точку украшал длинный и черный, в меру пушистый хвост.

Хвост, черт возьми! У меня хвост!!!

Я таки заорала и попробовала его отодрать, понадеявшись, что это какой-то нелепый розыгрыш, но «отклеиваться» хвост не пожелал. Более того, стоило за него дернуть, как позвоночник отозвался болью. Вот тут я не просто заорала, а буквально взвыла!

Примерно через минуту меня ожидало еще одно открытие. В комплект к хвосту мне достались уши, на ощупь напоминающие кошачьи. Наверное, тоже черные, сливающиеся с моими от природы черными волосами.

От такого сюрреализма впервые в жизни захотелось рухнуть в полноценный обморок. Хотя, учитывая мое недавнее пребывание в темноте, — наверное, во второй.

Итак, в настоящий момент я была твердо уверена лишь в трех вещах.

Я в лесу.

Я полностью раздета.

У меня предположительно кошачьи уши и хвост.

Может, это сон?

Нет, судя по испытанной боли, сном это не было. Но чем бы ни являлся этот кошмар на самом деле, оставаться посреди неизвестного леса в таком виде точно не стоило. Вдобавок ко всему я замерзла.

Кажется, сейчас стояло раннее утро. Небо еще оставалось розоватым, и сквозь влажные от прошедшего дождя кроны пробивались первые солнечные лучи. Примятая трава тоже была мокрой от того же дождя. Остро пахло можжевельником и мокрым деревом и еще чем-то солоноватым, чуть рыбным. Запах рыбы заставил почувствовать зверский голод.

Организм, ты это серьезно? В такой ситуации тебе лишь бы пожрать?!

Желудок ответил ворчливым бурчанием.

Интересно, разговор с собственным желудком можно отнести к признакам зарождающейся шизофрении?

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, я побрела в ту сторону, куда недавно улепетывали увидевшие меня мужики. Теперь я их в полной мере понимала — сама бы еще не тот крик подняла, если бы такое увидела!

Надеялась, что они не ломанулись в лес наобум и я скоро выйду на какую-никакую дорогу. Больше всего сейчас волновало (не считая, разумеется, ушей и хвоста) отсутствие одежды. Где ее взять, не имела ни малейшего представления, но надеялась на удачу, которая не изменяла мне вплоть до вчерашнего дня.

Через некоторое время я и впрямь вышла на пролегающую сквозь лес дорогу. Сперва замерла, не зная, какое выбрать направление, а затем заметила на ней свежие, не размытые дождем следы. Теперь, понадеявшись, что те мужики не лесники и не охотники, решившие забраться поглубже в лес, пошла по их следам.

Более странно, неловко и вообще кошмарно в жизни себя не чувствовала!

В жизни...

Следующая догадка заставила меня замереть.

Машина, удар, боль. А что, если... я на самом деле умерла? В моем представлении ад и рай были совсем не такими, хотя вообще-то о загробной жизни я никогда особо не задумывалась. И хотя я очнулась в костюме Евы, ошивающиеся рядом мужики выглядели как самые обычные живые люди... и все же...

«Души-то перерождаются!» — прозвучала в мыслях фраза, невзначай брошенная посетителем кафе.

Стало совсем нехорошо.

Я бы могла хоть как-то объяснить свое местонахождение и отсутствие одежды, но вот наличие злосчастного хвоста и ушей никак не вписывалось в рамки нормальности! Не проводили же в самом деле надо мной опыты, пока я была в отключке?

Решив, что эти вопросы можно отложить до того времени, когда обзаведусь одеждой и поем, я зашагала дальше. Меня все еще одолевала слабость, поэтому двигалась не так быстро, как хотелось, и периодически останавливалась, чтобы передохнуть. Еще очень надеялась, что здесь нет волков и почувствовать себя в роли Красной Шапочки мне не придется... хотя какая уж там Красная Шапочка? Скорее, Голая Хвостатая.

Пока шла, обнаружила еще один занимательный момент. Конечно, после кошачьих аксессуаров он не шокировал, но все-таки немало удивил. Мои стриженные чуть ниже плеч волосы сейчас опускались до самого пояса, что добавило дополнительных вопросов в копилку уже имеющихся.

К тому моменту, как лес начал редеть и светлеть, намекая, что скоро кончится, я решила относиться ко всему происходящему философски. Да, голая. Да, с меховыми ушами и хвостом. Но ведь, по всем признакам, живая! А это самое главное.

Еще до того, как лес закончился, слух уловил какой-то странный и как будто знакомый шум. Мозг еще не успел его идентифицировать, а нюх безошибочно уловил усилившийся аромат соли и рыбы.

Выйдя из леса, я оказалась на возвышенности, поросшей короткой зеленой травой и мелкими бледно-голубыми цветами. Уже не думая о том, что меня могут увидеть в неприглядном виде, я сделала еще несколько шагов вперед и застыла. Ветер подхватил мои волосы, развеял, коснулся прохладой обнаженной кожи и дыхнул в лицо той самой свежей солью.

Где-то кричали чайки. Передо мной во всей красе простиралось синее море.

ГЛАВА 2

Откровенно говоря, недостатков у меня порядочно, но вот чего никогда за собой не замечала, так это склонности к воровству. Даже однажды найденный кошелек я вернула законному владельцу, выйдя на него по обнаруженной в карманчике банковской карте.

Но когда встал выбор между кражей одежды и разгуливанием нагишом, я, подавив угрызения совести, выбрала первое.

Со склона к пляжу спускалась узкая тропа, пройдя по которой я обнаружила стоящий неподалеку дом. Точнее, неприглядного вида хижину, скорее всего, рыбацкую. На натянутых веревках сушились светлая рубашка и безразмерные штаны, которые я и собиралась стырить.

«Позаимствовать ввиду острой необходимости», — мысленно поправила я себя.

Укрытия здесь не было никакого, так что, выгляни обладатель одежды в окно или выйди из хижины, он бы тут же меня заметил. На мое счастье, ранним утром берег был пустынным и до сих пор мне никто не встретился.

Подкравшись поближе, я осмотрелась по сторонам, дала себе пару секунд на то, чтобы передумать, благоразумно ими не воспользовалась и, подбежав к веревкам, сдернула с них одежду. На этом мое везение закончилось, потому что неподалеку внезапно раздался громкий смех. Кто-то шел к пляжу, а единственная ведущая сюда цивилизная дорога пролегла как раз мимо хижины, у которой в данный момент орудовала одна новоиспеченная хвостатая преступница.

На ходу накидывая рубашку и пытаясь попасть пуговицами в петельки, я забежала за хижину, пригнулась и замерла. Даже дышать старалась через раз, слишком уж шумным было сбившееся от бега и от страха дыхание.

Вскоре нарушители моего уединения действительно прошли мимо хижины. Это была парочка угловатых подростков — парень лет пятнадцати обнимал за талию и прижимал к себе свою невысокую спутницу, что-то ей рассказывая, а та в ответ хихикала. Длинное светлое платье, надетое на девочке, тут же стало предметом моей зависти. Внезапно пришедшее понимание, что с моим хвостом надеть штаны будет проблематично, оптимизма не прибавило.

Когда парочка приблизилась к морю, я негромко выдохнула и тихонько продолжила свое неоконченное занятие — застегивание пуговиц. Рубашка доставала мне практически до колен, так что ее вполне можно было считать если не импровизированным платьем, то импровизированной туникой. Вот только она была настолько застиранной, что в некоторых местах откровенно просвечивала, а надела я ее на голое тело. М-да. Похоже, все-таки придется как-то влезать в штаны.

Спустя несколько минут, наполненных едва сдерживаемыми ругательствами, мне это удалось. Штаны действительно оказались очень широкими, висели на мне как на вешалке, и хвост с горем пополам в них уместился. Пришлось осторожно обернуть его вокруг пояса, а затем поплотнее затянуть веревку, заменяющую в штанах ремень. Было немного дискомфортно, но все лучше, чем ходить голышом.

За время, что я здесь стояла, из дома не доносилось ни звука. Это натолкнуло на одно интересное предположение, которое незамедлительно решила проверить. Крадучись, я подошла к ближайшему окну и осторожно, с долей опасения в него заглянула. Комната в хижине имела всего одна. Здесь стояла односпальная кровать, на которой сгрудилась куча одеял, в углу примостилась маленькая печь, вдоль стены тянулся склад всякой рухляди. Какие-то ящики, рыболовные снасти, наполненные и пустые мешки и еще всякий не поддающийся сортировке хлам.

А хозяин всего этого богатства, похоже, сейчас отсутствовал.

Взгляд зацепился за висящее у кровати поясное зеркало и, немного поколебавшись, я решила войти. Замок отсутствовал, дверь закрывалась на крючок, так что мое проникновение вряд ли можно было назвать вторжением в частную собственность. Когда приход чужаков нежелателен, эту самую собственность запирают получше.

Убедившись, что подростки слишком заняты неумелым поцелуем, чтобы меня заметить, я юркнула в хижину. Благодаря одежде, пусть и с чужого плеча, чувствовала себя немного увереннее. Но перед тем, как посмотреться в зеркало, все равно глубоко вдохнула и сделала себе строгое внушение: что бы там ни увидела, не орать. Ни в коем случае не орать! Даже если окажется, что в дополнение к ушам обзавелась оленьими рогами с висящими на них колокольчиками.

Наспех стерев с зеркала плотный слой пыли, я решительно посмотрела на свое отражение и едва не осела на пол. От смеси ужаса и облегчения. Ужаса — потому что на моей голове действительно торчали черные меховые уши, облегчения — поскольку рогов к ним все-таки не прибавилось. То обстоятельство, что моя внешность осталась прежней, тоже порадовало. Треугольная форма лица, заостренный подбородок, четкие скулы, аккуратный нос, небольшие, но выразительные губы — все было мне знакомо. На внешность я никогда не жаловалась, так что было бы обидно ее потерять. Даже гетерохромия осталась, которая одно время порождала во мне комплексы, а потом я стала относиться к ней исключительно как к изюминке. Один глаз зеленый, другой — светло-карий, почти желтый. В сочетании с меховыми ушами смотрелось нереально. Нереально странно, если быть точнее.

Разгуливать с такими «украшениями» было далеко не лучшей идеей. Конечно, кто-то мог их принять за шуточный аксессуар, но привлекать к себе лишнее внимание не хотелось. Быстрый обыск дома увенчался трофеем в виде старого цветастого платка. Сколько его не стирали — и сказать страшно, но пришлось заглушить в себе брезгливость и соорудить на голове нечто вроде банданы. Смотрелось нелепо, но сейчас на собственный вид было начхать. Ушей не видно — и на том спасибо.

Дольше здесь задерживаться смысла не было, и я покинула ограбленный дом, как и положено всякому уважающему себя вору, — так же осторожно и крадучись, как в него проникла.

Совесть еще немного кусалась, но я упорно от нее отмахивалась. Чьи бы вещи я ни укра... позаимствовала, вряд ли он обеднеет. Не деньги ведь забрала, в конце концов!

Выйдя на дорогу, я на миг остановилась и посмотрела на море. Забавно. Только недавно о нем вспоминала, думая, что ни разу не видела «большой воды»... А оно и правда красивое. Кажется бескрайним и такое синее-синее, с белыми гребешками лижущих песок волн. Чуть дальше, на нависающей над ним скалой виднеется силуэт особняка — темного, в несколько этажей, словно сошедшего со страниц какого-нибудь исторического романа. Поразительный контраст с покосившейся хижинкой.

Пейзаж — загляденье. Только взять фотоаппарат и сфотографировать...

Мысли о фотоаппарате заставили снова поникнуть. Так жалко, словами не передать! Я же столько на него копила, объектив вот недавно новенький купила, пылинки с него сдувала... и где-то он теперь?

Следом за печалью пришла решимость и злость. Меня сбили, обобрали и раздели! Вот только доберусь до того, кто за рулем тачки сидел! А если меня еще и убили — с того... в смысле с этого света достану, вот!

Злость придала сил, и я быстро зашагала по ведущей от пляжа дороге. Лес, где я очнулась, остался слева, далеко за ним виднелись горы, тянущиеся на много миль вперед. Сначала дорога вела через непаханое поле, заросшее высокой травой, затем на пути стали встречаться домишки. Выглядели они получше, чем лачуга у моря, но проще особняка — в целом обычные такие деревенские дома.

По ощущениям, прошло примерно минут пятнадцать перед тем, как пейзаж стал меняться. Грунтовая дорога как-то незаметно превратилась в мощенную серым камнем, небольшие хижины сменились на полноценные двух- и трехэтажные дома, покрытые аккуратными черепичными крышами.

Незаметно для самой себя я оказалась в городе. Вместо асфальта дороги здесь были выложены все тем же серым булыжником, бетонных многоэтажек в поле зрения до сих пор не появлялось. Зато через некоторое время стали встречаться пока еще закрытые магазинчики, парикмахерские, которые, видимо, антуража ради здесь называли

«цирюльнями». Проходя мимо здания, из трубы которого валил дым, я обнаружила, что это общественная купальня. Да, так и написано — купальня, не баня.

Пройдя еще немного вперед, я застыла. Буквально встала как вкопанная, привлеченная умопомрачительным, крышесносным, невероятно притягательным запахом.

Пахло едой!

Заметив расположившуюся на другой стороне улицы пекарню, я потянула носом и судорожно сглотнула. Противиться возникшему желанию не было никаких сил, и я уже начала переходить дорогу, когда в ногу впился острый камешек. Зашипев, я приподняла ее, посмотрела на пораненную грязную пятку и медленно опустила обратно.

Нет. В таком виде меня и на порог приличного заведения не пустят!

Босая, в непонятном тряпье, с намотанным на голове платком, я сейчас выглядела как самый настоящий бомж! Причем не только выглядела, но и была. Ночевать мне негде, денег у меня нет, куда податься — неизвестно.

подавляя позывы изголодавшегося молодого организма и не обращая внимания на настойчивые мысли о теплом молоке и свежей выпечке, я отошла в тень ближайшего здания. Как раз вовремя — мимо протрусила лошадь, везущая крытую повозку. Кучер — мужичок лет за пятьдесят — меня не заметил.

Я тихо фыркнула. Все-таки круто они здесь все стилизовали — вон, даже повозки ездят. В курортных городках я никогда прежде не бывала, но слышала, что всякого рода необычный транспорт там можно встретить довольно часто.

Пока я стояла, прячась в тени неопознанного здания, у меня была прекрасная возможность рассмотреть горожан. Прохожих на улицах все еще было немного и, надо признать, их внешний вид меня тоже удивил. На женщинах — никаких джинсов, никаких маек, ни даже коротких юбок и штанов! Только длинные платья. Если юбки — тоже длинные. Штаны заметила только на одной девчонке, но ей по виду было не больше десяти.

В общем-то, местная мода или ее отсутствие волновали меня не слишком. Актуальным по-прежнему оставался извечный вопрос: как быть? Во-первых, мне нужно поесть. Во-вторых, обзавестись приличной одеждой и обувью. В-третьих, выяснить, где нахожусь, и найти деньги на возвращение домой. Все эти пункты привели меня к простому и понятному выводу: необходимо срочно идти в полицию. Или в посольство, если я каким-то образом умудрилась попасть из России в другую страну. Хотя, судя по языку, на котором изъяснялись мужики из леса, вряд ли я покинула родину...

Первой, к кому я подошла с вопросом «как пройти в ближайшее отделение полиции», была идущая мимо женщина. В ответ она недоуменно округлила глаза и не проронила ни слова. Когда я на всякий случай повторила вопрос на английском, который знала не отлично, но вполне сносно, направленные на меня глаза округлились еще больше.

— Вы меня понимаете? — без особой надежды на успех задала я следующий вопрос. — Видите ли, на меня напали. Украли одежду и сумку, где находился мобильный телефон...

Я не договорила, поскольку женщина, не проявив никакого участия, обогнула меня по кривой дуге и заспешила прочь.

Тьфу! Ну что за люди такие бессердечные пошли? И это я еще уши с хвостом спрятала!

Второй жертвой моих вопросов стала милая бабуля. Этакая типичная бабушка: в длинном платье в мелкий цветочек, с накинутой поверх него шалью и седыми волосами, стянутыми в тугую узел.

На этот раз я не прогадала и наконец услышала нормальную человеческую речь.

— Внученька, у тебя случилось что? — поинтересовалась она, участливо посмотрев на меня снизу вверх.

— Обокрали вот, — почти не соврала я, хотя и сама была одета в позаимствованные

вещи. — Даже мобильника нет, чтобы позвонить...

Услышав последнюю фразу, старушка округлила глаза точно так же, как предыдущий объект моих расспросов.

— Чего-чего нет? — уточнила она.

— Мобильника, — повторила я. — Может, у вас найдется, откуда позвонить? Если нет, то хотя бы просто подскажите, как пройти до полицейского отделения.

Луп-луп! — недоуменно поморгала бабуля.

Может, глуховата?

— Ты давай-ка ко мне на чай заходи, — неожиданно предложила эта во всех отношениях прекрасная женщина, которую я в тот момент полюбила искренне и всей душой. — Я тут недалеко живу. Отдохнешь, в себя придешь. А потом мы с тобой в управление сходим. Мне как раз туда нужно.

Вот! Вот так бы сразу! Поесть — потом в городское управление. Как же мне повезло!

Наличие ушей и хвоста отошло на второй план, уступив место ожидающим меня маленьким радостям. Идя к бабуле домой, я уже чувствовала на языке вкус чая, к которому, надеюсь, мне предложат что-нибудь вкусенькое... Да, нагло. Но когда терзает настоящий голод, о приличиях как-то не думается. Такое чувство, что у меня несколько дней и крошки во рту не было!

— Меня госпожой Еришей звать, — по пути сообщила моя неожиданная благодетельница.

— Маргарита, — в ответ представилась я и тут же уточнила: — Можно просто Рита.

Дом, где жила бабуля, оказался одноэтажным и симпатичным, сложенным из светлого камня. За крашеным деревянным забором стелилась узкая садовая тропинка, ведущая к старенькому крыльцу, небольшой сад выглядел довольно ухоженным. На грядках уже взошла пряная зелень и торчали хвостики молодой редиски. С голода даже их готова была откопать и слопать, хотя редис с детства терпеть не могу!

Перед тем как войти в дом, я внезапно ощутила на ногах что-то липкое и как будто неприятно прохладное. Подумав, что зацепилась за паутину, на миг затормозила, посмотрела вниз, но ничего не увидела. Ощущение было мимолетным, и я тут же о нем забыла.

Меня проводили в уютную кухоньку, где пахло ромашкой и еще какими-то травами. Усадили за покрытый накрахмаленной скатеркой стол и поставили кипятиться чайник. Вернее, подвесили. Плиты здесь не наблюдалось, и ее заменял очаг, над которым и примостили начищенную до блеска посудину.

Пока я, сидя на стуле, осматривалась, госпожа Ериша достала из шкафчика пару чашек, вазочку с вареньем и водрузила их на стол. А пока я гипнотизировала взглядом варенье, передо мной опустился еще и пирог.

Я уже говорила, что обожаю эту милейшую пожилую женщину?

О, великие боги кулинарии, дайте этой бабуле вечного здоровья и всегда наполненный продуктами холодильник — пирог был мясным! С такой аппетитной корочкой, косичкой теста по краям и проглядывающим в центре куриным фаршем. Что это именно курица, я определила по запаху. Видать, у меня еще и нюх обострился в дополнение к ушам и хвосту.

— Кушай, деточка, — завершив угощение вазочкой конфет, любезно предложила лучшая из живущих в мире женщин.

Изо всех сил сдерживаясь от того, чтобы не наброситься на пирог аки варвар, я положила себе кусочек и... нет, с таким аппетитом я еще не ела! Даже любимая сырная пицца не приносила такого невероятного удовольствия, от которого я едва не мурчала и

не закатывала глаза.

Пока бабуля снимала чайник, я стянула еще пару кусочков пирога, которые только раздражили аппетит. Даже удивительно. Я, конечно, всегда любила поесть и особо себе ни в чем не отказывала, но сейчас голод был буквально зверским!

Совсем ты, Ритка, одичала... не только снаружи, но и внутри.

Чай мне подали с молоком. Можно я ее все-таки расцелую?

Сделав несколько согревающих глотков, я едва не растеклась по стулу лужицей. Мимолетно заметила, что бабуля снова поднялась и принялась рыться в шкафчике. Затем вернулась за стол, держа в руках маленький холщовый мешочек.

— Так тебя обокрали, говоришь? — развязывая его, поинтересовалась госпожа Ериша.

— Угу, — кивнула я и, немного подумав, честно призналась: — Меня машина сбила, а очнулась я в лесу и без вещей. Подскажите, пожалуйста, где я оказалась? Что это за город?

— Так в Морегорье ты. — Узловатые пальцы справились с веревочкой. — Провинциальный городок у нас, небольшой, всего в девять тысяч душ.

Я на миг задумалась, пытаюсь припомнить, не слышала ли это название раньше. Вердикт — нет, абсолютно точно не слышала.

— А какой стране принадлежит? — спросила, невольно напрягшись.

Бабуля как-то странно улыбнулась и ответила:

— В Истарское королевство вот уже полтора века как входим.

На этот раз даже память напрягать не потребовалось. Ни о каком подобном королевстве я слыхом не слыхивала и всерьез сомневалась, что такое вообще существует.

Только открыла рот, намереваясь уточнить, где оно располагается и почему здесь говорят по-русски, как меня внезапно будто по голове стукнули.

Запахом.

Мятно-лимонный, с легким намеком на горчинку, он исходил из того самого открытого мешочка, в котором виднелись засушенные листья какого-то растения. Перед глазами в один миг заплескали радужные блики, тело как-то само по себе расслабилось, и я отстраненно подумала, что на моем лице расплывается рассеянная улыбка.

Так хорошо стало...

— Не ошиблась, значит, — словно издалека донесся до меня голос госпожи Ериши. — Ну вот и ладненько. Вот и отлично. Давай-ка мы сейчас твою силу в накопители соберем, а то совсем они у меня поистратились...

Пребывая в состоянии между сном и опьянением, я смотрела, как ко мне подносят какую-то штуковину — металлическую, похожую на коробок. Но даже в этой прострации я обратила внимание на переменившуюся бабулю... впрочем, назвать ее ласковым словом «бабуля» теперь не поворачивался язык. Божий одуванчик куда-то исчез, и вместо нее на меня цепким взглядом смотрела хитрющая такая бабка, явно задумавшая какую-то пакость. Разум застлало марево, но интуиция буквально вопила, что я нехило так попала. По полной попала, откровенно говоря!

— А будешь хорошей кисой, я тебе еще кошачьей мяты дам, — произнесла эта... карга.

А казалась такой милой старушкой! Протухшей рыбы ей на голову, а не полный холодильник продуктов!

Дурман частично рассеялся с той же быстротой, с какой накатил. Сознание несколько прояснилось, и теперь я отчетливо поняла, что... что совершенно ничего не понимаю!

Это вообще что такое сейчас происходит?!

Чувствовала я себя донельзя беспомощной, не в силах пошевелиться и хоть что-то сказать. А сказать хотелось много... так много и выразительно, что ни одна цензура бы не пропустила!

— Ух, а и сильная ты! — Смотрящие на меня глаза возбужденно, практически фанатично заблестели. — Вроде же не помнишь ничего, и сила после запечатывания должна быть не та...

Да она чокнутая! Маньячка! Сунула мне под нос какую-то дрянь... кажется, упомянула кошачью мяту? Ну что за наказание! Я теперь и на валерьянку так же реагировать буду?

Я бы даже посмеялась над тем, что все происходящее уже напоминает не просто сюрреалистический сон, а настоящий театр абсурда, если бы главная роль не досталась мне самой. Не знаю, чего старая карга хотела добиться, суя мне под нос металлический спичечный коробок, но мое самочувствие ухудшилось. Накатило легкое головокружение, к горлу подступила тошнота, а внутри все словно льдом покрываться начало — цепким и колючим.

Старушка чуть ли не пританцовывала на месте и выглядела как человек, который вот-вот сорвет крупный куш. Я сделала еще одну тщетную попытку пошевелиться, мысленно успела в очередной раз проклясть этот сумасшедший день, как вдруг раздался грохот. Кажется, кто-то выломал дверь. В прихожей раздались громкие шаги, и через несколько мгновений в комнату вошли трое мужчин, одетых в темно-серую форму.

— Ну что, ведьма, попалась наконец? — усмехнулся тот, на груди которого красовалась крупная нашивка в виде дважды перечеркнутого, заключенного в квадрат круга.

ГЛАВА 3

По госпоже Ерише явно плакал факультет актерского мастерства, поскольку она снова стала той самой милой бабулей, к которой я обратилась на улице. Подняла на него невинные глаза, сделала бровки домиком и беспомощно поморгала.

Не убедись я на собственном примере, что это выражение лица — лишь маска, прослезилась бы!

— О чем вы, господин старший зерр? — непонимающе переспросила госпожа Ериша и, обведя рукой стол, как ни в чем небывало заявила: — Мы вот с моей гостьей чаевничаем.

— Чаевничаете, значит? — Мужчина дал знак своим сопровождающим, и те обступили ее с двух сторон. — А это что такое, не желаете пояснить?

Подцепив двумя пальцами тот самый металлический коробок, он демонстративно им потряс.

— Так жестяночка обыкновенная. — Хозяйка дома снова блестяще изобразила невинную овечку. — Травки там всякие храню...

— Знаю я ваши травки, — поморщился мужчина. — Так. Ребята, эту пакуем до выяснения обстоятельств. А эту...

Его взгляд остановился на мне, откровенно обалдевающей от всего происходящего. Примерно в этот же момент я внезапно осознала, что сжимающий внутренности холод исчез, и более того, я могу шевелиться.

Наличие дара речи проверить не успела, так как меня опередил все тот же неведомой профессии мужик.

— Кто, откуда, регистрационный номер? — перечислил он, глядя на меня в упор. — Если с документами все в порядке, пойдешь как пострадавшая и свидетельница. Хотя... — В его наглых, осматривающих меня глазах появилось сомнение. — Судя по виду, легальным использованием магии здесь и не пахнет...

Дар речи я все-таки проверила, поскольку наконец взяла себя в руки и до поры до времени принципиально решила не обращать внимания на все странности. Сейчас главное — прояснить основные волнующие меня вопросы.

Поднявшись с места и ощутив при этом, как затекли ноги, спросила:

— Я так понимаю, вы представители местной власти?

Взгляд того, к кому я обращалась, стал уж совсем недоверчиво-подозрительным.

Не дожидаясь ответа, продолжила:

— Понятия не имею, что тут сейчас произошло, но вы в любом случае должны мне помочь. Этим утром я очнулась в лесу, как там оказалась — не знаю. И меня обокрали.

Подробности решила опустить и не озвучивать до того времени, пока не окажусь в полицейском — или каком тут у них? — участке. Попутно невольно отметила, что этот... господин старший зерр, как назвала его бабуля-карга, мужик видный. Бессовестно хорош, по правде говоря. Высокий, подтянутый, темноволосый, с легкой щетиной и выразительными чертами лица. Нет, ну правда хорош! Всегда симпатизировала шатенам и щетине. Только вот взгляд напрочь перечеркивает все его достоинства. Смотрит так, как будто я заведомо преступница!

— Командир, гляньте, — переключил его внимание на себя один из сопровождающих. — На полу лежало.

Шатен принял из рук подчиненного знакомый мне холщовый мешочек и принял.

— Кошачья мята? — с сомнением произнес он, покосившись на старушку.

— Так Мурку свою балую, — охотно сообщила старушка. И снова луп-луп большими глазами.

Будто по заказу, именно в этот момент раздалось отчетливое «мяу!», и в кухню вбежала небольшая худоватая кошка. Принюхалась, еще раз мяукнула и бесцеремонно запрыгнула прямо на стол.

— Так, все, — удостоив ее беглого взгляда, произнес шатен. — Здесь закругляемся. Обоих в отделение. Ведьму пока под арест, с девушкой разберусь сам. И, Сэйр, возьми ордер, вернешься сюда для обыска.

После случившегося особой любви к госпоже Ерише я, конечно, тоже не питала, но чтобы представитель правоохранительных органов вот так запросто называл человека ведьмой...

Смутная догадка, родившаяся еще в тот момент, когда я обнаружила свои обновленные уши и хвост, настойчиво лезла в голову, но поверить в нее было страшно. Поэтому я гнала ее прочь, надеясь, что всему еще найдется адекватное объяснение.

Буквально через несколько минут мне предоставилась прекрасная возможность изучить запряженную лошадьми повозку изнутри. Мне предстояло ехать вместе с тремя молодцами, в то время как госпожу Еришу посадили в заднюю часть повозки, которая была зарешечена.

— Как к вам обращаться? — спросила я у шатена, когда повозка тронулась с места.

Его подчиненные молча переглянулись, а он ответил:

— Господин старший зерр.

— Господин старший зерр, — покладисто повторила я. — Будьте любезны, объясните, чего ныне заключенная особа от меня хотела?

Изначально намеревалась спросить совершенно не об этом, но внутреннее чутье подсказывало, что ответ именно на этот вопрос очень важен. Интуиция редко меня подводила, а сейчас вообще казалось, что она обострилась точно так же, как нюх. К слову, только теперь я вспомнила, что, входя в дом госпожи Ериши, как будто в паутину вляпалась. Может, это тоже было своего рода предупреждение от интуиции?

И вот нормальный же вопрос задала: простой и понятный! Спрашивается, почему на меня снова воззрились с вьедливой подозрительностью?

— Хочешь сказать, ты не знаешь? — в свою очередь спросил шатен, не сводя с меня глаз.

— Не припомню, чтобы разрешала мне «тыкать». — Я сложила руки на груди, готовая дать отпор, если это потребуется. — На данный момент никакой вины за мной нет. А даже если бы была, то она еще не доказана. А даже если бы ее доказали, это все равно не давало бы вам права разговаривать со мной в таком гоне. Поэтому, во-первых, прошу обращаться ко мне с элементарной вежливостью. А во-вторых, по возможности отвечать на мои вопросы.

После моих слов в повозке стало тихо. Вот прямо физически ощутимо тихо. Раздавался только цокот копыт и стук колес по мощенной камнем дороге.

Судя по выражению лица, господин старший зерр был... мягко сказать, удивлен. Чем именно, я искренне не понимала — неужели никто прежде не просил его о банальном уважении? Или это только я с первой минуты знакомства удостоилась такого пренебрежительного отношения?

Честно говоря, я почти не сомневалась, что меня сейчас пошлют, и даже приготовилась ответить, но шатен удивил.

— Вы правы, — подчеркнуто вежливо произнес он. — Приношу извинения. Госпожа Ериша, судя по всему, пыталась выкачать вашу силу, отправив ее в накопитель. Из этого следует, что вы тоже обладаете магией, поэтому я и спросил вас о регистрационном номере.

Не знаю, каким чудом мне удалось сохранить лицо, которое так и норовило вытянуться. Помешательство одной конкретной старушки еще можно было понять, но шатен выглядел каким угодно, но только не сумасшедшим.

Пока не узнала детали, из которых можно выбрать линию поведения, я решила молчать. Интуиция не подвела, и ответ старшего зерра действительно стал для меня решающим. Догадка, которую я гнала подальше, стала особо настойчивой, и больше отмахиваться от нее не получалось.

За окном проплывал город, которого в привычной реальности существовать просто не могло. Даже в старых европейских городках встречаются хотя бы какие-то элементы современности, а здесь не было даже намека на них. У меня появились уши и хвост, а сидящий напротив мужчина говорил о магии. Конечно, можно было продолжать тешить себя иллюзией на логичное объяснение всему происходящему, но это было глупо и недалекновидно. Поэтому пришлось признать: Морегорье, расположенное в Истарском королевстве, действительно существует. И существует оно отнюдь не в той реальности, в которой я прожила двадцать один год своей жизни.

Здание, у которого остановилась повозка, располагалось на небольшой замкнутой площади, прямо напротив рагуши. Сложенное из того же темно-серого камня, что и большинство здешних домов, оно имело три этажа и было обнесено черным кованым ограждением. При взгляде на него моя чрезмерно активная интуиция подсказала, что лучше бы мне уносить отсюда свой хвост куда подальше. Но сбегать сейчас казалось затеей сомнительной, да и возможности такой не представилось.

У входа наша процессия разделилась: старушку увел конвой, а я потопала вместе со старшим зерром. В коридорах, по которым мы шли, встречались мужчины в такой же серой, только без нашивок, форме. Практически все приветственно кивали моему сопровождающему, а меня удостаивали лишь мимолетных взглядов. В целом сложилось впечатление, что старшего зерра здесь уважают, и не только потому, что он их начальник.

Кабинет, куда мы пришли, свидетельствовал о том, что старший зерр тот еще педант. На его рабочем месте царил безукоризненный порядок. Все документы лежали листок к листку, папки — уголок к уголку, и даже чашка была вымыта и убрана на полочку шкафа, а единственный стоящий на подоконнике цветок — полит.

Зерр сел за письменный стол, предоставив мне место напротив. Стало совсем неудобно, но показывать волнение я не намеревалась.

Соберись, Ритка! И не в такие переплеты доводилось попадать! Хотя нет. Теперешний кошмар, пожалуй, ничто не переплунет.

— Итак, ваше имя, — опустив подбородок на сцепленные в замок руки, потребовал старший зерр.

— Маргарита Миронова, — расправив плечи, спокойно ответила ему.

Далее меня попросили назвать возраст, адрес проживания и регистрационный номер мага, если таковой имеется. С возрастом проблем, разумеется, не возникло, с адресом тоже, хотя онный заставил старшего зерра удивиться, а вот отсутствие регистрационного номера стало поводом для дополнительных расспросов.

— Вы утверждаете, что не обладаете магией? — посмотрев на меня в упор, спросил шатен и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Послушайте, Маргарита. Ериша — ведьма, нелегально практикующая магию. До сегодняшнего дня ей мастерски удавалось уходить от ответственности, но этим утром она прокололась. Наблюдающий за ее домом зерр заметил, что она привела вас, а потом уловил сильный магический импульс. Силовой накопитель указывает на то, что она хотела выкачать из вас магию — распространенная практика среди нелегалов. Если вы не лжете, то, скорее всего, являетесь непроявленным магом. Ведьма почувствовала в вас силу и решила сыграть на вашей неопытности и неосведомленности. Поэтому я предлагаю следующее. Сейчас наш штатный маг проведет проверку на выявление у вас магической одаренности. Это не займет много времени, а сама процедура безболезненна... почти.

Если говорить вкратце и без изыществ, то мое состояние можно описать одним словом: обалдела. И от количества вываленной на меня информации, и от ее содержания. Да я тут магию как факт принять не могу, а мне пытаются доказать, что я сама ею обладаю! Боже, ну пожалуйста, можно мне ограничиться просто меховыми ушами и хвостом? Хотя бы для начала... а то ведь так и свихнуться недолго.

Собравшись с мыслями, я кивнула:

— Допустим, я пройду вашу *почти* безболезненную проверку. И засвидетельствую нападение госпожи Ериши. Но перед этим вы можете принять мое заявление о похищении и ограблении?

Да, я осознавала, что в родную реальность меня вряд ли вернут. И предполагала, что, возможно, мой случай уникальный или такие вот... попаданки у них в Морегорье гости нежелательные и быстро устраняемые. Но решила попытаться извлечь из ситуации какую-никакую пользу. Вдруг все не так плохо и у них здесь потерянными и обокраденными компенсация положена? Тем более что теперь шатен вел себя предельно корректно. Не смотрел с пренебрежением на мою одежду, не позволял тому же пренебрежению проскальзывать в интонации. Все вежливо и по делу.

— Разумеется. — Зерр достал из кипы бумаг чистый бланк. — Заполняйте.

Задавая уточняющие вопросы, я справлялась с заполнением, а мысленно на всякий случай продумывала пути отступления. Сейчас мое положение было довольно шатким, и чем все обернется — непонятно. Так что я намеревалась разузнать как можно больше, вытянуть из зерра нужную информацию, а потом, в случае чего, сбежать. Но все же рассчитывала, что крайние меры не понадобятся и я получу здесь хоть какую-то помощь.

— Вы уверены, что правильно озвучили местожительство? — в какой-то момент оторвали меня от заполнения бланка.

У-у, дотошный какой...

Может, притвориться, что вообще ничего не помню? А что, вполне себе вариант. Перед тем как ограбить, меня стукнули по голове, и теперь у меня временная амнезия, в голове все перемешалось... ага, а если с такой «травмой» в белые стены отправят?

Я как раз всерьез раздумывала, уж не рискнуть ли мне в самом деле с таким вариантом, когда внезапно раздался звон колокола. Судя по тому, что он был довольно громким, звонили в ратуше.

— Что там еще?.. — негромко пробормотал шатен, приподнимаясь с места.

Тут открылась дверь, и в кабинет стремительно вошел еще один зерр — совсем молодой и зеленый.

— Господин старший зерр, у нас СЧВ, — без промедления сообщил он и зачем-то расшифровал: — Событие чрезвычайной важности.

— Ну? — поторопило его начальство.

— В городе двое мужиков шум подняли. Говорят, в лесу видели... эту...

— Кого? — снова поторопило теперь уже раздраженное промедлением начальство.

Парнишка сотворил смутно знакомый жест, вздрогнул и севшим голосом ответил:

— Ликой.

На то чтобы сложить два и два, у меня ушла пара секунд. Наверное, вот так и чувствуешь себя, когда видишь стремительно надвигающегося к тебе белого пушистого зверька... Да, ко мне приближался песец. Быстро и неотвратимо.

— Ликой? — с сомнением переспросил шатен. — Эти мужики, случайно, горячительного не перебрали? Кто вообще додумался со слов и домыслов сеять панику, звоня в колокол?!

— Так один из них и позвонил, — окончательно разнервничавшись, доложил зерр. — Наши его уже снимать с ратуши пошли...

— Дурдом, — резюмировал господин старший зерр.

Кажется, он собирался что-то добавить, но тут его взгляд остановился на мне и стал задумчивым. С математикой шатен явно дружил, поскольку два и два сложил еще быстрее моего. Точнее, судя по все тому же взгляду, он испытывал серьезные сомнения в своих умозаключениях, и существовал лишь один способ все прояснить.

— Выйди, — не глядя, бросил он подчиненному.

А когда тот ретировался, обратился ко мне:

— Снимите платок.

Песец подобрался совсем близко и потянулся ко мне своими цепкими лапками.

А пути отступления еще не продуманы...

И вот тут передо мной открылись два пути: первый — послушаться и продемонстрировать уши, второй — попытаться проскользнуть мимо и сбежать. Побег казался очень заманчивым, но даже если он удастся, то что делать после? Блуждать по городу, скрываясь от блюстителей правопорядка и ничего не зная о месте, где оказалась? Повторно наступать на те же грабли, что и с пообещавшей «помочь» бабулей, не улыбалось совершенно. Да и от проблем я никогда не бегала, предпочитая встречаться с трудностями лицом к лицу. Поэтому решила рискнуть.

Демонстрируя старшему зерру гетерохромию во всей красе — то есть не сводя с него глаз, я медленно поднесла руки к платку, замерла на короткое мгновение и... решительно его сдернула.

Тут же почувствовала, как дернулись кончики моих расположившихся на макушке ушей, которые потрясенно созерцал господин старший зерр. Серьезно, он выглядел настолько шокированным и одновременно потерянным, что на какую-то секунду мне стало даже смешно. Все-таки предполагать и убеждаться — вещи совершенно разные.

— И что теперь? — сложив руки на груди, нарушила я наступившую тишину.

Наконец прекратив откровенно пялиться на мои уши, точно подросток, впервые увидевший голую девушку, шатен тряхнул головой. Осенять себя защитным знаменем не стал — и то хорошо. Надоело себя нечистью какой-то чувствовать...

С ответом господин старший зерр не спешил. Присел на край стола, шумно выдохнул, помолчал и, снова покосившись на мои уши, глухо спросил:

— Хвост тоже есть?

— Штаны снимать не буду! — тут же предупредила я и честно признала: — Есть.

Вновь возникла тишина. Такая, что стали слышны голоса снующих на улице прохожих.

— Позвольте кое-что объяснить, — опустившись обратно на стул, произнесла я. — Даже не знаю, как начать... В общем, я не отсюда, не из этих мест. Не из этих города, королевства и, похоже, мира.

Ну вот я и произнесла это вслух. Даже как-то легче сразу стало.

Я сильно ошибалась, когда думала, что на меня взирали с потрясением до этого. Нет! По-настоящему ошеломленным старший зерр выглядел сейчас, после сделанного мной признания. Бедняга даже побледнел и ослабил воротничок рубашки. Решив, что ему плохо, я плеснула воды из стоящего на столе графина в стакан и подала ему. Похоже, в какой-то момент от меня хотели машинально отшатнуться, но передумали. Сделав несколько глотков, зерр отставил стакан и принялся рыться в нижнем ящике шкафчика.

— Должно быть здесь... — негромко проговорил он. — Да, определенно здесь...

Если бы я намеревалась бежать, то лучше момента и не придумать. Но бежать мне все еще было некуда, а звать коллег и сажать меня за решетку зерр не спешил. Ну а то, что вел себя сейчас несколько странно, так это в сравнении с остальным — сущий пустяк.

— Нашел! — наконец возвестил он, шлепнув на стол увесистую папку.

Открыв ее, он впился взглядом в первую страницу, долго ее изучал, а затем поднял взгляд на меня. Посмотрел несколько долгих мгновений и снова уткнулся в папку. Вновь шумно выдохнул и что-то процедил сквозь зубы — кажется, ругательство.

Решив посмотреть, что там такое, я обошла стол, тоже заглянула в злополучную папку — и обомлела. Просто превратилась в изваяние! Даже шок зерра не шел ни в какое сравнение с моим, потому что на пожелтевшей от времени бумаге была изображена... я.

Не глядя, дотянулась до графина, придвинула к себе и выпила воды прямо из горлышка. Понадеявшись, что мне на нервной почве показалось, снова глянула на портрет. Нет, не показалось. Это была фотография, только как будто очень старая, плохого качества, с избытком шумов и потертостей. Но, несмотря на это, черты лица сфотографированной девушки были узнаваемы, разве что чуть резче, чем у меня, а смотрела она насмешливо, изучающе, немного свысока. Черные волосы свободно струились по плечам, на макушке торчали такие же черные кошачьи уши, какими я обзавелась нынешним утром. Это было так странно — вроде бы я и не я одновременно.

— Невозможно... — одновременно выдохнули мы с зерром.

— Ты прожила все девять жизней, — ошарашенно посмотрел он на меня. — В последний раз умерла в нашей реальности почти двадцать два года назад, должна была прожить жизнь в ином мире и умереть окончательно... Еще одно перерождение просто невозможно!

Что я там говорила про шок и потрясения?

Чем дальше, тем страшнее...

Даже не заметила, как зерр снова стал говорить мне «ты».

— Что ты несешь? — Как сказала ему «ты» сама, не заметила тоже. — Какие девять жизней? Какие перерождения?!

Это была моя первая реакция — отрицание. Второй стало допущение, что раз уж я признаю существование другого мира и магии, то почему бы не поверить в перерождение душ?

— Простите, — заставила себя извиниться за вспышку. — Я ничего не понимаю. Можете объяснить подробности?

— Ты ничего не помнишь? — В голосе зерра прозвучало сомнение, а затем он повторил, констатируя факт: — Ты не помнишь.

Уже сбилась со счета, сколько раз в нашем разговоре наступала напряженная пауза. Было похоже, что у зерра вопросов ненамного меньше, чем у меня, но это утешало не слишком. С такими новостями в дополнение к песцу нетрудно обзавестись компанией белочки и таки посетить белые стены!

— Помню все, что происходило в моем мире, — уточнила я. — Ну то есть... в девятой жизни, если верить вашим словам. Те, что были до этого, — нет. А вообще, я что, была в Морегорье в каком-то далеком прошлом? Откуда здесь мой портрет?

Учитывая, что мы находились в некоем аналоге следственного отдела и здесь существовало досье на меня — не меня, вряд ли в прошлых жизнях я была пайнкой... Боже, ну ведь это бред какой-то! Как такое возможно?

Старший зерр пожевал губами, явно что-то обдумывая, а затем, прихватив папку, решительно двинулся к двери.

— Идем!

— Куда? — опасливо уточнила я, не спеша идти следом.

— К вышестоящему начальству, — обернувшись, бросил он через плечо. — Будем во всем разбираться.

ГЛАВА 4

«Вышестоящим начальством» оказался мужик преклонных лет, обладающий внушительным пузом и солидным кабинетом. Перед тем как выйти в коридор, я нацепила платок и в кабинет вошла в нем же.

— Норт? — как только мы вошли, обратился пузач к старшему зерру. — Хорошо, что зашел, я уже хотел тебя вызвать. До меня тут слухи дошли, что у нас в лесу ликой видели. Сплетни, конечно, но для проформы проверить нужно. А то народ у нас темный, только дай повод панику поднять... Кто это с тобой?

Последний вопрос сопровождался кивком в мою сторону. И взглядом, выражающим набившее оскомину пренебрежение. Видно, поговорка «встречают по одежке» работает во всех мирах.

Старший зерр коротко мне кивнул, и я, решив, что отступить все равно поздно, стянула многострадальный платок. Причем снимала его с каким-то необъяснимым удовольствием, медленно, неотрывно наблюдая, как меняется лицо развалившегося в кресле мужика. На отсутствие внимания от противоположного пола я не жаловалась, но никогда не сражала своим видом наповал! А всего-то и стоило, что обзавестись меховыми ушами, и вот, пожалуйста — уже который по счету в обморок едва не бухается...

— Да чтоб я сдох... — округлив глаза, выдохнул начальник. — Акира?

— Да чтоб вам жить и здравствовать, потому что я — Маргарита, — возразила ему.

Подавшись вперед, он вглядывался в мое лицо несколько долгих секунд, а потом внезапно подскочил на ноги и выкрикнул:

— Черт знает что, Акира! Ты же умерла! Окончательно умерла!

И, резко переменившись в лице, зачастил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что в тот раз я сделал все, что мог... но казнь была делом решенным, я уже не мог ни на что повлиять... Ты ведь не собираешься мстить? Не для того снова переродилась, да?.. Все кары на мою бедную голову, как у тебя получилось вернуться?!

На некоторое время опешив, я обменялась взглядами со старшим зерром, в глазах которого тоже читалось непонимание. А затем взяла себя в руки, сконцентрировалась и из всей тирады вычленила суть.

— Как вы сказали? — Наверное, в моем голосе отразилось нечто злое, потому что раскрасневшийся пузач отступил на шаг. — Казнь? Моя восьмая жизнь прервалась, потому что меня казнили?

Час от часу не легче!

Но реакция начальника мне понравилась. Если прежде я думала, что ликой здесь боятся из-за суеверий, то теперь закралось подозрение, что дело не только в них. Если уж глава местных правоохранительных органов так от меня шарахается, значит, я и в правду что-то могу? Точнее, могла.

— Она ничего не помнит, — пояснил за меня старший зерр. — Кроме последней жизни, которую провела по другую грань.

Начальник медленно опустил обратно в кресло, не сводя с меня растерянно-ошарашенного взгляда.

Не дожидаясь приглашения, я подошла к его рабочему месту, расположилась напротив и, угрожающе подавшись вперед, потребовала:

— Немедленно рассказывайте все, что знаете о моем прошлом. Или я за себя не отвечаю и разнесу здесь все к кошачьей бабушке!

Это был блеф. Наглый и импульсивный блеф, сопровождающийся внутренним напряжением и нарастающим волнением. Мне требовалось узнать подробности, а ввиду отсутствия у меня воспоминаний важные факты могли от меня утаить или вообще переиначить. Поэтому требовалось действовать напористо, играя на чужом страхе, и быть при этом очень убедительной.

Похоже, актерский факультет плачет не только по госпоже Ерише, но и по мне, потому что пузач проникся. В искусстве уничтожения взглядом я преуспела уже давно, и сейчас оно сыграло мне на руку. Бедняга даже вспотел и, достав из кармашка рубашки платочек, промокнул им лоб и лысину.

Даже забавно — такой важный дядька трясется перед какой-то девчонкой с хвостом...

Норт тем временем придвинул к столу еще один стул и, сев на него, обратил на начальника внимательный взгляд.

— Ты приехал к нам десять лет спустя, поэтому не знаешь, — теперь уже избегая прямо на меня смотреть, проговорил начальник, обращаясь к старшему зерру.

— Я видел ее дело, когда разбирал документы, — произнес Норт. — Изучал его, к тому же слухи еще долго ходили, поэтому кое-что все-таки знаю.

— Вы долго будете говорить обо мне в третьем лице? — напомнила я о своем присутствии. — Я все еще жду ответов.

Судя по виду, пузач лучше пробежал бы десяток километров, чего в жизни своей явно не делал, чем стал бы мне что-то объяснять. Но, видимо, Акира... в смысле, прежняя я здесь имела действительно устрашающую репутацию, поскольку игнорировать меня он не стал.

— Госпожа ликой, — произнес со всем уважением, — предлагаю вам лично ознакомиться с материалами, которые очень кстати захватил с собой старший зерр. Слова бывают пусты, а бумаги — это факты.

Замечание было справедливым, и я, приняв из рук Норты папку, принялась внимательно изучать ее содержимое. Как оказалось, здесь на меня собрали целое досье. Если верить написанному, я прожила в Морегорье аж целых тридцать лет. За оный срок Акира (все-таки решила нас пока разделять, так было проще) умудрилась стать настоящим врагом народа, вызывающим ужас одним упоминанием своего имени.

Опять же, если верить написанному, Акира за свою жизнь преступила закон более ста раз, ей неоднократно предъявлялись обвинения в запугиваниях, нелегальной торговле эликсирами, нанесении ущерба бесчисленному количеству общественных заведений и, как вишенка на торте, массовом убийстве.

— Что?! — Прочитав об убийстве, я едва не подскочила. — Массовое убийство с особой жестокостью? Она... в смысле я не могла такого сделать! Это ошибка!

— Ну... — протянул начальник. — Вы и в то время не сознавались в содеянном. Твердили, что вас подставили, но все факты говорили об обратном.

— Меня за это казнили? — уточнила я.

Он кивнул:

— Видите ли, госпожа ликой... вас не только казнили, но при этом еще и провели соответствующий ритуал, чтобы вы в последний раз переродились в параллельной реальности и там же обрели свое вечное пристанище. Вы и так исчерпали все свои перерождения, а уж после такого...

— Тем не менее я здесь, — прищурившись, перебила я. — И, полагаю, раз за свои прошлые прегрешения я уже сполна рассчиталась, умерев, то теперь свободна от всех обвинений?

Пузач нервно кашлянул.

— Ну, в общем-то... пожалуй, что да.

— Чудно, — тщательно подавляя мысли о том, что, возможно, натворила в предыдущих жизнях, я сосредоточилась на настоящем. — Тогда у меня имеются другие вопросы. Начнем с того, где я жила в Морегорье. У меня был дом?

Кажется, резкой сменой темы я поставила мужчин в тупик. Они молча переглянулись, после чего вместе на меня воззрились. Норт, судя по виду, так и вовсе не понимал, как я могу быть такой спокойной после всего, что узнала.

Ну а я... что я? Да мне биться в истерике хотелось! Но толку-то? При всем том, что мне уже довелось узнать, я все равно никак не могла поверить, что уже жила не один раз. В то, что была убийцей, — тем более. Особенно если учесть, что я и в прошлой жизни настаивала на своей невиновности. Но даже если вдруг этот кошмар — правда, то это была не я. Не та я, которая существовала сейчас. Я не убийца! Может, нелегальным бизнесом и смогла бы заниматься, но только не убивать! Господи, да меня угрызения совести даже за вынужденно позаимствованную одежду съели!

Но обо всем этом можно подумать и позднее. Как и разобраться в том, что случилось двадцать два года назад. А сейчас необходимо как-то устроиться в этом мире и начать хотя бы с крыши над головой.

— Дом был, — немного помявшись, подтвердил начальник. — Вот только...

— Сперва его конфисковали, — продолжил Норт. — Потом горожане объединились и решили его сжечь. Поджог закончился успехом для них и полным поражением для дома.

Настроение стремительно портилось. А когда у меня портится настроение, я становлюсь злой и вредной — никакие морегорские ведьмы не сравнятся!

— Сожгли, значит... — задумчиво проговорила я. — Дотла сожгли?

— Не совсем, — ответил начальник. — Внутри дом выгорел, снаружи еще вполне ничего... Мастерская целой осталась, огонь не брал ее почему-то — тогда еще все этому удивлялись.

— Что за мастерская? — поинтересовалась я.

— Так эликсиры вы там варили, народ спаивали, прости Всевышний, — поморщился начальник. — Головная боль была похлеще, чем от ведьмы какой... Всякую экспериментальную дрянь продавали! «Дрянь» давно изъяли и уничтожили, а мастерская с того времени так и пустует.

Нет, это определенно не могла быть я... или могла?

Так, все! Решила ведь: самокопанием и разбирательством буду заниматься позже!

— Я могу туда вернуться?

Начальник поперхнулся, старший зерр выразительно хмыкнул.

— Разумеется, чтобы некоторое время там пожить, а не варить какие-то эликсиры, — верно истолковав их реакцию, уточнила я. — Мне ведь жить теперь совсем негде...

Последнюю фразу так и подмывало сопроводить умильной моськой кота из «Шрека», что с моими ушами должно было получиться отлично. Но тактику пока все-таки решила не менять. Воспринимают меня как вселенское зло, вот пусть пока так и будет. Глядишь, и вытряхну из них для себя что-то полезное.

— Хорошо, — спустя короткую паузу согласился начальник. — Вы можете занять мастерскую, но с тем условием, что к вам каждый день будет приходиться проверка, дабы убедиться, что вы не взяли за старое. Норт?

— Прослежу, — кивнул тот.

— Идет, — легко согласилась я.

В следующие несколько минут мы сошлись на том, что Норт отведет меня на место сгоревшего дома, но перед этим мне необходимо заполнить кое-какие документы. Как выяснилось, бюрократия здесь пребывала на должном уровне, так что мне должны были выдать некое подобие временного паспорта. А еще мне удалось убедить начальника дать мне копию материалов моего дела. Умильная кошачья моська тут бы точно не прокатила! А вот угрозой в голосе от ликов начальник проникся.

Когда с заполнением бумаг было покончено и мне выдали подкрепленную печатью справку, мы с Нортом собрались уходить. Копии обещали выдать завтра, а пока меня ждал осмотр своего нового — или, учитывая прошлое, старого? — пристанища.

И вот когда мы уже поднялись с мест, в кабинете внезапно повеяло холодом. Дверь едва слышно хлопнула, и, обернувшись на звук, я увидела стоящего в дверном проеме мужчину.

«Страшно красив», — первое, что промелькнуло в мыслях.

Машинально отметила высокий рост, прекрасное телосложение и длинные серебристые, как будто седые волосы, собранные в низкий хвост. Глаза такие же черные, как надетая на нем одежда — несколько странная, но явно дорогая.

«Меня сейчас испепелят, — было моей следующей связной мыслью. — Взглядом».

Мы с этим вождением любительниц фэнтези виделись впервые, а он меня, кажется, уже ненавидел. Искренне и всей душой. За что — непонятно.

— Она пойдет со мной, — неожиданно произнес незнакомец, продолжая смотреть на меня в упор.

«Страшно красив» моментально трансформировалось в «непомерно нагл», а «меня сейчас испепелят» в «с какой стати?».

Голос у него оказался низковатым и отдающим легкой хрипотцой. Такой голос вкупе с выдающейся внешностью навевал ассоциацию с роком. Так и представилось, как он играет на черной гитаре, стоя на освещенной софитами сцене, и трясет распушенными серебристыми волосами на радость пищащим от восторга фанаткам...

— Господин Лафотьер! — поприветствовал тем временем начальник, привстав с кресла.

От меня не укрылся промелькнувший в его глазах страх. И вот непонятно: не то пузач в принципе всего боится, неведомо как заняв высокую руководящую должность, не то пожаловавший гость в глазах местных еще страшнее меня.

То, что произошло дальше, возмутило меня до самой глубины моей недавно переродившейся души!

«Рокер», как я мысленно его окрестила, решительно сократил расстояние между нами и, схватив меня за предплечье, бесцеремонно потянул на себя.

— Господин Лафотьер... — невнятно проблеял со своего места начальник. — Вы не можете вот так просто...

Удерживающему меня мужчине было достаточно выразительно приподнять одну бровь, чтобы пресечь все возражения на корню... точнее, почти все. Я-то никуда с ним идти не собиралась!

Резко выдернув руку, посмотрела в наглые черные глаза и, не скрывая негодования, спросила:

— Какого черта вы творите?

Те самые черные глаза недобро прищурились, отчего по спине моментально пробежал озноб. Было в них что-то такое... темное, пугающее, как будто потустороннее.

Секундную слабость я подавила быстро, расправила плечи и взгляда не отвела.

— Лучше не провоцируй меня, Акира.

Теперь угроза прозвучала еще и в голосе, в котором к тому же проскользнули нотки едва сдерживаемой злости.

— Маргарита! — возразила я. — Меня зовут Маргарита.

В его взгляде отразилось сомнение, которое бесследно развеялось уже в следующий миг. Рост у меня был средним, но сейчас, в сравнении с ним, я ощущала себя неприятно маленькой. Кончики моих ушей едва доставали ему до подбородка, отчего приходилось запрокидывать голову и смотреть на него снизу вверх. А я ведь еще и босиком... сейчас бы каблуки сантиметров на двенадцать!

— Я никуда с тобой не пойду, — заявила непоколебимым тоном. — По крайней мере, пока не пойму, какой в этом смысл и выгода для меня.

Стоящий позади начальник издал какой-то странный, похожий на кряканье звук. Старший зерр от комментариев воздержался и просто наблюдал за разворачивающейся сценой.

— Выгода? — угрожающе подавшись вперед, спросил рокер, и в следующий миг его губы сложились в кривую усмешку: — Тебя даже могила не меняет. Впрочем, я не удивлен.

Прежде чем я успела ответить, начальник неожиданно вышел из-за стола, подошел к нам и нервно произнес:

— Госпожа ликой, вы, верно, не помните господина Йена Трейнара Лиана Лафотьера. Сильнейшего темного мага и нашего внештатного сотрудника по совместительству. Опору и защитника нашего края.

Господина Йена... какого-то там Лафотьера я помнить не помнила и, откровенно говоря, знакомиться заново не испытывала ни малейшего желания. Тем не менее свое имя я уже озвучила, так что, можно сказать, знакомство все равно состоялось.

— И что господину темному магу от меня угодно? — поинтересовалась, изогнув бровь.

Да-да, не только темные маги бровями играть умеют. У меня тоже мимика подвижная!

— Ничего не помнишь? — Теперь злость в его голосе была не сдерживаемой, а откровенной. — И о своем неотработанном долге не помнишь? И как подставила меня, не помнишь тоже? Не прикидывайся, Акира!

Я вскипела:

— Сказала же, меня зовут Маргаритой! Может, я и была когда-то Акирой, но о тех временах не помню вообще ничего! И даже если была тебе должна, то могила, как ты выразился, уже дважды исправила это упущение!

Вот терпеть не могу, когда меня пытаются подавлять. Кошачья натура, не иначе. Внутри тут же просыпается гордость, требующая немедленного выхода наружу, и удержать ее становится практически невозможно.

— Нет, киса, твоя смерть ничего не меняет. — А вот сейчас исходящая от него злость стала ощутимой физически. Кажется, я даже видела появляющиеся вокруг него темные сполохи. — Наш договор завязан не на крови, а на душе. И на этот раз ты свой долг отработаешь. Не сомневайся, теперь я не дам тебе ускользнуть.

— Я тебе не киса! — Я пожалела, что вместо острых когтей мне достался бесполезный хвост.

— Господа, может, вы решите свои проблемы вне моего кабинета? — подал голос пузач, чем заработал два гневных взгляда. — Нет так нет, — тут же пошел он на попятную.

Не знаю, чем бы все закончилось, не вбеги в кабинет тот самый зеленый недоросль, который недавно приходил сообщить о появлении ликой старшему зерру.

Застыв на пороге и приоткрыв рот, он, кажется, забыл, что хотел сказать, наткнувшись на нашу веселую компанию. На мои уши снова откровенно пялились, после чего

сотворили знакомый жест. Причем я так и не поняла, от кого недоросль хотел защититься: от меня или от Лафотьера. Вероятно, от обоих.

— Чего тебе? — В голосе начальника неожиданно прозвучала сталь, которой раньше не было и в помине. — Почему врываешься без стука?

— П-простите, — опомнившись, проговорил недоросль. — Г-господин Лафотьер, я как раз шел к господину Шейру, чтобы он вас вызвал... У нас СЧВ.

— Опять? — хмыкнул старший зерр, на фоне остальных выделяющийся спокойствием и невозмутимостью.

— На погосте беспокойно, — доложил парнишка. — Кажись, опять та кучка нелегалов ритуал проводить пыталась. Господин Лафотьер, вам бы это... вмешаться...

Он посмотрел на старшего зерра и начальника, как бы ища поддержки, и та не заставила себя ждать.

— Простите, госпожа ликой. — Норт сделал акцент на обращении. — Ищите себе другого гида для экскурсии.

Не дожидаясь разрешения начальства и дополнительного приглашения, он стремительно покинул кабинет, видимо отправившись на тот самый погост. Вообще сложилось впечатление, что по-настоящему впахивает, занимаясь важными вещами, именно он, а пузач только занимает кресло большой шишки да перекладывает бумажки.

В какой-то момент подумалось, что Лафотьер откажется и пошлет всех куда подальше, но нет — не отказался.

— Даже не думай сбежать, Акира, — наклонившись совсем близко к моему лицу, процедил он. — До скорой встречи.

Круто развернувшись на пятках, он покинул кабинет так же стремительно, как господин старший зерр.

Недоросль тоже попятился, намереваясь ретироваться, но был незамедлительно остановлен начальником, который с мелкими подчиненными разговаривал так, как не умел с теми, кто сильнее.

— Проводишь госпожу ликой к ее сгоревшему дому, — велел он побледневшему зерру.

На миг недоросля стало даже жаль, до того он перепугался. Но куда больше была маленькая радость за саму себя — и жилище какое-никакое нарисовалось, и отсрочка в продолжении разговора с магом получена. Уж к следующей нашей встрече я подготовлюсь как следует! А пока — смотреть временное пристанище и обживаться на новом месте.

— Веди, — милостиво разрешила я парнишке.

Попрощавшись с начальником, в буквальном смысле двинулась в свою новую жизнь. А когда за мной и моим невольным провожатым закрылась дверь, за той послышался громкий вздох облегчения.

ГЛАВА 5

Идя по городку в компании зерра, я чувствовала себя самой настоящей нечистью. Будучи подростком, я одно время тащила от всего мрачного, рядилась в черные цвета и делала соответствующий макияж. Но даже тогда суеверные бабульки от меня не шарахались так, как сейчас встречающиеся на пути прохожие!

Одна особо впечатлительная дамочка вообще едва не рухнула в обморок, но была подхвачена своим спутником. Спутник был щеделушным, дамочка — дородной, поэтому они рухнули вдвоем — не в обморок, на землю.

— Слушай, — обратилась я к своему спутнику. — Я, конечно, понимаю, что в прошлой жизни была не ангелом. Но почему от меня шарахаются даже малолетки? Они же меня знать не знают! У вас здесь что, ликой в принципе не жалуют?

Зерр дернулся и, с испугом на меня покосившись, уточнил:

— Вы это мне?

— Нет, вон той пробегающей мимо лошади! — съязвила я. — Да прекрати ты так трястись, не съем я тебя! Хотя и голодная.

Вот странно, а я ведь и вправду снова голодна. Не так зверски, чтобы наброситься на ненавистную редиску, но все же.

— Ликой весь простой люд опасается, — осторожно кивнув, подтвердил недоросль. — Вас контролировать невозможно. Вы хитрые, изворотливые, обидишь при одной жизни — вернетесь и отомстите в другой. Магия в вас есть, опять же никогда не знаешь, как она себя проявит.

Он снова опасливо покосился на меня, проверяя, не рассердилась ли я на такие слова.

— Ты продолжай, продолжай, — подбодрила я.

— К черным ликоям отношение особое. Считается, что вы... — он запнулся и скомканно закончил: — ...что вы к тому же несчастья приносите.

Теперь я как никогда сочувствовала бедному черному коту, которому, согласно знаменитой песне, вечно не везет.

— Это же расизм! — возмущившись, фыркнула я. И, немного помолчав, спросила: — А лики обладают только кошачьими ушами и хвостом? Или есть, например, с собачьими?

Недоросль споткнулся.

— Ликой — кошки. — Его страх вытеснило удивление. — Простите... а вы правда ничего не помните?

Я неопределенно пожала плечами. С одной стороны, мне требовалась информация, а с другой — не хотелось расписываться в своей полнейшей неосведомленности.

— Простите, госпожа Акира, — расценив мое молчание как неудовольствие его вопросом, проговорил парнишка.

— Маргарита, — машинально поправила я. — Или Марго. Или Рита, если мы с тобой подружимся.

Зерр споткнулся вторично. Кажется, сама мысль о том, что можно завести дружбу с ликоем, не укладывалась у него в голове. И кто ж его такого пугливого на службу-то взял?

— Тебя самого-то как зовут? — поинтересовалась я, озираясь по сторонам и осматривая местные достопримечательности.

— Феорд, — запоздало представился он.

— Феорд... — задумчиво протянула я. — Можно звать Федей? Или тоже подождем, пока нас свяжут узы дружбы?

Я шутила, а недоросль испугался по-настоящему и поспешно закивал, выражая согласие и на Федю, и на Васю, и хоть на кота лысого.

Некоторое время мы шли в молчании, поскольку меня увлекло рассматривание города. Морегорье оказалось местом красивым, колоритным и каким-то по-особенному уютным. Здесь пахло южным ветром и морем, смолистой корой и цветущими деревьями. Все здания были аккуратными, выдержанными в едином стиле, вдоль тротуаров тянулись симпатичные клумбы, кое-где виднелись небольшие летние базарчики, какие обычно бывают в курортных городах. В палатках торговали деревянными бусами, разделочными досками и платками, разнообразными предметами декора и всякой мелочью вроде собственноручно изготовленных брелоков. Встречались и магазины, и кофейни, из которых тянулся умопомрачительный запах кофе — с горчинкой и легкими пряными нотками. На некоторых улицах меж зданиями просматривались горы, которые обступали город с двух сторон.

Если утром я замерзала, то сейчас было даже жарковато. Мощенные камнем дороги нагрелись, что я сполна ощущала босыми ногами. Надо бы обувью обзавестись, и чем скорее, тем лучше. А еще — найти хоть какой-нибудь источник дохода.

Кстати, об этом...

— Федя, — обратилась я, когда мы свернули на узкую улочку, — а у вас здесь есть фотоаппараты? Судя по тому, что в моем досье была фотка, должны иметься.

— Есть, — кивнул тот. — Но их только в специальных магазинах найти можно, и они — большая редкость.

— А большая редкость стоит недешево, — уловила я главное. — Так у вас здесь что, еще и техника развита? Может, еще и электричество имеется?

На этот раз Федя покачал головой отрицательно:

— Фотоаппараты и некоторые другие приборы к нам из другой грани попадают. Раз в пару лет граница между реальностями истончается и на один день можно переместиться туда и обратно. Вот у нас некоторые и перемещаются, а потом тащат с той стороны всякие штуковины. Только не все у нас приживаются. А элерич... эклерич... в общем, искусственный свет нам обеспечивает магия. Часто покупать ее, конечно, тоже недешево выходит, поэтому простой люд чаще свечами да керосиновыми лампами обходится.

Ого! Получается, у них здесь магия — это товар?

Как же все-таки жаль моего роденького Сапона! Если фотоаппараты здесь такая большая редкость, на нем можно было бы неплохо заработать...

Погрузившись в свои мысли, я уже не замечала ничего вокруг, и из раздумий меня вывел голос Федеи:

— Вот и пришли.

Да-а, не так я себе представляла сгоревший дом, совсем не так...

В одной из прошлых жизней я явно не бедствовала, потому что дом, несмотря ни на что, выглядел внушительно. Двухэтажный, сложенный из серого камня, с добротным крыльцом, не развалившимся за столько лет, и прилегающим к нему немаленьким, заросшим высокой травой и сорняками участком. Ведущая к крыльцу дорожка и та заросла. Мастерская с улицы не просматривалась — видимо, находилась на заднем дворе.

Замерев у поскрипывающей на ветру калитки, я смотрела на свое жилище и силилась что-нибудь вспомнить. Ну должна же я почувствовать хоть что-то, оказавшись в том месте, где прожила не один десяток лет? Но ничего, вот совсем-совсем ничегошеньки не казалось знакомым. Никаких ностальгических чувств и даже захудалого дежавю.

— Ну, я пойду, госпожа Акир... Маргарита.

Отпускать от себя ценный источник информации, безропотно и подробно отвечающий на все вопросы, мне очень не хотелось. Поэтому я попросила Федю ненадолго задержаться, и это «ненадолго» вылилось в добрый час.

Сперва я осмотрела дом. Если снаружи он казался вполне себе ничего, то внутри все обстояло куда печальней. Вместо мебели — мусор, стены, потолок и пол черные, как мои волосы, еще и запах противный — пыли, плесени и горького пепла, чей душок намертво въелся в эти стены. Подниматься на второй этаж по наполовину разрушенной лестнице я не рискнула.

Вердикт, который я вынесла: дом для жилья непригоден. Но может стать пригоден, если вложить в него немаленькую такую сумму, которой у меня нет. Да что там, у меня сейчас и на сомнительные беляши, от которых я всегда воротила нос, денег нет...

Пройти к мастерской оказалось не так-то просто. Пробираясь сквозь разросшиеся и достающие до колен сорняки, я больше всего боялась наступить на какую-нибудь змеюку и нацеплять клещей... брр, гадость!

После увиденного в доме я ожидала, что и мастерская будет выглядеть ненамного лучше, но меня ожидал приятный сюрприз. Она располагалась в небольшом одноэтажном деревянном строении. И, в отличие от дома, здесь все оказалось с точностью до наоборот: снаружи стены и крыша «подкопченные», а внутри — чистые, не считая толстого слоя пыли. Скромных габаритов прихожая вела в комнату, где имелось два заросших паутиной окна. А из нее, в свою очередь, можно было попасть в еще одну комнату, чуть большего размера. О том, что находилось здесь раньше, можно было только гадать. Но я предположила, что первая служила чем-то вроде гостиной, а вторая — непосредственно мастерской. Мебель, разумеется, отсутствовала, но я была рада уже тому, что после уборки этот своеобразный домишко вполне сгодится для ночлега.

Ура! Я теперь не бомж! Без гроша в кармане, но все-таки с определенным местом жительства!

Еще на улице я заметила один любопытный факт. Домов на этой улочке было немало, но вокруг моего жилища образовалась такая зона отчуждения. Соседние здания явно были нежилыми. Наверное, никто не хотел жить рядом с погорелым домом, некогда принадлежавшим одной из ликоев, которую к тому же считали убийцей. А может, у меня и при жизни соседей не было...

— На поздравления с новосельем рассчитывать не приходится, — обронила я вслух. — Слышь, Федька, а в городе работу какую-нибудь найти можно?

Он воззрился на меня в молчаливом изумлении.

— Может, вам в конторе работник пригодится? Хоть уборщица какая...

К молчаливому изумлению добавился такой же молчаливый ужас.

Нет, так дальше определенно нельзя.

— Феорд, — мягко обратилась к нему полным именем. — Ты же добрый парень, я вижу. Вот сколько тебе? Лет шестнадцать?

Ошарашенный моим тоном, он медленно кивнул.

— Вот, ты уже взрослый человек. Работаешь на страже порядка, а значит, защищаешь горожан. Я теперь тоже житель Морегорья. И у меня сейчас нет ничего, кроме вот этого самого дома и вещей, что на мне надеты. Но что еще хуже, мне совершенно некому доверять и не на кого положиться. Вообще-то я привыкла справляться со всем сама, но сейчас меня ждут настоящие трудности. И я была бы очень рада, если хотя бы кто-нибудь в этом городе отнесся ко мне с пониманием. Наверное, в прошлых жизнях я заслужила то отношение, которое сейчас на себе испытываю. Но теперь я — совершенно другой челове... другая ликой. Я не собираюсь причинять никому зла. Поэтому, пожалуйста, не нужно от меня шараться.

По мере моей речи Федя округлял глаза все больше и больше, а в конце я добила его вопросом:

— Так вот, раз ты по долгу службы заботаешься о жителях Морегорья, не желаешь немного помочь и мне?

С такой стороны мою ситуацию Федя явно не рассматривал. А я — да, немножко схитрила, немножко сыграла на его чувстве долга, подведя к нужным мне выводам. Но в целом говорила от сердца и чистую правду, да и выживать ведь как-то надо.

И в дополнение, как прохладную мороженку в жаркий день, добавила:

— Я в долгу не останусь. Когда придет время, обязательно вспомню, кто мне помог.

В своих предположениях, что этот парнишка до предела совестливый, ответственный и, чего уж там, сострадательный, я не ошиблась. Он не проникся ко мне мгновенной симпатией и сочувствием, но по его изменившемуся взгляду я поняла, что лед тронулся.

— Чем я могу помочь? — собравшись с духом, спросил он.

Скорее всего, в большей степени им сейчас двигало упомянутое мною чувство долга, потому что ретироваться он по-прежнему был явно не прочь. Судя по виду, ожидал, что сейчас с него потребуют как минимум туго набитый кошелек. Но я хоть временами и наглая, но все же не настолько. Начинать нужно с малого.

— Тряпкой, шваброй и ведром, Федя. — Я мило улыбнулась и, обведя широким жестом комнату, добавила: — Нужно здесь прибрать.

Тряпка, швабра и ведро были мне предоставлены примерно через полчаса. Федя жил неподалеку, и на то, чтобы смотаться домой и обратно, много времени не ушло. Кроме того, он, не иначе как по доброте душевной, притащил мне внушительного размера сверток, который оказался толстым одеялом. Благодарности моей не было границ, но, к сожалению, пока я могла выразить ее только на словах.

Велико было желание поэксплуатировать Федю еще немного, но я понимала, что и без того слишком его задержала. Поэтому отпустила, взяв обещание, что он еще заглянет ко мне после работы. Бедняга, кажется, понял, что попал, но возражать не пытался.

После его ухода я принялась за дело.

Мама дорогая, сколько же здесь было пылищи и мелкого мусора!

Используя швабру вместо веника, сперва подмела — непрестанно чихая и шарахаясь от полчищ откормленных пауков. Арахнофобией не страдаю, но и большой любви к восьмилапым никогда не испытывала. Так что выселяла их без зазрения совести, а заодно и разрушала их сплетенные по углам «дома».

Когда дело дошло до влажной уборки, встал вопрос, где брать воду. На кухне в доме я видела кран, но на то, что из него польется вода, рассчитывать не приходилось. Еще раз обойдя участок, я обнаружила на заднем дворе неподалеку колодец, теряющийся в зарослях. Неудивительно, что сразу его не заметила! Не участок, а непроходимые джунгли!

Из колодца ощутимо тянуло тиной, но самое главное — вода в нем была. Пока я, приспособив ведро, ее доставала, сетовала на то, что не попросила Федю раздобыть мне хоть какую-нибудь обувь. Ноги саднили ужасно!

Пока занималась уборкой, я гнала от себя мысли о том, как буду налаживать жизнь в Морегорье. Мне требовалась хотя бы небольшая пауза, во время которой можно забыть, кто я теперь такая и где оказалась. Вместо этого раздумывала над тем, что нужно вырубить на участке лишние деревья и выкосить траву, расчистить дорожки от упавших веток и прочего хлама. Как это буду осуществлять — дело десятое, но жить в такой разрухе невозможно. Терпеть не могу беспорядка и грязи!

Вообще странно, что дом не снесли. Он ведь портит общий вид улицы и не вписывается в ряды своих аккуратных собратьев. И вообще похож на жилище из фильмов ужасов, если

уж честно. Хотя, может, именно поэтому сносить и побоялись? Если уж даже большие начальники у них здесь от черных ликоев шарахаются...

Первое впечатление оказалось обманчивым, и в мастерской пришлось убираться долго. Провозилась я до самого вечера, но зато от пыли не осталось ни следа. Что странно, плесени здесь совсем не было, и вообще это строение могло вполне сойти за новое. Даже деревянный сруб нигде не почернел! Словно бы оно и не стояло заброшенным больше двадцати лет...

За этот долгий день я так устала, что хотела только одного: упасть хоть куда-нибудь и провалиться в сон. Но рано ложиться спать в моей ситуации было непозволительной роскошью. Кое-как, преодолевая брезгливость, я умылась колодезной водой, постелила одеяло в первой комнате, присела на него и тяжело вздохнула.

А ведь еще вчера большее, что меня заботило, — это защита диплома и обработка свадебных фоток...

Мысли, которые я гнала от себя целый день, навалились скопом. Я вдруг отчетливо осознала, что все — прежней жизни больше нет. Может, мне когда-нибудь и удастся смотаться в свою покинутую реальность, но это уже не важно. Теперь мой дом в обширном понимании — здесь. И не в обширном, кстати, тоже.

Самым болезненным было воспоминание о родителях. Мы давно жили отдельно, виделись не так часто, как хотелось бы, но я их очень любила. И сейчас просто сердце кровью обливалось при мысли, что они почувствуют, когда узнают, что я... умерла? Пропала? Как они это переживут? И как переживет мой младший братишка, который грядущей осенью должен пойти в восьмой класс? С ним у нас частенько случались стычки, но и его я очень любила. Он меня тоже.

Ощувив, как к глазам подступает влага, я решительно потрянула головой.

Нечего нюни распускать! Грань между мирами раз в несколько лет истончается? Истончается. Шанс попасть в родной мир есть? Есть. С ушами и хвостом постоянно там жить, конечно, не получится, но если не сумею обустроиться здесь, то рассмотрю и такой вариант. С родными в любом случае можно будет повидаться или в крайнем случае передать им о себе какую-нибудь весточку.

Как раз в тот момент, когда я вернула себе какое-никакое душевное равновесие, пришел Федька. И не с пустыми руками, а с очередным, на этот раз небольшим, свертком, в котором оказался щедрый кусок пирога.

— Мать сегодня пекла, — протянув мне угощение, неуверенно проговорил он.

Я невольно напряглась. В последний раз, когда меня угощали пирогом, закончилось все моим обездвижением, отсутствием дара речи и бог весть чем еще. Федя выглядел еще безобиднее госпожи Ериши, но кто его знает...

С улыбкой поблагодарив, я положила сверток рядом с собой, хотя на него и хотелось наброситься немедленно.

— Я материалы своего дела еще толком не успела изучить, — сказала, посмотрев на Федьку. — Еще многого о себе прошлой не знаю. Может, ты в курсе, чем я занималась помимо нелегального производства... мм... эликсиров?

Федя почесал затылок, нахмурился и припомнил:

— Кажется, у вас здесь раньше много грядок с разными травами было. Для эликсиров как раз. Сами по себе травы не запрещенные и очень редкие, так вы их, насколько я слышал из разговоров, нашему аптекарю местному продавали.

Я встрепенулась:

— Очень редкие, говоришь?

Не откладывая дела в долгий ящик, отправилась на поиски бывших грядок, прихватив с собой Федю. А дабы использовать драгоценное время с максимальной пользой, попутно

принялась расспрашивать его о Лафотьере.

О нем Федя отзывался одновременно и со страхом, и с большим уважением. Оказалось, что темные маги в этой реальности — такая же редкость, как фотоаппараты, поэтому их умения ценятся в буквальном смысле на вес золота. Раньше Лафотьер жил в столице и даже был приближен ко двору, но около двадцати лет назад приехал в Морегорье, заняв принадлежащий его предкам особняк. О причинах такого переезда Федя не знал, но, как и все, был рад, что у них в городке появился свой темный маг.

Больше всего меня заинтересовали даты. Сейчас Лафотьеру на вид можно было дать лет тридцать, не больше.

— Так темные маги живут гораздо дольше людей и простых магов, — мечтательно пояснил Федя.

— А ликой? — тут же поинтересовалась я.

Кажется, Федя забыл, что нужно меня бояться, потому что впервые ответил спокойно и без заикания:

— Про них почти ничего не известно. Вы скрытны очень, оттого в людях и селится страх. По слухам, на каждую жизнь вам отмерено по сто лет, если, конечно, жизнь не прервется насильственно. При этом вы совершенно не стареете — как перерождаетесь молодыми красавицами, так ими и умираете.

Опомнившись и поняв, что только что сказал, Федя запылал как маков цвет. А я порадовалась. Вот это действительно здорово — не стареть!

То, что некогда было грядками, обнаружилось все на том же заднем дворе. Что это именно грядки, стало понятно по невысокому полуразвалившемуся заборчику вокруг них. Пока набирала воду в колодце, я его видела, но почему-то не придавала особого значения. А зря! Ибо кое-какие травы здесь росли до сих пор. Среди них я различила только мелиссу и вербену, остальные были незнакомы. Ценные они или нет, не знали ни я, ни Федя, но я решила, что собрать травы в любом случае стоит. Вдруг аптекарь и впрямь согласится их купить?

Вечер плавно угасал. Уже смеркалось, на темнеющем небе появлялись первые звезды, и я решила, что приключений на мой хвост за сегодняшний день и так выпало предостаточно. Поэтому подумала, что знакомство с аптекарем можно отложить до утра.

Проводив Федю до калитки, я, в который по счету раз наступая на горло собственной гордости, попросила:

— Слушай, а ты не мог бы... завтра с утра принести мне какую-нибудь обувь? Любую, хоть самую захудалую! Потом я обязательно отблагодарю тебя за помощь.

Федя поспешно кивнул, скользнул по мне быстрым взглядом и почему-то снова покраснел.

Когда он ушел, я доплелась до мастерской, где обессиленно рухнула на свою импровизированную кровать. Развернула пирог, принялась и, не обнаружив ничего подозрительного вроде кошачьей мяты, быстро с ним разделалась. Пирог оказался рыбным, и у меня разве что за меховыми ушами не трещало во время его поглощения.

Хотела еще почитать материалы о себе, но сил уже не было никаких.

Наверное, лежать на полу было жестко, несмотря на постеленное одеяло, но я этого даже не заметила. Просто раз — и мгновенно отключилась, заснув без задних лап.

ГЛАВА 6

Я вышагивала по тронутой солнцем дороге в удобных сандалиях и глубоко вдыхала утренний воздух. Платок на голову не замотала принципиально, рассудив, что местным о моем появлении уже все равно известно и шифроваться смысла нет. Пусть привыкают.

Направлялась я в аптеку, которая, по словам Феди, должна была вот-вот открыться. С собой прихватила несколько пучков трав, решив не тащить все сразу, а просто разузнать, подходят они для продажи или нет.

Аптеку я нашла довольно быстро. Подошла к ней как раз в тот момент, когда худощавый невысокий старичок отпирал дверь.

— Господин Грилл! — имя я заранее узнала у Феди.

Обернувшись на мой оклик, аптекарь застыл, точно изваяние, и выронил связку ключей.

— Акира? — неуверенно, но без тени страха позвал он. — Так, значит, это правда... а я думал, что слухи, как всегда, врут.

Господин Грилл без лишних вопросов пригласил меня пройти внутрь и сам вошел следом, закрыв за нами дверь. Аптека оказалась небольшой, пропахшей горько-пряным запахом трав. На витрине были выставлены разные настойки, лежали мешочки с травяными сборами и разнообразные непонятного назначения камни.

— Как же так, Акира? — Черед расспросов все-таки настал. — Как же ты сумела вернуться?

Аптекарь и впрямь совершенно меня не боялся. В этом мире он был первым, кто не шарахнулся от меня как от прокаженной и, кажется, даже обрадовался нашей встрече, хоть и постеснялся открыто выразить свои чувства. Но все же я не знала наверняка, какими были наши отношения в прошлом и насколько можно доверять ему теперь. Поэтому вдаваться в подробности не стала.

— Это не так важно, — уклонившись от ответа, я опустила на прилавок небольшие пучки трав. — Знаете, что это?

Поправив круглые очки, господин Грилл взял травки, растер их между пальцами, понюхал и хмыкнул:

— Ну, разумеется! — Следующий адресованный мне взгляд был озадаченным: — А ты разве не помнишь?

— Просто скажите, готовы ли вы их купить и сколько дадите, — попросила я, снова уйдя от ответа.

Аптекарь удивился, но больше вопросов задавать не стал и озвучил свою цену. Из предложенных трав его заинтересовала всего одна, поскольку вырастить ее ему никак не удавалось, да и купить ее было не так-то просто. Это была лунова — очень привередливое растение, которому приписывали мистическую связь с чем-то потусторонним. За пучок такой травы мне было предложено десять ру. У все того же Феди я узнала, что из себя представляют местные деньги, и озвученная сумма была вполне приличной. Если продам несколько пучков травы — смогу прикупить и одежду, и сносную обувь, и умывальные принадлежности, и на еду еще останется.

— Двадцать, — тем не менее возразила я.

— Двенадцать, — тут же отозвался господин Грилл.

В итоге мы сошлись на пятнадцати. Более того, договорились, что лунову я буду поставлять ему каждую неделю, по пять пучков за раз. Срывать все сразу было нельзя, поскольку сорванная она теряла свои свойства в течение нескольких дней.

— Что ж вы ее не собирали, пока мой дом пустовал? — поинтересовалась я. — Во дворе ее пруд пруди.

Аптекарь укоризненно покачал головой:

— Да как же можно? Дом хоть и пустой, а все ж чужой. Не привык я по чужим огородам лазить.

Я не поверила. Что-то мне подсказывало, причина заключалась в другом, а не в его совестливости и не в страхе, но свою подозрительность я показывать не стала. Как бы то ни было, теперь у меня на руках имелось целых тридцать ру, и мне просто не терпелось скорее потратить их на всевозможные полезности.

Правильно тратить деньги — целое искусство. А правильно тратить деньги, когда у тебя совсем нет личных вещей, — искусство в квадрате.

Отоваривалась я на небольшом рынке, раскинувшемся неподалеку от центра. Вид шарахающихся прохожих откровенно достал, и руки так и зачесались надеть-таки платок, но я удержалась. Только шире расправила плечи, гордо вскинула голову и уверенно пошла вдоль торговых рядов.

Торговали здесь всем подряд. В одной части — продуктами, в другой — хозяйственными принадлежностями, в третьей — одеждой. Начала я, разумеется, с одежды, и это было целое представление. Судя по всему, продавцы были бы рады при моем приближении повесить на своих палатках табличку «закрывать», вот только таких табличек у них не имелось. Впрочем, были и плюсы: все покупатели, завидев меня, ретировались и я могла спокойно, без очередей примерить все, что приглянулось.

В итоге я обзавелась хлопковым сарафаном — светлым, длиной ниже колен, двумя комплектами белья и плетеной сумкой. Затем такими важными вещами, как мыло, расческа, зубная щетка и зубной порошок. Подумав и посомневавшись, прикупила еще небольшую подушку, на которую мне при первой же просьбе сделали громадную скидку. Не забыла и про самый обыкновенный амбарный замок, скидка на который тоже оказалась ощутимой. Все-таки есть свои плюсы в том, чтобы быть ликоем!

В завершение порадовала себя несладкой выпечкой, яблоками и литровой баночкой молока, которое сразу же выпила.

Чувствовала себя на порядок лучше, чем вчера. Настроение значительно поднялось, я радовалась приобретенным обновкам, заключенной сделке с аптекарем и погожему дню. Прежде чем идти домой, заглянула в общественную купальню. Вообще-то я намеревалась сильно экономить, но отказать себе в удовольствии нормально вымыться не смогла, тем более что посещение купальни стоило совсем недорого.

Надо ли говорить, что я имела счастье мыться в гордом одиночестве? При моем приходе нежащиеся в парилке женщины бежали, роняя тапки. Та же картина ждала меня и в небольшом горячем бассейне, который я проигнорировала, предпочтя расположившийся рядом душ. Тот факт, что в Морегорье есть водопровод, невероятно радовал, и самый обычный душ я сейчас считала за высшее счастье. Несмотря на нелюбовь к воде, стоять под упругими теплыми струями было невероятно приятно. А еще приятнее — выходить из купален чистой аки младенец и облаченной в новую одежду.

Свободу хвосту! — так можно охарактеризовать смену штанов сарафаном.

Вернувшись домой, я выгрузила из сумки покупки и, немного посомневавшись, положила на их место рубашку и штаны. Конечно, можно было оставить эти вещи себе, но начинать новую жизнь с воровства — не лучший вариант. Так что я решила вернуть их туда, откуда взяла.

Прихватив папку со своим досье, я повесила на дверь мастерской купленный замок и отправилась к морю.

Шла пешком, погружаясь в атмосферу Морегорья и подмечая новые детали. Самое потрясающее, что было в этом городке, — воздух. Такой свежий и вкусный, что хотелось взять большую ложку, черпать его и есть, наслаждаться не переставая... Горы в своей жизни я видела всего единожды, когда в детстве ездила с родителями в Карпаты. Но здесь они были совсем другими — большими, точно окружившие город каменные великаны, о пятки которых бьется недремлющее море...

Я не привыкла унывать и закидываться на неудачах. Если возникали какие-то проблемы, всегда старалась их решить. А если проблемы решению не подлежали, то просто принять это как факт и не трогать нервы попусту. Вот и сегодня, взглянув на свою ситуацию свежим взглядом, пришла к выводу, что печалиться о прошлом бесполезно и глупо. В конце концов, многие мечтают начать жизнь с чистого листа, а мне вот предоставился такой шанс. Еще и сто лет в запасе, тратить которые на нытье я уж точно не собираюсь.

Чем ближе я подходила к морю, тем ближе мое настроение подползло к отметке «замечательное». Пока все складывалось лучше, чем могло бы, но расслабляться не стоило. Мне еще предстояло разобраться во многих вещах, найти работу получше, чем сомнительная поставщица луновы, и отремонтировать дом. Потому что жить в мастерской, какой бы симпатичной она ни была, я все сто лет не намеревалась.

А еще ведь можно путешествовать...

Никогда не была склонна делить шкуру неубитого медведя, а сейчас что-то, незаметно для самой себя, размечталась. Слышащийся впереди шум моря подействовал, не иначе.

С возвращением одежды проблем не возникло. Удача снова явила мне свой прекрасный лик, и в хижине никого не оказалось. Я повесила рубашку со штанами туда же, откуда вчера их позаимствовала, и пошла на пляж. Видимо, этот пляж не пользовался большой популярностью, потому что он был пустынным даже сейчас, теплым днем. Конечно, в мае морская вода вряд ли напоминала парное молоко, но и слишком кусаться тоже не должна была.

Подойдя ближе к морю, я села прямо на песок, не щадя новенького сарафана, и достала из сумки досье. Ну-с, госпожа Акира, пришла пора нам познакомиться поближе...

По ощущениям, я просидела за изучением материалов около получаса. К моей досаде, практически ничего нового о себе не узнала. Либо за мной в той жизни плохо следили (а что зерры следили, я не сомневалась), либо я шифровалась с поистине кошачьей ловкостью. Судя по всему, местные власти пытались разузнать про мое прошлое, но все, что им удалось выяснить, — что я родилась на острове Небесной кошки, а в Морегорье проживала свою восьмую жизнь. Про темного мага и наши с ним взаимоотношения не было ни строчки.

Интересно, а где мы познакомились — здесь, в Морегорье? Или задолго до, например, в столице, где он долгое время жил?

— Не густо, господа, не густо, — хмыкнула я, обращаясь к зеррам. — Раз уж я так досаждала вашему городку, могли бы и больше информации обо мне нарыть.

Единственное, что еще привлекло мое внимание, — это упомянутый в числе прочих прегрешений дебош. В материалах сообщалось, что я вышла из себя в Горчицном сквере и разнесла там все к чертям кошачьим. Причем не абы как разнесла, а с помощью Силы — вот так, с большой буквы. Только что там за Сила такая, к сожалению, не сообщалось. Вообще-то подобных случаев упоминалось немало, но все они были схожи, так что о них говорилось вскользь.

Нет, ну теперь я, конечно, понимаю, почему меня так боятся... Акира, по-видимому, терпением не отличалась и вообще была особой нервной. Вредной и особо ни с кем не церемонящейся.

М-да... если разговор с желудком еще можно считать относительно нормальным явлением, то обращение к прошлой себе в третьем лице — точно признак начинающейся шизофрении!

Сложив папку обратно в сумку, я поднялась и уже хотела уходить, но что-то заставило меня задержаться. Наверное, солено-рыбный запах и свежесть, летящие с моря вместе с прохладными брызгами. Лижущие берег волны, шипящие в легком недовольстве, набегающие и тут же уходящие, утягивающие с собой мелкие камешки.

Решив, что при всей нелюбви к воде быть возле моря и хотя бы не помочить ноги просто грешно, я подошла ближе. И вот волны уже не шипят, а зазывно мурлычат, совсем как

довольные котята, ластятся и лижут ступни. Только языки у них не теплые и шершавые, а прохладные и ласковые, как шелк...

— Киса решила искупаться? — внезапно раздалось за моей спиной.

Помяни... мага темного!

Резко обернувшись, я увидела его стоящим буквально в паре шагов от меня. На губах кривая усмешка, а черные прищуренные глазищи смотрят... нехорошо так смотрят, до пробежавшего по позвоночнику предательского холодка.

— Что-то ты долго, — насмешливо фыркнула я. — С делишками своими темными справиться не мог?

— А ты успела соскучиться? — Лафотьер приблизился на шаг.

— Разумеется, — с дерзким бесстрашием, которого совсем не чувствовала, я тоже шагнула к нему. — Прямо-таки хвост чешется узнать, что господину темному магу от меня нужно.

— Все еще настаиваешь на том, что ничего не помнишь?

— Все еще мне не веришь? — в тон спросила я. — Слушай, у меня нет ни малейшего желания ходить по одному и тому же кругу. Я не хомяк в колесе. Хочешь что-то сказать — говори по существу.

Я даже заметить не успела, как Лафотьер оказался совсем рядом — неуловимо и стремительно. Желая избежать чрезмерно близкого контакта, я чуть отступила, снова оказавшись в воде. Он снова двинулся на меня, я сделала еще один шаг в море. Когда вода стала доставать до колен, пятиться мне надоело, и я уже открыла было рот, намереваясь обрушить на голову мага поток возмущения, когда он вновь заговорил:

— За тобой неотработанный долг, Акира. — Черные глаза снова прожигали. — Ты станешь моим фамильяром. На всю эту жизнь.

Показалось, что даже волны притихли, переваривая полученную информацию.

Мой ступор длился ровно столько, сколько я вспоминала значение слова «фамильяр» и всего, что с ним связано. Никогда не увлекалась всякими магическими штуками, но, кажется, фамильяр — это что-то вроде зверушки-помощника при ведьме. Вот только стоящий передо мной тип — ни разу ни ведьма, а я — не какая-то там зверушка, черт побери!

— Кем стать? — переспросила, желая уточнить. Мало ли, вдруг я ошибаюсь или смысл слова в этом мире совсем другой.

— Фамильяром, — повторил Лафотьер тоном, который мне совсем не понравился. Впрочем, мне сейчас вообще все не нравилось. — Личной, находящейся в моем полном подчинении помощницей.

Я прямо-таки подавилась возмущением.

В полном подчинении? А больше он ничего не захотел?!

— Извращенец! — негодуяще выпалила я.

— Темный маг! — яростно возразил он, словно это я ему непристойное предложение сделала. — И полное подчинение подразумевает совсем не это! У нас договор!

— Да чхать мне на договор! — Внутри все так и кипело. — Не буду я никому подчиняться, а тем более тебе! И вообще, еще посмотреть надо, что там за договор такой, может, он вообще липовый!

В следующий момент его глаза потемнели настолько, что радужка полностью слилась со зрачком. А интонация стала вкрадчивой, но от этого еще более угрожающей:

— Посмотреть, говоришь? Прекрасно, ты сама попросила.

Реакция у меня всегда была что надо. Я даже в каком-то смысле ею гордилась. Но на этот раз она подвела, и Лафотьер исхитрился оказаться быстрее. Когда меня одним ловким движением подхватили и перекинули через плечо, я только и смогла, что вскрикнуть. А потом, когда наглющий и не имеющий совести темный маг двинулся вдоль берега, принялась вырываться, царапаться и даже попыталась кусаться. Правда, в том положении, в котором я висела, укусить могла разве что его пятую точку, так что пришлось ограничиться брыканием и царапанием.

— Чокнутый! Маньяк! — не унималась я, пока меня тащили по пляжу. — Извращенец!

— Ты повторяешься, — невозмутимо ответили мне.

Кажется, настроение мага резко изменилось, и нынешняя ситуация стала его в некотором роде забавлять. Это обстоятельство взбесило еще больше!

— Ты куда меня тащишь?! — спросила, не заботясь о том, что меня могут услышать.

Увидь меня кто-нибудь в таком положении, и все — великой и ужасной репутации конец.

— Смотреть договор. — Голос Лафотьера снова звучал невозмутимо. — Он находится у меня дома.

Следующие несколько минут я хвасталась обширностью своего бранного словаря, но волокущий меня маг на это никак не реагировал. А когда его ноша начинала особо рьяно брыкаться, просто сильно ее встряхивал и как ни в чем не бывало шагал дальше.

Дойдя до конца пляжа, Лафотьер стал подниматься вверх по узкой тропе. Солнце припекало, путь, судя по виду, был достаточно сложным, и я искренне надеялась, что ему сейчас несладко. Хотя о чем это я? Зараза темная даже не запыхалась!

Примерно на середине пути пришло понимание, что дом, куда меня сейчас бесовестно тащили, я уже видела. Это был тот самый, одиноко возвышающийся на скале особняк, который я заметила накануне.

Поняв, что сыпать оскорблениями и угрозами бессмысленно, я перестала вырываться, расслабилась и уже совсем другим, ровным тоном сказала:

— Пусти.

Маг даже не думал останавливаться.

— Серьезно, опусти меня на землю, — потребовала спокойно. — Я пойду сама.

Удивительно, но на сей раз ко мне прислушались.

Оказавшись стоящей на своих двоих, я послала Лафотьеру злой взгляд, мысленно пожелала ему получить солнечный удар и спалить свою светлую кожу, после чего, решительно его обойдя, устремила наверх.

Подниматься и в самом деле было нелегко. Откровенно говоря, я вообще не представляла, как он тащил меня столько времени. Но скорее бы мышь дохлую съела, чем показала ему свою слабость! Поэтому, не обращая внимания на покалывание в боку, держалась выбранного темпа.

Когда подъем был пройден и я оказалась на скале, захотелось упасть и тихонько умереть. Но мы, кошки, создания гордые, выносливые и всяким темным магам своей усталости не демонстрируем!

Тихо выдохнув, я обвела взглядом местность и к своему неудовольствию была вынуждена признать, что Лафотьер не бедствует. Даже издалека особняк выглядел внушительно, а уж вблизи! Большой, трехэтажный, но при этом не громоздкий. Вот только темный и мрачный, как раз под стать владельцу! Ограждение отсутствовало, но что-то мне подсказывало, что и без него желающих соваться сюда без спросу не находится.

Скалистый выступ плавно сменялся участком покрытой короткой травой земли. По обеим сторонам от массивной темной двери раскинулась пара клумб, выглядящих

откровенно печально. Одну из стен увивал зеленый плющ, тянущийся от земли до самой крыши — похоже, единственное выжившее рядом с Лафотьером растение. Яблоньки — и те усохли, не выдержав его общества.

Пока я осматривалась, маг молчаливой тенью стоял позади, а когда пошла к двери, двинулся следом. Думает, что я могу попытаться сбежать?

Могу, но не стану. И впрямь нужно посмотреть, что там за договор такой. Если он в самом деле существует, то потребовать проведения экспертизы на подлинность. Лично у меня после нашего недолгого общения доверия к темным магам нет никакого!

Вероятность того, что меня притащили сюда совсем не для того, чтобы ткнуть носом в треклятый договор, а с какой-то иной целью, я тоже не исключала. Но, как бы то ни было, убежать все равно не собиралась. Ибо расписываться в страхе — еще хуже, чем демонстрировать усталость!

Входная дверь оказалась плотно прикрыта, но не заперта — еще одно доказательство, что никакой вор в здравом уме сюда не сунется. Если приплюсовать к этому всеобщее отношение к Лафотьеру, выражающееся в непоколебимом страхе, то...

Мысль так и осталась недодуманной, поскольку, открыв дверь, я наткнулась на *нечто*. Нечто, очень смахивающее на... зомби! Не знаю, как мне удалось не заорать, увидев потрепанного жизнью... точнее, смертью, вырядившегося в костюм дворецкого мужчину преклонных лет. Костюм был как с иголки — явно новый, идеально вычищенный и выглаженный, с аккуратной бабочкой. А вот его обладатель был, может, и идеально вычищенный, но уж точно далеко не новый. Не первой свежести, так сказать.

— О, хозяин, у нас гости? — Похоже, мой приход его удивил.

Расшаркавшись, полумертвый дворецкий посторонился и отвесил церемонный поклон, приглашая меня войти. Когда переступала порог, собственные ноги казались деревянными, голова — готовой взорваться от переизбытка острых ощущений. Хотя я тот еще любитель пощекотать себе нервишки фильмами ужасов, одно дело — увидеть зомби на экране и совсем другое — в реальной жизни прямо перед собой.

Впечатленная дворецким, на обстановку холла я практически не обратила внимания. Машинально отметила лишь общие темные тона, ведущую наверх массивную лестницу и висящие на стенах картины.

— Простите мне мою бестактность, госпожа, — вновь заговорил дворецкий. — Но я впервые в своем посмертии вижу ликоя. Не соблаговолите ли вы ответить, какую по счету жизнь проживаете?

— Десятую, — ответила я чисто машинально.

Хотя вежливость дворецкого подкупала. Вот все бы так ко мне обращались!

Мой ответ заставил зомби округлить единственный уцелевший глаз. Он уже снова открыл рот, намереваясь что-то сказать, но его опередил Лафотьер.

— Не сейчас, Крикко, — бросил он и, обращаясь ко мне, пригласил: — Ну, пройдемте в кабинет, *госпожа* ликой.

Обращение прозвучало откровенно издевательски, и я показательно фыркнула. Моей внутренней кошке так и захотелось снова выпустить когти, чтобы расцарапать самодовольную физиономию, но я ее сдержала. Вместо этого, непроизвольно подняв хвост и наострив уши, чинно прошествовала в указанном направлении.

ГЛАВА 7

Весь особняк был выдержан в одном стиле, и как-то сразу становилось понятно, что он стоит на этом самом месте уже много-много лет. Интерьеры, конечно, мрачноватые, но в отсутствии вкуса того, кто его строил, не упрекнешь.

Вот только... как же здесь было грязно! Пылищи почти столько же, сколько в моей мастерской! Полуразвалина-дворецкий, видимо, провести влажную уборку был не в состоянии, но Лафотьер хоть иногда мог бы тряпку в руки взять! Или у темных магов на чистоту аллергия?

В кабинете, куда мы пришли, царил кавардак. Если бы мне предложили надеть Лафотьера титулом, я бы назначила его королем хаоса. Почему-то сразу вспомнилось рабочее место старшего зерра, где все было чистенько, аккуратненько, разложено с предельной педантичностью.

Нет, ну ладно существовать, а ориентироваться в этих завалах как?!

Каким-то непостижимым образом темный маг в своем кабинете таки ориентировался. И очень хорошо ориентировался, поскольку договор мне был продемонстрирован незамедлительно. Лафотьер подошел к столу, дернул на себя выдвижной заедающий ящик и извлек из него подсвеченную фиолетовым цветом бумажку.

Класс... теперь еще и бумага светится!

Тот факт, что пылью оказались покрыты даже сиденья кресел, окончательно уверил меня в том, что гостей в этом доме не бывает — ни неожиданных, ни запланированных. Присесть на слой пыли — совсем не то же самое, что посидеть на пляжном песочке, новый сарафан на этот раз было жалко, поэтому пришлось читать документ стоя.

Чем дольше я читала, тем хуже мне становилось. Даже под ложечкой засосало — противно так, гаденько. Потому что если все, что здесь написано, правда...

Собственно, сам текст был небольшим. В нем всего-то и упоминалось, что я в ответ на услугу от господина Лафотьера обязуюсь служить ему фамильяром одну из своих последующих жизней. Внизу две подписи и печать.

Забывшись, на креслице я все-таки присела... осела, точнее сказать, потому что подпункты договора подразумевали, что фамильяром я обязана быть действительно всю жизнь. Любую.

Как я могла такое подписать?! Как?! Да никогда бы не согласилась на подобную глупость! На целых сто лет отдать себя в полное пользование темному магу — это ведь безумие!

— Это подделка. — Хотела, чтобы прозвучало утвердительно, но получилось вопросительно и самую малость с надеждой.

— Подлинник, — возразил присевший на край стола Лафотьер.

— На слово тебе я не верю и настаиваю на проведении экспертизы, — тут же озвучила я свое требование и без перехода запальчиво воскликнула: — Бред! Что за услугу ты мог мне оказать, чтобы я подписалась под такими условиями?! Если это правда, то как ты меня заставил?

— О нет, киса. — Он сложил руки на груди и слегка прищурился. — Заставлять пришлось меня. Моя помощь была слишком ценной, и я долго раздумывал, стоит ли оно того.

Сначала показалось, что он опять издевается, но нет, маг был серьезен. И самое поганое заключалось в том, что сейчас, глядя на него, я уже знала, каким окажется итог экспертизы. Чувствовала всем своим нутром, что Лафотьер не врет, но все равно не хотела этого признавать.

— И что за услуга? — уняв эмоции и заставив голос звучать ровно, спросила я. — Что ты сделал для меня такого, что я согласилась прислуживать тебе целую жизнь?

На этот раз с ответом Лафотьер не спешил, занятый тем, что всматривался в мое лицо так, словно видел его впервые. И в первый раз за время нашего общения я заметила, как в глубине его черных глаз зарождается, а потом и открыто проявляется удивление.

— Так ты и правда ничего не помнишь... — не сводя с меня взгляда, задумчиво произнес он.

— Долго же до тебя доходило! — съязвила я и сложила руки на груди, непроизвольно желая оградиться и от него с его чрезмерно внимательным взглядом, и от условий треклятого договора.

Не обратив внимания на мои последние слова, он ответил на ранее заданный вопрос:

— Последние свои жизни ты провела нескучно. С завидной регулярностью светилась в сомнительных историях, обзавелась множеством связей и в один прекрасный день решила, что неплохо бы присвоить одну ценную вещицу из королевской сокровищницы. *Очень* ценную вещицу, государственной важности. Обзавелась парой известных в криминальном мире поделщиков и успешно обчистила монаршую семью. Только вот не учла, что вещица, помимо своей исключительной ценности, обладает еще и проклятием. С помощью последнего узнать, кто именно вор и где он находится, было вопросом пары часов.

Я слушала и... изумлялась, если выражаться культурно. Если все действительно так, то где в прошлых жизнях были мои мозги? Где, я спрашиваю?! Неужели за сотни лет жить стало так скучно, что меня потянуло на такие вот адреналиновые приключения?

— Избежать кары не удалось бы даже тебе, при всей твоей ловкости и потрясающему, должен признать, умению увилить. И простой казнь дело бы не ограничилось. Тебя бы посадили в камеру, заточенную специально под ликоев. Умирая, ты перерождалась бы в ней снова и снова, пока не исчерпала все жизни. Такая участь хуже мгновенной смерти, не находишь? Коротать век за веком в четырех стенах, в абсолютном одиночестве и не видя белого света.

Стой я на ногах, осела бы в кресло повторно, даже не вспомнив о сохранности нового сарафана. Да уж... и впрямь незавидная участь. Кража — это, конечно, ужасно, и даже думать не хочется, что когда-то я была способна на большее, чем заимствование штанов и рубашки, но почему наказание такое суровое? Пожалуй, руку за воровство отрубить — и то гуманнее...

— Потому что ты — ликой, — словно прочитал мои мысли Лафотьер. — Это только в последнее столетие ваши права стали во что-то ставить. До этого весь ваш род подвергали гонениям, надевали магические, блокирующие силу ошейники и принудительно ссылали на тяжелые работы.

Жесть! Вот серьезно — жесть, другого определения и не придумать! Да воровство в сравнении с таким варварством — просто пустяк... на тех, кто такое творил, ошейники бы надеть!

— Как только ты поняла, что попала, сразу пришла за помощью ко мне, — произнес тем временем Лафотьер.

— На тот момент мы были знакомы? — уточнила я.

— Да. И не сказать, что это знакомство было приятным. Но это не помешало тебе вломиться в мой дом среди ночи, — усмехнулся он. — На тот момент я являлся придворным магом. В моих силах было решить твою проблему, но это был большой риск. Ты сама выдвинула предложение стать моим фамильяром на пятьдесят лет, но в итоге мы сошлись на целой жизни. Практически любой фамильяр для темного мага — редкость и большая удача, не говоря о том, если им становится ликой. Перспективы в магии открываются поражающие воображение, и я согласился. Мы составили договор, скрепив его магически и завязав на твоей душе, а не крови, поэтому он действует до сих пор.

Лафотьер замолчал, и повисла недолгая пауза. Я молча ожидала продолжения, заранее чувствуя, что оно мне не понравится. Это было понятно хотя бы даже по стремительно

мрачнейшему лицу мага и его взгляду, тяжесть которого стала ощутима буквально физически.

— Да, я согласился. — Когда он вновь заговорил, в кабинете стало будто бы холоднее. — Но не учел того, с кем имею дело. С хитрой, эгоистичной особой, беспринципной до мозга костей. Как только я избавил тебя от следов украденного артефакта, проклятие снова вернулось на него. За несколько секунд до этого ты успела внести некоторые изменения в совершаемую магию. Артефакт посчитал ворованием меня, а буквально через считанные секунды у моего дома оказался целый гарнизон. Я поставил магию отвода, но ты, пока я был занят артефактом, успела повлиять и на нее, поэтому местоположение артефакта вычислили.

Все оказалось еще печальней, чем мне представлялось.

Неужели я в прошлой жизни и впрямь была такой беспринципной стервой? Нет, я и сейчас не ангел, эгоистичная в меру... но вот именно, что в меру! Подставлять так человека, который мне же помогает, сейчас точно бы не стала!

— На тот момент я был бесконечно удивлен твоей наглостью и ловкостью, поэтому тебе удалось уйти, — добавил Лафотьер. — Королева поверила в мою невиновность, но доказательств твоей причастности больше не существовало. Тем не менее от занимаемой должности меня все равно отстранили — не за кражу, а за то, что меня сумела провести лжкой. При дворе решили, что я тряпка хватку.

На несколько мгновений мне его стало даже жаль. Но себя было жаль больше — ту себя, которая существовала сейчас. Потому что я не помнила ничего из им рассказанного и никак — ну вот вообще никак! — не могла поверить, что все это совершила. Но и интуиция подсказывала, что маг не врет.

Тот еще взрыв мозга...

— Ты рассчитывала, что меня надолго посадят и исполнять свою часть договора тебе не придется. Но просчиталась. — В черных глазах мага застыл опасный лед, а его губы сложились в жесткую усмешку. — В прошлый раз я не успел, потому что тебя казнили раньше. Но на этот раз ошибки не допущу. Ты отработаешь все сполна, лжкой. Акира ты или Маргарита, мне без разницы.

Я его понимала. Нет, правда понимала. Только вот легче от этого не становилось. Свой хвост к телу ближе, поэтому в первую очередь меня волновала собственная судьба. Прошлые прегрешения — дело десятое, их я уже искупила сполна, и в моей нынешней жизни им не место. Что-то мне подсказывало: стоит мне стать фамильяром Лафотьера, и на мне отыграются так, что захочется снова помереть.

С другой стороны, во всем нужно искать плюсы. Главное — деловой и вместе с тем творческий подход.

— Допустим, отработаю, — кивнула я, побарабанив пальцами по подлокотнику. — Но сперва экспертиза на подлинность твоей бумажки — объективная, беспристрастная, в присутствии меня и независимого эксперта.

— Хор-р-рошо, — прямо-таки процедил Лафотьер. — Будет тебе экспертиза. Объективная и беспристрастная. Но не надейся получить отсрочку, проведем ее сегодня же.

На другое нельзя было и рассчитывать, хотя глубоко в душе надежда робко теплилась.

— Прекрасно, — снова кивнула я, стараясь не выдавать нервозности. — Теперь предположим, что подлинность договора будет доказана. Каким образом я стану фамильяром? Что будет входить в мои обязанности? Какой оклад буду получать?

Если недавно в глазах Лафотьера на миг отразилось удивление, то теперь в них проступило недоверчивое и очень большое изумление.

— Оклад? — выразительно изогнув бровь, переспросил он.

— Ну ты же сам сказал, что я буду твоей помощницей, — невозмутимо рассмотрела отсутствие своего маникюра. — Помогать — значит работать. А любая работа должна

быть оплачена.

Похоже, с такой точки зрения на роль фамильяра темный маг не смотрел. Не удивлюсь, если вообще никто не смотрел.

— Узнаю Акиру. — Лафотьер покачал головой. — У твоей наглости вообще есть границы?

— Моей наглости хочется что-то есть, что-то надевать и желательно в целом не бедствовать, — отрезала я. — Так что там с обязанностями?

Только он собрался мне ответить, как в коридоре послышались быстрые приближающиеся шаги, а в следующую секунду до нас долетел голос дворецкого.

— Хозяин! Хозяин, к вам посетитель! — Дверь кабинета отворилась, демонстрируя стоящего на пороге зомби во всей его посмертной красе. — Выйдете или прикажете спровадить?

Недовольно поморщившись, Лафотьер кивнул мне, предлагая следовать за ним.

Ну да, оставил бы он меня одну в кабинете, где хранится договор...

Посетителем оказался смутно знакомый мне мужик. Он топтался практически на самом краю скалы, не решаясь подойти ближе к особняку. Сначала я не поняла, почему его румяная бородатая физиономия кажется мне знакомой, а потом вспомнила, что это его вместе с дружкой я видела, очнувшись в лесу.

— Господин Лафотьер! — Мужик нервно сминал в руках шапку и от волнения разве что в ножки магу не бухнулся. — Спасайте, господин Лафотьер! Привидение у меня в доме завелось!

Я негромко, но выразительно фыркнула, чем привлекла внимание мужика и... В который там раз от меня пытаются оградиться защитным жестом? Надо самой его выучить и при таких вот суевренных болванах воспроизводить!

— Какое привидение? — В интонации мага прозвучало раздражение пополам с насмешкой. — Опять с приятелем с утра пораньше надрались?

— Небом клянусь, привидение! — Еще один охранный жест, на этот раз адресованный уже не мне. — У меня вещи сами по себе то появляются, то пропадают... Вот позавчера повесил в рыбацкой хижине одежду сушиться, прихожу потом, а ее нет! Ну, думаю, сперли. А сегодня просыпаюсь, значицца, смотрю на улицу, а там оно — привидение! Лица-то я не видел, но в белом оно было... и одежду мою, значицца, обратно на веревки развешивает!

Слушая этот рассказ, я кусала губы, сдерживая порыв расхохотаться. Вот так проснешься одним весенним утром и обнаружишь, что ты теперь ликой. Проснешься другим — а тебя уже в привидение переквалифицировали!

— И что дальше? — осведомился Лафотьер, который, кажется, тоже едва сдерживал улыбку.

А не все потеряно, оказывается, в нашем темном королевстве. Мы еще и улыбаться почти умеем...

— Дальше-то? — Мужик на миг растерялся. — Так это, я глаза зажмурил от страха, знаменем себя осенил, а как глаза обратно открыл, так и исчезло привидение!

— Вместе с одеждой? — уточнил Лафотьер.

Мужик отрицательно замотал головой:

— Не, и штаны, и рубаха мои так на веревках висеть и остались.

— Что ж, в таком случае не вижу причин для беспокойства, — с предельной серьезностью ответил маг. — Привидение одолжило одежду, а потом вернуло. Больше оно тебя не побеспокоит.

В ножки магу мужик таки бухнулся, причитая, как он премного благодарен и как рад, что в Морегорье есть такой сильный темный маг, защищающий простой люд от всякой скверны. Говоря о скверне, бородач бросил на меня исподлобья быстрый взгляд и снова украдкой осенил себя знаменем.

Да сам он... скверна краснощекая!

Когда мужик наконец надел многострадальную, изрядно помятую шапку и, непрестанно кланяясь, вознамерился уйти, у Лафотьера появился еще один посетитель. Незнакомый зерр пришел с другой стороны. Точнее приехал, поскольку неподалеку от дома стояла двуколка с впряженной в нее взмыленной лошастью.

На его появление маг отреагировал совсем не так, как на приход бородача. Мгновенно став сосредоточенным и теперь уже по-настоящему серьезным, без предисловий спросил, что случилось.

— Еще одна кучка любителей на погосте собралась, — отчитался тот. — Опять ритуал провести пытались. Неудачно, понятное дело, но последствия без вас не разгрести...

Не дослушав, Лафотьер громко свистнул, и в следующий момент из распахнутых дверей конюшни выскочил вороной жеребец — красивый, поджарый, с шелковистой, развевающейся в движении гривой.

Оторвав взгляд от коня, я посмотрела на зерра, потом на Лафотьера, снова на зерра и решила, что настало самое время удалиться. Особого восторга от вида кладбищ я никогда не испытывала, делать мне там сейчас нечего, поэтому...

— Куда собралась? — предугадал мое желание Лафотьер. — Забирайся в двуколку, с нами поедешь, — и, убедившись, что делать этого я по-прежнему не собираюсь, резонно заметил: — Ты же хотела узнать о своих будущих обязанностях? Вот сейчас все и увидишь.

В двуколке я ехала в первый раз и, должна сказать, машина, байк или, на худой конец, велосипед порадовал бы меня больше. К тому времени, как мы приехали к погосту, я отбила все заднее место, поскольку сиденье не отличалось мягкостью, а дорога — гладкостью. Как оказалось, спуск с другой стороны скалы был плавным, практически неощутимым, вот только выбоин и кочек на дороге присутствовало слишком много.

Лафотьер скакал впереди, предоставляя нам с зерром лицезреть свою спину и круп лошади. Смотрелся он внушительно... Лафотьер, в смысле, не круп. К своему неудовольствию отметила, что в седле он держится просто блестяще. Если бы я вздумала сесть верхом, чего не делала ни разу в жизни, то наверняка походила бы на болтающийся из стороны в сторону мешок картошки.

Вся дорога заняла от силы минут пятнадцать. Погост оказался довольно-таки большим, встречающим покосившимися от времени надгробиями и разросшимися, поскрипывающими на ветру соснами. По территории уже сновали зерры и, честно говоря, вливаться в их теплую компанию у меня не было ни малейшего желания. Не из-за самих зерров, разумеется, и не из-за кладбища, а ввиду воспоминаний о дворцеком. Почему-то возникло стойкое ощущение, что здесь я могу увидеть кое-что похуже, чем галантно распахивающий передо мной дверь зомби...

И все же из двуколки пришлось вылезать, морщась от боли в отбитой части тела. Следуя за своими провожатыми, я вошла на территорию погоста через распахнутую кованую калитку и сразу учуяла едкий запах гари, перемешанный с хвойным. Все зерры уже, видимо, были осведомлены о появлении в городе ликоя, поскольку на мой приход отреагировали вполне спокойно. Никаких защитных жестов и шараханий. Адаптируются мужики! Впрочем, в настоящий момент их гораздо больше волновало появление темного мага, которого здесь, судя по всему, заждались.

— Снова тот же самый? — с ходу спросил Лафотьер.

— Да, — ответил старший зерр, которого я сразу не заметила. — Не пойму, зачем уже вторая кучка недоумков пытается поднять нежить? У них же ни силы, ни мозгов на это не хватает...

— Что, опять подростки? — хмыкнул маг.

— В том-то и дело, — кивнул Норт. — Поголовное помешательство какое-то!

Двигаясь за ними, я осматривалась, хотя ничего примечательного в округе не было. Обычное такое кладбище, с надгробиями, цветочками, виднеющимся неподалеку склепом и противно гудящими комарами — вот уж кто точно нечисть кровопийская!

Подойдя к тому самому склепу, мужчины остановились, и я вместе с ними. На первый взгляд здесь не было ничего необычного, только вот воздух казался каким-то слишком плотным, вязким, словно бы потемневшим. На примятой траве валялись оплывшие черные свечи, осколок зеркального стекла и пара чаш.

Фу, мерзость какая! Никогда экстрасенсов, колдунов и иже с ними не любила. Хотя сейчас почему-то казалось, что вся эта атрибутика — просто пшик, шарлатанская мишура. А вот то темное, что повисло в воздухе, — вполне себе настоящее.

Бросив взгляд на Лафотьера, обнаружила, что тот присел на корточки и, брезгливо подцепив чашу, тут же бросил ее обратно.

— Все выглядит как инсценировка, — поднявшись, произнес он. — Эти вещицы бесполезны. Простое баловство недоумков, которым больше заняться нечем, кроме как шнырять по погосту. Но остаточная магия сильная.

— Складывается впечатление, что кто-то занимался здесь чем-то более серьезным, чем попытка шутки ради поднять нежить, — уловив направление его мыслей, кивнул старший зерр. — А это, — он обвел жестом разбросанные колдовские атрибуты, — нашвырял, чтобы отвлечь внимание. Так же, как вчера.

Больше комментировать ситуацию Лафотьер не стал, приступив к тому, зачем приехал. Бросив на меня беглый взгляд, он встал неподалеку от входа в склеп и, сложив руки в странном жесте, принялся беззвучно что-то шептать. Наверное, при других обстоятельствах я бы посмеялась, но сейчас стало несколько не по себе. На каком-то ином, не физическом уровне я ощущала исходящую от него Силу — тоже с большой буквы, мощную и опасную. Она въедалась в воздух, сливалась с темным маревом и тут же уничтожала и его, и противный запах гари.

Когда с этим было покончено, Лафотьер вошел прямо в склеп, предварительно поманив меня за собой. Входить внутрь мне совершенно не улыбалось, но неприятные ощущения заглушило любопытство. Пройдя следом за магом, я заметила, что замок на двери сломан — никакой магии, обычная грубая сила и лом, который валялся поблизости. Это натолкнуло меня на мысль, что либо стайку подростков действительно спугнули и они бежали отсюда сломя голову, либо маг с зерром правы и все это — лишь отвлечение внимания от чего-то важного.

В склепе тоже стоял отвратный и душливый запах гари, к которому примешивалось что-то травянисто-сладкое. Темная дымка здесь была еще более плотной, похожей на застывший вязкий туман.

— Хочешь сказать, что, будучи фамильяром, мне придется каждый раз таскаться с тобой на такие вот «задания»? — закрывая нос рукой, прохрипела я.

— Не каждый, но часто, — ровно ответил не пробиваемый вонью Лафотьер. — Наша связь позволит мне тратить гораздо меньше силы, черпая ее из тебя.

Я так опешила, что даже о вонии забыла:

— Чего?! Что значит, будешь черпать силу из меня?

На ум сразу же пришло мое недавнее приключение с госпожой Еришей, когда та тоже пыталась отобрать у меня часть того, что здесь именуется силой. Ощущения не из приятных, мягко говоря.

Проигнорировав мои возмущенные реплики, Лафотьер вновь сконцентрировался. На этот раз избавление от остаточной магии потребовало больше времени. «Туман» исчезал очень медленно, нехотя, но силы оказались неравны, и в конце концов он вынужденно

капитулировал, не оставив после себя ни следа. В какой-то момент я заметила, что один из перстней мага приглушенно мерцает и меняет цвет. Сначала он был светло-фиолетовым, а к тому времени, как «туман» развеялся, сделался практически черным.

— Не желаешь задержаться? — спросил старший зерр у Лафотьера, когда мы вышли из склепа.

Только теперь я обратила внимание, что Норт — единственный, кто обращается к магу на «ты». Да и вообще возникло ощущение, что они неплохо ладят и связаны если не дружескими, то по крайней мере приятельскими отношениями.

— Это не моя работа, — отрицательно качнул головой Лафотьер, но спустя мгновение добавил: — Если организуешь мне срочную экспертизу на проверку подлинности магического документа, задержусь.

Что за документ нужно проверить, Норт уточнять не стал и обещал поспособствовать. Только ссылаясь на то, что сегодня и без того работы выше крыши, сказал, что организует экспертизу завтра. Лафотьер, как ни странно, возражать не стал, и я, таким образом, получила пусть небольшую, но все-таки отсрочку.

Теперь задерживаться на погосте смысла не было точно, и я собралась уходить.

— Госпожа ликой, — неожиданно окликнул меня старший зерр.

Обернувшись, вопросительно на него посмотрела.

— Вечером ждите с проверкой.

Точно, совсем забыла. Мое жилье же намереваются непрестанно обыскивать, проверяя, не взялась ли я за старое. Ну никакого покоя нет! Впрочем, визит старшего зерра можно обернуть себе на пользу. К завтрашнему дню нужно постараться выяснить как можно больше о фамильярах и их обязанностях. А старший зерр может оказаться прекрасным источником такой информации.

ГЛАВА 8

Подходя к своему дому, я еще издали заметила околачивающегося у забора Федю. При моем приближении он вздрогнул, но, кажется, больше от неожиданности, чем от страха перед ликой.

— Привет служащим, — улыбнулась я и, открывая калитку, спросила: — Просто так или по делу?

— Узнать про травы хотел, — скороговоркой протараторил он, топая за мной. — Убедиться, что с аптекарем все сладилось.

— Сладилось, сладилось, — покивала я. — Не волнуйся, часть долга тебе уже сейчас отдам.

Прямо-таки затылком чувствовала, что Федька смутился.

— Да не надо мне ничего отдавать... — пробормотал он.

Отперев мастерскую, я пригласила его войти, и когда мы оказались внутри, решила не терять времени попусту. Да, старший зерр мог разбираться в нюансах лучше рядового, но два источника информации — лучше чем один. Если вдруг мне в чем-то соврут, можно будет, так сказать, сверить показания.

— Федь, что ты знаешь о фамильярах? — без предисловий спросила я прямо в лоб.

Мой вопрос стал для него очередной неожиданностью, застав врасплох.

— О фамильярах? — поморгав, удивленно переспросил он. — Да так, немного...

Перед тем как изложить все ему известное, Федя достал из сумки нечто, смахивающее на термос, две чашки и сверток, в котором оказались сырные, изумительно пахнущие лепешки. Еще тепленькие, с подтаявшим на них сливочным маслом, они так и просились в рот, только надписи «съешь меня» не хватало.

— Фе-эдь, — протянула я. — Даже для моей эгоистичной и наглой природы это слишком. Я ведь уже обзавелась кое-какими деньгами, с голоду не умираю, так что не обязательно приносить мне еду.

Тон лица парнишки почти сравнялся с медным цветом его вьющихся волос.

— С пустыми руками в гости не ходят, — не глядя на меня, произнес он. — Мама в меня это с детства вбивала.

Я улыбнулась и вкрадчиво уточнила:

— А мама знает, кого ты ее кулинарными шедеврами угощаешь?

Федька заалел как маков цвет — даже уши запылали! — и пробормотал нечто невнятное, что, скорее всего, можно было расценивать как отрицательный ответ. Вообще-то я редко проникаю к людям быстрой симпатией, но сейчас был как раз тот самый случай. Федька мне нравился и своей застенчивостью, и проявленным ко мне участием. Если еще вчера он помогал мне явно из страха, то сейчас, кажется, именно по доброте душевной. Рыжий, со слегка смахивающим на картошину носом и россыпью веснушек, он походил на луч света и одним своим видом заставлял невольно улыбаться.

Заметив на себе мой чрезмерно пристальный взгляд, Федя покраснел еще больше и придвинул ко мне термос и лепешки. Разлив по кружкам горячий чай, я подвинулась, предлагая ему сесть рядом на матрац, и, когда он, немного поколебавшись, занял предложенное место, напредила о вопросе:

— Так что там с фамильярами?

— Ну... сейчас это явление довольно редкое, — уткнувшись взглядом в чашку, произнес Федя. — Чтобы призвать фамильяра, нужно немало сил положить и магией мощной обладать. Фамильяры спутники ведьм обычно. Раньше вроде как у них помощники

сильные были, а теперь измельчали... летучие мыши там всякие, кошки, лягушки иногда.

Ну, спасибо! Это меня что, к жабам да обычным кошкам приравняли?

Тут же вспомнилось, что у госпожи Ериши в доме тоже обитала кошка. Интересно, просто домашний питомец или фамильяр?

— Вот ты говоришь — у ведьм, — задумчиво протянула я. — А у темных магов фамильяры бывают?

— Бывают, — подтвердил Федя. — Только еще реже. Раньше... — Он запнулся, бросил на меня быстрый взгляд и продолжил: — Раньше ими ликой становились. У вас... у ликоев, в смысле... прав тогда практически никаких не было. Ликой скрывались, и на тех, кого отлавливали, надевали специальные магические ошейники. Кого потом на работы отправляли, а кого продавали желающим темным магам. У обычных магов сил на создание привязки попросту не хватало, поэтому ликой-фамильярами обзаводились только темные, да и то далеко не все.

Эта история, которую я не так давно слышала от Лафотьера, снова возродила в душе жгучую злость и обиду. По всему выходит, что в те времена я тоже жила, и отсутствие воспоминаний ничего не меняет! Что, если меня тоже когда-то отлавливали, отправляли на работы и продавали? Что я вообще знаю о себе той, прежней, прожившей не одну сотню лет? Какую боль мне довелось испытать, какие тяготы пережить? Может, мой давний скверный характер, чрезмерный эгоизм и нелюбовь к окружающим — это не порок, а закономерно появившаяся защитная реакция?

Стараясь не показывать того, что кипело внутри, я как можно более ровно уточнила:

— И для чего нужны фамильяры? Какую работу они выполняют? В настоящее время у них хоть какие-то права есть?

— Говорю же, сейчас фамильяры, а в особенности сильные и разумные — это редкость, — терпеливо повторил Федя. — Но если говорить о ликоях, то да, многое изменилось. Теперь никто не может принудить их к магической связи, они должны дать добровольное согласие. Насчет работы, которую они выполняют... Да разную, в основном помогают хозяину, исполняют его поручения. Я не очень в этом разбираюсь, честно говоря.

На слове «хозяин» я прямо-таки заскрежетала зубами. Да скорее себе хвост отгрызу, чем назову кого-нибудь хозяином, особенно Лафотьера!

Заметив мою реакцию, Федька вздрогнул и на всякий случай отодвинулся на самый краешек матраца. А я, чтобы не сломать зубы, вцепилась ими в мягкую лепешку, которую прожевывала с остервенелой злостью. Сыр, как это обычно со мной бывало, немного успокоил и вернул благодное расположение духа.

Ничего-ничего, мы еще посмотрим, кто на чьих нервах играть будет!

Федя пробыл у меня весь свой обеденный перерыв. Его компания была мне приятна, и хотелось верить, что это взаимно. Мы пили вкусный травяной чай, ели лепешки и болтали ни о чем. Ничего полезного Федя больше рассказать не смог, но зато я расспросила его о Морегорье, местных жителях и их нравах. Со слов парнишки, народ здесь жил простой, за последнее время в городке ничего интересного не происходило. Самое крупное преступление последнего года — ограбление местного ювелирного магазина. Тишь да гладь... до вчерашнего дня. Пока не появилась я.

— А как же эти происшествия на погосте? — отхлебнув чай, задала я еще один уточняющий вопрос. — Разве раньше ничего такого не случилось?

— Случалось, — кивнул Федя. — У нас тут всегда находились желающие нервишки пощекотать. Подростки в основном.

Последнюю фразу он произнес с такой снисходительностью и пренебрежением, что я невольно фыркнула. Сам-то небось школу только недавно окончил!

— Ведьмы, опять же, на кладбищах всегда рыскают, — добавил Федька. — Кто по регистрационному талону, кто нелегально, но таких мало, мы их быстро отлавливаем. Только вот такого сильного магического фона, как вчера и сегодня, после них никогда не оставалось. Это уже на простое баловство не похоже...

Заговорившись, Федя забыл и про великую-ужасную меня, и про время. А когда вспомнил и бросил взгляд на наручные часы, подскочил как ужаленный и, воскликнув, что опаздывает, заторопился уходить. Я проводила его до калитки, пожелала удачного окончания рабочего дня и подумала, что часики мне тоже не помешало бы прикупить. А то ориентироваться приходится как в допотопные времена — по солнцу.

Вернувшись в мастерскую, я еще немного посидела за чашечкой любезно оставленного мне чая. Смотрела в распахнутое окно, слегка шурилась от проникающего через него солнца и нежилась в теплых лучах. Так и хотелось негромко мурлыкать. Все-таки многие кошачьи привычки были со мной всегда: любовь к теплу и солнцу, нелюбовь к воде и бесконечное обожание всего молочного. Хотелось надеяться, что жажда ловить мышей у меня не появится... а если появится, то исключительно с намерением от них избавиться, а не чтобы слопать.

Старший зерр зашел ко мне, когда солнечные лучи стали приятно рассеянными и на окружающий мир легли вечерние краски. Воздух был чистым и звонким, ветер, казалось, спускался с самых гор, принося с собой запах свежести и умиротворенной прохлады. Наверное, поэтому я уловила приход Норта еще до того, как он отворил калитку. К запахам я стала очень чувствительна, и его приход не остался незамеченным.

В отличие от Феи, долго быть здесь и чай со мною распивать он не собирался. Игнорируя мой недовольный взгляд, осмотрел мастерскую, заглядывая во все углы — хотя те очевидно были пусты, — и даже потрудился обойти двор, после чего зашел в дом.

— Можете еще на второй этаж подняться, — съязвила я. — Как раз крепость лестницы проверите.

Наверное, он бы и поднялся, но нетронутый слой покрывшей ступени пыли, говоривший о том, что лестницей давно не пользовались, его удовлетворил. Задерживаться старший зерр явно не собирался, и я уже сомневалась, стоит ли расспрашивать его о фамильярах. Можно было удовлетвориться словами Феи, да и приятельство Норта с Лафотьером играло не в мою пользу, но я решила, что попытаться в любом случае стоит.

— Господин старший зерр, — обратилась я по форме, когда он, обойдя весь первый этаж, вышел в прихожую. — У меня есть несколько вопросов. Вас не затруднит на них ответить?

Норт выжидательно на меня посмотрел, как бы говоря, что он весь внимание.

— Меня интересуют взаимоотношения фамильяра и его... работодателя с юридической точки зрения, — тщательно подбирая слова, произнесла я. — Скажем, если фамильяр силен и разумен, закон его как-то защищает? Или он находится в полной власти ведьмы или мага?

На лице старшего зерра отразилось неприкрытое удивление.

— Решили податься в фамильяры?

— Просто ответьте на мои вопросы, — с нажимом произнесла я. — Пожалуйста.

— Все зависит от договоренности между фамильяром и призвавшей его стороной, — спустя недолгую паузу ответил Норт. — Насколько мне известно, существует несколько видов связывающих их ритуалов. В зависимости от того, какой именно будет проведен, и определяется степень влияния хозяина на фамильяра. Здесь много нюансов, нужно рассматривать каждый конкретный случай. Если вас интересует эта тема, можете сходить в городскую библиотеку. Справочники с подобной информацией находятся в открытом доступе, вы можете с ними ознакомиться.

Идея была неплохая — даже очень неплохая! — и я решила ею воспользоваться. Со слов старшего зерра, библиотека закрывалась уже через двадцать минут, но я была твердо намерена попасть в нее этим вечером, даже если вдруг ее унесет в другое измерение.

Узнав у Норта нужный адрес, я попрощалась с ним до завтра, снова заперла мастерскую и заторопилась в нужном направлении. Несмотря на спешку, попутно отмечала, каким красивым стало Морегорье с наступлением вечера. Солнце здесь заходило рано, падая за горы, но зато небо делалось насыщенно-красным, местами розоватым и словно подсвеченным расплавленным золотом. Алые и золотые брызги падали на дороги и крыши домов, путались в древесных кронах и стелились у меня под ногами. В воздух вплетались ароматы дерева, изделия из которого продавались в палатках, встречающихся практически на каждом шагу.

Я пробыла в Морегорье всего два дня, а оно мне уже нравилось. Немного противоречивое, будто одеяло, сотканное из разных лоскутов, но оттого еще более притягательное.

В библиотеку я все-таки успела. Вскочила внутрь как раз в тот момент, когда библиотекарьша намеревалась запереть дверь. К слову, библиотекарьшей, вопреки канону, оказалась молодая и очень симпатичная девушка. Этакая живая фарфоровая куколка — с ровной светлой кожей, нежным румянцем, аккуратными чертами лица и белокурыми локонами. Во мне непроизвольно проснулся фотограф, и в голове одна за другой стремительно пронеслись идеи фотосессий с ее участием.

Был бы фотоаппарат...

— Простите, библиотека уже закрывается, — со смесью растерянности и настороженности проговорила девушка.

Она явно боролась с желанием пялиться на мои уши, но в этой борьбе безоговорочно проигрывала.

— Закрывается — не значит закрыта, — заметила я и без перехода выпалила: — Мне нужна литература, касающаяся ликоев и фамильяров... если есть что-то о темных магах, тоже сгодится.

Наглость — второе счастье! Но мне ведь нужна подробная информация и не когда-нибудь, а к завтрашнему утру.

Возможно, не будь я ликоем, меня бы все-таки выставили, но поскольку я являлась обладательницей тех самых ушей, на которые нет-нет да поглядывала библиотекарьша, нужные книги мне были вручены. Более того, мне их даже позволили унести домой. А когда я спросила, не нужно ли завести для меня карточку, блондинка, смутившись, сказала, что таковая уже имеется.

Ничего себе! Вот уж не думала, что при всех своих прошлых подвигах я находила время и на посещение библиотеки.

— А можно в нее заглянуть? — попросила, подразумевая карточку. — Я быстренько...

Разумеется, мне снова не отказали.

Список книг, которые я брала в прошлой жизни, в основном состоял из энциклопедий по травмам. Была и парочка изданий художественной литературы. Ничего необычного, так что заострять на этом внимание я не стала.

Из библиотеки выходила с тяжелой сумкой, где уместились аж семь книг. Четыре из них были не слишком объемными, одна — так и вовсе тоненькой брошюрой, зато оставшиеся два талмуда сполна компенсировали их вес.

К этому времени успело стемнеть. На город еще не опустилась густая темнота, но солнце окончательно покинуло небосвод, и сумерки сгустились. По улочкам прогуливались влюбленные парочки, семьи с детьми и любители гулять в одиночестве. Фонарщики один за другим зажигали фонари наверное, в Морегорье на магии экономили, предпочитая обеспечивать город светом по старинке. Горели окна кафешек и небольших ресторанчиков, кое-где работали летние террасы, откуда тянуло запахом кофе и сдобы... Да, похоже, я опять проголодалась. Но тратить деньги на еду сочла неразумным и решила посадить себя на временную диету. Лепешек поела — и хватит. А вот на самый простенький подсвечник и пару свечей пришлось раскошиться — не сидеть же по вечерам в темноте.

Примерно на полпути к своему кварталу я внезапно ощутила странное беспокойство. Чувство было сродни тому, как если бы к моей спине прилипло нечто неприятное. Интуиция вдруг обострилась и вместе с ней пробудились инстинкты, которые подтолкнули обернуться и посмотреть по сторонам. Ничего подозрительного я не увидела, но это меня не успокоило.

— Поздравляю, Ритка, — пробормотала я себе под нос. — В дополнение к шизофрении у тебя еще и паранойя...

Паранойя паранойей, но я ускорила.

Миновала магазин бытовых товаров, благополучно перешла дорогу, свернула на свою родную улочку и...

Если бы не опередившие разум инстинкты, наверное, я бы умерла, причем на этот раз окончательно! В сторону я успела отскочить не иначе как чудом, а в следующую секунду на то место, где только что стояла, упала сетка кирпичей.

Сетка, чтоб их! Кирпичей!

Запрокинув голову, я успела заметить промелькнувшую на крыше тень. По позвоночнику пробежал липкий холодок, сердце заколотилось с удвоенной скоростью от осознания того, что я едва не попрощалась со своей десятой жизнью.

Несмотря на испуг, времени я не теряла. На первом этаже здания, с которого на меня сбросили кирпичи, располагалась бакалейная лавка, а на втором и третьем, по всей видимости, жилые комнаты. Подбежав к двери, я заколотила в нее со всей дури, а когда поняла, что открывать мне не собираются, осмотрела здание с других сторон, проверяя, нет ли поблизости пожарной лестницы. Не обнаружив ничего подобного, постучала в дверь еще раз, но мне так и не открыли. Ни в одном из окон свет не горел.

Следующей мыслью было пойти к зеррам, но, немного поколебавшись, я все-таки ее отменила. Вместо этого теперь с уже утроенной скоростью заспешила домой, решив отложить общение с зеррами до завтра. Относительно успокоилась я, лишь оказавшись в мастерской и заперев за собой дверь — благо внутри имелась щеколда.

В том, что упавшие кирпичи — не случайность, я не сомневалась. Возможно, все-таки стоило обратиться к зеррам прямо сейчас, но я не была уверена, что их контора до сих пор открыта. Да и добираться до них, снова в одиночестве идя по городу, было откровенно страшно.

— Черт знает что... — поежившись, проговорила я.

А потом страх в один миг схлынул, и я разозлилась. Вот прям по-настоящему разозлилась.

Покушаться на мою драгоценную жизнь они вздумали! На ликой руку поднять захотели! Казни им было мало!

Кто скрывается под абстрактным «они», я не знала, но утвердилась в намерении непременно узнать. Сегодня неизвестному удалось застать меня врасплох, но больше этого не повторится. Я ликой, а значит, у меня есть и когти, и зубы, которыми я вцеплюсь в эту жизнь так, что никто у меня ее не отнимет!

Усевшись на матрац, я вывалила из сумки все книжное содержимое и, взяв первую попавшуюся под горячую руку книгу, погрузилась в чтение.

Через некоторое время стало понятно, что в каждой из книг — даже самых здоровенных, интересующей меня информации содержится не так и много. В сущности, все сводилось к тому, что я уже знала, но и кое-что новое мне удалось выцедить, причем, как ни странно, из брошюрки, которая, единственная из всех, целиком и полностью посвящалась труду фамильяров. Именно в ней излагались подробности их взаимоотношений с «призывающей» стороной, а также пусть не очень подробно, но все же освещались ритуалы.

Если верить написанному, то всего ритуалов призыва фамильяра существовало три.

Первый — самый простой и наиболее распространенный. Он создавал слабую магическую связь на срок не более десяти лет, далее его следовало проводить повторно. Второй — чуть более сложный, требующий от ведьмы или мага существенной отдачи. К нему прибегали реже, но зато связь в этом случае создавалась прочная и длилась она пятьдесят лет. Самым сложным и практически не используемым являлся так называемый ритуал «третьей ступени», во время которого создавалась связь на пожизненной основе. Видимо, именно он и собирался проводить со мной Лафотьер. Только, к моей досаде, детали этого ритуала в брошюрке практически не освещались. Сказано было лишь, что для его проведения требуется колоссальный расход сил, что опасно в первую очередь для «призывающего». А также упоминалось о невозможности расторжения такого договора до смерти фамильяра — в случае, если маг умирал первым, фамильяр либо умирал вместе с ним, либо жил еще некоторое время, но чувствовал на себе последствия привязки к хозяину, которая в конечном итоге все равно сводила его в могилу.

Жуть какая-то! Это что же получается, если господин темный маг изволит сдохнуть, то мне придется отправиться на тот свет вместе с ним?

Крысу ему блохастую, а не такие условия!

Пыхтя, точно не кошка, а еж, я продолжила чтение и все из той же брошюрки узнала еще один любопытный факт. Обычно все ритуалы проводились по строгим канонам, поскольку любое отступление от правил могло не только все испортить, но и подвергнуть риску жизни обоих. Но несколько сотен лет назад один талантливый маг попытался скоперировать три ритуала, создав нечто совершенно новое. Детали указаны не были, как и то, чем все закончилось. Но сам факт такого эксперимента вдохновлял.

Если бы у меня было больше времени, чтобы во всем разобраться!

Полистав еще несколько книг, я почувствовала, что начинаю засыпать. Глаза закрывались сами собой, голова все чаще клонилась к груди, и я сдалась. Сложив книги, погасила свечу и растянулась на матрасе. Думала, что, несмотря на усталость, беспокойные мысли еще долго не дадут заснуть, но отключилась практически сразу.

...Стояла глубокая ночь. В знакомом дворе было темно, только лунный свет едва-едва пробивался сквозь сгустившиеся тучи. Миновав прихожую — аккуратную, уютную, еще не тронутую языками пламени, я вышла на улицу. Спустилась с крыльца и направилась к мастерской. Весь окружающий мир казался слишком большим, словно все предметы и растения увеличили в несколько раз. Я кралась бесшумно — вряд ли кто-то осмелится за мной наблюдать, но предосторожность лишней не бывает.

Бесшумно проложив путь до мастерской, я юркнула в предусмотрительно приоткрытую дверь и оказалась в гостиной. Обошла громадные кресла и дубовый стол, бесшумно обогнула горшок с разросшимся цветком и вошла в святая святых — лабораторию. Здесь стояла абсолютная темнота, но я видела все очень отчетливо: и пару книжных стеллажей, и рабочий стол, и шкаф с приготовленными эликсирами. Все это — лишь часть моей лаборатории, куда иногда могут зайти зерры.

При мысли о том, что они думают, будто это — все, мне стало смешно.

Остановившись у одного из стеллажей, я пригнулась, отсчитала половицы и тронула ту, что была четвертой от него. Раз! — и та приоткрылась, демонстрируя крошечный темный проход. Опустившись животом на пол, я буквально в него вползла, немного спустилась вниз и оказалась на деревянной, ведущей вниз лестнице. Лестница привела в довольно большую комнату, но пространство в ней воровали стеллажи и сундуки, набитые разным содержимым, шкафы с ценными ингредиентами и древними фолиантами — вся моя коллекция, собранная за долгие столетия. Моя память.

В следующий момент мир изменился, и мебель приняла свои обычные размеры. Любобно проведя кончиками пальцев по корешкам книг и свисающим с потолка пучкам трав, я приблизилась к неприметной деревянной тумбочке. Отодвинула ее в сторону, снова присела, ощущая на голых коленях прикосновения шершавого дерева, и подняла очередную половицу.

Под ней оказался тайник, где лежала увесистая на вид книга в коричневом кожаном

переплете. Она была явно старой, хотя сохранилась отлично. Я взяла книгу в руки, и замочки на оплетающих ее ремешках щелкнули, позволяя ее открыть.

На обложке витиеватым шрифтом значилось название: «Книга мудрости ликой».

ГЛАВА 9

Проснувшись, я долго не могла понять, не только где нахожусь, но и кем являюсь. Посетивший меня сон оказался чертовски реальным, и несколько минут после пробуждения мне все еще казалось, что я нахожусь в скрытом от посторонних подполье.

Судя по робким, стыдливо проникающим сквозь окно солнечным лучам, стояло раннее утро. В саду заливались соловьи, с улицы доносился уже привычный солоно-свежий запах, приправленный сладостью яблоневого цвета.

Присев на матрасе, я поморщилась. За ночь умудрилась отлежать не только руку, но и хвост, который теперь противно ныл.

Накинув сарафан и обувшись, я протопала к колодцу и набрала воды. Умываясь, непрерывно фыркала и клацала зубами, в очередной раз убеждаясь в том, что деревенская романтика мне чужда. Ледяная вода впивалась в кожу тысячами мелких иголок, но зато взбодрила и прогнала остатки сна.

Жутко хотелось выпить кофе, но пришлось доедать несчастную половину оставшейся лепешки всухомятку. Затем, сетуя на отсутствие зеркала, я расчесала волосы, испытывая жгучее желание укоротить их хотя бы наполовину, и, справившись с этой задачей, задумалась. Можно было остаться дома, дожидаясь, пока ко мне притащится Лафотьер, а можно самой пойти к зеррам — не только экспертизы ради, но и чтобы подать заявление о покушении.

Остановившись на втором варианте, я уже вознамерилась выйти из мастерской, когда мой взгляд упал на дверь, ведущую в соседнюю комнату. В мыслях тут же всплыл образ из сна, который был до того ярким, что я могла с точностью описать, где стояла мебель, какого цвета был лежащий на полу ковер и... под какой половицей скрывался вход в подвал.

Немного помедлив, почему-то испытывая необъяснимое волнение, я вошла во вторую комнату. И снова возникло ощущение, что я нахожусь во сне. Перед глазами вспышками пронеслись кадры заставленной лаборатории, ночи за окном и скрипа отодвигаемой половицы.

Тряхнув головой, чтобы сбросить наваждение, я подошла к тому месту, где во сне стоял стеллаж. Отсчитав четыре половицы, присела и, особо ни на что не надеясь, попыталась ее приподнять. Когда ничего не вышло, поочередно надавила на нее в разных местах, но и здесь меня постигла неудача.

— Глупость какая! — Похоже, разговоры вслух с самой собой уже входили у меня в привычку. — Это же был просто сон!

Тем не менее попытки я продолжила, а когда решила, что в самом деле страдаю ерундой, от души треснула по полу кулаком. И вот тут меня поджидал сюрприз. Я даже не поверила своим глазам, когда в половице обозначился незаметный ранее шов и она чуть приподнялась. Теперь сдвинуть ее не составило никакого труда, и моему взгляду предстал узкий темный проем — совсем как во сне.

— И как это понимать? — снова спросила у самой себя. — Я же туда никак не пролезу! Туда вообще ни один человек не пролезет, разве что...

«Кошка», — закончила уже мысленно, силясь осознать еще одно свалившееся на мою бедную голову потрясение.

Во сне весь мир виделся мне слишком большим, но что, если это не он был большим, а я — маленькой? И видела я в темноте отлично, и тело ощущала как-то странно, и шла слишком тихо... Если допустить, что этот сон не был просто сном, а игрой подсознания, подкидывающего образы из прошлого, то... я что, в прошлой жизни могла превращаться в кошку? То есть вот прям в кошку-кошку?! Не только с ушами и хвостом, но и с усами, шерстью, когтями и прочей звериной радостью?

Мамочка моя...

Пока ошарашенная я, сидя на полу, пыталась осмыслить этот потрясающий факт и понять, как к нему относиться, во дворе скрипнула калитка. Опомившись, я быстро пристроила половицу на место и как раз успела выйти в первую комнату, когда на пороге мастерской появился темный маг собственной персоной. Несмотря на раннее утро — неприлично бодрый, собранный и выглядящий до отвратительного безупречно. Царящий в его особняке бардак никак не вязался с идеально отглаженной и сидящей без малейшей складочки черной одеждой.

— Доброе утро, — приветствовал он меня.

— Было доброе. — Играть в гостеприимную хозяйку мне совсем не хотелось. — Пока ты не пришел.

— Я тоже не рад тебя видеть, — ответил он взаимностью. — Едем.

Вот так — никакого вопроса, сугубо констатация факта. Не озвученное, но хорошо улавливаемое предупреждение, что если откажусь ехать, то он потащит меня силой.

— Идем, — возразила чисто из вредности. — Прогулки пешком способствуют расслабленности и успокоению, чего тебе явно не хватает.

Пока Лафотьер не успел ответить, я протиснулась между ним и дверным косяком, после чего позвала уже с улицы:

— Ну и долго тебя ждать?

Цель «вызвать раздражение мага» была с успехом достигнута. Правда, когда я вешала на дверь замок, его раздражение уступило место сначала недоумению, а потом насмешливости. И вот эта вот насмешливость, проступающая в направленном на меня взгляде, ужасно бесила.

— Сила настолько измельчала, что ты даже не можешь защитить собственное жилье? — Вторя взгляду, губы Лафотьера растянулись в усмешке.

Демонстративно проигнорировав эту реплику, я сунула ключ в сумку и гордо прошествовала к калитке. Точнее, попыталась гордо, но все испортил какой-то куст, зацепившийся за подол сарафана колючими ветками. Хорошо, что сарафан не порвался, но раздавшийся позади смешок градус настроения значительно понизил.

Сегодня я встала, что называется, не с той ноги, и присутствие Лафотьера отнюдь не способствовало подъему духа. Надеялась, что хотя бы короткая прогулка до участка это исправит и, как я сказала — поспособствует расслаблению и успокоению, чего мне сейчас не хватало тоже.

У калитки Лафотьера дожидался экипаж. Вернее, дожидался, видимо, нас, но я решения прогуляться пешком не изменила. Как, впрочем, не изменил своего решения и темный маг.

Дорога до участка зерров вышла во всех отношениях странная. Я неспешно шла по тротуару, а наравне со мной так же неспешно трусила лошадь и брэнчал экипаж, из которого за мной неотрывно наблюдал Лафотьер.

Как-то папа сказал мне, что я не могу завести нормальные длительные отношения из-за своего скверного характера, включающего вредность и непомерное упрямство. Так вот, официально заявляю: это он просто с одним конкретным темным магом не общался! Вот у кого и вредность, и упрямство, и действующая на нервы снисходительная ироничность.

Стараясь отвлечься, я мысленно возвращалась к своему сну и обнаруженному под половицей проходу. Больше всего меня по-прежнему волновала возможность превращаться в кошку, и я собиралась расспросить об этом Федю. А вторая и не менее важная занимающая меня вещь — увиденная во сне книга. Собственно, интерес представляла вся подвальная комната, ведь там была уйма всяких штукосин, из которых можно было извлечь пользу. Но вот Книга мудрости ликой волновала особенно. Шестое кошачье чувство подсказывало, что на ее страницах я найду множество занимательных ответов.

Но все это потом, а сейчас следовало разобраться с экспертизой и предстоящим ритуалом, не позволив темному магу свесить ножки с моей фамильярской шеи.

У входа в отдел мне улыбнулась удача в лице веснушчатого рыжеволосого парня. Федя как раз собирался войти внутрь, когда его остановил мой оклик. И если, увидев непосредственно меня, он не только не испугался, но даже скупно улыбнулся, то при виде выходящего из экипажа Лафотьера судорожно сглотнул. К двойному удару его неокрепшая молодая психика была явно не готова. В глазах парнишки промелькнула паника от понимания того, что этот день обещает быть малоприятным — и, надо признать, в своих предположениях он был прав.

Не обращая внимания на следующего за мной темного мага, я обратилась к Феде:

— Есть минутка?

— Экспертиза назначена на восемь, — подал голос Лафотьер. — Но если ты не желаешь присутствовать, то...

— Желаю, — заверила я и, сознавая, что подачу заявления придется отложить на потом, снова обратилась к Феде, но уже совсем другим, можно сказать, официальным тоном: — Зерр Феорд, не согласитесь ли вы присутствовать при проверке на подлинность одного важного документа?

— На экспертизе не должно быть посторонних, — отрезал поравнявшийся со мной Лафотьер.

— Зерр Феорд, — не глядя на темного мага, с нажимом произнесла я, — никак не может быть посторонним, поскольку здесь работает.

— Проходит практику, — возразил Лафотьер.

— Приобретает опыт, — парировала я. — Вот и расширит профессиональный кругозор.

— Акира... — угрожающе, с раскатистым «р» протянул темный маг.

— Йен какой-то там Лафотьер, — в тон ему ответила я.

Судя по виду, Федя мечтал только об одном: незамедлительно исчезнуть, перестав находиться меж двух огней.

Развернувшись, я наткнулась на мрачный, медленно меня препарирующий взгляд мага, но не отвернулась. Так мы и стояли, глядя друг другу в глаза и едва сдерживая желание дать волю кулакам и когтям. Кажется, у Лафотьера прямо-таки чесались руки меня придушить, но тот факт, что живой фамильяр лучше мертвого, его останавливал. Мне, в свою очередь, невероятно хотелось выпустить когти и испортить к чертям его безупречный вид. Но тоже приходилось себя сдерживать, поскольку мы находились рядом с зеррами и получать еще одно пятно на своей и без того сомнительной репутации я пока не собиралась.

Наши гляделки прервало негромкое покашливание побледневшего Феде. Не дожидаясь, пока он сбежит, я взяла его под руку и потащила внутрь.

— Госпожа ликой, — невнятно проговорил Федька. — Маргарита... вы уверены, что надо...

— Надо, Федя, — приободренная звучанием своего родного имени, изрекла я. — Надо!

Я подозревала, что Лафотьер сейчас вообще передумает вести меня на экспертизу и придется быстро искать нужный кабинет самой, но мне снова улыбнулась удача — на этот раз в лице вышедшего нам навстречу старшего зерра.

Может, это утро не такое и скверное?

Норт проводил нас в небольшой кабинет, в котором главенствовал минимализм. За длинным столом уже сидели два зерра, одним из которых являлся знакомый мне начальник. Второй — худощавый немолодой и сутулый мужчина отличался цепким

взглядом, который не могли скрыть даже очки, и такими же цепкими пальцами. На его крючковатые руки, похожие на птичьи лапы, я обратила внимание, поскольку именно в них сейчас находился судьбоносный для меня договор.

— Господин Лафотьер, — произнес начальник, и оба зерра приподнялись с места.

— Госпожа ликой, — кивнули и мне.

— Можем приступать, — резюмировал Норт.

Присутствие Феде, что примечательно, никого не смутило и не вызвало интереса, в свете чего я бросила на Лафотьера короткий победный взгляд. В ответ на что он в своей привычной манере выразительно заломил бровь, как бы говоря, что это просто мелочь, а главная победа все равно останется за ним.

— Это кто? — почти беззвучно шепнула я Феде, кивнув на обладателя «птичьих» рук.

— Штатный маг, — так же на грани слышимости ответил рыжий. — Въедливый и дотошный, но свое дело знает.

Маг? Серьезно?! Вот этот вот унылый серый дядька, которому больше подошла бы должность какого-нибудь захудалого клерка, обладает магией?

Непроизвольно снова бросила быстрый взгляд на Лафотьера и тут же отвела глаза. Вот уж кто точно на рядового клерка не тянет...

Я слабо представляла, как будет проходить процедура проверки, и даже предположить не могла, что все случится именно так. Вначале штатный маг, вооружившись лупой в дополнение к очкам, тщательно исследовал каждый миллиметр договора. Затем, положив его на стол, с умным видом поводит над ним руками, едва касаясь окружающего бумагу фиолетового свечения. После, что-то написав в своем блокноте, попросил меня подойти и капнуть в специальную емкость капельку крови.

Я испугалась. Не сдачи крови, конечно, просто очень уж неожиданным стало такое предложение.

— Идите, — шепнул Федя, чуть подтолкнув меня в спину.

Благодаря ему я опомнилась и сделала то, что от меня требовалось. Пока прокалывала палец предоставленной мне иглой, вид у штатного мага был странно плотоядный. Он как замороженный следил за стекающей в пробирку капелькой и, кажется, даже не моргал. Этот тип изначально показался мне неприятным, а теперь окончательно разонравился.

Понабирают на работу маньяков всяких!

В отличие от меня, Лафотьеру иглоукалыванием заниматься не пришлось. Вместо этого он просто обхватил пробирку, и та стала мгновенно наполняться чем-то черным, невесомым и как будто живым — наверное, пресловутой темной магией. К слову, за этим процессом штатный маг следил все с тем же видом маньяка-вампира.

Далее наступило время ожидания. Оно заняло от силы минут десять, но мне казалось, что я провела в душном сером кабинете несколько часов. Штатный маг дотошно и скрупулезно что-то сверял, перелив «темную магию» Лафотьера в пробирку с моей кровью. После он вылил получившийся коктейль прямо на договор, и тот вспыхнул ярким светом. Затем еще несколько манипуляций — и штатный маг, сняв и протерев очки, вынес вердикт:

— Документ подлинный и добровольно подписанный двумя сторонами.

Эта фраза эхом отзывалась у меня в голове еще несколько долгих секунд, прежде чем я наконец ее переварила. Даже принимая во внимание отношение к Лафотьеру, вряд ли результаты экспертизы могли сфабриковать. Да я и сама чувствовала, что договор подлинный, поэтому быстро с этим смирилась.

— Когда будет составлена официальная бумага? — деловито осведомилась я. — Насколько я понимаю, результат экспертизы должен быть изложен в письменном виде и

подкреплен соответствующими печатями?

— Разумеется, — чопорно подтвердил штатный маг. — Но на данном договоре магия высокого порядка. Формально в такой ситуации подписать на официальном заключении должен также поставить господин мэ́р, но он сейчас в отъезде...

— Это, — резко перебил его Лафотьер, — всего лишь формальность, как вы правильно заметили.

— Ничего не всего лишь! — тут же вскинулась я. — Я намереваюсь соблюдать законы до малейшей запятой, поэтому, пока мне не будет предоставлено официальное, подписанное мэром заключение, свои обязательства выполнять отказываюсь. Кстати, когда мэ́р приезжает?

На этот раз мне, опережая Лафотьера, поспешил ответить начальник:

— Через три дня. Но, возможно, и раньше.

В следующее мгновение темный маг бесцеремонно схватил меня за локоть, разворачивая к себе. Он снова обошел меня в скорости реакции, и уклониться я не успела. Столкнувшись с его злым и мрачным взглядом, ответила ему тем же.

— Ритуал состоится послезавтра. — Вкупе с тяжелым взглядом звучащая в его голосе вкрадчивость наводила жуть. — Даже не надейся сбежать. А если будешь пытаться тянуть время, я активирую магию договора, и тебе же из-за уклонения от обязательств придется несладко.

— Если эта магия может как-то мне навредить, что ж ты не активировал ее раньше? — так же вкрадчиво, но, к сожалению, не настолько зловеще спросила я.

— Не в моих правилах применять силу к женщинам, — последовал удививший меня ответ. — Даже к таким, как ты.

— Зато в твоих правилах давить и угрожать, — бросила я и, обращаясь к остальным собравшимся, возмущенно добавила: — Господа зерры, мне тут вообще-то угрожать пытаются! Вы не заметили?

Начальник глухо крикнул и вытер платочком выступившую испарину. Федя уже обитал где-то в районе двери, штатному магу, судя по виду, было глубоко фиолетово на наши с Лафотьером разборки, а вот Норт ожидаемо поддержал приятеля.

— В данном случае, госпожа ликой, — ровно произнес он, — вам не угрожают, а предупреждают о возможных последствиях.

Возразить было нечего. Возмущалась я из чистого упрямства, прекрасно понимая, что хочешь не хочешь, а договору следовать придется. Если рассуждать здраво и беспристрастно, то я действительно в долгу у темного мага, пусть и не помню оказанной мне в прошлой жизни помощи.

Еще одна отсрочка в два дня меня порадовала. У меня появилось дополнительное время для того, чтобы еще больше разузнать о ритуале привязки и, в идеале, как-то на него повлиять. А также договориться об оплате — быть фамильяром-рабом, работающим за хлеб насущный, а то и вовсе бесплатно я уж точно не собиралась!

— Хорошо, ритуал состоится послезавтра, — произнесла таким тоном, словно это не Лафотьер, а я так решила.

От темного мага ощутимо повеяло холодом. Кажется, он даже зубами заскрипел от недовольства — нервный какой...

— А пока я бы хотела подать заявление о покушении. Куда мне с этим обратиться?

— Дайте угадаю, вас опять похитили и обобрали? — усмехнулся Норт.

— Нет! — возразила я. — Вчера вечером мне на голову чуть не упала сетка кирпичей! И, знаете ли, случайностью это не было точно!

К моему удивлению, Лафотьер этим происшествием заинтересовался даже больше зерров. Именно он, игнорируя недовольство Норта, принялся выспрашивать у меня подробности, причем не с иронией или раздражением, а с предельной серьезностью. Чуть позже я поняла почему. Он считал, что покушение на меня могло быть связано с ним самим, если кто-то узнал, что я скоро стану его фамильяром. Недоброжелателей у Лафотьера было едва ли не столько же, сколько почитателей. Вот только у меня почитателей не имелось вообще, а злопамятные недоброжелатели — сплошь и рядом. Поэтому я все-таки склонялась к тому, что некто решил свести старые счеты со мной, а не с ним.

В итоге заявление я подала, и зерры обещали разобраться в ситуации. Судя по виду темного мага, он не слишком-то верил, что им это удастся, и решил заняться расследованием лично.

— С этого дня одна из дома не выходишь, — когда мы оказались на улице, отрезал Лафотьер.

Может быть, в этом и была какая-то микроскопическая доля здравого смысла... а может, даже существенная, но у меня такое заявление, сказанное безапелляционным тоном, вызвало только негодование.

— Да сейчас же! — вспыхнула я. — Своей жизнью я распоряжаюсь сама, и сама же буду решать, как, когда и с кем мне ходить. Тебя это не касается!

— Ошибаешься. — Не в пример мне Лафотьер голоса не повысил, но все равно звучало это зловеще. Вот как у него так получается? — Теперь меня касается все, что происходит с тобой.

Есть такие ситуации, в которых спорить — только портить нервную систему, поскольку в результате каждый все равно останется при своем. Рассудив, что это как раз тот самый случай, я утихомирила орущую гордость с самолюбием и, игнорируя Лафотьера, пошла домой.

Разумеется, все не могло быть так просто, и маг провожал меня до самой калитки. Причем, что примечательно, на этот раз шел пешком. Молчание между нами висело прямо-таки гробовое. И как бы я ни старалась отвлечь себя рассматриванием Морегорья и наслаждением прекрасной солнечной погодой, о присутствии рядом Лафотьера забыть не удавалось.

Не знаю, откуда во мне взялась такая уверенность, но я точно знала, что от своего намерения следить за каждым моим шагом Лафотьер не откажется. Либо меня кто-то будет сопровождать открыто, либо он приставит своего человека тайно, незаметно для меня. Второй вариант меня категорически не устраивал, поэтому пришлось идти на граничащую с уступкой хитрость.

— Феорд, — входя во двор, произнесла я, даже головы не повернув. — Если тебе так хочется приставить ко мне няньку, пусть это будет он.

Ответа не последовало, но интуиция подсказала, что маг все услышал, понял и закрепил. Когда я развернулась, чтобы запереть за собой дряхлую калитку, что, в общем-то, было бесполезно, Лафотьера возле нее уже не было.

Пока шла к мастерской, я продумывала, как с пользой провести остаток дня — либо продолжить изучать книги, либо...

Второй вариант я придумать не успела, поскольку прямо у себя под ногами внезапно обнаружила нечто из ряда вон выходящее. Остановившись у крыльца мастерской, я ошарашенно смотрела на лежащий там хорошо знакомый фотоаппарат и не менее знакомую черную кожаную куртку.

ГЛАВА 10

Когда оцепенение спало, я опустилась на ступени и лихорадочно взяла в руки открытый чехол. Первым делом залезла в кармашек и обнаружила в нем недоеденную пачку вафель, которую купила незадолго до того, как умереть. Затем извлекла фотоаппарат, чуть подрагивающими от нетерпения пальцами привела его в рабочий режим и пролистала фотографии. Семейство Терехиных, их друзья и многочисленная родня смотрели на меня с небольшого экранчика, заставляя сердце биться где-то в районе горла.

Мой фотоаппарат... Это действительно мой родной фотоаппарат! Но как? Как он мог здесь оказаться?! Кто его принес?

Пребывая в немного ошалевшем состоянии, я повертела головой, словно тот, кто передал мне привет из прошлой жизни, в самом деле мог прятаться где-то во дворе. После снова посмотрела на горящий экран, отметила два деления на батарее и, выключив своего старого доброго друга, отправила его обратно в чехол.

Шумно выдохнула, поднялась и, отперев мастерскую, вошла внутрь. От открывающихся передо мной перспектив голова шла кругом, но делить шкуру медведя, который еще бегал где-то в лесах, я не спешила. Сперва требовалось тщательно все взвесить и решить, как поступить. Со слов Феде, фотоаппараты здесь стоили заоблачно, но вариант с продажей своего любимого Сапопа я отмела сразу — скорее буду с голоду пухнуть, чем снова с ним расстанусь! И, поскольку такой ход событий был отмечен, у меня осталась одна проблема: афишировать наличие фотика или нет. Несмотря на радость и практически эйфорию от его появления, я понимала, что все это очень подозрительно. В самом деле, как он мог здесь оказаться? Чтобы это произошло, кому-то нужно было присутствовать в параллельной реальности, причем в тот самый день и даже момент, когда меня сбила машина. Затем забрать мои вещи и совершить переход на эту грань...

Следующая мысль заставила меня замереть.

Кажется, Федя упоминал, что граница между мирами истончается всего раз в пару лет. Могло ли это произойти именно в тот день, когда меня сбила машина? Если так, то может ли это быть простым совпадением?

Перед мысленным взором отчетливо предстали последние мгновения перед смертью. В частности — отсутствие скрипа тормозов и воспринимающийся размытым пятном водитель, словно намеренно мчащийся на меня на всей скорости.

А что, если все не случайно? Что, если кто-то хотел, чтобы я умерла, и успешно этого добился?

Хоровод мыслей грозился вылиться в головную боль, и я заставила себя успокоиться. Всегда имела пакодную привычку предполагать даже самое невообразимое развитие событий, хотя, надо сказать, иногда это бывало даже полезно.

В итоге я пришла к тому, что проблемы нужно решать по мере их поступления. На первом плане для меня сейчас грядущий ритуал, который свяжет меня с Лафотьером. Если не сделаю наше сотрудничество комфортным и выгодным для себя — все остальное уже будет не так важно.

Из-за совершенного покушения я, как ни странно, сильно не переживала. Нет, предполагала, что такое может повториться и мне необходимо себя обезопасить, но вот страха по этому поводу не испытывала. Если быть до конца честной с самой собой, то вмешательство Лафотьера в эту ситуацию было очень даже кстати. Если кошка хочет выжить, она воспользуется любой предоставляемой ей помощью, при этом умело сохраняя независимость. Вот и стану поступать так же. Хочет темный маг меня защитить — отлично. Ну а то, что он знатно меня бесит, — это ничего, потерплю.

Пока обо всем этом думала, не выпускала фотоаппарат из рук. Казалось, что положи я его и отвернусь — бамц! — и он исчезнет так же неожиданно, как появился.

Неимоверно хотелось выйти на улицу и посмотреть на Морегорье сквозь объектив: запечатлеть величественные горы и никогда не засыпающее море, высокое чистое небо,

служащее фоном для пышно цветущих фруктовых деревьев; поместить в кадры улочки, дышащие своеобразным и неповторимым колоритом; устроить постановочную фотосессию с какой-нибудь местной девушкой... да хоть бы и с библиотекаршей!

Как это обычно бывало, вдохновение нахлынуло внезапно. Ворвалось в мою душу, не спрашивая согласия, и захлестнуло, закружило в потоке идей. В такие моменты я обычно не могла сидеть на месте — начинала звонить в небольшие модельные агентства, предлагая сотрудничество с их моделями, обращалась к визажистам и парикмахерам с предложениями о съемке. А то и вовсе обзванивала всех знакомых с идеей устроить творческую фотосъемку — завтра, послезавтра, а лучше сегодня и прямо сейчас!

Из красочных, подпитанных вдохновением фантазий меня бесцеремонно выдернула реальность: тактичный и немного робкий стук в дверь возвестил о приходе Феде.

— Лафотьер прислал? — с ходу спросила я.

Как и ожидалось, ответ был положительным.

То, что темный маг в кои-то веки ко мне прислушался и выполнил пожелание, немного успокоило. Но ключевое слово — немного. Из Феде защитник, откровенно говоря, сомнительный, поэтому я не сбрасывала со счетов вероятность, что тайного наблюдателя ко мне тоже-таки приставят.

К тому моменту, как Федя вошел, я успела сунуть чехол с фотоаппаратом в сумку, а куртку — под матрац. Вопросов к настоящему времени у меня скопилось просто уйма, и под раздачу снова попал недоросль, которого я бесцеремонно принялась пытаться.

Во-первых, спросила про обороты ликоев. Как оказалось, превращение мне подобных в полноценную кошку вовсе не было ни для кого секретом. Первое время после перерождения ликой могли обращаться только при полной луне (привет, оборотни), а затем — в любой момент по своему желанию.

Во-вторых, я попросила подготовить для меня договор, в котором бы описывались мои фамильярские взаимоотношения с Лафотьером и, в частности, оплата. Как заставить Лафотьера его подписать — вопрос другой, но я этого добьюсь непременно.

В-третьих, я поинтересовалась, не слышал ли Федя что-нибудь о совмещении ритуалов призыва фамильяров. Здесь меня настигло разочарование — к сожалению, о том давнем эксперименте он ничего не знал.

Ну и четвертый пункт, о котором я расспрашивала с особой дотошностью, — это техника. Меня волновало все: как здесь заряжают фотоаппараты, если они не пленочные, и возможно ли это вообще, как печатают фотографии, и все в том же духе. И вот тут новости были приятными.

Фотоаппараты и прочая редкая техника в этом мире заряжалась магией. Здесь действовал тот же принцип, что и при магическом освещении домов: идешь в дорогостоящий магазин, покупаешь специальную магию и пользуешься в свое удовольствие. Хочешь сэкономить — зарядки хватит на пару недель. Средний бюджет — на месяц-другой. Можешь позволить себе жить на широкую ногу — фотографируй, забыв о подзарядке, целый год.

Примерно та же ситуация и с печатью. Только в этом случае в дополнение к магии требовалось обзавестись специальным устройством, которое, насколько я поняла, представляло собой нечто похожее на большой принтер.

Вот только даже эконом-вариант был настолько впечатляющим, что мне требовалось продать аптекарю все содержимое своих грядок. Поэтому я подумала-подумала и попросила Федею увеличить мой фамильярский доход, согласно договору, в два раза.

А что? Лафотьер, судя по всему, не бедствует. А иметь в помощниках ликой — это вообще огромная редкость. Если переиначить слова Карлсона, то — «Малыш, мои услуги ведь дороже, дороже фотоаппаратов, а?»

— Госпожа Маргарита, вас еще это... — неуверенно протянул Федя, когда в моих расспросах возникла пауза. — Госпожа Ериша спрашивала. Просила передать, что хочет

поговорить...

— Видимо, очень настойчиво просила, раз ты согласился передать ее слова, — удивилась я.

Сглотнув, Федя кивнул:

— Проклятием грозила.

Не успела я предположить, что старой ведьме от меня понадобилось, как меня осенило. Она ведь и вправду старая ведьма! И фамильяр у нее, кажется, имеется, пусть и в виде обычной кошки. Кто как не она может знать много для меня полезного? Она ведь и ликой во мне сразу распознала, и силу почувствовала, и с накопителями магии — теми самыми, которые по заоблачным ценам продаются, — обращаться умеет.

Я не была до конца уверена, что идея навестить ее является хорошей, но за спрос ведь денег не берут? А мы для начала просто поговорим.

...Вот уж не думала, что во второй раз за этот день окажусь в отделении зерров! Причем в той его части, где до суда содержат заключенных. Федя проводил меня в серое прохладное помещение, куда спустя некоторое время привели и госпожу Еришу. Ее платье в мелкий цветочек и уютная шаль совсем не вписывались в здешний унылый интерьер. С момента нашей последней встречи она практически не изменилась, только пучок волос оказался расслаблен, из-за чего на ее морщинистый лоб выбилось несколько умильных кудряшек. Собственно, госпожа Ериша вся целиком выглядела умильно и трогательно. Этаким беззащитный божий одуванчик. Ну ни за что не скажешь, что коварная ведьма!

— Выйди-ка, милоч, — сев напротив меня, обратилась она к застывшему у стены Феде. — Нам наедине поговорить нужно.

Голос зерра, надо отдать ему должное, не дрогнул:

— Не положено.

— А если проклятием награжу? — с милейшей улыбкой ласково спросила госпожа Ериша.

— Вы нам еще поугрожайте! — вступилась я за Федьку. — Срок заключения продлить захотелось?

И, не дожидаясь ответа, обернувшись к Феде, попросила:

— Можешь оставить нас наедине? Если что, буду кричать.

По уставу зерр явно не мог этого сделать и так же явно не хотел, полагая, что, узнай кто-нибудь об этом, ему открутят голову. А если узнает Лафотьер, то вообще убьет, поднимет в виде зомби и упокоит снова. Но мою просьбу Федя неожиданно выполнил — не то до сих пор меня боялся, не то, опять же, по доброте душевной не смог отказать.

Я же отдавала себе отчет, что, возможно, поступаю не слишком разумно, оставаясь с ведьмой с глаза на глаз. Но то, что намеревалась у нее спросить, никому слышать не стоило, даже Феде. Ибо целиком и полностью доверять нельзя никому, кроме себя самой.

Когда за Федей закрылась дверь, я с деланой расслабленностью откинулась на спинку стула и, слегка прищурившись, спросила:

— Так о чем вы хотели поговорить?

— О тебе, киса, — с прежней ласковостью произнесла госпожа Ериша. — О жизни твоей непростой. О том, что помощь тебе нужна, разобраться во всем сама не сможешь. Ты же, как я слышала, не помнишь ничего?

— Помощь, значит? — побарабанив ноготками по крышке стола, переспросила я. — Мне напомнить, что не так давно вы затащили меня к себе домой, одурманили и попытались выкачать силу?

— А кому сейчас легко? — Госпожа Ериша вздохнула. — Если порядочная ведьма легально бизнес вести начнет, это ж какие налоги платить придется! Да я в минус уйду! А накопители подзаряжать надо. Да ты и сама такая же — хитрая и эгоистичная, скажешь нет?

Мне адресовался испытывающий взгляд.

— Я не собираюсь ни с кем обсуждать свои личностные качества, тем более с вами, — категорично отрезала я и, подавшись вперед, без перехода спросила: — Что вы знаете о ритуалах призыва фамильяра?

Госпожа Ериша понятливо усмехнулась. Вид ее стал уж совсем елейным, а взгляд сделался снисходительно-покровительственным, теплым, можно сказать.

— Многое знаю, — ответила она, глядя мне в глаза. — Больше, чем тебе остальные расскажут. И про темного мага наслышана, и про договор ваш. Повяжет он тебя так, что и дышать не сможешь... если не схитришь, да в ритуале кое-что незаметно не поменяешь.

Я не знала наверняка, действительно ведьма может помочь мне в этом вопросе или просто блефует, — интуиция в данной ситуации молчала. Но даже малейшая вероятность того, что она действительно могла оказать помощь с ритуалом, не могла меня не заинтересовать.

— И что вы хотите взамен? — осведомилась я.

— Суший пустяк, дорогуша, — улыбнулась госпожа Ериша. — Тебе всего-то и нужно забрать свое заявление. Тогда меня выпустят, и я в благодарность тебе помогу.

— Так уж и в благодарность? — не поверила я. — Уж простите, не слишком уважаемая, но большой веры у меня к вам нет.

— Так и выбора у тебя нет, кошечка, — все с той же безмятежной улыбкой заметила ведьма. — Или согласишься и поможешь мне отсюда выйти, или по гроб последней жизни будешь всю силушку свою на темного мага расходовать.

Внезапно ее улыбка исчезла.

— Тебе ведь маги много зла причинили. — И елейные нотки в голосе исчезли тоже. — Хоть и забыла ты, а шрамы-то и по сей день шкуру исполосовывают.

Я непроизвольно вздрогнула.

Шрамы?

Да, их на моем теле было немало, причем, как их заработала, я совсем не помнила. Родители говорили, что и сами не понимали, откуда они брались. При родных я не падала, не обжигалась, не получала глубоких ран, а шрамы все прибавлялись. Самый большой рубец — на правом предплечье и спине, четыре чуть более тонких — на запястьях и щиколотках, и тонкий, почти незаметный — как нить, обвивающая шею.

Когда я достигла сознательного возраста, шрамы появляться перестали, а я перестала о них задумываться. Своя внешность мне всегда нравилась, поэтому комплексами из-за них я не страдала. А если кто-то в детстве пытался меня дразнить, давала обидчикам такой отпор, что им навсегда переставало хотеться это делать.

И вот теперь этим шрамам, возможно, нашлось объяснение... Неужели все они — последствия моих ранее прожитых жизней?

«Раньше ликоям на шею надевали блокирующие силу магические ошейники», — прозвучал в мыслях голос Лафотьера.

Шрам, обвивающий шею... он от этого?

— Вижу, поняла, — усмехнулась госпожа Ериша.

Поняла, но не вспомнила. Тем не менее все равно стало как-то не по себе. И теперь я

уже не была уверена, хочу ли вспоминать все, что случилось со мной прежде... Нет, определенно не хочу! До сих пор я относилась к прежней себе — Акире, как к сестре-близнецу, близкому, но ныне далекому. Может, и к лучшему, что мои воспоминания оказались запечатаны?

— Я ведь тебе и с обращением помочь могу, — неожиданно добавила госпожа Ериша. — Без памяти туго придется, а полнолуние уже скоро. Пожалей бабушку, милая, в неволе я долго не протяну.

И так это прозвучало... нет, не жалостливо, а с безысходной тоской. Я даже прониклась... почти. А потом вспомнила о потрясающем актерском таланте этой ведьмы и проникаться перестала. Но вот когда мне были продемонстрированы тонкие старческие запястья с обвивающими их металлическими браслетами, что-то внутри неприятно кольнуло. Заныло от позабытой, но закоснелой и навсегда отпечатавшейся глубоко в подсознании боли.

Мелькнула мысль, что с такими браслетами ведьма и правда долго не протянет. И все ее угрозы Феде — всего лишь запугивание, с такими «украшениями» колдовать она не может. Наверное, оно и к лучшему, но... забрать заявление я согласилась. Не из жалости или, упаси боже, проснувшейся симпатии, а исключительно из корыстных целей.

Если ведьма обманет, я напишу заявление снова. Или просто помогу зеррам вновь уличить ее в нелегальном колдовстве. Госпожа Ериша прекрасно это понимала, поэтому мне думалось, что обманывать меня она все же не станет и действительно постарается помочь.

Прежде чем открыть ведьме путь на свободу, я постаралась хоть как-то себя обезопасить. Снова нанюхаться кошачьей мяты и превратиться в средство наполнения накопителей в мои планы не входило. Хотя и сомневалась, что госпожа Ериша опять наступит на те же грабли, подстраховаться стоило.

Консультантом по этому вопросу стал все тот же Федя. На его месте я бы уже взвыла и послала с вопросами куда подальше, но он не только рассказал про существующие амулеты, но и выделил мне один из своих — слабый, но его словам, но все же лучше чем ничего. Правда, на тот момент бедолага понятия не имел, что я собираюсь сделать, иначе, подозреваю, никакого амулета я бы не дождалась — и страх перед ликой, от которого и так уже мало что осталось, не сработал бы.

Словом, когда мой план по освобождению вечно ускользающей от зерров и наконец пойманной ведьмы претворился в жизнь, Федька все-таки взвыл. Взвыли вообще все, кто присутствовал при отзыве заявления и моем наглом вранье о том, что мы с достопочтенной госпожой Еришей позавчера просто мирно пили чай. Врала я вдохновенно, бессовестно и не краснея — чего не сделаешь, чтобы в перспективе спасти свой хвост!

И вот я снова оказалась на маленькой ведьминой кухоньке — с амулетом на шее и пучком розмарина с собственной грядки в руках. Розмарин прихватила на случай, если двуличной особе вздумается снова дурманить меня кошачьей мятой. За движениями госпожи Ериши я следила пристально. И так же пристально за ее домом следили зерры, даже не считающие нужным шифроваться.

— Чайку? — любезно предложила мне ведьма.

— Обойдусь, — нелюбезно отказалась я и поторопила: — Ближе к делу. До ритуала осталось неполных два дня, и мне нужно как можно скорее во всем разобраться.

— Ну а чего бы тебе хотелось? — опустив свой маленький подбородок на сцепленные в замок руки, спросила госпожа Ериша. — Большой свободы действий али так все обставить, чтобы темного мага известить?

На последних словах ее голубые глаза блеснули, а на лице отразилось прямо-таки предвкушение. Из чего я сделала вывод, что Лафотьера ведьма тоже не очень-то жалуется.

— Так вы поэтому решили мне посодействовать? — догадалась я. — Не только из-за желания выйти из-за решетки, но и чтобы насолить Лафотьеру?

— Долг каждой уважающей себя ведьмы по мере возможностей вредить магам, — хмыкнула госпожа Ериша. — Особенно темным. Так что да, Акирочка, утереть нос этому снобу мне вдвойне приятно.

— Маргарита, — машинально поправила я и без перехода озвучила свою позицию: — Нет, изводить я никого не хочу. Но нужно сделать так, чтобы моя жизнь напрямую не зависела от жизни Лафотьера. Чтобы я имела достаточную независимость и наши взаимоотношения имели здоровую деловую основу, а не походили на систему «хозяин-раб».

В этот момент в кухню вошла кошка. Невольно обратив на нее внимание, я отметила, что она явно старая и чем-то необъяснимо походит на свою владелицу. У кошки были очень умные голубые глаза, в которых проскальзывала легкая хитринка — совсем как у госпожи Ериши.

Подойдя к столу, за которым мы сидели, кошка пригнулась и, совершив прыжок, оказалась у ведьмы на коленях, где свернулась клубком.

— Муаретта мой фамильяр, — проведя ладонью по гладкой короткой шерсти, сказала госпожа Ериша. — Можешь звать ее просто Муркой, тебе она позволит.

Словно в подтверждение этих слов, кошка подняла голову, посмотрела на меня долгим взглядом и протяжно мяукнула. Странно, но мне показалось, что я действительно слышу в ее интонациях дружелюбие и нечто, похожее на почитание...

— Для призыва Мурки я использовала ритуал первой ступени, — тем временем сообщила госпожа Ериша. — Мое колдовство, по правде говоря, довольно посредственное, силы во мне мало. Так что и над ним знатно попыхтеть каждое десятилетие приходится. Знаний у меня много, а толку-то... все равно для себя большую их часть применить не могу.

Она вздохнула и, смотря на меня в упор, продолжила:

— Знаю я, как темного мага обмануть. Он ритуал третьей ступени проводить будет — ну, это ты уже и без меня поняла. А для этого даже ему сторонняя сила потребует, поэтому для чтения заклинания призыва он своего дворецкого привлечет. Я научу, что нужно сделать, но тебе придется пробраться к магу в дом, найти свиток с заклятием, который у дворецкого-поверенного хранится, и силу к тому свитку приложить.

Пробраться в дом к Лафотьеру? Пфф, да я королевскую сокровищницу обчистила! В прошлой жизни, правда... Но, может, инстинкты, как и шрамы, от потери памяти не искоренились?

— И как я пойму, что вы не насоветуете мне чего-то не того? — подозрительно уточнила я. — Может, вы моими руками темного мага на тот свет отправите или вообще замените его, скажем, на себя?

Мои предположения госпожу Еришу явно развеселили. Она даже захихикала — ехидненько так, чисто по-ведьмински.

— Да куда уж мне ликой в фамильяры! — все еще смеясь, возразила она. — Я вон и Мурку еле-еле удерживаю. А чтобы мага темного на ту тьму отправить, так и вовсе силы немерено надобно.

— На ту тьму? — не поняла я.

Госпожа Ериша покачала головой, став похожей на мою первую учительницу, и усмехнулась:

— Ну а куда ж еще-то? Али ты думаешь, что все темные на «тот свет» отправляются? Нет, туда нам путь закрыт, но это уже другая история...

И вот на этом моменте я вдруг до конца осознала, что госпожа Ериша при всех своих недостатках и откровенно пакостном характере — бесценный кладезь информации. Конечно, есть вероятность, что она может и приврать себе на пользу, и что-то утаить, но в целом я могу узнать от нее гораздо больше, чем от того же Феде. И об этом мире, и о силе, и самое главное — о себе самой.

Интуитивно почувствовав, что зла мне в настоящий момент не желают и никакой угрозы от ведьмы не исходит, я потянулась к вазочке с печеньем. Стянула пару штук, схрумкала и кивнула:

— Рассказывайте, что мне нужно делать.

ГЛАВА 11

Идея вломиться в особняк Лафотьера казалась сомнительной с самого начала, а уж теперь, когда я пробиралась к нему окольными путями, — и подавно. Госпожа Ериша, порывшись в своих закромах, пожертвовала мне с десятков амулетов. Как она сказала, для отвода глаз. Были среди них и медальоны, и простые тонкие цепочки, и напоминающие фенечки браслеты. Благодаря этой мишуре сама себе теперь напоминала того, в жилище кого намеревалась проникнуть. Насколько я успела заметить, у Лафотьера украшений тоже было предостаточно — одни перстни, поблескивающие чуть ли не на каждом пальце, чего стоили!

Как и положено каждому уважающему себя вору, «на дело» я пошла под покровом ночи. Ночь, на мою удачу, выдалась подходящая — луну застилала невесомая пелена туч, делающая свет приглушенным и рассеянным. Было достаточно темно, но не настолько, чтобы я, ничего не видя перед собой, навернулась со скалы и сломала шею.

Впрочем, когда я подходила к знакомому особняку, тучи скрыли луну совсем, но это я заметила не сразу. Лишь когда, пригнувшись, кралась ко входу, осознала, что прекрасно вижу в темноте... совсем как во сне.

Что-то мне подсказывало, что навешанные на меня амулеты для темного мага — просто пшик. Тоненькая ширмочка, не являющаяся для него помехой. Тем не менее лучше так, чем вообще без ничего. Может, это был небезызвестный эффект плацебо, но отводящие глаза амулеты придавали мне хоть какое-то подобие уверенности. А ее — в смысле уверенности — во мне даже не кот, а маленький котенок заплакал! И чем дальше, тем все более безумной казалась вся эта затея. Если бы не понимание, что это мой единственный шанс утереть Лафотьеру нос и устроить себе спокойную жизнь, уже бы сто раз повернула обратно. А еще я надеялась, что эти же амулеты хотя бы частично защитят меня от потенциального убийцы. Иначе мои блуждания среди ночи становились вдвойне опасны и попахивали самоубийством. Но, во всяком случае, на приставленных Лафотьером зерров, околачивающихся у моего дома с самого вечера, амулеты подействовали и мне удалось незаметно ускользнуть.

— Вот зараза мелкая! — приглушенно прошипела я, прихлопнув очередного, присосавшегося ко мне комара.

К тому моменту, как я входила в дом, все тело чесалось от многочисленных укусов, что только добавляло нервозности. Еще вчера я обратила внимание, что дверь Лафотьер не запирает, видимо полагая, что к нему никто не полезет. А я вот полезла. Внаглую полезла, можно сказать. Вообще-то изначально планировалось, что я войду через черный ход, но моя проявляющая чрезмерную активность интуиция подтолкнула к главной двери.

И, как оказалось уже в следующее мгновение, подтолкнула не зря!

Только-только я переступила порог, как негромко хлопнула дверь в другом конце особняка — видимо, того самого черного хода. А еще через несколько секунд замершая я услышала голоса Лафотьера и его дворецкого, сопровождающиеся лошадиным ржанием. Наверное, если бы не доставшийся в комплекте с улучшенным зрением такой же улучшенный слух, я бы не расслышала, о чем они говорят. Но мои меховые уши отличались феноменальной чуткостью.

Из короткого обмена репликами я узнала, что и Лафотьер, и дворецкий отправляются на погост. Не уверена, что поняла правильно, но, кажется, зомби-дворецкому требовалась какая-то подпитка, и именно этой ночью ее нужно было обновить.

Я успела обрадоваться и возблагодарить высшие силы за ниспосланное мне везение, когда меня настигла крупная... нет, огромная просто неприятность! Синхронно прозвучали хлопки дверей и окон, после чего одновременно щелкнули замки.

А особняк-то Лафотьер иногда все-таки запирает...

Я оказалась в темной и очень пыльной ловушке, выбраться из которой до возвращения мага не представлялось возможным. Сперва от такого поворота событий я на короткое время впала в оцепенение, но повторившееся лошадиное ржание и удаляющийся цокот

копыт привели меня в чувство.

«Решаем проблемы по мере их поступления!» — мысленно напомнила я себе и, больше не мешкая, отправилась на поиски свитка с заклинанием.

По словам госпожи Ериши, этот свиток дворецкий должен хранить где-то рядом с собой, поскольку ему, то есть свитку, нужно успеть проникнуться энергией того, кто будет проводить ритуал. Для меня все это звучало дико непонятно, и я по-прежнему доверяла ведьме разве что процентов на сорок, но, приняв решение действовать, отступить не собиралась.

Конечно, существовала вероятность, что свиток дворецкий унес с собой, но я в настоящий момент предпочла быть оптимисткой.

Где находится комната дворецкого и существует ли таковая вообще (ему же вроде спать не нужно?), я не имела ни малейшего понятия, поэтому входила во все встречающиеся по пути двери. Как выглядит свиток, тоже представляла смутно и могла основываться только на приблизительном описании госпожи Ериши.

Обойдя весь первый этаж, но так ничего и не найдя, я поднялась наверх. Здесь, преодолевая определенную долю страха, приблизилась к кабинету и остановилась, не решаясь надавить на ручку. Даже не сомневалась, что он окажется заперт. Но останавливало меня не это. Почему-то возникло стойкое ощущение, что если попытаюсь в него войти, то Лафотьер об этом узнает. В последние дни интуиция меня не подводила, так что, еще немного поколебавшись, я исследовала другие комнаты второго этажа. Большинство из них были нежилыми и не представляли никакого интереса. На всякий случай я заходила в каждую и исследовала немногочисленные ящики с полками, но, как и ожидалось, безрезультатно. Лишь одна комната помимо кабинета была заперта — полагаю, спальня Лафотьера. Ломиться туда я тоже не стала.

Ведущая на третий этаж лестница располагалась в самом конце коридора. Массивная и темная, она убежала в черноту, смотреть сквозь которую не позволяло даже мое кошачье зрение. Поднималась я осторожно, практически на ощупь, и жалела, что не додумалась взять с собой свечу.

Почему-то подумалось, что прежде я бы не решилась на такую авантюру. Ведь даже идя сюда, я думала, что Лафотьер с дворецким будут находиться в доме, а в таком случае исследовать особняк было бы еще сложнее. Но какая-то часть меня — наверное, та самая, которая хранила воспоминания прошлых жизней, — упорно толкала вперед. Каждый раз, когда Ритка начинала бояться, Акира презрительно фыркала, говоря, что проникновение в логово темного мага — не стоящий беспокойства пустяк.

Даже если меня застучает Лафотьер — что с того? Если все получится, я подправлю заклинание для ритуала себе на пользу. Если нет, то все останется так же, как сейчас. В любом случае хуже не будет.

Когда последняя ступень лестницы осталась позади, темнота рассеялась ровно настолько, чтобы можно было оглядеться. На третьем этаже располагался чердак. Потолки здесь были гораздо ниже, чем на нижних этажах, и пространство было разделено узким коридором, достойным фильма ужасов: свисающая с потолков и оплетающая углы паутина, потрескавшаяся краска на стенах и толстый слой пыли на полу. Как пеплом посыпано. Присмотревшись внимательнее, я заметила, что с одной стороны пыли меньше и вроде бы виднеется нечто вроде протоптанной дорожки. Всего на чердаке имелось две двери, и протоптанный путь вел к одной из них. В конце коридора имелось небольшое окно, сквозь которое струился несмелый лунный свет, благодаря которому было видно хоть что-то.

Дверь, к которой я подошла, была заперта, но на сей раз это меня не остановило. Сейчас я не чувствовала никакой опасности, поэтому прибегла ко взлому. Опыта открывания дверных замков с помощью шпильки для волос у меня было не так чтобы много, но все-таки пару раз к такому неблагоприятному занятию я прибегала. Еще в детстве, проникая в спальню родителей — в первый раз, чтобы забрать взятый мамой дневник и вырвать оттуда пару страниц, второй — чтобы на спор стащить у папы сигареты. Замашки из прошлых жизней давали о себе знать, не иначе. К слову, закурить я тогда попробовала, после чего чистила зубы добрый час, и на этом мое неприятное знакомство с табаком

закончилось.

Так вот, навыки, как оказалось, действительно не ржавеют, и проникнуть за дверь при помощи ведьминой шпильки для меня не составило особого труда. Впрочем, возможно, дело в том, что эта шпилька была заговоренной.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я вошла в комнату, — еще одно окно. Незанавешенное, небольшое и арочное, с придвинутым к нему простым деревянным стулом. На крошечном подоконнике стоял горшок с цветком, листья на котором слегка почернели и местами подсохли. Рядом с ним пристроилась миниатюрная лейка, и мне почему-то подумалось, что несмотря на плачевное состояние цветка, о нем пытаются заботиться.

Слева от двери располагался покосившийся от времени комод, справа — письменный стол, на котором были разложены какие-то бумаги и стояла чернильница с пером.

Я сказала, что первым, бросившимся мне в глаза, было окно? В глаза — да, наверное. Но в целом первое, что я невольно отметила, — это запах. Чуть землистый, самую каплю сладковатый и в то же время отдающий явной горечью. Спустя несколько мгновений я его узнала. Так пахло от дворецкого. Наверное, это аромат самой смерти, но, как ни странно, он не казался противным, да и навязчивым не был. Так, легкий шлейф, почти неуловимый для простых людей и без труда распознаваемый моим чутким носом...

Нет, и все-таки хорошо иметь некоторые кошачьи особенности!

Поняв, что эта чердачная комнатка с покатой крышей как раз то, что мне нужно, я приступила к обыску. В общем-то обыскивать здесь было особо нечего. Пришлось проявить изрядную смекалку, чтобы в конце концов все-таки отыскать свернутый трубочкой свиток. Я полагала, что о такой ценной вещи будут заботиться лучше, но ее бесцеремонно смяли и втиснули в щель между стеной и окном.

Выглядел он потрепанным, но тем не менее незнакомые буквы на пожелтевшей бумаге проступали отчетливо. Из написанного я не понимала ровным счетом ничего, но легкий магический флер улавливала.

Странно, Ериша вроде говорила, что магия должна быть достаточно сильной...

Сомневаться времени не было, и я сделала так, как ведьма меня учила. Развернув свиток, положила его на стол, придавила ладонями и закрыла глаза. Далее требовалось «нащупать» внутри себя силу, представить, как хочу изменить ритуал и направить эту самую силу в свиток. Суть состояла в том, что написанные на бумаге слова — это лишь половина заклинания. Вторую его часть составляет непосредственно магия, эти слова подпитывающая. И именно от нее зависят нюансы и особенности ритуала. Обычно магия была стандартной, но мне приходилось идти на риск и применять творческий подход — совсем как тот экспериментатор-маг много лет назад.

«Нащупать» силу удалось раза этак с пятого — и то я не была уверена, получилось ли. Во всех подробностях представив, чего хочу добиться, попыталась передать силу свитку, и опять не поняла, получилось что-то или нет. В какой-то момент в ладонях появилось легкое жжение — хороший признак. Вот только внутри крепло ощущение, что все-таки что-то не так, но что именно, я никак не могла понять. Просто моя внутренняя кошка почему-то возмущенно фыркала и будто совсем не хотела делать то, что я ее заставляла.

Это настораживало, и буквально через минуту я отняла руки от свитка. Самоощущение было престранным, и я так и не поняла, удалось ли мне изменить магию ритуала себе на пользу. Свернув бумагу с заклинанием, сунула ее на прежнее место, еще раз бегло осмотрелась и поспешила убраться.

Заперла за собой дверь, прошла к ведущей вниз лестнице снова по утопанной дорожке и, миновав второй этаж, спустилась на первый. Чувство некой неправильности не покидало, но сейчас меня больше заботило то, как отсюда выбраться. Ковыряние шпилькой во входных дверях ни к чему не привело. Окна поддаваться тоже никак не желали, и я уже подумывала, не дожидаться ли мне возвращения Лафотьера, а потом незаметно выскользнуть через открытую дверь, когда одно окно внезапно подалось. Оно располагалось в ведущем в кухню коридорчике, было совсем небольшим, но,

изловчившись, я-таки сумела в него пролезть. Попутно впервые пожалела, что пока не умею обращаться кошкой — в таком виде выбраться было бы гораздо проще.

Мысль о том, что у меня все получилось подозрительно легко, быстро выветрилась, когда я устремилась прочь от особняка. Уже почти покинула окружающую его территорию, когда меня настиг насмешливый голос:

— Не это искала?

Дернувшись от неожиданности, остановилась и, резко обернувшись, увидела в нескольких шагах от меня Лафотьера. В его руке находился свиток, демонстрируемый мне с небрежной ухмылкой.

Захотелось выругаться — громко и с чувством! Осознание того, что свиток — тот самый, пришло сразу, как и понимание, что меня бессовестно надули. Провели, как котенка, позволив проникнуть в дом, отыскать «заклинание» и уйти «незамеченной»!

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — не моргнув глазом соврала я.

Поразительно, как у меня получилось говорить ровно и так же пренебрежительно, как Лафотьер.

— Да что ты? — Все с той же усмешкой темный маг шагнул ко мне. — Я не сомневался, что ты придешь. Должен признать, ты неплохо меня развлекла. Наблюдать за тобой было довольно забавно. Слишком предсказуемо, Акир... Маргарита. И наивно. Кстати, спасибо, что наполнила магией накопитель, он пригодится моему дворцовому.

В следующий момент ухмылка исчезла, и ко мне обратился темный и ледяной взгляд:

— Не думай, что сможешь обмануть меня. Не на сей раз.

Сказав это, он демонстративно сунул свиток во внутренний карман и запахнул полы камзола... или как там называется такая одежда.

Я понимала, что проиграла, но отказывалась с этим мириться. Время как будто замедлилось, и витающий меж нами ветер стал вязким и неторопливым. Он приносил запахи и звуки соленого, бьющегося о скалы моря, развевал наши волосы и пробирался под одежду. Ветер мог касаться свитка, спрятанного под черными одеждами, и мне захотелось сделать то же самое. В этот момент мое сознание как будто разделилось надвое — точно, шизофрения прогрессирует, — и я в полной мере почувствовала дремлющую во мне силу. Внезапно пришло абсолютно четкое понимание, что мне достаточно лишь нескольких секунд, одного единственного прикосновения к бумаге, и я сумею изменить наполняющую ее магию. Сделаю это так, что маг ничего не заметит вплоть до завершения ритуала...

— Приму к сведению, — кивнула я, тоже сделав несколько неспешных шагов к Лафотьеру. — Пусть будет по-твоему. Но договор, который составит для нас Феорд, ты подпишешь. Никакой магии, просто деловое соглашение, согласно которому я буду получать оплату за свою работу. Если буду зависеть от тебя морально, пусть мне останется свобода хотя бы материальная.

Маг смерил меня долгим испытывающим взглядом, явно ища подвох, и, не найдя его, утвердительно кивнул.

И я решила на маленькое безумство... хотя, пожалуй, на него пошла не я, а та моя часть, которая прожила не одну жизнь, разменяв сотни и сотни лет.

— Спасибо, Йен, — приблизившись к нему вплотную, произнесла я с совершенно несвойственными мне мурлыкающими интонациями.

И пока он не опомнился... поцеловала. Поцеловала темного мага!

Разделение сознания стало как никогда отчетливым. Одна моя половина, которая знала себя как Риту, мысленно материлась и паниковала, почему-то попутно отмечая, что губы у Лафотьера неожиданно мягкие. А вторая — Акира обвивала его шею одной рукой, а другую положила ему на грудь и, ощутив магию заклинания, принялась стремительно ее

менять.

Все это в совокупности было еще более странным и невероятным, чем, проснувшись среди незнакомого леса, обнаружить у себя кошачьи уши и хвост. И еще более невероятным был короткий отклик темного мага, когда он, словно забывшись, ответил на мой поцелуй. В этот момент с магией заклинания было покончено, я снова ощущала себя как единое целое, и испытывала чувства сродни тому, как если бы меня скинули с обрыва прямо в беспокойное ночное море. Я не умела плавать, поэтому тонула, тонула, тонула... а потом опомнилась и все-таки вынырнула, отстранившись и отойдя на шаг.

Посмотрев в глаза Лафотьера, обнаружила, что зрачок полностью затопил радужку, сделав их беспросветно черными.

— Могу я узнать, что это было? — спокойным тоном, за который захотелось его стукнуть, спросил темный маг.

— Когда одни губы накрывают другие — это называется поцелуем, — язвительно просветила его я. — Спокойной ночи, Лафотьер.

Пока шагала прочь, чувствовала на себе его неотрывный взгляд, отчего между лопатками непрерывно зудело. Лишь невероятным усилием воли не позволяла себе сорваться на бег, хотя сделать это хотелось безумно.

Мы поцеловались! Нет, не так... Я сама поцеловала невыносимого темного мага!

Негодование, смятение и, стыдно признать — неожиданное, растекшееся по венам жгучее желание оттеняли радость и неверие. Потому что, уходя со скалы, оставляя позади темный особняк и его хозяина, я знала, что у меня все-таки получилось. Каким-то чудом я сумела повлиять на заклинание, и Лафотьер этого не заметил.

Относительно пришла в себя, только оказавшись в стенах уже практически родной мастерской. По привычке закрыв за собой дверь, прислонилась к ней спиной и приложила ладони с щекам. Все еще не верилось, что мое приключение закончилось именно так. Сила внутри уже не бурлила, но я до сих пор ощущала ее отголоски, выражающиеся в легком покалывании кончиков пальцев и разлившимся по телу особом тепле. Меня словно наполняло что-то мягкое и приятное, вызывающее ассоциации с маленькими пушистыми котятами, на которых невозможно смотреть без улыбки и которых хочется касаться.

Всю дорогу до дома я чувствовала присутствие позади Лафотьера. Он двигался за мной незримой провожающей тенью. Не знаю, почувствовала бы его в иной раз, но этой ночью, когда все ощущения обострились, я, кажется, даже слышала его тихое дыхание.

И вот что глупо: умом понимала, что о моей безопасности он печется исключительно из корыстных побуждений, а сердцем почему-то хотела верить, что не только.

И надо же было додуматься его поцеловать!

Плюхнувшись на матрац, я в порыве чувств громко хрустнула позаимствованным у госпожи Ериши яблоком и еще раз прокрутила в памяти все, что случилось за последние два-три часа.

Нет, темный маг — мужик видный, нелепо отрицать. Красивый, обеспеченный, с мозгами, харизмой и внушительной, хоть и пыльной жилплощадью — просто ходячая мечта среднестатистической девушки! Вот только мечта эта до отвратительного самоуверенная, упрямая, спящая и видящая, как бы прибрать к рукам одну оказавшуюся в затруднительных обстоятельствах ликов.

Мысли то ходили по кругу, то перескакивали с одного на другое. Никогда не причисляла себя к чрезмерно впечатлительным особам и уж тем более никогда не сходила с ума из-за поцелуя. К поцелуям я вообще всегда относилась несерьезно, и девиз «умри, но не дай поцелуя без любви» — однозначно не про меня. Но сейчас как будто переклинило. Сколько ни старалась, никак не могла отделаться от ощущения его губ на своих губах, от исходящей от мага силы — как физической, так и нематериальной, от терпкого запаха с легкими древесными нотками, который словно въелся прямо под кожу... Да чтоб его!

Доев яблоко, отложила огрызок, намереваясь выбросить утром, и притянула к себе фотоаппарат. Никакие доводы о том, что нужно беречь заряд батареи не помогли, и я привела своего доброго друга в рабочий режим. Не знаю почему, но ощущение в руках фотоаппарата всегда помогало мне успокоиться.

Методично пролистывая сделанные на свадьбе Терехиных фотографии, я безжалостно их удаляла и в итоге оставила всего пару — на память о прежней жизни, которую, надеюсь, в отличие от остальных, не забуду никогда.

Добравшись до последнего фото, я машинально собралась стереть и его, но мой палец так и замер над кнопкой удаления. Вместо ожидаемого кадра со свадьбы я лицезрела знакомую комнату — ту самую, в которой сейчас находилась. На снимке были запечатлены деревянные стены, фрагмент окна и край лежащего неподалеку матраца. Судя по освещению и сумеркам за окном, фото было сделано поздним вечером, уже практически перетекшим в ночь.

Хоть убей, не помню, чтобы такое фотографировала!

Засомневавшись, уж не случились ли у меня очередные пробелы в памяти — того и гляди, скоро окончательно стану амнезичкой-шизофреничкой, — я проверила дату и время, да так и замерла.

Фото было сделано сегодня. Буквально через минут пятнадцать после того, как я ушла из мастерской с намерением проникнуть в особняк Лафотьера. По всему выходило, что некто не только побывал здесь в мое отсутствие, но еще и оставил после себя напоминание — не то чтобы просто напугать, не то... а вот даже не знаю зачем. И что самое главное, этот некто сумел проникнуть внутрь, несмотря на внушительный дверной замок! Влез через окно? Но стекла целы, а снаружи их так просто не открыть, я проверяла. К тому же за моей мастерской и участком наблюдает как минимум пара зерров и, судя по всему, они ничего не заметили. Впрочем, я и сама незаметно от них ускользнула, всего-то и потребовалось нацепить несколько отводящих глаза амулетов...

Чем дальше, тем сильнее мне все это не нравилось. История с покушением, а теперь с проникновением в святая святых — мою прежнюю мастерскую и нынешнее место обитания, плохо пахла. Смердела, откровенно говоря! Но зато взбодрила и отвлекла от мыслей о темном маге. Какие уж там ощущения от поцелуев, если какая-то зараза то убить пытается, то кладет свою противную лапу на твой фотоаппарат!

Несмотря на физическую и эмоциональную усталость, заснуть я не могла долго. Непроизвольно вздрагивала от каждого шороха, прислушивалась ко всему, что творилось на улице, и не сомкнула глаз до тех пор, пока темнота не поредела, возвещая о скором наступлении утра.

ГЛАВА 12

Половину следующего дня пришлось безвылазно проторчать в мастерской, а все из-за ужасного непрекращающегося ливня, обрушивающегося с неба, точно гигантский водопад.

Сидя у окошка, я вздыхала и тихонько умирала. Как это обычно бывало, дождь способствовал появлению хандры, представляющейся мне этаким пакостным чудовищем — с мокрым хлюпающим носом и тоскливым выражением морды.

А еще мне ужасно хотелось есть. Дико просто! Заблаговременным обеспечением провизией я накануне не озаботилась и теперь страдала, истязая себя представлением горячей пиццы с тягучим сыром, сырных же спагетти, жареных куриных крылышек... и рыбы. Почему-то именно о рыбе мечталось просто до одурения! Но проливной дождь и отсутствие зонта или хотя бы захудалого дождевика пресекали все мечтания на корню.

Так что на улицу я выползла только после обеда и сразу же нарвала луновы. Оговоренная неделя с посещения аптеки еще не прошла, но благодаря своей убедительной настойчивости я добилась того, чтобы господин Грилл ее купил. Без сопровождающего я, естественно, не осталась — Федя нарисовался поблизости, не успела я покинуть свой двор. Притом появился не просто так, а с зонтом, который был довольно-таки необычным — не привычно круглым, а квадратным, коричневого цвета.

Вот не мог пораньше показаться!

После дождя на улице все дышало прохладной свежестью. Ароматы усилились, в воздухе чувствовались соленые и травянистые нотки, пахло деревом и мокрыми дорогами — запах камней, которыми были вымощены улицы, отличался от запаха асфальта, но мне он нравился. Пожалуй, запахи — единственное, что позволило мне примириться с нелюбимой мокротой.

Желание поесть рыбы я удовлетворила, тем более, что, учитывая средства от продажи луновы, могла себе позволить. Грех не полакомиться морепродуктами, живя в приморском городе!

Небольшой ресторанчик я выбрала по совету Феде, и обедали мы вместе. Это заведение располагалось неподалеку от центра и обладало приятной атмосферой. Интерьер напоминал скандинавские мотивы — обилие дерева, все лаконично и светло. Мы заняли столик у окна, и пока дожидались заказа, я любовалась видом улочки, которую наполняли прохожие, высунувшиеся из домов после долгого дождя. Вдоль дороги цвели деревья, и тротуар, подобно тонкому ковру, устлала их белоснежные лепестки.

Посетители ресторанчика на меня, разумеется, косились. Соседние столики оставались подозрительно пустыми, несмотря на то что у входа выстроилась очередь в ожидании свободных мест. Такое положение вещей нисколько не задевало, скорее веселило.

Принесенная мне целиком запеченная рыба на подложке из овощей определенно стоила ожидания. Называлась она как-то причудливо, а на вкус напоминала дораду, которую я просто обожала. Наворачивая блюдо, я забыла и о посетителях, и о манерах, и вообще обо всем, наслаждаясь каждым съеденным кусочком.

Пока продолжалась трапеза я все больше и больше добрела. Все просто: голодная кошка — злая кошка. Сытая кошка — добрая кошка. Только какие-то странные звуки, похожие на тихую работу трактора, немного раздражали. Ремонт у них в кухне, что ли?

— Госпожа Маргарита, — когда я дошла до поедания рыбьего хвоста, позвал Федя.

Я подняла на него вопросительный взгляд.

— Вы, кажется... мурчите.

Так и застыла, не донеся до рта вилку. Замерев, прислушалась к себе и с изумлением констатировала: отвлекающие, походящие на работу трактора звуки исходят от меня. Я действительно мурчу!

Вот, пожалуйста, Ритка, — еще одна кошачья причуда тебе в копилку.

Нет, ну надо же, и правда мурчу!

Я неподвижно посидела некоторое время, дожидаясь, пока мой внутренний «трактор» заглохнет, хмыкнула и вернулась к рыбке. Ею я не наелась, поэтому заказала себе еще куриную запеканку с щедрым слоем сыра — господи, наконец-то сыр! — и творожно-шоколадный десерт. А к тому времени, как мне принесли десерт, небо прояснилось, и в окно заглянуло приятно согревающее солнце. Вот он — мой рай!

— Госпожа Маргарита... — снова позвал Федя.

— Уже не мурчу, — опередила его окончательнo подобрeвшая я.

— Я не об этом, — возразил он, смутившись. — Просто вы такая стройная... не пойму, как в вас столько...

— Влезает? — любезно подсказала я. — Все очень просто, Федька. У меня имеется одна врожденная суперспособность: есть и не толстеть. Кстати, на той грани за такое женщин причисляют к ведьмам.

Федька вылупился на меня так, словно я только что открыла ему десяток Америк.

— Но вы ведь ликой! Ликой никак не может быть ведьмой!

Забывшись, он произнес это слишком громко, и добрая половина посетителей обернулась в нашу сторону.

— А я особенная ликой, — не стирая сытой улыбки, сообщила ему. — Думаешь, почему проживаю десятую жизнь?

Судя по виду, Федька моей иронии не понял и действительно поверил, что я какая-то особенная, неизвестная местной науке ликой. Мне вообще казалось, что он поверил бы, даже скажи я, что прилетела с другой планеты. И кто его такого доверчивого в зерры-то взял?

Пообедав, я забрала у Феде составленный для нас с Лафотьером договор и внимательно его изучила. Все мои пожелания были учтены и, согласно договору, оплата моей фамильярской работы составляла сто десять ру в месяц. Если маг это подпишет — а он подпишет, — то буду я как сыр в масле кататься и горя не знать. Особенно с учетом того, что о правах своих я минувшей ночью позаботилась и полностью зависеть от Лафотьера не буду. Лишь бы он до завтрашнего дня об этом не узнал...

О проникновении в свое жилище я никому не рассказала, рассудив, что четвертое поданное заявление с учетом отозванного второго — уже слишком. По крайней мере, это дело терпело отлагательства, пока я не взвалю на свои хрупкие кошачьи плечи нелегкую долю фамильяра.

Весь вечер я релаксировала. Просто отпустила ситуацию, в которой сделала все, что могла, и постигала дзен. Лежа в мастерской, лениво листала книги, размышляла о бренности бытия и мысленно философствовала, греясь в лучах закатного солнца — словом, занималась всем тем, чем обычно занимаются все нормальные кошки.

И все шло хорошо, мир был умиротворен и прекрасен, пока в мое пространство бесцеремонно не вторгся посторонний. И ладно, если бы это был Федя — с ним, по крайней мере, можно было спокойно пофилософствовать вслух. Так нет, сначала со своей каждодневной проверкой притащился старший зерр, а после его ухода пожаловал господин темный маг. Вероятно опасаясь, что я могу выкинуть что-нибудь, способное помешать завтрашнему ритуалу, он вознамерился лично за мной следить. Лично, чтоб на него мыши напали!

— Завтра после ритуала переедешь ко мне, — с порога объявил он. — Но можешь сделать это уже сейчас и провести ночь на нормальной кровати, а не на... этом.

«На этом» сопровождалось выразительным взмахом рукой и брезгливым взглядом в сторону моего лежбища.

— Лучше чистый матрас, чем пыльная кровать, — съязвила я, раздраженная из-за нарушенного уединения. — И я тебя сюда не приглашала. Как ты вообще вошел?

Он взглянул на меня с такой снисходительной усмешкой, что мне захотелось его пристукнуть уже в который по счету раз. Тем не менее даже из таких обстоятельств можно было извлечь некоторую пользу.

— То есть с помощью магии можно проникать в запертые помещения? — подумав о вторжении в мастерскую, уточнила я.

— Замки не являются серьезной преградой для тех, у кого есть хотя бы немного силы, — ответил Лафотьер и, присев прямо на пол, с сомнением спросил: — Ты не помнишь даже этого?

Я насупилась:

— Не помню вообще ничего. И пользоваться силой не умею. Так что на твоём месте я бы не рассчитывала получить полезного фамильяра в моем лице.

— Но накопитель ты наполнила, — резонно напомнил Лафотьер, в чьей позе сквозила расслабленность и легкая небрежность. — Значит, все не так безнадежно. Вдобавок, став моим фамильяром, тебе будет легче раскрыть свои способности ликой.

Да, плюсы в нашем сотрудничестве, несомненно, присутствовали, глупо отрицать.

— Раз уж ты об этом заговорил. — Я достала из сумки составленный Федей договор и протянула магу: — Подпиши. Ты обещал.

— Обещаниям магов следует верить, только если они произносятся вслух, — принимая бумагу, сообщил он мне. — Вот теперь я действительно верю, что ты вообще ничего не помнишь.

— Прекрасно. Еще поверь, пожалуйста, что я правда не могу пользоваться силой, накопитель зарядила по чистой случайности, а воздействовать на настоящий свиток с заклинанием этой ночью даже не пыталась.

— Сто десять ру? — Брови Лафотьера стремительно поползли вверх. — Не многовато ли для той, которая, как ты сама заметила, не слишком полезна?

— Как ты правильно заметил, все не так безнадежно, — ответила ему в тон. — Я ликой, причем уникальная в своем роде. Так что ты в любом случае обзаводишься ценным фамильяром. Сто десять ру в месяц — не такая уж большая оплата, согласишься.

— Мне снова напомнить, что по твоей милости я лишился почти всего, что имел? — подняв на меня глаза, спросил Лафотьер. — Когда ты пришла ко мне с проклятием от артефакта и предложила себя в роли фамильяра, ни о какой оплате с моей стороны речи не шло.

— Тогда не шло, а теперь идет, — настояла я. — Подписывай, Йен. После ритуала я и так буду в твоём полном распоряжении, позволь мне получать за это хотя бы деньги.

Последнее предложение произносила с безысходной тоской в голосе и печалью в глазах. Я боялась выдать себя хоть чем-то, опасалась, как бы он чего не заподозрил, но, похоже, мне удалось его убедить.

— Знаешь... — Направленный на меня взгляд стал задумчивым. — Когда ты произносишь мое имя, я вспоминаю вчерашний поцелуй.

Я непроизвольно вздрогнула. Вот же!

Мне совершенно не нравилось, что после этих его слов я стала чувствовать себя неуютно, поэтому вставила прежде, чем он успел сказать что-то еще:

— Это был секундный, ничего не значащий порыв. Должна признать, ты со своими светлыми волосами на фоне черного неба смотрелся очень эффектно. Хотя вообще-то я предпочитаю брюнетов.

— И всех брюнетов с эффектными блондинами бросаешься целовать? — слегка склонив голову набок, Лафотьер выразительно изогнул бровь.

— Так, давай еще раз, — сложив руки на груди, произнесла я. — У меня зашкаливал адреналин. И вообще я пережила стрессовую ситуацию. Так что ты просто попал под горячую руку.

— Под горячие губы, ты хотела сказать? — насмешливо уточнил маг.

Вот ведь дотошный какой!

— Словом, — продолжила, проигнорировав вопрос, — давай считать, что никакого поцелуя не было. Незачем портить деловые отношения невнятной романтикой.

— Невнятной, значит?

Очередной риторический вопрос проигнорировала снова.

К счастью, развивать эту тему Лафотьер не стал, и я снова начала ощущать себя в своей тарелке. Все же усложнять наши и без того нелегкие отношения не хотелось. А темного мага я намеревалась воспринимать исключительно как работодателя, и никак иначе.

Ненадолго задумавшись, я погрузилась в себя, а когда снова вернулась к реальности, передо мной уже лежал составленный Федей договор, внизу которого значилась размашистая подпись темного мага.

Ночь выдалась престранная. Спать я не ложилась долго, поскольку вытолкать из мастерской Лафотьера так и не удалось. Идею спровадить его в соседнюю комнату я отменяла сразу — будь я полноценной кошкой, от такой мысли у меня бы дыбом встала шерсть. Все из-за потайной подпольной комнаты, о которой никому постороннему, особенно темному магу, знать не следовало. Не знаю почему — не следовало, и все.

По ощущениям, свечу я погасила, когда время перевалило за полночь, но ночь выдалась ясной, и в комнате было довольно светло. Близились полнолуние, и пока еще кривоватый серебристый диск проникал сквозь оконные стекла, скрадывал цвета и, обволакивая помещение, придавал ему некий флер таинственности.

Спать мне хотелось, но я никак не могла расслабиться из-за присутствия Лафотьера. Не так-то просто уплыть в бессознательные дали, когда на тебя неотрывно пялятся! Опасности или угрозы для себя я не чувствовала, но все равно было беспокойно. Как следствие, сон был дерганным и неглубоким, а самочувствие с утра скверным. Проснувшись я буквально с первыми петухами, бессовестно орущими где-то неподалеку и действующими лучше всякого будильника. Город, называется!

Застонав, я мысленно перевернулась на другой бок и тут же наткнулась на все тот же, совершенно не изменившийся за последние часы взгляд.

— Ты что, робот? — Я удивилась абсолютно искренне.

— Мне хватает пары часов сна, — невозмутимо ответил темный маг.

Непрошибаемый! И вот уверена, даже этих двух часов не поспал, а выглядит все равно безупречно. На лице — ни малейшего следа усталости, глаза слегка отливают красным исключительно из природной особенности, а на одежде по-прежнему ни единой помятости.

Тьфу, смотреть противно!

Особой стеснительностью я не отличалась, но лечь спать все-таки предпочла в сарафане. И теперь, не в пример некоторым темным магам, вид имела пожеванный. Да и чувствовала себя так, словно меня целиком засунули в стиральную машинку и поставили на особо рьяный стиральный режим.

Умывалась по привычке у колодца, в этот момент думая о том, что переезд к Лафотьеру — не такая уж и плохая перспектива. Впрочем, я намеревалась переехать к нему лишь на время, пока не заработаю денег на покупку нормальной мебели и не обзаведусь

горячей водой. И не потому, что темный маг так пожелал, а потому, что мне так удобно. Для этого и вмешивалась в магию заклинания — чтобы полностью от него не зависеть и, уж конечно, не помирать, если вдруг Лафотьер отправится на тот свет... то есть тьму.

Перед проведением ритуала пришлось заехать в его особняк, чтобы забрать дворецкого и кое-какие вещи, среди которых оказалось белоснежное, похожее на подвенечное, платье.

— Я точно фамильяром становиться собираюсь? — спросила, подозрительно покосившись на мага. — Не женой?

— Высшие силы упаси! — хмыкнул тот. — Платье новое, до тебя никто не надевал. Но если хочешь проводить ритуал в мятом тряпье...

— Да плевать мне, во что буду одета! — моментально вспыхнула я. Да, выдержка — не моя сильная сторона. — И никакое это не тряпье, а приличный сарафан, что б ты вообще понимал!

Мое возмущение было оставлено без внимания.

— Переодевайся быстрее, буду ждать на улице, — сказав это, Лафотьер наконец избавил меня от своего драгоценного общества.

Впрочем, дворецкий остался, но к нему я испытывала только положительные чувства.

— Позвольте помочь вам, госпожа ликой, — услужливо предложил он. — Мелкие застежки находятся на спине, самой вам справиться будет трудно.

При всей к нему симпатии, представив, как моей кожи будут касаться холодные пальцы со слегка длинноватыми потемневшими ногтями, я внутренне содрогнулась.

— Ничего-ничего, я привыкла одеваться сама, — скрасила отказ улыбкой и, вспомнив имя дворецкого, тут же попросила: — Крикко, ты не мог бы отвернуться?

Он отвернулся моментально, и второй раз повторять просьбу не пришлось. Нет, я, конечно, понимала, что имею дело с зомби и вряд ли его способны взволновать полуголые девицы, но все-таки хотелось придерживаться каких-то рамок приличия.

С застежками и впрямь пришлось повозиться, но врожденная гибкость позволила застегнуть каждый крючок. Платье село как влитое. Обычно я отдавала предпочтение удобной одежде, но и красивые вещи ценила. Если уж надевала платье, то обязательным условием было, чтобы оно мне нравилось. Так вот это мне действительно нравилось, хоть оно немного и напоминало подвенечное. Облегающее до середины бедер и струящееся вниз, с обилием тонких кружев, оно подчеркивало фигуру и делало образ женственным. Под такой наряд было бы неплохо собрать волосы, но с ними заморачиваться я не стала. А вот переобуться бы согласилась — сандалии сюда не вписывались совершенно! Но покупкой туфель Лафотьер не озаботился — не то забыл, не то просто не посчитал нужным их приобретать. И ладно.

Как мы садились в ожидающий нас экипаж — отдельная история. Как бедолагу-кучера не хватил инфаркт — загадка. Судя по виду, он и в нашем с Лафотьером присутствии еле-еле держал себя в руках, а уж когда его пассажиром оказался зомби...

Когда экипаж остановился у погоста, я почти не удивилась. Кажется, уже начинала привыкать и к надгробиям, и к мрачности, и ко всяким сомнительным ритуалам. А вот когда мы направились к тому самому склепу, где я имела честь побывать пару дней назад, все-таки испытала удивление. При таком антураже мое платье уже не напоминало свадебное... скорее ассоциации с саваном вызывало!

Апофеозом стал наш спуск в расположенное под склепом подземелье. Когда мы вошли в склеп, Лафотьер с помощью магии отодвинул тяжелую мраморную плиту, открыв проход в подвал. Спускаться по темной, утопающей во мраке лестнице мне не хотелось совершенно, но кто бы меня спрашивал?

Первым шел Крикко, следом я, и замыкал шествие Лафотьер, видимо по-прежнему опасющийся, что я могу сбежать. Наивный, убежать мне уже незачем.

Внизу все оказалось не так жутко, как мне представлялось. Обычный темный зал, где источником света служили факелы, зажженные Лафотьером с помощью все той же магии. Что примечательно, запылавший на них огонь был фиолетово-синим и холодным, совершенно не источающим тепла. В центре зала высился постамент, при первом же взгляде на который в мыслях всплыло слово «алтарь». Хотелось верить, что не жертвенный.

— Миленько здесь, — невольно поежившись, проронила я.

— Чувствуй себя как дома, — съязвил Лафотьер, явно забавляющийся моей реакцией.

Фыркнув, я расправила плечи и демонстративно зашагала прямо к алтарю, у которого уже остановился Крикко.

ГЛАВА 13

На меня, не мигая, смотрели темные, подсвеченные красным глаза, контрастирующие с собранными в хвост серебристыми волосами. На бледной коже Лафотьера просвечивался узор вен, убегающих под воротник аккуратной черной рубашки.

«Страшно красив» — первое, о чем я подумала, впервые его увидев. Притом, что больше — «страшно» или «красив», не решила до сих пор.

Хотя, пожалуй, в настоящий момент к нему больше подходит определение «самодоволен». Смотрит свысока, на четко очерченных губах играет легкая усмешка, которую так и хочется стереть!

— Кхм-кхм, — прокашлялся Крикко. — Хозяин, мы можем начать?

— Начинай, — не сводя с меня пристального взгляда, разрешил темный маг.

Все так же не прерывая зрительного контакта, Лафотьер взял меня за руку, переплетая наши пальцы. Почему-то думала, что его рука окажется холодной, но она была лишь слегка прохладной, даже теплой. Совсем некстати вспомнилось, что губы его были поразительно горячими, даже обжигающими, как бы пошло ни звучало... нет, ну сколько можно об этом вспоминать!

Пока я была занята совершенно непозволительными мыслями, дворецкий начал читать хитросплетенное заклинание. И вот теперь похолодало — ощутимо, до пробежавшего по коже озноба. В подземном зале и без того не царила атмосфера пляжного курорта, а сейчас температура и вовсе приблизилась к той, что бывает в середине осени. Впрочем, не только температура навевала ассоциации с осенью. Пробежавший по подземелью ветер тоже был совершенно не майским, а холодным и колючим. Он стремительно забрался под одежду, развеял подол моего платья и наши с Лафотьером волосы. Да, волосы у мага сейчас тоже были распущены, и это невольно завораживало. Никогда не понимала, зачем некоторые мужчины носят длинные волосы, и не находила в этом ничего привлекательного. Подобные личности всегда казались мне либо слишком женоподобными, либо наоборот, неряхами, у которых на голове вечно неопрятные пакли.

С Лафотьером все было иначе. Длинные серебристые пряди прекрасно вписывались в его образ, контрастировали с черной одеждой и придавали его облику что-то такое... потустороннее, даже демоническое. Нереальная, притягательная красота, сосредоточение которой — черные как тьма глаза, в которых то и дело вспыхивают красные искры.

Я отдавала себе отчет, что слишком пристально на него смотрю, но в эти мгновения поделаться с собой ничего не могла. Меня будто затягивало в ненасытную черную воронку, и единственной опорой, не позволяющей потерять равновесие, оставалась рука Лафотьера, которая теперь, на фоне окружающего холода, казалась по-настоящему теплой.

Сердце, вопреки волнению, не ускорило биения, а напротив, замедлило. Складывалось ощущение, что оно вторит неспешно, слегка нараспев произносимым Крикко словам.

Рядом с волнением во мне уживалось и предвкушение — так и хотелось посмотреть на физиономию мага, когда он все поймет! Обнаружит, что я все-таки сумела переиграть ситуацию с выгодой для себя и не стану его ручной зверушкой, приносящей в зубах тапочки по первому требованию! Но я сдерживалась, демонстрируя соответствующие случаю недовольство и досаду. Еще рано. Если он сейчас заподозрит неладное — все старания псу под хвост!

Запястье начинало покалывать. По темному залу пробежал очередной порыв ставшего уже откровенно ледяным ветра. А потом случилось нечто странное. Впрочем, все происходящее, начиная с моего появления на этой грани мира, вполне подходило под определение «странно». Но все же, когда наши с Лафотьером волосы, подхватываемые ветром, начали сплетаться, я буквально приоткрыла рот. Мелкие невидимые насекомые, в простонародье именуемые мурашками, покрывали меня с головы до пят, пока черные и серебристые пряди тянулись друг к другу и завязывались в мелкие нетугие узелки.

Кажется, от пробивающей меня дрожи подрагивали даже кончики ушей и хвост, живущий своей собственной жизнью.

Чувство, будто я являюсь героиней какого-нибудь фантастического фильма, стало особенно сильным. Вот только вокруг проступала лишь темнота да островки света от горящих факелов, а операторов и режиссера не было и в помине.

Тот момент, когда до Лафотьера дошло, что что-то не так, я уловила отчетливо. Выражение его глаз начало стремительно меняться и, будь я способна в эти секунды его идентифицировать, сказала бы, что в его глазах отражается удивление, неверие и... злость.

Да, темный маг был зол! А как я заметила несколько позднее — близок к бешенству. Почему-то пришло на ум, что вывести его из себя не так-то просто, а мне это удастся с завидной периодичностью.

Судя по тому, что ритуал шел своим чередом, прерывать его было нельзя, иначе бы Лафотьер это сделал. Я еще успела запоздало испугаться, что после завершения ритуала от меня не оставят мокрого места и наплюют на нашу фамильярскую связь, когда почувствовала, что ноги отрываются от пола. Нечто невидимое — возможно, та самая часто поминаемая сила, а может, сама Тьма приподняла нас, нарушив законы гравитации, и окружила легким светящимся ореолом. У Лафотьера он был фиолетовым, у меня — зеленым и, пересекаясь, эти свечения сливались, будто вросли друг в друга, параллельно с чем я чувствовала, как холод сменяется приятным теплом. Оно теперь уже навевало мысли о скором лете, растекалось по телу и сосредотачивалось где-то в районе солнечного сплетения.

Еще буквально минута, и все было закончено.

Отзвучали последние слова заклинания, ноги снова коснулись пола, погасли последние фиолетовые и зеленые искры.

Наступила ти-ши-на.

Мы с магом стояли напротив друг друга, смотрели в глаза, и я мысленно прикидывала, сумею ли сбежать. Вот даже на гордость бы наплевала! Потому что злой темный маг — это огромная угроза. А темный маг в бешенстве — уже катастрофа, грозящая перерости в апокалипсис. Мой личный апокалипсис! Это я понимала на уровне инстинктов, каким-то шестым чувством, и это чувство красноречиво намекало, что лучше бы мне сейчас оказаться где-нибудь подальше.

Я снова это сделала. Родившись в десятый раз, опять обдурила Йена какого-то там Лафотьера.

— Ты. Что. Сделала? — чеканя каждое слово, произнес маг.

Лучше бы орал, честное слово! И то было бы не так жутко.

— Понятия не имею, о чем ты...

— Лучше молчи, — все с тем же убийственным спокойствием перебил он меня. — Иначе...

Что будет иначе, проверять не хотелось, и я в кои-то веки благоразумно прикусила язык. И попятилась, намереваясь обойти Лафотьера по широкой дуге, чтобы подобраться к лестнице. Пусть немного остынет, придет в себя, а потом мы нормально все обсудим. И вообще, подумаешь, умирать вместе с ним не буду! Подумаешь, от неисполнения приказов страдать не стану! Это, на минуточку, вполне нормальные изменения, а не то рабовладельчество и варварство, которое меня ожидало в случае невмешательства!

Беспросветно черные глаза Лафотьера преследовали меня неотступно. Наверное, поэтому я, вопреки свойственной кошкам грациозности, оступилась и подвернула ногу. Зашипев от боли, постаралась удержать равновесие, но тщетно. Секунда — и я неуклюже распласталась на полу.

На некоторое время потеряв из виду Лафотьера и сконцентрировавшись на своей боли, я

не сразу поняла, что означает появившееся поблизости движение. Относительно придя в себя, посмотрела вбок и обнаружила невероятную картину: Крикко придерживал Лафотьера, который стоял, стиснув челюсти и приподняв одну ногу. При этом смотрел он на меня с такой откровенной ненавистью, что стало действительно по-настоящему жутко.

Еще спустя пару мгновений я обратила внимание, что он припадает на правую ногу — ту же, которую подвернула я. По ощущениям, мое лицо вытянулось, глаза округлились, и мимика в целом отразила испытываемое мной крайнее изумление.

Наверное, безопаснее было помолчать, но я не сдержалась:

— Это что? В смысле... ты...

На щеках Лафотьера заходили желваки, и вокруг него появились темные, на этот раз с примесью алого всполохи.

— Не знаю, что произошло, — произнесла неуверенно.

Поскольку он молчал, снова негромко заговорила сама:

— Я просто хотела сделать так, чтобы после ритуала не быть в твоей власти полностью. Чтобы мои *жизнь* и *воля* от тебя не зависели...

Бомба замедленного действия в лице темного мага все-таки взорвалась.

— Дура! — обрушилось на меня. — Изменяя магию ритуала, невозможно выкинуть его часть! Можно только перераспределить силы, переставить акценты! Понятия не имею как, но ты повернула ритуал в обратную сторону!

Кажется, Лафотьер не собирался этого говорить, но бушующие внутри него эмоции требовали выхода.

Заторможенно посмотрев на свою больную ногу, я снова перевела взгляд на него. Облизав внезапно пересохшие губы, севшим голосом спросила:

— Так это что... теперь ты — фамилляр?

Судя по всему, меня мечтали убить с особой изощренностью, подвергнув болезненным пыткам.

— Нет, черт тебя побери! — Никогда еще не видела Лафотьера в таком бешенстве. — *Формально* ты — мой фамилляр, но наши эмоции теперь связаны! Наши ощущения связаны! Даже наши мысли первое время, тьма тебя сожри, связаны! И *моя жизнь* зависит от *твоей!*

Последнюю фразу он точно не собирался говорить и о сказанном тут же пожалел, это было видно. Я же понятия не имела, что говорить и даже что обо всем этом думать. Мысли разбредались в разные стороны, и мне никак не удавалось осознать, что все это реально. Разве могло так получиться? Я ведь добивалась совсем другого!

Хотя...

В тот момент, когда целовала Лафотьера и влияла на магию заклинания, я практически себя не контролировала. Сейчас даже при всем желании не смогла бы вспомнить, о чем думала в тот момент и чего хотела. На заклинание тогда влияла та моя часть, которая ныне пребывала где-то в подсознании. Все, что я помнила — это на миг заполнившее меня ощущение триумфа и удовлетворение от того, что все получилось. А вот что именно подразумевалось под этим *все*...

Пока я пребывала в своих путаных мыслях, в подземном зале снова висела абсолютная, ничем не нарушаемая тишина.

К тому времени, как мы покидали подземелье, мои мысли по поводу сложившейся ситуации несколько изменились. Ладно, в корне изменились, признаю. Посмотрев на такое положение вещей под другим углом, я не могла не признать, что оно меня более

чем устраивает. Нет, совесть — это, конечно, прекрасно, но я готова ею поступиться, чтобы увидеть потрясение Лафотьера еще раз! Пусть я тысячу раз плохая, но, когда ковыляла вверх по лестнице, прихрамывая на правую ногу, на моем лице блуждала улыбка. Как говорится, не рой другому яму — сам в нее попадешь. Вот Лафотьер и попал. И вообще, думать надо, прежде чем связываться с ликой!

Выйдя за пределы погоста, я бы даже пританцовывала, не испытывая боли в пострадавшей ноге. Даже временный страх перед угрозами темного мага бесследно исчез. Ни прибить, ни даже поколотить меня без вреда для себя он сейчас не сможет, а значит, угрозы с его стороны для меня не существуют.

— Куда собралась? — настигло меня, когда я уже отправилась пешочком по дороге.

— Домой, — бросила обернувшись. — Вещи забрать.

О том, чтобы сделать это с утра, как-то не подумала.

— В экипаж, — отрывисто процедил Лафотьер. — Живо!

Исключительно из вредности и чувства противоречия захотелось напомнить, что даже после ритуала я беспрекословно ему не подчиняюсь, и продолжить уперто топтать пешком, но я все-таки повиновалась. Не из страха, которого, как уже сказала, не испытывала, а из какого-никакого сочувствия. Нет, ну правда, даже как-то жалко мужика — второй раз кидаю, да еще и, как оказалось, с таким размахом... да и нога побаливает, опять же.

Если бы я только знала, что изменения в ритуале обернутся бумерангом! Если бы знала, что сама в ближайшее же время взвою не кошкой, а самым настоящим волком, то не улыбалась бы так довольно! И не радовалась бы украдкой, пряча свое внутреннее солнце от мрачного, явно с трудом сдерживающего эмоции темного мага.

Собственно, о некоторых подводных камнях я узнала уже этим вечером. Сбор немногочисленных пожитков много времени не занял, и уже вскоре я во второй раз за день переступала порог лафотьеровского особняка. Комнату мне выделили на втором этаже — одну из тех гостевых, которые я не так давно обследовала на предмет свитка с заклинанием. Не считая ныли, она была вполне уютной, а в сравнении с моей пустой мастерской — так и вовсе люксом. Да и вид отсюда открывался на все пять звезд: слева — врезающиеся в побережье горы, а впереди — шумящее синее море, искрящееся под лучами теплого солнца.

Красотища!

Как только мы вернулись домой, я для темного мага словно перестала существовать. Впрочем, как и весь внешний мир. Громыкнув дверь, он заперся у себя в кабинете и не казал оттуда носу, не подавая никаких признаков жизни. Меня это только лишней раз порадовало, и я решила воспользоваться случаем, чтобы привести свою новую комнату в божеский вид.

Узнав у Крикко, где в этой обители пыли хранится уборочный инвентарь, вооружилась шваброй, тряпками, ведром и объявила войну грязи. Хотя и сами тряпки, и швабру, и даже местами заросшее плесенью ведро изначально тоже пришлось отмывать. Сразу видно — сто лет ими никто не пользовался!

Через несколько часов моя новоиспеченная обитель блистала чистотой. Покрывало, одеяло, простыня и наволочка были безжалостно сняты с кровати, чтобы отправиться в стирку. Я очень надеялась, что здесь есть некое подобие стиральной машинки, потому что стирать вручную терпеть не могу. Возокаться с мокрыми тряпками, причем, тоже, но грязь и антисанитарию ненавижу больше!

Окончательно заделываться в уборщицы в мои планы не входило, поэтому я ограничилась уборкой предоставленной мне комнаты. Далее я заново исследовала особняк, обнаружив, что в одном из помещений царит относительный порядок — в столовой. Пыль на массивном столе из темного дерева отсутствовала, да и на остальных поверхностях ее было минимально. Видимо, трапезничать Лафотьер все же предпочитал в чистоте. А потом, задавшись мыслью, кто в этом доме занимается готовкой и в каких

условиях это происходит, я отправилась на кухню.

К моему огромному облегчению, кухня содержалась в чистоте. Причем не относительной, как в столовой, а в абсолютной. Когда я спросила у дворецкого, кто здесь убирает и кто занимается приготовлением еды, он ответил, что раз в пару дней в особняк приходит специально нанятая женщина. Она и продукты приносит, и готовит.

— Что ж Лафотьер не попросит ее во всем особняке порядок поддерживать? — поинтересовалась я.

— Да вы что! — всплеснул тонкими ручонками дворецкий. — Это ж какой темный маг позволит посторонним по своему жилищу рыскать? В качестве большого исключения — на кухне и строго в отведенные часы! А я ведь предупреждал хозяина, говорил, что и сам стряпать могу, а он все равно работницу из города пригласил...

Представив, как Крикко прикасается к продуктам и стряпает, я содрогнулась. Пожалуй, даже страдая от неумного аппетита, такое бы есть не смогла...

Вот примерно на этой мысли я и начала испытывать на себе все прелести нашей с Лафотьером связи.

Началось все с того, что я ощутила подозрительную легкость и небольшое головокружение, какие бывают при употреблении алкоголя. Только вместо того, чтобы быть невесомыми, мысли стали тяжелыми, а внутри будто разлился холод. В целом состояние вдруг сделалось престранным, и я, поначалу не обратившая на него внимания, вскоре задалась вопросом, что же со мной происходит.

А потом в подернутом дурманом мозгу родилось одно-единственное предположение: дело в Лафотьере. Как он там сказал? В ближайшее время у нас связаны мысли, чувства и ощущения?

Отмахнувшись от Крикко, который пытался меня задержать, я, чуть шатаясь из стороны в сторону, поднялась на второй этаж и, подойдя к кабинету, постучала в запертую дверь. За ней как царила тишина, так царить и продолжала, что меня категорически не устраивало.

— Лафотьер! — заколотила сильнее. — Открывай, ликой пришла!

Вспомнившиеся строчки из Винни Пуха заставили непроизвольно улыбнуться, хотя в душе веселья не было и в помине.

— Лафотьер, чтоб тебя! — теперь колотила уже с утроенной силой. — Открой, или выломаю эту дурацкую дверь к собачьей бабушке!

В то, что темный маг с нервов и горя ушел в запой, верилось с трудом, но других причин своего состояния я не видела. Вдобавок, опять же интуитивно, чувствовала, что эти ощущения принадлежат не мне.

— Госпожа ликой! — Нарисовавшийся рядом дворецкий чуть ли не подпрыгивал от волнения. — Госпожа ликой, не надо! Хозяину сейчас плохо, лучше его не беспокоить...

Я уже набрала воздуха, собираясь спросить, нет ли у дворецкого запасного ключа от кабинета, когда дверь этого самого кабинета внезапно распахнулась, едва не стукнув меня по лбу. Господин темный маг изволили быть убийственно злыми и мрачными. Вот прям мрачными-мрачными — настолько, что мне показалось, будто до этого момента я не понимала самого смысла слова «мрак».

Не говоря ни слова, Лафотьер вернулся обратно в свой оплот, но дверь при этом оставил открытой. Не дожидаясь особого приглашения, я проскользнула следом, многострадальную дверь, невесть как еще держащуюся на петлях, за собой прикрыла и подошла к письменному столу.

Удивительно, но спиртным в кабинете не пахло. Мой чуткий нюх не уловил ни оттенка алкоголя, зато почуял нечто другое, отдающее потусторонним холодом и вынуждающее волоски встать дыбом.

— Что с тобой? — не придумав, как лучше сформулировать, спросила я. — Ты пил? — хотя уже знала, что это не так.

Лафотьер, сидя в кожаном темном кресле, напоминал не то бледную восковую статую, не то древнего как мир вампира. Сходство с последним усиливалось благодаря алому свету в глазах, который сейчас стал ярче обычного. Мой вопрос маг проигнорировал, только посмотрел пристально, словно въедаюсь взглядом прямо под кожу, в самую душу. До дрожи посмотрел. И в этот момент я заметила, что прямо за его спиной сосредоточился большой темный сгусток, напоминающий гигантского осьминога, чьи щупальца оплели весь кабинет. Темная дымка повисла в воздухе, ползла по полу, парила под высоким потолком, создавая иллюзию того, что день подошел к концу и на улице стусились сумерки. Но на дворе по-прежнему светило яркое солнце, а сумерки наступили только здесь, в этой комнате, где я оказалась один на один с темным магом.

Только в эту самую секунду пришло осознание, что темных магов боятся не просто так. Что та сила, в которую я не так давно вообще не верила, всегда находится рядом с ними, следует неотступной тенью или вообще живет прямо в них. А в некоторых ситуациях прорывается наружу, как сейчас.

— Заканчивай хандрить, а? — попросила я, осторожно присев на краешек свободного кресла. — Давай спокойно все обсудим. Слушай, я ведь правда ничего такого не хотела. Не нужна мне твоя жизнь... в смысле, чтобы она от моей зависела. Нет, это, конечно, для меня очень выгодно и все такое, но если есть способ избавить тебя от такой проблемы, то давай им воспользуемся, я согласна.

Глаза Лафотьера стали казаться уж совсем воспаленными.

— Ты плохо меня слушала, — ничего не выражающим тоном произнес он. — Нельзя вычеркнуть часть ритуала. Но ты создала проблемы не только мне. У меня много врагов. Если кто-нибудь узнает о нашей связи, тебя будут пытаться убить сто раз на дню.

— С таким защитником, как ты, у них ничего не выйдет, — пожал плечами, заметила я. — И желающих меня убить хватало и до тебя.

Внезапно голова снова закружилась, и я непроизвольно вцепилась в подлокотники кресла. Перед глазами зароились черные точки, к горлу подступила тошнота. Длилось все не дольше секунд десяти, но мне хватило.

— Как ты это терпишь? — с трудом выдавила, придя в себя. — Что это вообще такое?

— Любое здравомыслящее существо на твоём месте не спрашивало бы, а бежало прочь, — все тем же бесстрастным тоном произнес Лафотьер.

— Я не какое-то там существо, — возразила убежденно. — Мне ты не навредишь, даже если захочешь.

Он неожиданно подался вперед и уже с совершенно другими, более эмоциональными интонациями процедил:

— Даже не представляешь, *насколько* хочу.

— Поэтому и превратил свой кабинет в обитель темени? — Несмотря ни на что, я ощущала себя в безопасности. — Хватит плевать тьмой и давай обсудим наши насущные проблемы. Что насчет эмоций? Как долго будет продолжаться эта связь?

— Всегда, — не отводя немигающего взгляда, ошарашил Лафотьер. — Со временем это станет привычным и не таким явным, но отголоски эмоций друг друга мы все равно будем ощущать.

М-да. Малоприятно, откровенно говоря.

— Почему-то до ритуала тебя это устраивало, — не без ехидства заметила я.

— Это должна была ощущать только ты! — вскипел Лафотьер, и темный сгусток за его спиной подозрительно зашевелился. — Дискомфорт от привязки всегда испытывает только фамилляр, не хозяин!

Настал мой черед вскипать, и сдерживаться я не собиралась.

— Вот оно что! — От переполняющего меня негодования я даже вскочила на ноги. — Так, значит? Да? То есть, если бы я одна страдала — пожалуйста! А как самому в яму собственноручно разрытую рухнуть, так злость на мне срывать! А я его еще жалела... Так тебе и надо!

Примерно на середине моей гневной тирады Лафотьер тоже поднялся с места и даже как-то незаметно успел обойти стол. Мне бы своевременно попятиться и хотя бы немного испугаться — а то пришибет еще в состоянии аффекта и про связь забудет! — но я была слишком возмущена.

— Так бы и придушил, — сверкая глазищами, выдохнул темный маг.

А йотом... потом случилось нечто из ряда вон! Я успела подумать, что меня сейчас и в самом деле придушат, отметила, что черные с алыми проблесками глаза надвигаются, точно грозовые тучи, прежде чем он меня поцеловал.

От такого неожиданного поворота событий я опешила настолько, что в первые мгновения даже не воспротивилась, позволяя Лафотьеру завладеть моими губами. А затем, в полной мере осознав, что происходит, попыталась вырваться, но куда там! Куда там тому поцелую, инициатором которого была я!

Этот был совершенно другим — настойчивым, злым, даже болезненным. Словно маг, не имея возможности меня прибить, решил выплеснуть эмоции другим способом. Но самым поразительным было то, что его эмоции я стала ощущать еще отчетливее, еще глубже, и это был нереальный, просто сумасшедший коктейль! И злость, и досада, и темный голод, и действительно желание меня прикопать и... да чтоб мне хвоста лишиться, ему *хотелось* меня целовать! В какую-то секунду я абсолютно ясно осознала, что его тянет ко мне с невыносимой силой, и за это он ненавидит меня еще больше. Примерно то же самое испытывала я сама, поэтому на несколько мгновений и откликнулась на этот невыносимый поцелуй. Знала, что потом буду на себя ругаться, но сейчас устоять просто не могла.

Опьянение на какое-то время стало еще сильнее, пол уходил из-под ног, голова кружилась... а затем все неожиданно прекратилось. Хмельной холод ушел, и меня отпустили. Открыв глаза, я несколько обескураженно констатировала: «осьминожки шупальца» из кабинета исчезли. Темный приступ Лафотьера прошел.

ГЛАВА 14

Наверное, можно было подгадать более удачный момент. И еще как следует поразмыслить, стоит ли вообще об этом говорить. Но я ждать у моря погоды не стала и рассказала темного магу о домыслах по поводу своей последней смерти.

После спонтанного поцелуя между нами некоторое время висело напряженное молчание, но переход от него к разговору все равно вышел резким. Было заметно, что Лафотьера смена темы обескуражила, но что поделать, такие вот мы, кошки, непредсказуемые и внезапные.

Как ни крути, теперь мы с магом находились в одной лодке и умалчивать о проникновении в свое жилище было бы недальновидно. Вдобавок, немного остыв, я не могла не признать, что Лафотьер имеет право знать о любой адресованной мне угрозе.

— Тебе подбросили фотоаппарат и куртку? — Он был удивлен.

— *Мой* фотоаппарат и *мою* куртку, — акцентировала я. — Тот, кто это сделал, пребывал на той грани в момент моей гибели. И гибель эта, как я уже сказала, могла быть неслучайной.

Долго обсуждение не продлилось, и закончил его Лафотьер вполне закономерным: «Я разберусь». Может, было бы и неплохо переложить все проблемы на чужие плечи, но существовало одно весомое «но»: маг хотел, чтобы я сидела дома, выходила только в его личном сопровождении и исключительно с целью фамиллярской работы. Хотя нет, он не просто хотел, он требовал! И вот как с ним можно нормально говорить?

Уже жалея, что рассказала о фотоаппарате, я в самых негативных чувствах покинула кабинет, разумеется не забыв хлопнуть ни в чем не повинной и вечно страдающей дверью. Впрочем, уверена, даже и без этого рассказа Лафотьер минимизировал бы мою свободу. Отчасти я его понимала — сама бы паниковала, если бы моя жизнь зависела от жизни кого-то другого! Но легче от такого понимания не становилось.

Ишь ты, из дома не выходить. Как же, разбежалась. Не для того магию ритуала изменяла, чтобы безвылазно в этом пыльном склепе сидеть!

Близилось полнолуние, а я еще ни на йоту не приблизилась к полному обращению к кошку. Если прежде я бы еще подумала, а надо ли мне оно, то теперь была твердо уверена: надо! Еще как надо, ведь без обращения мне в подполье мастерской не попасть и книгу, в которой может оказаться много полезностей, не достать. Поэтому я собиралась в ближайшее время навестить госпожу Еришу и напомнить, что она обещала помочь мне с оборотом.

В последнее время я предпочитала действовать не откладывая, поэтому решила проведать ее этим же вечером. Хочет Лафотьер тащиться со мной — пусть тащится. Не хочет — все равно пойду, и никто меня не остановит.

А пока, прежде чем осуществить задуманное, я вознамерилась кое-что проверить. Пришедшая ко мне идея была невероятной, но если получится ее осуществить...

Вернувшись в выделенную мне комнату, я села на кровать, достала из сумки фотоаппаратик и задумчиво повертела его в руках. Уже совершенно ясно, что сила во мне действительно есть. Я сумела повлиять на магию заклинания и, что еще важнее, зарядила накопитель для Крикко. Так может, и фотоаппарат таким образом зарядить получится?

В возможность такого потрясающего везения верилось с трудом, и все же я попыталась. Пыталась долго и упорно, держа фотик на расстоянии вытянутой руки, прижимая к себе, касаясь, положив рядом. Взывала к внутренней силе, морщилась, сосредотачиваясь, пытела, как ежик, и со стороны, должно быть, выглядела комично. В прошлый раз все шло гораздо легче и эффективней, сейчас же я не чувствовала в себе ни намека на магию. Нынешний день выдался щедрым на самые разнообразные эмоции, и теперь настроение снова стремительно скатилось вниз.

Я злилась. Бесилась, откровенно говоря. Особой злости добавляло интуитивное

осознание, что силой пользоваться я не могу из-за недавнего ритуала. Чувствовала, что в скором времени она восстановится, но в настоящий момент я ощущала лишь опустошение. Даже ранний ужин в виде заваливавшихся на кухне булочек оптимизма не прибавил.

Зато злость помогла мне беспрепятственно покинуть особняк. Крикко, которому Лафотьер дал распоряжение меня не выпускать, поспешно посторонился, едва увидев выражение моего лица. Ну а то, что сам господин маг все-таки меня догнал и составил компанию, — дело десятое. Не знаю, почему он решил пойти вместе со мной. Что-то подсказывало, реши он действительно меня не пускать, и этот раунд я бы проиграла, поскольку противопоставить ему сейчас мне было нечего.

Его поступок объяснился совсем скоро, когда мы оказались в городе. Лафотьер собирался осмотреть мою мастерскую и дом на предмет остаточной магии. Поскольку взлом был произведен не физически, какие-то следы остаться, по идее, были должны.

Такая инициатива с его стороны мне не понравилась. Совсем-совсем не понравилась. А ну как, чего доброго, мое подполье обнаружит?

— Только в моем присутствии! — категорично заявила я.

— Ты от меня теперь вообще ни на шаг не отойдешь, — и не думал отрицать маг.

Наведываться к госпоже Ерише в его обществе совсем не хотелось, но в данном случае было проще с этим смириться.

Сперва мы пошли в мастерскую. Лафотьер был раздражен из-за того, что я не рассказала о проникновении раньше, ведь чем больше времени проходит, тем меньше шансов что-нибудь нарывать. Хотя о чем это я? Лафотьер был раздражен вообще из-за всего, а это обстоятельство просто подлило масла в его и без того полыхающий внутренний огонь.

В целом действия темного мага были такими же, как во время осмотра склепа. Я вся извелась, пока он рыскал по моей мастерской, не преминув заглянуть во вторую комнату. Мое второе «я», именуемое Акирой, вновь неожиданно о себе напомнило, заставляя с силой сжимать кулаки и бороться с желанием вцепиться в Лафотьера острыми коготками.

На наше с магом обоюдное счастье, во второй комнате он не задерживался, и, как только вернулся в первую, я мысленно с облегчением выдохнула. Вообще, учитывая последние события, сложилось впечатление, что в прошлых жизнях я превосходила Лафотьера по силе. Наверное, именно поэтому он и не смог обнаружить подпольную комнату — то, что я позаботилась о ее надежной защите, не вызывало никаких сомнений.

На участке возле мастерской в общей сложности мы пробыли где-то около часа. Да, времени потратили гораздо больше, чем мне представлялось, и все же оно не было истрачено впустую. Тот, кто подбросил мне фотоаппарат, обладал посредственной магической силой — если вообще ею обладал, — но при этом явно использовал какой-то недешевый артефакт, позволивший замести следы. Тем не менее Лафотьеру удалось выяснить, что это был мужчина.

Негусто, конечно, но хотя бы что-то. Ту же госпожу Еришу из списка подозреваемых можно вычеркнуть.

К «вычеркнутой из списка» мы пошли сразу после осмотра моего жилища. Я ожидала, что Лафотьер передумает и потащит меня обратно в особняк, но этого не произошло. Видимо, все же понимание, что раскрытие моих способностей и в его интересах тоже, перевесило все остальное.

Когда мы вошли в ведущую к дому госпожи Ериши калитку, я пошатнулась от внезапно накатившего головокружения. Оно сопровождалось дикой головной болью, набатом отзывающейся в гудящих висках. В черепной коробке словно поселился рой пчел, которые жужжали, жужжали, жужжали...

«Не мои ощущения», — промелькнула в раскалывающейся голове ясная мысль.

Превозмогая боль, я обернулась и посмотрела в совершенно непроницаемое лицо Лафотьера. Он ни взглядом, ни единым жестом не выдавал и намека на то, что ему плохо.

— Что за... — не сдержавшись, я ругнулась.

— Мелкие неудобства от ведьминой защиты, — будничным тоном произнес темный маг.

Мелкие неудобства? Вот это жуткое состояние, от которого хочется в очередной раз помереть, — всего лишь мелкие неудобства?! Да как он при таких «неудобствах» вообще живет?

— О, гости дорогие! — внезапно донеслось со стороны крыльца. — Господин темный маг, госпожа ликой, какая честь!

Госпожа Ериша являла собой само воплощение милого и безобидного божьего одуванчика: невинный взгляд, отражающаяся на лице легкая взволнованность и радость, неизменное платье в цветочек и накинутая на плечи шаль. Новыми дополнениями образа являлись лишь надетый на голову чепец да зажатая в руке поварешка — не то бабуля суп готовила, не то колдовское зелье варила.

— Госпожа Ериша, не могли бы вы убрать свою... э-э-э... защиту от вторжения магов? — морщась от боли, попросила я.

Ведьма сделала свое фирменное «луп-луп» округлившимися глазами.

— Госпожа ликой, дорогая, о чем это вы? Какую такую защиту?

Бросив быстрый взгляд через плечо, я увидела слоняющихся неподалеку зерров, переодетых обычными горожанами. Что это именно зерры, почувствовала интуитивно. Впрочем, нарядись зерры хоть клоунами, все равно бы их братию распознала!

Ни о каком самокопании при такой боли я не могла даже думать и, правильно оценив ситуацию, Лафотьер приблизился к госпоже Ерише. Глянул на нее сверху вниз, отчего та как будто уменьшилась в несколько раз и едва не растеряла всю свою умильность.

Выдержав паузу, он спокойным, опять-таки будничным тоном констатировал:

— Тронешь ее хоть пальцем — убью.

Развернулся, прошел мимо меня и вышел за калитку.

У меня даже тени сомнения не возникло: причинит мне ведьма вред — он и правда ее убьет. А потом еще поднимет и помучает в виде зомби для профилактики.

Наверное, это был первый раз за время нашего знакомства, когда я целиком и полностью одобряла его действия.

В доме госпожи Ериши пахло горьковатыми травами. В кухне, куда мы пришли, в очаге действительно пытел небольшой котелок, пар из которого отдавал чем-то грибным, слегка пряным. Можно было подумать, что это обычный суп, если бы не цвет: варево было болотно-зеленым.

— Щавелевый, — заметив мой взгляд, нагло соврала госпожа Ериша. Зачерпнув подозрительное содержимое котелка, она осторожно его пригубила, причмокнула и спустя паузу спросила: — Кошку внутреннюю пришла пробуждать?

— Нет, просто по вам соскучилась, — съехидничала я, сгорая от нетерпения. — Давайте уже приступим.

Ведьма усмехнулась:

— Ишь, прыткая какая. Ну давай приступим, раз так нейметя.

Первым делом госпожа Ериша плотнее запахнула шторы на окнах и закрыла ведущую в кухню дверь. При этом небольшая комнатка погрузилась в полумрак и вся атмосфера изменилась, став немного жутковатой и одновременно уютной, каким бы странным ни

казалось такое сочетание.

Порывшись на полках, госпожа Ериша достала несколько баночек с сушеными травами, среди которых я безошибочно определила кошачью мяту.

— Вам напомнить об угрозе Лафотьера? — непроизвольно вжавшись в спинку стула, нахмурилась я. — Если со мной что-то случится, он...

— Да не собираюсь я тебе вредить, — отмахнулась ведьма. — Мне моя шкура дорога. Да и, если бы хотела, все равно бы не смогла. Не чета я тебе сейчас, хоть сила твоя и дремлет. А мята суть твою кошачью пробудить поможет. Чтобы кошка твоя проснулась, ее приманить надобно. Инстинкты твои расшевелить.

Говоря, она сняла с огня занятый варевом котелок и пристроила над огнем другой, в который предварительно налила воды. Затем, не обращая на меня внимания, принялась одну за другой бросать в кипяток щепотки трав. Мелисса, чабрец, шалфей, еще что-то незнакомое, и последняя — кошачья мята, доза которой была самой большой. Едва уловив ее запах, я сжала кулаки — аж костяшки побелели, и с силой впиалась ногтями в ладони.

Нет, в будущем с этим определенно нужно что-то делать. Нельзя же зависеть от какой-то травы! Меня так любой дурак одурманить может...

— Ну-кась, Мурка, иди сюда! — позвала госпожа Ериша своевременно заглянувшую в кухню кошку.

Та протяжно мяукнула и неспешно приблизилась к хозяйке. Согнувшись, ведьма вырвала у нее клочок шерсти и бросила в котел, содержимое которого тут же вспенилось и активно забурлило.

Еще несколько манипуляций, и часть сомнительного отвара была перелита в глиняную чашку, которую бабка протянула мне с требованием:

— Пей.

При воспоминании о добавленной в варево кошачьей шерсти меня замутило.

— Пей, говорю, — поторопила госпожа Ериша. — В силу войти хочешь али нет?

На всякий случай задержав дыхание, я сделала несколько больших глотков, ощущая, как по горлу заструился жидкий жар. Но, даже несмотря на задержанное дыхание, вкус я ощутила — терпкий, горьковатый, отчетливо отдающий лимонной свежестью, которую дала кошачья мята.

Вопреки ожиданиям, было совсем не противно, даже наоборот. И мир тут же заиграл яркими красками, в теле появилась приятная легкость, захотелось смеяться, танцевать, бегать, кататься по полу, делать что-нибудь такое... этакое!

Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что Лафотьер сейчас, стоя на улице, должен испытывать то же самое. У меня вырвался смешок.

Отпустило меня где-то минут через десять, если верить настенным часам. На этот раз мята подействовала не совсем так, как в прошлый, — должно быть, из-за соседства с другими травами.

«Похмелье» сопровождалось легкой головной болью и тошнотой. Но после того, что мне довелось испытать, стоя во дворе, эти симптомы показались несущественными.

— Ну-с, теперь можно и продолжить, — удовлетворенно кивнула госпожа Ериша и без перехода позвала: — Мурка!

Кошка тут же запрыгнула ко мне на колени и, свернувшись клубочком, тихо замурчала.

— Закрой глаза, — обратилась ведьма уже ко мне. — Ты должна нащупать свою внутреннюю кошку так же, как силу. Давай-ка, попробуй, это совсем несложно.

Звучало, может, и несложно, но на деле все обстояло сложно, даже очень! Меня

постоянно что-то отвлекало: то небольшая, подкатывающая к горлу тошнота, то доносящиеся с улицы звуки городской жизни, то глухое раздражение, снова принадлежащее не мне. Интересно, что нарушает спокойствие Лафотьера на этот раз? Уж не одурение ли от кошачьей мяты?

В какой-то момент мне наконец удалось отрешиться от всего постороннего. Все звуки разом притихли, будто кто-то уменьшил громкость до минимума, и я ощутила внутри себя нечто теплое. Очень-очень теплое, что только и ждало, когда на него обратят внимание.

Мне казалось, я нахожусь в сплошной темноте, но не страшной, а ласково обволакивающей и по-своему уютной. Здесь мое кошачье зрение не работало и, на ощупь идя вперед, я не видела даже собственных ног. То самое теплое ждало меня где-то впереди, тянулось навстречу, и я тоже устремлялась к нему, простирая вперед руки...

Забавно, что, вернувшись к реальности, в самом деле оказалась с вытянутыми перед собой руками. После было еще несколько «погружений» вглубь себя, и с каждым разом я оказывалась все ближе и ближе к вожделенному теплу. Мне даже начало казаться, что я различаю его пушистость и мягкость... страннее ощущений не придумать, но так оно и было. Только накатывающая тошнота становилась все ощутимее, как и головокружение, поэтому попытки достучаться до своего внутреннего «я» пришлось прекратить.

Мы с госпожой Еришей условились, что завтра я приду в то же время. По ее словам, у меня все получалось неплохо и к полнолунию, которое ожидалось через пару дней, я буду готова совершить оборот. Правда, на радость не осталось сил, и из ведьмовского дома я практически выползала, едва передвигая ногами.

— Мяу! — неожиданно прозвучало, когда я вышла на крыльцо.

Посмотрела себе под ноги и обнаружила Мурку, которая тут же принялась о них тереться, валяжно задрав тощий хвост. Она глухо мурчала, периодически косясь на меня слегка прищуренными глазами, и я могла бы поклясться, что кошка помогает мне восстановиться. До конца не веря самой себе, я присела на корточки, провела пальцами по ее короткой шерстке, в ответ на что получила очередную порцию мурчания.

И мне действительно стало легче! Еще недавно ватные ноги налились силой — не какой-то эфемерной, а простой, физической. Тошнота наконец отступила, да и головокружение практически сошло на нет.

— Мурочка ты моя хорошая, — с умилением и благодарностью проговорила я, глядя ее по голове. — Вот спасибо... в следующий раз сметанки тебе принесу!

Кошка фыркнула, как бы говоря, что никакая сметана ей даром не сдалась и вообще, ее и так неплохо кормят. По внешнему виду, выражающемуся в тощем тельце с впалыми боками, я бы так не сказала. Но незамедлительно пришла мысль, что Мурка — не просто кошка, а фамилляр. Значит, с госпожой Еришей связана крепко и, скорее всего, это связь тянет из нее немало сил.

В очередной раз порадовавшись, что хоть как-то изменила магию ритуала и теперь не обязана повторять судьбу всех несчастных фамиллярров, я еще раз поблагодарила Мурку и покинула ведьмины владения.

Лафотьер обнаружился там же, где я видела его около часа назад, — подпирающим калитку с внешней стороны. Вид он имел нездоровый, бледная кожа отливала зеленцой, и взгляд, брошенный на меня, был подобен тяжелой бетонной плите.

— Один — один, — лучезарно улыбнулась я.

Ну а что? Все по-честному: я из-за него страдала днем, он из-за меня — сейчас. Но Лафотьер ничего честного в этом явно не видел.

Обратно мы пошли, как ни странно, пешком. Видимо, не одной мне хотелось проветриться и окончательно избавиться от неприятных последствий, вызванных выпитым отваром. Все-таки помимо бесчисленных неудобств было нечто забавное в том, что Лафотьер испытывал то же, что и я.

Прежде чем мы успели сделать несколько шагов, калитка позади вновь скрипнула и нас нагнала госпожа Ериша. К моему искреннему изумлению и не менее искреннему любопытству, она отозвала темного мага в сторону и что-то негромко ему сказала. К моему еще большему удивлению и любопытству, после ее слов на губах Лафотьера на короткое время расцвела усмешка. У него вообще был целый арсенал самых разнообразных усмешек, многие из которых я уже наловчилась распознавать. Так вот конкретно эта имела оттенок довольства.

Сколько по пути я ни спрашивала, что от него хотела ведьма, маг молчал.

В конце концов оставив бесполезные попытки, я тоже замолчала и, идя по городу, просто наслаждалась красивым теплым вечером. Попутно отметила несколько особо колоритных зданий и просто уютных уголков, где можно будет провести интересную фотосессию. Мысль всерьез заняться фотографией пришла мне не так давно, но успела прочно укрепиться. Одной продажей трав сыт не будешь, хорошо оплачиваемая работа фамильяра удовольствия явно не принесет, а мне хотелось заняться чем-то для души. Ну и дополнительный доход не помешает.

В мыслях я уже представила, как организую в мастерской фотостудию. Фотоаппарат у меня уже есть, дополнительное оборудование постепенно купится, ну а проблема с зарядкой тоже обязательно решится. Даже если не научусь заряжать сама, заработка с фамильярской деятельности на покупку накопителей должно хватить. Конечно, первое время вряд ли ко мне будут ходить толпами, хорошо если вообще кто-то решится обратиться к ликой, — но уверена, постепенно все наладится. Стоимость за услуги можно брать небольшую, а, учитывая, что больше фотографов в Морегорье нет, да и вообще их в королевстве можно пересчитать по пальцам, спрос должен быть, и очень неплохой.

Воображение настолько живо нарисовало радужные картины, что я не заметила, как начала рассеянно улыбаться. Кончики пальцев буквально покалывало от нетерпения, внутри все трепетало, и мне неудержимо захотелось немедленно приступить к действиям. Разумеется, немедленно не получилось бы при всем желании, поэтому я решила приберечь энтузиазм до завтра. Если с утра пораньше меня не будет ожидать сюрприз вроде необходимости тащиться с Лафотьером на кладбище, то можно сходить в библиотеку. Договориться с работающей там девушкой, сделать пару ее портретов и...

— Осторожно! — внезапно раздался оклик.

Меня резко дернули назад, и мимо на всей скорости тут же пронеслась повозка с невероятно резвой лошадей.

Вот же...

— Идиотка! — гневно обрушился все еще удерживающий меня Лафотьер. — Ты вообще смотришь, куда идешь?!

Я понимала, что виновата. Задумалась, замечталась, не заметила... но вот терпеть не могу, когда на меня орут!

— Спасибо, что спас, — даже не пыталась сдерживать язвительность. — Хотя о чем это я? Ты же свою шкуру спасал!

Его пальцы с силой впивались в мои плечи, отчего наверняка останутся синяки.

— Связался же на свою голову, — процедил темный маг.

— Так и не связывался бы! — не осталась в долгу я. — Не напоминал бы про дурацкий договор, не пытался бы отыгаться за ошибки прошлого, глядишь, и нервы сохранил бы!

Резко меня отпустив, Лафотьер сложил руки на груди и заметил:

— Ты права, не стоило с тобой связываться. Когда много лет назад ты появилась у меня дома, следовало не спасать твою шкуру, а сразу вести во дворец.

— Что ж не отвел? — прищурилась я. — Ликой в фамильяры так сильно получить захотелось?

Он не ответил. На миг показалось, что на лицо Лафотьера набежала тень, а его взгляд сделался каким-то... не знаю, странно тоскливым, что ли.

Дальнейший путь прошел без приключений и в гробовом молчании. Наслаждаться вечером больше не получалось, но я все равно была погружена в себя.

Где-то очень-очень глубоко внутри я чувствовала себя частично виноватой. Все же, как бы то ни было, когда-то Лафотьер мне действительно помог, а я фактически разрушила его карьеру. Но ведь он тоже виноват! Если бы не набрасывался на меня сразу, не угрожал, а, узнав, что ничего не помню, попытался войти в мое положение и нормально договориться, все было бы иначе. Я бы вела себя по-другому. Вон, Федя ко мне хорошо относится, так и я к нему, можно сказать, со всей душой!

За такими мыслями я как-то упустила момент, когда мы свернули не в ту сторону. Вместо того чтобы идти по направлению к особняку, вышли на дорогу, ведущую прямо к пляжу. И уже совсем скоро подходили к морю.

ГЛАВА 15

Закат над морем выглядел сказочно. Солнце уплывало за горы, и небо на горизонте было насыщенно-розовым, практически красным, а над головой — золотым. Те же краски яркими мазками ложились на волны, которые неспешно и размеренно набегали на берег.

Я понятия не имела, с чего вдруг Лафотьеру взбрело в голову полюбоваться вечерним морем, но, честно говоря, не имела ничего против. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах.

Голова снова слегка кружилась, но на этот раз от обилия запахов и свежего воздуха. Остро пахло морской солью и рыбой, и воздух был приятно теплым, ласковым, как и пробегающий по берегу ветерок.

Поскольку мы никуда не спешили, я сняла сандалии и погрузила пальцы в еще не остывший песок. Ощущения тоже были самыми что ни на есть приятными, и я подошла ближе к морю, остановившись на границе, где сухой песок переходил в мокрый. Прикрыв глаза, зажмурилась и подставила лицо свежему бризу.

Все вокруг дышало умиротворением, было таким спокойным, обволакивающим, прекрасным... почувствованная угроза стала неожиданностью и практически застала врасплох. Инстинкты сработали быстрее разума, я попыталась отпрянуть в сторону, но не успела, и меня, схватив, перекинули через плечо.

— Лафотьер, мать твою! — завопила я. — Ты что творишь? Что за привычка таскать меня как мешок с картошкой?!

Внезапно обнаружила, что он успел раздеться до пояса и снять обувь, оставшись в одних штанах. Нехорошее предчувствие, возникшее в момент, когда меня бесцеремонно взвалили на плечо, усилилось, когда Лафотьер стал стремительно заходить в воду.

Вырваться было бесполезно. Не знаю, из чего сделаны темные маги, но хватка у Лафотьера была стальная. Даже поразительно, как он умудрялся стоять на ногах под напором волн и притом с легкостью пресекать все мои попытки освободиться.

— Лафотье-э-эр... — протянула я, когда он вошел в воду по пояс и не остановился. — Лафотьер... Лафотьерчик...

«Лафотьерчик» негромко хмыкнул.

— Йенушка... — наплевав на гордость, жалобно промяукала я, когда вода достала ему до груди. — Ты куда меня тащишь, а?

Глупый вопрос — будто и так не ясно! И вот вроде понимала, что он меня не утопит, только если не решил убить себя особо изощренным способом. Но все равно паниковала, поскольку не представляла, что у него на уме, а глубины боялась просто до чертиков!

Морская вода казалась совсем неласковой, жалящей и таящей опасность. В нее постепенно погружались мои ноги и руки, все тело, что быстро и неминуемо подводило меня к истерике.

— Лафотьер, — стараясь унять невольно проскальзывающую в голосе дрожь, я сменила тон на дипломатичный. — Если ты хочешь таким образом меня перевоспитать, то...

Произошедшее далее поставило крест и на моей дипломатичности, и на жалких потугах держать себя в руках, и на самом Лафотьере, которого я непременно укокошу! Если выживу...

Соленая вода охотно приняла меня в свои прохладные объятия, сомкнулась над головой, отрезая от вечернего света и алого неба. Я беспомощно барахталась, инстинктивно задержав дыхание, гребла руками, пыталась встать на ноги, но тщетно. Для тех, кто умеет плавать, эта глубина, наверное, являлась детской. А для тех, кто, как и я, плавать не умеет абсолютно, — смертельной.

Пятки ощущали рыхлый песок и мелкие острые ракушки. Вокруг мелькали создаваемые мной пузыри, едва выделяющиеся на фоне темной морской синевы. Было холодно, мокро, страшно и больно. Боль сосредотачивалась в горящих от нехватки кислорода легких, становясь сильнее с каждой секундой, с каждым мгновением, проведенным в ненавистной воде...

Неужели Лафотьер и впрямь решил меня убить? Может, нашел способ избавиться от меня, но остаться в живых?

Не успела очередная паническая мысль оформиться, как меня внезапно подхватили и одним рывком вытянули на поверхность. Судорожно глотнув воздуха, я зашлась в кашле и принялась отплевываться от противной соленой воды. Чуть придя в себя, обрушилась на Лафотьера с кулаками и руганью... и тут же снова оказалась под водой.

Ненавижу! Ненавижу всеми фибрами своей кошачьей души! И воду, и соль, и еще больше — одного конкретного темного мага, чтоб ему на погосте рядом с зомби прикопаться!

Злость придавала сил, но толку от моих потуг всплыть по-прежнему не было. Перед водной стихией я оставалась беспомощной, не способной ей противостоять, и от этого злилась и паниковала еще больше.

А потом что-то внезапно изменилось. Собственное тело вдруг стало ощущаться несколько иначе, темная вода словно бы посветлела, и холод отступил, вытесненный рождающимся внутри меня теплом. Тепло было знакомым — пушистым и мягким, как уютно свернувшийся клубочком кот...

Кот?

Когда меня во второй раз вытащили на поверхность, я почти никак не отреагировала. Даже не закашлялась, сосредоточенная на внутренних ощущениях. И совершенно не обращала внимания, что Лафотьер, удерживая меня за талию, движется в сторону берега. Но чувство реальности вернулось уже совсем скоро вместе со злостью, захлестнувшей меня с новой силой.

Эпитетов я не жалела, высказывая Лафотьеру все, что о нем думаю. И, занятая своими переживаниями, не замечала, что он тоже выглядит не лучшим образом. Не сознавала, что ему тоже пришлось пережить все прелести моего спонтанного купания.

— Ты что, мазохист?! — все-таки поняв это, подытожила свою гневную тираду.

Вода к этому времени доставала до колен, и я, высвободившись, вышла на берег самостоятельно.

Окончательно зашедшее солнце унесло с собой тепло, уступившее место вечерней прохладе. Соленый бриз тоже больше не казался теплым, а напротив — совершенно холодным, кусачим, впивающимся в мокрое, покрывшееся мурашками тело острыми ноготками.

— Зачем ты это сделал? — снова спросила я Лафотьера, который проигнорировал и мою отповедь, и предыдущий вопрос.

Зубы клацали, сарафан противно облеплял тело, отчего становилось еще холодней. Весь запал иссяк, и теперь я чувствовала себя ужасно несчастной, мокрой, голодной и холодной дворовой кошкой, которой нестерпимо хочется просохнуть и оказаться где-нибудь в тепле. Эта кошка не ожидала, что до ответа ей все-таки снизойдут, но Лафотьер неожиданно ответил, причем вопросом на вопрос:

— Почувствовала свою вторую сущность? — Подобрал с песка свою одежду, он перекинул ее через плечо.

— Ты имеешь в виду, почувствовала ли я, что вот-вот потону? — без особого огонька съязвила я. А потом, когда до меня дошла суть вопроса, подозрительно поинтересовалась: — Ты это о чем?

В доме ведьмы ты почти достучалась до своей звериной сущности, — ровно произнес

Лафотьер. — Требовался последний толчок, чтобы закрепить успех.

И тут меня осенило:

— Так вот что тебе сказала госпожа Ериша! Что меня нужно попытаться утопить и тогда моя кошка себя проявит? Ну, знаете ли!

Я вновь возмущалась и негодовала. Можно ведь было найти более гуманный способ! Пусть конкретно этот сработал — ведь я действительно на несколько мгновений ощутила в себе изменения, — моего негодования это не уменьшало.

— Терпеть не могу воду! — пожаловалась я, обращаясь не то к Лафотьеру, не то к самой себе, не то вообще ни к кому конкретно.

— Твоя кошачья часть терпеть не может, — поправил темный маг и без перехода заявил: — Тебе нужно переодеться в сухое.

Первым порывом было послать его далеко и надолго, но перспектива заболеть не прельщала. Хотя мысль о том, что он будет мучиться температурой со мной за компанию казалась в какой-то степени заманчивой. Но все же себя я любила больше, чем ненавидела его, поэтому, особо не медля, стащила мокрый сарафан. Сразу стало теплее. Я уже почти взяла протянутую мне сухую рубашку, когда Лафотьер внезапно застыл. Его взгляд, медленно и беззастенчиво исследующий каждую часть моего тела, сделался напряженным и тяжелым.

— Что? — теряя остатки терпения, спросила я.

Вместо ответа он вдруг протянул ко мне руку и отвел от моего лица пряди мокрых волос. Ощущающиеся очень теплыми пальцы коснулись ложбинки между ключицами и скользнули вдоль шеи, заставив невольно вздрогнуть.

— У тебя много шрамов, — негромко произнес Лафотьер, глаза которого, повторяя движение пальцев, скользили по моей влажной коже.

Его прикосновения и голос неожиданно пробудили то, что испытывать к темному магу я совершенно не хотела. Не хотела, но испытывала.

— Только сейчас заметил? — усмехнулась, пряча нахлынувшие чувства за ехидным тоном. — Я вообще-то паранджу не ношу.

— Раньше не замечал. — К моему удивлению, ни ответной язвительности, ни привычной насмешки в его голосе не прозвучало.

На побережье опустились синеватые сумерки, придавшие этому моменту еще более нереальный окрас. Море тихо шептало свою древнюю как мир песню, ветер словно нарочно подталкивал меня в спину, подмывая шагнуть вперед, а мой взгляд, действующий помимо воли, неотрывно исследовал обращенное ко мне лицо. Твердую линию подбородка, губы, подсвеченные алым глаза...

— Мне вообще-то холодно, — нарушила я возникшее оцепенение, надеясь, что пробившуся в моем голосе дрожь действительно можно списать на холод.

Словно бы тоже очнувшись, Лафотьер накинул мне на плечи свою рубашку. Я, застегнув пуговицы, позаимствовала у него еще и камзол, после чего мы, больше не проронив ни слова, направились в сторону особняка.

Утром я приступила к осуществлению своего плана: пойти в библиотеку, поговорить с библиотекарем, договориться о фотосъемке. Главной проблемой было покинуть особняк, не попав на глаза Лафотьеру, поскольку тащиться в библиотеку вместе с ним мне хотелось еще меньше, чем вчера к госпоже Ерише. А еще я подозревала, что, заметь он меня, и я вообще никуда не пойду, останусь маяться в четырех стенах. Нет, в итоге все равно ускользну, но сделать это будет гораздо сложнее.

Словом, к осуществлению плана я приступила практически сразу после пробуждения.

Даже завтраком пожертвовала, намереваясь перекусить в городе. На новом месте мне спалось, как ни странно, прекрасно, и даже сонные грезы были приятными. Что именно снилось, я не помнила, но послевкусие внушало оптимизм.

Быстро умывшись и надев просохший за ночь сарафан, я прихватила сумку с фотоаппаратом, немного подумав, накинула еще и куртку, после чего бесшумно выскользнула из комнаты.

На втором этаже царил тишина, а вот на первом со стороны кухни доносились голоса, один из которых принадлежал Крикко, а второй был женским. Наверное, пришла та самая работница, о которой мне рассказывал дворецкий. Это подтверждали и долетающие до меня съестные запахи, вынуждающие желудок недовольно бурчать. Ничего-ничего, потерплю. Прежде всего — пицца духовная!

— Куда собралась? — настиг меня голос мага, едва я вышла за дверь.

А ведь я и правда поверила, что все будет так просто!

— Я нужна тебе в качестве фамильяра? — спросила, обернувшись.

Хорошо так спросила, спокойно и сдержанно, даже вежливо, сама себе поразились. Могу же, когда захочу!

Слегка склонив голову набок, Лафотьер ответил:

— После обеда.

— Вот и отлично, — кивнула с той же спокойной вежливостью. — Как раз к обеду вернусь.

— Кажется, я ясно выразался, когда говорил, что без меня ты из дома выходить не будешь.

Я набрала побольше воздуха и медленно выдохнула. Мысленно досчитала до пяти, утихомиривая эмоции, и с поразительно долго держащимся спокойствием возразила:

— Я не обязана отчитываться перед тобой о каждом своем шаге. У меня есть личная жизнь, есть не касающиеся тебя дела. Умирать мне хочется не больше, чем тебе, но и патологическими страхами я страдать не намерена.

Темный маг несколько мгновений молчал, после чего шагнул вперед и, неожиданно сняв с пальца один из самых крупных перстней, протянул мне.

— Дай руку, — велел не терпящим возражений тоном.

Я, в общем-то, и не возражала. Хотя улавливала исходящую от кольца силу, интуитивно чувствовала, что вреда она мне не причинит.

— Это сильнейший амулет, — пояснил Лафотьер, когда перстень оказался на моем среднем пальце, сузившись, точно по волшебству. — Он защитит, если тебе будет угрожать опасность, и даст мне знать, если с тобой что-то случится.

Вот так бы сразу! А то «от меня ни шагу», «сиди дома и не высывайся»...

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила я, хоть и понимала, что он это сделал, в первую очередь, для себя.

Пока шла в библиотеку, размышляла о том, что, в сущности, наше с Лафотьером сотрудничество может оказаться вполне комфортным. Как выяснилось, он готов идти на уступки, что не могло не радовать. Признаться, сама не знаю, как бы поступала, окажись на его месте, и что бы предпринимала.

Чуть замедлив шаг, я посмотрела на черный камень, слегка мерцающий под лучами утреннего солнца. Граненый, в форме треугольника с закругленными углами, он таил в себе силу, что вспыхивала в нем приглушенными алыми искрами — совсем как в глазах темного мага...

К тому моменту, как подошла к библиотеке, я успела подумать и о том, что надо обзавестись личным транспортом. Но верхом я ездить не умела, а повозки особого восторга у меня не вызывали. В прошлой жизни я имела водительские права, правда, ввиду отсутствия машины пользовалась ими нечасто. Зато частенько заимствовала у закадычного друга мотоцикл, езда на котором доставляла мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Скорость, адреналин, свистящий в ушах ветер — красота! Но сейчас я бы обрадовалась даже какому-нибудь захудалому старенькому велосипеду... только где ж его взять?

К моей радости, в библиотеке сегодня работала та же девушка, что и в прошлый раз. А еще здесь совсем не было посетителей. Вернее, один был, но ретировался, едва я переступила порог.

— Госпожа ликой. — Библиотекарша вежливо мне улыбнулась. — Уже успели прочесть все книги?

— Не совсем, — так же вежливо, а еще приветливо улыбнулась я в ответ. — На самом деле у меня есть просьба лично к вам. Точнее, не столько просьба, сколько предложение. И, подскажите, как я могу к вам обращаться?

— Марта, — явно удивленная моими словами, представилась девушка.

— Марта, — достав из сумки чехол, а из чехла фотоаппарат, я водрузила его прямо перед ней. — Знаете, что это такое?

Длинные ресницы затрепетали, а выразительные, в меру пухлые губы приоткрылись в немом изумлении.

— Но это же... — выдохнула библиотекарша с таким видом, словно увидела перед собой настоящего дракона. Хотя кто эту грань знает? Может, драконы здесь встречаются чаще, чем камеры.

Повисла недолгая пауза, после которой Марта с тем же изумлением закончила:

— Фотоаппарат.

— Правильно, — обрадовавшись ее осведомленности, подтвердила я. — Собственно, мое предложение связано как раз с ним. Я бы хотела организовать небольшой бизнес...

Заметив, как исказилось ее кукольное лицо, я поспешно пояснила:

— Легальный. Никакого зелья, никаких проблем с зеррами и законом. Просто хочу проводить фотосесии и предлагаю вам принять участие в первой из них. С вас приятная внешность, с меня — идеи и фототехника. Съемку можем провести в любое удобное для вас время, но желательно либо ранним утром, либо вечером, тогда более благоприятный свет. Начать планирую у моря.

Если говорить простонародным языком, Марта обалдела. Seriously, лучшего цензурного определения и не придумать. Ну да, не каждый день к тебе заявляется ликой, вооруженная фотоаппаратом, и предлагает бесплатно провести индивидуальную фотосессию!

— X-хорошо, — наконец с запинкой согласилась Марта. — Только я... боюсь, не совсем понимаю, что от меня потребуется. У нас такого... никто не делает.

— Никто не фотографирует, ты хочешь сказать? — уточнила я и без перехода спросила: — Ничего, что на ты? Кстати, ко мне тоже можешь обращаться без всяких фамильярностей, просто Маргарита.

Если можно обалдеть в квадрате, то после моих последних слов именно это Марта и сделала.

Поскольку она оторопело молчала, разговор продолжила я:

— Почему такого никто не делает? Да, я знаю, что фотоаппараты в этом мире — редкость, но они ведь все-таки есть.

Взяв себя в руки, библиотекаря отмерла:

— Да, вы правы, фотосъемка — явление редкое, и простым людям она практически недоступна. Но вообще процесс фотографирования всегда происходит в специальных помещениях, к нему долго и тщательно готовятся. А еще, как говорят слухи, это очень изнуряюще, поскольку приходится долго стоять, не шелохнувшись. На природе, насколько мне известно, никто не фотографирует. Хотя я, конечно, могу ошибаться...

— Подожди-подожди... — осмысливая полученную информацию, удивилась я. — Ты говоришь, приходится долго стоять не шелохнувшись?

Марта кивнула, а я призадумалась. Неужели здесь в ходу только старые модели фотоаппаратов? Можно сказать, прародители нынешних. Те, в комплекте с которыми обычно шла фраза «Смотри, сейчас вылетит птичка!» Странно... Федя вроде говорил, что фотоаппараты здесь периодически подзаряжают. Или он имел в виду технику в общем, а про фотоаппараты додумала я сама? Старые модели же ни в какой зарядке не нуждаются... А-а, и ладно! Какая разница? Как бы то ни было, чем меньше конкуренция, тем для меня лучше! Это вам не та грань, где в каждом городе «фотографов» пруд пруди, и называет себя таковым каждый, впервые взявший в руки камеру...

В итоге о фотосессии мы с Мартой все-таки договорились. И если сперва я опасалась, что она согласилась на съемку исключительно из страха передо мной, то к концу разговора я абсолютно ясно видела испытываемый ею интерес. Значит — сработаемся.

ГЛАВА 16

Как и собиралась, я вознамерилась посетить кафе, чтобы запоздало позавтракать, но попавшийся мне по пути магазинчик несколько скорректировал планы. Желая увидеть новые места в Морегорье, я специально пошла до кафе другой, более длинной дорогой. Наверное, неказистый с виду магазин, озаглавленный местами проржавевшей, поскрипывающей на ветру вывеской, я бы даже не заметила, не выйди из него посетитель. Этот самый посетитель — обладатель трех подбородков и внушительного пуза, о чем-то задумавшись, едва не сбил меня с ног и, пробормотав скупые извинения, кажется, даже не заметил, что столкнулся с ликой.

Именно это столкновение и вынудило меня задержаться, а невольно прочитанное название на вывеске — войти внутрь. Это был магазинчик всякой антикварной всячины. Продавец — ничем не примечательный мужчина средних лет в безразмерном клетчатом пиджаке при моем появлении как будто уменьшился в размерах и спрятался за кассовым аппаратом. К слову, именно кассовый аппарат стал первым, на что я обратила здесь внимание, — прежде в Морегорье мне ничего подобного видеть не доводилось.

Я всегда питала особую слабость к магазинам, где продавалась всякая не очень нужная, но милая сердцу мелочовка. Разнообразные предметы декора, красивую посуду, статуэтки и часы я могла рассматривать бесконечно долго. Хотя покупала что-то подобное редко, предпочитая не захламлять свою квартирку.

Среди товара взгляд выцепил и откровенную рухлядь, и любопытные вещицы, и настоящие сокровища. Ко вторым можно было отнести нечто наподобие китайских колокольчиков, отзывающихся мелодичным перезвоном при малейшем сквозняке; красивые подставки для чая и миленькие диванные подушечки, украшенные ручной вышивкой. А вот к последней категории, то есть к сокровищам, я с ходу отнесла стационарный телефон — черный, с массивной ручкой, такой бы причислили к антиквариату даже по ту грань!

— Ничего себе! — Не сдержавшись, я чуть ли не присвистнула и тут же обратилась к продавцу: — Скажите, уважаемый, почему такая ценность продается в вашей... не самой популярной лавке?

Опасливо выглянув из-за кассового аппарата, продавец с заиканием произнес:

— Так не ценность это, госпожа ликой. Перегорел прибор этот. Столько раз его заряжали, что срок эксплуатации вышел.

Оп-па-па... это что же получается, магия, которой подзаряжают разные устройства, их со временем в негодность приводит?

Когда я спросила, сколько же раз нужно использовать «заряд», чтобы прибор перегорел, продавец ответил, что бывает по-разному, в зависимости и непосредственно от самого прибора, и от качества используемой магии. Мне, видимо, из пиетета и страха перед моей кошачьей особой, прочитали подробную лекцию, вывалив уйму информации. К слову, заикался продавец постоянно и сильно, из-за чего иногда понять его было довольно-таки проблематично.

В общем, в итоге я пришла к выводу, что при любом раскладе мой фотоаппаратик протянет как минимум полвека — уже неплохо. Собственно, он и при обычной эксплуатации вряд ли бы прожил дольше.

Параллельно со слушанием лекции я продолжала исследовать представленный в магазине товар. Многие вещи были навалены друг на друга, ютились в неприметных уголках, и чтобы рассмотреть их, требовалось поднапрячься.

Что именно меня привлекло в дальнем углу, где сгрудились кресло, колченогий столик и пара ваз, я поняла не сразу. Среди этой темной мешанины выделялось нечто зеленоватое, наполовину скрытое черной тряпкой. Приблизившись, я отдернула ее и беззвучно ахнула. Даже почти поверила, что мысли материализуются, поскольку думала о представшем передо мной транспорте буквально час назад.

Передо мной стоял... мопед. Старенький, запыленный, его некогда яркая краска

выцвела, потрескалась и местами облупилась. И все же это был мопед. С ума сойти!

— Сколько? — с ходу спросила я, глядя на сие чудо влюбленными глазами.

Не то торговец растерялся в моем присутствии, но то у него напрочь отсутствовало умение рекламировать и продавать — тогда неудивительно, что покупателей в этом магазинчике немного. Вместо того чтобы нахваливать мопед и даже завысить цену, заметив восторг в глазах покупательницы, он замахал руками и зачистил:

— Это ж совсем рухлядь бесполезная, госпожа ликой! Уж сколько лет сбыть его не могу. У него-то срок эксплуатации еще не вышел, но это оттого, что никакая магия его, заразу, не берет! Потому и сбыли мне по дешевке, да так он тут и простаивает, место только занимает...

Думаю, не нужно пояснять, что «зачистил» и «заикаясь» — сочетание просто убийственное. Не в силах больше это выслушивать, я нетерпеливо и с нажимом повторила:

— Сколько?

Заикающийся и млеющий субъект резко осекся. Замер на пару секунд, после чего махнул рукой:

— А, да хоть за двести ру забирайте!

И вот тут определение «обалдела», которое не так давно относилось к Марте, можно было применять уже ко мне.

Вот жук! А я и правда поверила в его недалекость и простоватость!

— Двести ру за этот хлам? — хмыкнула, «выключив» восторг. — Неудивительно, что он у вас пылью зарос. Но так и быть, исключительно по доброте душевной готова избавить вас от этой рухляди за целых двадцать ру.

«Обалдение», подобно лягушке-путешественнице, перекочевало от меня к клетчатому прощелыге.

— Двадцать ру?! — взвился он. — Помилуйте, госпожа ликой, это цена наручных часов, а не устройства с той грани!

— Ладно, тридцать.

Торговались мы долго, не желая идти на большие уступки. Желание выгодно продать «рухлядь» в клетчатом перевесило даже страх передо мной, что было совсем некстати. И все же в итоге мы сошлись на восьмидесяти ру, что полностью меня устроило. Пришлось прибегнуть к крайней мере и, сделав вид, что собираюсь уходить, практически выйти за дверь, чтобы упертый торговец наконец сдался. Конечно, даже такая сумма была существенной, но с учетом того, сколько здесь стоит всякая техника, восемьдесят ру — всего ничего.

Половину суммы, что составляло практически всю имеющуюся у меня наличность, я заплатила сразу. А вторую предполагалось заплатить в течение месяца. На доставку я пожертвовала еще пять ру, и торговец пообещал, что покупка прибудет ко мне сегодня вечером.

Выходя из антикварного магазинчика, я не могла сдерживать улыбку. Даже то обстоятельство, что мопед якобы находился не в рабочем состоянии, понизить градус настроения не могло. Я буду не я, если не заставлю его ездить!

Сидя в кафе, я неспешно, растягивая удовольствие, поглощала мясной стейк и прилегающий к нему гарнир. Нежилась в лучах проникающего сквозь окно солнца — специально выбрала такое солнечное место — и параллельно наслаждалась тем, как все замечательно. Бывает у меня иногда такое состояние, когда вроде бы проблем еще много, но они отступают на второй план, уступая место приятностям. Все же, как ни крути, а приятностей в жизни тоже хватает, даже если иногда кажется, что вокруг одни проблемы. Я ем вкусную до умопомрачения еду, на десерт у меня божественный

молочный коктейль, вечером рядом с конюшней Лафотьера припаркуется мой старенький мопед, а уже послезавтра наступит полнолуние и я впервые полностью обращусь. Непременно обращусь, иначе и быть не может!

Пока я, продолжая мысленные рассуждения, представляла, как проберусь в подвальную комнату мастерской, в кафе вошел новый посетитель. Его прихода я бы не заметила, не сопровождайся он внезапно прервавшимися разговорами. Впрочем, даже наступившую тишину я могла бы оставить без внимания, если бы этот посетитель неожиданно не занял место за моим столиком.

Потрясающая наглость! И кто это у нас тут такой смелый?

— Здесь занято, — в упор глядя на наглеца, озвучила очевидное я.

Нарушителем моего спокойствия оказался мужчина лет под сорок, одетый в светлый брючный костюм. Находясь я сейчас на той грани, решила бы, что это какой-то успешный бизнесмен — вроде тех, чьи лица с голливудскими улыбками красуются на обложках журналов и вещают о том, как достичь успеха.

Но даже красивое лицо, тщательно уложенные соломенного оттенка волосы и широкая голливудская улыбка не могли перекрыть моего раздражения от его появления. Не люблю, когда мое уединение столь бесцеремонно нарушают. И вообще, он мне солнце загораживает!

— Добрый день, госпожа Маргарита, — не стирая той самой улыбки, приветствовал меня незнакомец.

— У вас передо мной явное преимущество, — недовольно заметила я. — Вы знаете мое имя, но я не знаю вашего.

Мужчина явно отрепетированным, нарочито небрежным жестом отвел упавшую на лоб прядь и представился:

— Виар Дэйш.

Сложилось впечатление, будто он думал, что это имя должно мне о чем-то сказать. Но я лишь выразительно приподняла бровь, ожидая продолжения.

— Мэр Морегорья, — спустя недолгую паузу последовало уточнение.

Ну надо же!

Я мысленно прикинула, могли ли мы быть знакомы в прошлом. Если и были, то в те времена он являлся совсем мальчишкой и такой высокий пост уж точно не занимал.

— И чем обязана такой чести? — Его статус впечатления не произвел. Куда больше меня занимало заслоненное солнце и остывающая еда.

Жестом фокусника мэр извлек откуда-то небольшой портфель, а уже из него — бумагу, которую протянул мне. Бегло просмотрев текст, я обнаружила, что это не что иное, как подписанное им заключение экспертизы на подлинность нашего с Лафотьером договора. Поскольку ритуал уже состоялся, этот документ интереса для меня больше не представлял.

— Решил передать лично, — не дождавшись от меня никакой реакции, произнес мэр. — В знак уважения.

Пришлось мысленно признать, что добрые отношения с мэром — залог спокойствия в этом городе. Поэтому, как бы ни раздражалась из-за его внезапного вторжения в мое личное пространство, пришлось нацеплять ответную улыбку и включать дружелюбие:

— Рада познакомиться с вами, господин мэр.

— Взаимно, госпожа ликой. Хотя много лет назад я знал вас под именем Акира. К сожалению, лично мы знакомы не были, но я был о вас наслышан.

Я позволила себе сыронизировать:

— Так уж и к сожалению? Если вы действительно обо мне наслышаны, отсутствие знакомства с прежней мной должно вас только радовать.

Дэйш негромко засмеялся, после чего попросил подошедшего официанта принести ему кофе. Я надеялась, что, передав документ, он уйдет, но господин мэр изволил «скрасить» мое одиночество. Впрочем, собеседником он оказался вполне приятным, тактичным, и вскоре его общество перестало быть навязчивым. Я спокойно доела основное блюдо, выпила коктейль, а когда Дэйш, словно угадав мое желание, чуть отодвинул стул и на меня стали падать солнечные лучи, жизнь вновь заиграла яркими красками.

Мэр порывался заплатить за мою еду, но я не позволила, хотя соблазн сэкономить был велик. Из кафе мы выходили вместе, и мне даже любезно предложили воспользоваться личным мэрским транспортом, от чего я также отказалась, ссылаясь на то, что люблю ходить пешком. Время в запасе еще имелось, и я как раз успевала возвратиться в особняк к оговоренному с Лафотьером часу.

Вместо того чтобы после моего отказа распрощаться и сесть в свой экипаж, Дэйш снова составил мне компанию. Расстались мы лишь у аптеки, где мэру, по его словам, требовалось купить лекарство.

— От достопочтенной матушки мне достались не только глаза и цвет волос, но и периодические приступы мигрени, — с невеселой усмешкой пояснил он. — Господин Грилл готовит для меня прекрасное средство. Жаль, надолго действия не хватает. К слову... слышал, вы снова поставляете ему лунову?

Возникло ощущение, что за этим вопросом скрывается не праздное любопытство, а какой-то особый интерес. Так и оказалось.

— Это очень редкое растение. Во многих случаях оно усиливает действие снадобий и лекарств, в том числе и изготовляемое для меня, — пояснил Дэйш. — Вы только недавно возвратились в наши края, а уже приносите жителям Морегорья огромную пользу.

Ну да. Тем самым жителям, которые в прошлом были очень рады меня казнить.

На этом наше общение с мэром подошло к концу, и я продолжила путь в гордом одиночестве. Пока шла, мысленно задумывалась над тем, каково это — быть кошкой. Как я буду себя ощущать? Обострятся ли инстинкты? Станут ли меня еще больше ненавидеть собаки? Каким будет видеться мир? Если судить по моему сну, гипотеза о том, что кошки видят все черно-белым — полнейшая чушь.

Кажется, впервые за все время хвост и меховые уши воспринимались мной как полноценная и любимая часть себя. Да, я полюбила себя такую — необычную по общепринятым меркам, и уже считала кошачью сущность своей изюминкой. Положа руку на сердце, мне понравилось осознавать себя особенной. А еще я чувствовала, что с каждым днем все больше и больше становлюсь собой. Как если бы всю предыдущую жизнь я жила не в полную силу, а лишь наполовину, и только теперь просыпалась.

День оставался все таким же погожим, так же приятно пахли цветущие деревья, уже уронившие большинство лепестков, городская жизнь казалась размеренной и умиротворенной... но что-то было не так. Это «что-то» настигло меня осознанием — внезапным и неожиданным, заставившим вынырнуть из мыслительных далей и резко остановиться.

Среди окружающих запахов вдруг стал уловим еще один, от которого мои уши моментально наострились, а по коже пробежала мелкая дрожь. Умом я не понимала, что происходит, а вот инстинкты четко предупреждали: опасность. Правда, понять, откуда именно она исходит, не удавалось.

Обернувшись, я посмотрела в другой конец улицы, но ничего подозрительного не обнаружила. Сейчас я находилась далеко от центра, прохожих здесь было совсем немного, и это обстоятельство, радующее еще несколько минут назад, сейчас заставляло нервничать.

Заливистый собачий лай прозвучал совсем близко, вместе с ударами о землю тяжелых лап. Вывернув из-за поворота, на меня мчались три огромных черных пса... полумертвых,

что я успела заметить, прежде чем в следующую секунду сорваться с места.

Что за черт?! Откуда? Почему я не услышала их приближения раньше?!

Мысль о том, что от собак нельзя убежать, иначе они еще больше будут воспринимать тебя как добычу, мелькнула и тут же исчезла. Когда за тобой гонится *такое*, совет «остаться на месте» кажется просто абсурдным!

От псов откровенно смердело непосредственно псиной и землей. Вонь была премерзкой, забивающей легкие и подпитывающей градус накрывающей меня паники. Я неслась как никогда в жизни, чуть ли не идя на мировой рекорд и неотрывно ощущая позади себя присутствие трех голодных тварей. Их зловонное дыхание практически щекотало мои пятки, залихватский лай непрерывно звучал в ушах, и я лихорадочно искала что-нибудь, на что можно вскарабкаться. Как назло, деревья здесь росло немного, а на тех, что попадались, нижние ветки располагались слишком высоко.

В голове роился целый калейдоскоп суматошных мыслей, начиная с той, что встреча с такими собаками не может быть простой случайностью, и заканчивая той, что, если немедленно что-нибудь не придумаю, меня разорвут на мелкие кусочки! Разумеется, последняя превосходила все остальные и билась в мозгу как набат под стать громким ударам моего сердца. Где-то на задворках сознания еще мелькало сожаление, что все-таки нужно было слушать Лафотьера и не ходить по городу одной, но... нет, ни за что этого не признаю, даже перед самой собой!

Пока в голове творилась полнейшая каша, а инстинкты подстегивали бежать изо всех сил, дабы не быть сожранной, глаза выискивали пути к спасению. И когда мой взгляд неожиданно наткнулся на пожарную лестницу, прикрепленную к стене какого-то дома, я, не задумываясь, бросилась к ней. Попутно отметила, что дом очень старый, буквально дышащий на ладан, как и, вероятно, лестница, но в настоящий момент это волновало в последнюю очередь.

Говорят, когда жизни угрожает опасность, человек способен на настоящие подвиги, действуя за гранью своих обычных возможностей. С уверенностью заявляю: чистая правда! Лестница начиналась не у земли, а гораздо выше, и все же мне удалось на нее запрыгнуть — прямо с разбега, не останавливаясь ни на миг! Как только я на ней оказалась, челюсти одной псины клацнули у моей ноги, зацепив при этом сандалию. Меня дернуло вниз, но я каким-то чудом устояла и даже суматошно поползла вверх, а вот лестница начала опасно раскачиваться.

Я знала, что лучше не оборачиваться и не смотреть вниз, но не выдержала и взглянула, да так и застыла в немом изумлении и ужасе: та самая псина, что ранее ухватила меня за сандалию, сейчас исхитрилась повиснуть на нижней перекладине. Цепляясь за нее здоровыми когтистыми лапами, она впивалась зубами в ржавое железо и пыталась раскачивать и без того хлипкую лестницу.

Эта тварь что, еще и настолько разумна? А если у нее получится вскарабкаться следом за мной?!

Последняя мысль заставила вернуться к своему импровизированному скалолазанию и вновь устремиться вверх. Лестница скрипела и держалась на честном слове. Казалось, проржавелое железо вот-вот не выдержит и полечу я вниз без единого шанса приземлиться на четыре лапы...

В какой-то момент я внезапно почувствовала, как среднему пальцу правой руки стало горячо. Камень в перстне, который дал Лафотьер, раскалился и засверкал так, словно его наполнило настоящее пламя. Недолго думая я отцепила руку от лестницы и направила исходящий от камня свет прямо на псов. Со стороны, наверное, могло показаться, что я показываю им неприличный жест... хотя, в общем-то, так оно и было.

К исходящему от собак амбре добавился запах паленой шерсти. Псины заскулили, как побитые дворняги, а та, что повисла на лестнице, взвывая, рухнула на землю. Не теряя драгоценного времени, я снова ухватилась за лестницу, двинулась наверх и...

Подумалось, что противный, ударивший по ушам скрежет — последнее, что я слышу в своих жизнях. Все-таки не выдержав, лестница сорвалась, отделилась от кирпичной

стены и стала стремительно наклоняться. Я цеплялась за нее, отчаянно пыталась сообразить, куда можно перепрыгнуть, но глубоко внутри понимала — это конец. Даже если не помру, покалечусь точно.

Из ставшего шершавым горла не вырывалось ни звука, хотя мне ужасно хотелось заорать. Ставшие холодными и липкими пальцы впивались в ступени буквально до крови, где-то внизу продолжали поскуливать псы, и ласковый, совершенно неподходящий ситуации ветер принес мне несколько белоснежных лепестков...

Я падала. И это падение воспринималось как в замедленной киносъемке, когда одна секунда равняется тридцати. Я видела отдаляющуюся кирпичную стену, кусочек чистого голубого неба и ощущала под собой пустоту. Пальцы соскользнули с железной ступени, звуки вдруг стали приглушенными, все тот же ветер развеял мои волосы и подол сарафана.

Мгновение, другое...

И вдруг пустота сменилась внезапным прикосновением, откладывающим мою встречу с твердой землей.

Глядя на подхватившего меня Лафотьера, я с трудом сознавала происходящее. В направленных на меня черных глазах, точно как в камне перстня, горел алый огонь. Ветер сплетал наши волосы, совсем как в недавнем ритуале, а замедлившееся время нарушило законы гравитации, создав иллюзию того, что мы парим в воздухе бесконечно долго. Находясь в руках темного мага, я как-то отрешенно замечала, что нас окружают сполохи тьмы, в которых кружат принесенные ветром лепестки...

А потом тьма стала густой и, показалось, проникла прямо в меня. Когда Лафотьер, продолжая удерживать меня на руках, опустил на землю, веки вдруг сделались невероятно тяжелыми, и я окончательно погрузилась в сомкнувшуюся надо мной черноту.

ГЛАВА 17

Очнулась я на широкой кровати, укрытая легким светло-голубым одеялом. В первые мгновения комната показалась незнакомой, но уже вскоре пришло понимание, что я нахожусь в особняке Лафотьера. Стоило это осознать, как мысли незамедлительно свернули в сторону хозяина дома, а там и воспоминания о недавно случившемся дали о себе знать.

Резко сев, я спустила ноги с кровати и, выждав недолгую паузу, поднялась. В общем и целом самочувствие было нормальным, не считая зверского голода, что меня уже не удивляло. Глянув на часы, обнаружила, что время давно перевалило за полдень и даже приблизилось к вечеру.

Это сколько же я пробыла без сознания? К слову, об этом.

В памяти один за другим пронеслись фрагменты недавних событий, начиная с бегства от жутких псов и заканчивая неожиданным появлением Лафотьера. Стоило обо всем этом подумать, как на меня снова накатил ужас — в ушах до сих пор звучали отголоски собачьего лая, а пальцы, казалось, вновь и вновь соскальзывали с тонких железных ступенек...

А ведь темный маг меня спас. Понятно, что в первую очередь ради себя любимого, но все же...

Вспомнив о том, что ему сегодня требовалась моя помощь как фамильяра, я покинула комнату и отправилась на его поиски. Кабинет мага оказался закрыт, как и личная комната, поэтому я спустилась на первый этаж. Обошла гостиную и столовую, заглянула еще в парочку гостиных, которые стояли бесхозными и были особенно загрязнены, после чего прошествовала в кухню. Еще не войдя в нее, уловила сногшибательный рыбный запах, способный свести с ума даже сытого обжору. Его сопровождали тихие звуки незамысловатого мотивчика и брэнчание кухонной утвари.

Переступив порог святая святых, я увидела дородную невысокую женщину, стоящую у плиты. На голове у нее торчал белый поварской колпак, поверх безразмерного платья был повязан белый же передник, а перед ней пыхтела большая кастрюля, из которой и исходил потрясающий аромат.

— Госпожа Маргарита! — первым заметил мой приход Крикко, обнаружившийся сидящим в дальнем углу. Резво подойдя ко мне, он воскликнул: — Вам не следовало так рано вставать!

Вслед за ним на меня обратила внимание орудующая у плиты женщина, тут же осенившая себя защитным знамением. Увидев это, я не удержалась и закатила глаза.

— Где Лафотьер? — спросила, снова посмотрев на дворецкого.

— Хозяин отбыл час назад, — незамедлительно отчитался тот. — Просил передать, чтобы в случае, если вы очнетесь, не смели покидать дом.

Я испытала легкие угрызения совести. Лафотьеру, должно быть, пришлось несладко, ведь мало того, что он должен был испытать все то же, что и я, так вдобавок еще и помощи от меня сегодня никакой. Я не горела большим желанием сопровождать его на погост, как и вообще исполнять фамильярские обязанности, но считала, что должна делать это добросовестно. Все-таки, как ни крути, мне за это платят.

Наверное, не чувствуй за собой определенной доли вины, я бы, не раздумывая, отправилась следом за Лафотьером. Но, подозреваю, в таком случае взбесила бы его окончательно и ничем хорошим это бы не закончилось. Лучшее, что я могла сейчас сделать, — это пребывать в бодрости и прекрасном расположении духа, чтобы мои эмоции передавались ему.

Поэтому я не стала отказывать себе в удовольствии полакомиться наваристой ухой. Работница, которую звали Фоклой, предложила мне еще и торт с грецкими орехами, в чем я себе не отказала тоже.

Закончив с приготовлениями, Фокла ушла, но у нас тут же появились новые посетители. Мне доставили мопед! В тот момент, когда я его увидела, Лафотьера должно было нехило так припечатать, потому что мой восторг просто не поддавался описанию. Выполнив свою работу, «курьеры» быстренько ретировались, оставив меня наедине с новым приобретением. Точнее, не совсем наедине, поскольку рядом крутился Крикко, не понимающий, зачем мне понадобилось такое страшилище и для чего оно вообще нужно.

Объяснять, для чего и почему, было сущим удовольствием. Расписывая дворцкому все достоинства такого средства передвижения, я приводила свой новоприобретенный транспорт в божеский вид. Оттирала, отмывала, отдирала старые, ужасно выглядящие и прилипшие чуть ли ни намертво наклейки. Попутно взяла себе на заметку в ближайшее время купить краску и обновить цвет моего чудесного мопеда.

— Госпожа Маргарита, — улучив паузу в моей трескотне, вставил Крикко, — так ему ведь магия требуется. Покупать соизволите или свою силу жертвовать намереваетесь?

Только я хотела ответить, как внезапно услышала шаги — пока еще далекие и негромкие, но неумолимо приближающиеся. Даже оборачиваться не требовалось, чтобы понять, кому они принадлежат. Заранее морально настраиваясь на не слишком приятный разговор, я несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

Судя по накрывающим меня эмоциям, Лафотьер, мягко говоря, пребывал не в духе. И я решила — что бы он сейчас мне ни сказал, я сохраню спокойствие, дабы не провоцировать его еще больше. Мне же еще к госпоже Ерише сегодня попасть нужно. Так что принимаем смиренный вид и не усугубляем паршивое настроение темного мага.

— Это что? — был первый заданный им вопрос.

Не сразу поняв, о чем он говорит, я наконец обернулась и, проследив за его взглядом, обнаружила, что тот направлен на мое транспортное сокровище.

— Мопед, — озвучила очевидное и на всякий случай уточнила: — Сегодня купила.

Мое приобретение удостоилось тяжелого, буквально рентгеновского взгляда. Умей он воспламенить, и мопедик уже горел бы ярким пламенем.

— Ты, конечно, в курсе, что на нем висит сильное проклятие? — не скрывая сарказма, спросил Лафотьер. — Пользоваться им не сможешь.

— Так вот почему его не получается заряжать! — догадавшись, воскликнула я.

Тяжелый рентгеновский взгляд переместился на меня.

— О помощи не проси.

— И не думала! — возмущилась вполне искренне. — Сама справлюсь!

Вот хотела же не провоцировать и не раздражать. Смирение и покладистость изображать собиралась, на натянутые нервы темного мага сегодня больше не действовать. А не сумела, хотя, казалось бы, из-за чего Лафотьеру выходить из себя? Что я такого сказала?

Взгляд из рентгеновского перекалифицировался в уничтожающий, и маг, шагнув ко мне, недобро переспросил:

— Сама справишься, говоришь? — Обманчиво-спокойный тон продлился недолго, уже в следующее мгновение сменившись яростным: — Так же, как справилась с поднятой нежитью?! На тебя нападают уже не в первый раз, а ты демонстрируешь nepозволительную беспечность и неспособность себя защитить! Вместо того, чтобы сосредоточиться на важном, тратишь время на всякие глупости вроде приобретения бесполезного железного хлама!

Каждое слово было подобно острому лезвию летящего в меня ножа. Вкупе с устрашающим видом мага эти слова могли бы задеть и заставить вспыхнуть, не улови я скрывающееся за ними... беспокойство? Наверное, это невероятно глупо, но мне почему-то показалось, что Лафотьер переживал за меня не только из-за угрозы его собственной жизни.

Я бы могла много чего сказать по поводу его обвинений, причем в довольно резкой, свойственной мне форме. Но вместо того, чтобы вспыхнуть, сложила руки на груди, отвела взгляд в сторону и без особого запала пробубнила:

— Ничего он не бесполезный... и совсем не хлам.

Лафотьер, видимо ожидавший, что я отвечу ему в том же тоне, вдруг тоже лишился всего запала. Шумно выдохнув, прислонился к дверному косяку, повторил мой жест, сложив руки на груди, и устало произнес:

— Как с тобой тяжело...

Эта усталость в его голосе стала для меня полнейшей неожиданностью. Не припомню, чтобы он хоть раз говорил со мной с такими чисто человеческими интонациями.

Посмотрев на него, я заметила:

— С тобой, вообще-то, тоже несладко.

Мы немного помолчали. Крикко куда-то ретировался, и возле конюшен мы остались троим: темный маг, ликой и ее старый-новый мопед, скромно приютившийся у входа...

Ситуацию с собаками мы все-таки обсудили — чуть позже, пока ехали к госпоже Ерише. Откровенно говоря, я искренне удивилась, что Лафотьер не только не стал препятствовать моему визиту к ведьме, но еще и сам напомнил о его необходимости. Я-то искренне считала, что теперь он меня из особняка вообще выпускать не захочет!

— Ты должна научиться себя защищать, — произнес Лафотьер, пока мы тряслись в повозке. — В былые времена эти поднятые шавки даже побоялись бы к тебе подойти. А сейчас ты до того слаба, что даже не попыталась дать им отпор.

Да что там «не попыталась». У меня и мысли-то попытаться не возникло!

— Будем надеяться, с оборотом ведьма поможет. — Лицо темного мага, окутанное полумраком, было бледным и бесстрастным.

Сгущались сумерки, и в повозку проникал рассеянный голубоватый свет. Пользуясь тем, что Лафотьер отвернулся к окну, я украдкой его рассматривала. Не знаю, почему, но сейчас он виделся мне как-то по-новому. Наверное, это все из-за нервов, перенесенного стресса и нашего недавнего «полета», слишком на меня повлиявшего. К излишнему самокопанию я склонна никогда не была, поэтому нынешние свои чувства и странности в настроении предпочла проигнорировать. И вообще, все дело в том, что этот темный маг совершенно непозволительно красив. Когда вот так молча сидит, смотрит в окно и не пытается мне угрожать, — вообще за идеал сойти может. Даже обидно, что такая внешность досталась типу с таким тяжелым характером!

Так вот, возвращаясь к зомби-псицам. Эту тему Лафотьер затронул первым, сказав, что нападение на меня явно спланировали. И сделал это кто-то не очень умелый. Собаки обратились прахом сразу после того, как Лафотьер к ним приблизился, а по остаточной магии вычислить того, кто их поднял, не удалось.

— Это не был темный маг, — заявил Лафотьер с уверенностью. — Но и на дилетанта не похоже. Скорее некто с магической одаренностью, достигший успеха в практике темных ритуалов.

— Ритуалов? — тут же вскинулась я. — А это не может быть тот же маг, который в последнее время проявляет особую активность на погосте?

Лафотьер утвердительно кивнул:

— Это первое, что приходит в голову.

— И тот же, кто залез ко мне в мастерскую?

На этот раз он промолчал, заставив меня теряться в догадках. Я бы непременно выпытала подробности, но возникло ощущение, что у него самого четких ответов сейчас

нет. А еще показалось, что именно отсутствие оных и бесит его больше всего.

Полная луна походила на круглый желтый леденец, который так и хотелось надкусить. Только недавно я не без подсказки госпожи Ериши осознала, что мой постоянный голод связан с недавним перерождением и постепенно пробуждающейся силой. А сегодня, когда наступило полнолуние и мне предстояло совершить полный оборот, жор стал вообще невозможным. Вон, даже луну за конфету принимаю!

А еще я нервничала. Хотя «нервничала» — слишком слабо сказано. Предыдущая ночь была бессонной, и даже выданное госпожой Еришей успокоительное нисколько не помогло. Я и сама не знала, чего страшусь больше: отрицательного результата или того, что все получится и я обернусь кошкой.

Еще недавно мне казалось, что превратиться в кошку — это классно, а сейчас снова одолевали сомнения. А вдруг я буду облезлой и некрасивой? Вдруг в прошлых жизнях мне порвали уши, общипали хвост, и теперь эти последствия, так же как и шрамы, дадут о себе знать?

Ой, да кого я обманываю... я боялась самого обращения. По словам госпожи Ериши, в первый оборот я практически полностью забуду свою человеческую часть и сольюсь с внутренней кошкой. В себя приду только утром — не с первыми петухами, как какая-нибудь там нечисть, а как повезет. Пока пребываю в таком состоянии, могу навредить себе и другим, поэтому мы решили, что мой первый оборот пройдет во дворе дома Лафотьера, вокруг которого он воздвигнет специальную защиту, не позволяющую мне вырваться за пределы обозначенной территории. Со слов все той же госпожи Ериши, да и самого Лафотьера, обладай я памятью — все было бы иначе. Вместе с воспоминаниями я утратила весь накопленный опыт и знания о том, как облегчить свое первое пребывание в кошачьей ипостаси. Никаких ликоев поблизости не наблюдалось, так что проконсультироваться было не у кого. Оставалось только положиться на обоих своих помощников, которым, к слову, я до сих пор полностью не доверяла.

Громко хрустя невесть каким уже по счету яблоком, я мерила шагами гостиную, сквозь окна которой проникал лунный свет. Стрелки настенных часов показывали десять вечера — до пика полнолуния остался всего час. Где-то во дворе кряхтела госпожа Ериша, жалующаяся на то, что ее — бедную старую женщину вытащили из дома в столь поздний час, да еще и заставляют мерзнуть на улице. Что правда, то правда, гостеприимством темный маг не отличался и в особняк ведьму не впустил, в чем, в общем-то, имелся смысл.

Я сама выходить во двор не спешила. Даже находясь в доме, чувствовала воздействие луны, а уж на улице... Это было сложно сформулировать, но я словно бы ощущала на каждой клеточке тела щекотку, которая была отнюдь не приятной. К голове то и дело приливалась кровь и периодически мне казалось, что я вот-вот отключусь. Справляться с такими неприятными симптомами, как ни странно, помогали яблоки. Их кисло-сладкий вкус помогал мне сохранять связь с реальностью, вот я и продолжала опустошать лафотьерские закрома.

В какой-то момент невольно бросив взгляд на окно, я застыла. Набежавшая было на луну тучка ушла, и теперь небесный диск неотрывно на меня пялился, походя уже не на леденец, а на гигантский круглый глаз. Проглотив последний кусочек последнего яблока, я медленно, неотрывно смотря на луну, подошла к окну.

Щекотка усилилась. Дрогнули кончики ушей, заходил ходуном хвост, в помещении откуда-то взялся ветер, от которого стало почему-то не холодно, а очень-очень жарко...

— Мя-а-у, — раздалось приглушенное утробное мяуканье.

Это я, что ли?!

— Мя-а-у...

И луна вдруг показалась такой близкой-близкой, словно это огромное желтое, почти что кошачье око надвинулось на меня, поглотило, заставило раствориться... Стало больно.

Так больно, что я хотела закричать, но вместо крика издала какие-то невнятные звуки. Кажется, я упала, потому что мир перед глазами дернулся и колени с ладонями ощутили под собой нечто твердое — видимо, пол.

— Госпожа ликой! — словно издали донесся до меня голос Крикко. — Господин Лафотьер, господин Лафотьер! Здесь госпожа ликой...

Из того же далека я слышала ругательства и как будто ненастоящий голос темного мага, сказавший, что оборот начался слишком рано. Потом меня вроде бы взяли на руки и вынесли на улицу, а затем стали раздевать.

«Только бы госпожа Ериша, а не Лафотьер», — промелькнула в сознании последняя связанная мысль, после чего мне все стало безразлично. Безразлично, кто стаскивает с меня одежду, кто причитает, кто просто находится рядом... Кожа соприкоснулась с мягкой травой, которая в сравнении с температурой моего тела показалась очень холодной. Мир стремительно менялся, обрастая все новыми и новыми звуками, запахами, которые словно усилились стократ.

На меня, лежащую на земле, все падала и падала огромная пузатая луна, а вместе с ней обрушивалось и небо с осколками холодных звезд. Звезды водили хороводы, кружили вокруг, увлекая сумасшедше бьющееся сердце в свой невероятный танец. Кажется, в какую-то секунду я совсем перестала моргать, а еще через несколько мгновений луна и небо вновь вернулись на свою высоту и мир затих.

Да... мир затих, а какофония запахов и звуков продолжилась.

Ночные краски стали такими яркими, словно кто-то их сфотографировал, а затем в фотошопе многократно увеличил насыщенность. Где-то стекала по травинкам роса, звучно стуча о землю, шумел морской прибой и шелестели кроны деревьев, в глубинах леса ухали совы, а по ведущей в город дороге стучали копыта везущей повозку лошади...

Я жадно втянула воздух, вбирая все окружающие ароматы: соль, рыба, трава и цветы... ведьма, темный маг, нежить. Мягко ступая по траве, пошла вперед, чувствуя в лапах легкое покалывание. Взгляд подмечал каждую деталь, глаза видели так отчетливо, словно до этого я смотрела на мир сквозь мутное стекло, которое теперь прочистили до блеска.

На несколько секунд замерев, прислушалась — и к яркому миру, и к самой себе. Ощутила, как меня переполняет нечто неизведанное, но вместе с тем парадоксально знакомое. Энергия вскипела, забурлила, вынуждая сорваться с места и устремиться вперед — не важно куда, только бежать, бежать, бежать...

До предела обострившееся зрение различило невидимую обычному взгляду темную пелену — магический барьер, поставленный специально для меня. Смешно! Неужели сотворивший его маг думал, что это сможет удержать набравшую силу ликой?

Проход через него доставил лишь несущественные неудобства, и я понеслась в ночь. Позади снова раздавались какие-то голоса, кто-то устремился за мной в погоню, что только подзадорило и подтолкнуло ускориться.

Была я, были ночь и луна. Была моя быстрая бесшумная поступь и ветер, ласково поглаживающий мою гладкую шерсть. Я бежала вдоль поля, потом юркнула в лес и принялась петлять, путать след, чтобы никто, даже назойливо следующий за мной темный маг, не сумел меня отыскать.

Снова и снова путь освещала луна. Ее лучи путались в кронах шумящих на ветру деревьев и разбавляли лесной мрак. Ухали совы, древняя магия наполняла мир и каждую частицу подсвеченного луной воздуха. Первобытные и древние, как та самая магия, инстинкты гнали меня вперед — еще быстрее, еще, еще, как неуловимая грациозная тень.

Хрустнувшая поблизости ветка заставила меня остановиться и настороженно пригнуться к земле. На опушку, где я оказалась, выскочил заяц, тоже остановился, смешно повел носом и, увидев меня, стремглав бросился прочь.

Приглушенно и довольно мяукнув, я снова помчалась вперед, петляя между деревьями,

перепрыгивая упавшие ветки и кусты. Инстинкты и какая-то необъяснимая радость переполняли все мое существо, невыразимые и буйные, как непокорный, сметающий все на своем пути ураган.

В следующий раз я остановилась, оказавшись у кромки лесного озера. Какая-то крошечная моя часть, этой ночью задвинутая в самые отдаленные уголки сознания, понятия не имела, что в этом лесу есть озеро. Но кошка его знала. Скользнув вдоль берега, нашла самое сухое место и, осторожно пригнувшись, посмотрела в водную гладь. В ней отражалось темно-синее, усыпанное звездами небо и всевидящая луна, макушки высоких деревьев и рой парящих над озером светлячков. Водомерки рисовали на воде узоры, сквозь которые проступали очертания крупной кошки — черной, как самая темная ночь, с разноцветными, слегка прищуренными глазами и длинными усами. Кошка была красивой: грациозной, гибкой, с длинным, в меру пушистым хвостом и шелковистой блестящей шерстью. Мне нравилось собой любоваться, и я снова довольно мяукнула.

Я каталась по холодной траве, ловила ртом особо назойливых насекомых и пугала сов, прыгая по веткам деревьев. А потом, вспомнив об одном важном деле, покинула лес и направилась в город.

Теперь мы с луной бежали по пустынным улицам. Редкие прохожие шарахались прочь, от страха даже забывая осенять себя защитным знаменем. Они злили, пробуждали болезненные воспоминания, от которых шерсть на загривке вставала дыбом, а из горла вырывался рык. Где люди — там боль. Все причиняют боль, а особенно те, к кому привязываешься. Даже если находятся желающие тебе блага — они все равно бросают. Умирают, уходят, чтобы ты снова осталась одна. Поэтому благо для ликой — всегда оставаться одной, рвать все связи, не привязываться и не любить. Ни в коем случае никого не любить! Только луну... луна никогда не оставит. И не предаст.

Я не спешила. Времени в запасе было достаточно, и очень крупная черная кошка еще долго бегала по спящему Морегорью. Кошка знала то, чего не знал человек.

И вспоминала.

ГЛАВА 18

Лежать было неудобно, кровать отчего-то казалась слишком жесткой, и именно это в итоге прервало мой крепкий сон. Спала я как младенец и, несмотря на неудобства, ни малейшей ломоты в теле не ощущалось.

Не открывая глаз, медленно присела, широко зевнула и, потянувшись, сбросила на пол какие-то наделавшие шуму вещи. Что это там на моей кровати валялось?

Разлепив еще тяжелые веки, я в ступоре уставилась на окружающие меня книжные стеллажи, валяющиеся на полу толстенные тетради и, пока разум еще не успел все осмыслить, нос выразил удивление безудержным чихом. Пыли здесь было почти столько же, сколько в особняке Лафотьера.

Тряхнув головой и несколько раз моргнув, я обнаружила, что спала на столе. Судя по всему, свернулась калачиком прямо в центре и...

Следующая мысль заставила меня вскочить на ноги и едва не упасть: я же кошкой оборачивалась! Точнее, должна была обернуться минувшей ночью!

Судя по тому, что сейчас я находилась в подполье мастерской, которую узнала по образам из своего сна, обращение мне удалось. Только вот... я же ничегошеньки не помню!

...Или что-то все-таки помню?

Всплывающие в мыслях образы были туманными и нечеткими. Мне помнился темный лес и луна, еще, кажется, было озеро... стоп! А как я вообще за пределы двора Лафотьера попала? Он же обещал надежной защитой его оградить!

Глубоко вдохнув, я очень медленно выдохнула и убедила себя, что все это сейчас не важно. Разобраться в случившемся можно и потом, а пока необходимо воспользоваться моментом и осмотреть эту комнату, как и собиралась прежде.

Нет, подумать только, я и впрямь сумела сюда попасть! Но как именно, не помню, хоть убей.

Следующая мысль заставила содрогнуться: попасть-то я попала, а выбираться отсюда как? Вошла кошкой, а теперь я — человек. Что-то мне подсказывает, вряд ли снова удастся изменить облик по одному мановению хвоста...

Придя к выводу, что проблемы нужно решать по мере их поступления, я подошла к неприметной тумбочке и, присев, рассмотрела половицы. Шершавое дерево неприятно царапнуло голые колени, заставив заострить внимание на еще одном, безусловно, важном факте: одежда на мне отсутствовала. Вообще. Но, в отличие от прошлого раза, когда я очнулась в чем мать родила, сейчас это обстоятельство взволновало не слишком. Подумаешь, голая... Я вон в кошку ночью превращалась и не помню ни черта!

Впрочем, такие мысли не помешали мне ненадолго отвлечься и исследовать комнату на предмет какой-нибудь одежды. Я рассудила, что раз в прошлой жизни варила здесь какие-то эликсиры, то, значит, принимала облик человека. А раз принимала облик человека, то и переодеваться во что-то была должна. Хотя кто ту прежнюю Акиру знает...

Одежда таки нашлась. Один из стеллажей соприкасался с небольшим шкафом, в котором на вешалках были развешаны платья и сарафаны. Похоже, вкус у меня почти не изменился, поскольку все они были простыми, лаконичными и удобными. Только цвета в основном преобладали темные.

Надев первое попавшееся платье, я отметила, что оно и впрямь удобное: длинное и свободное, абсолютно не сковывающее движений, но и не скучное благодаря оголенным плечам. В том же шкафу нашлась единственная пара обуви: такие же черные и удобные сандалии, которые я тоже надела.

И вот в такой экипировке снова присела около тумбочки и принялась шарить руками по

полу рядом с ней. Спустя некоторое время одна половица поддалась, и, отодвинув ее, я обнаружила тайник, в котором лежала знакомая мне из сна книга.

Сердце тут же заколотилось. Почему-то я думала, что тайник окажется пустым и меня постигнет разочарование. Книгу я брала в руки с каким-то особым внутренним трепетом, чувствуя себя так, словно прикасалась к чему-то большому и очень-очень важному.

Коричневый кожаный переплет плавно переходил в своеобразный замок, не позволяющий просто так открыть книгу. Но не успела я этим озадачиться, как буквально ощутила родившийся в груди жар, плавно перетекший в кончики пальцев, а затем раздался характерный щелчок.

Со смесью волнения и предвкушения чего-то важного я открыла первую страницу и увидела надпись, повторяющую название на обложке: Книга мудрости Ликоой. А на следующей присутствовала иллюстрация, на которой изображалось сооружение в стиле азиатской архитектуры. Даже внимательно присмотревшись, я не могла понять, в какой технике выполнено изображение — явно не фотография, но и не живопись. Скорее, рисунок был сделан неким подобием цветных карандашей, и кто бы это ни нарисовал, художником он был отличным. Хотя, возможно, во мне разыграла подсознательная память, и именно поэтому рисунок показался таким живым. Я словно чувствовала исходящее от бумаги тепло солнечного дня и дуновение ветра; слышала перешептывание древних деревьев, под которыми приютился старый, древний как мир... храм?

Да, это был храм. И да — древний как мир. По крайней мере так гласила подрисовочная подпись.

— Храм Ликоой, — прислонившись спиной к ножке стола и устроившись поудобнее, прочитала я вслух.

Примечательно, что слово было написано именно с большой буквы и с двумя буквами «о», которые вместе походили на знак бесконечности. Эта странность объяснилась совсем скоро, когда я перелистнула очередную страницу и увидела изображение девятихвостой кошки, которая и являлась той самой Ликоой, или, говоря иначе, Прародительницей всего нашего рода. Появившись еще на заре времен, она ступила на землю, чтобы дать жизнь первым ликоям. Они получили возможность рождаться девять раз, после чего отправлялись к своей Прародительнице в Немирин — высший мир, скрытый от взора смертных. На каждую жизнь ликоям отмерено по веку, и в течение всех своих перерождений они накапливают особую эфирную энергию, которая в конечном счете и позволяет совершить последний переход, дабы обрести свое вечное пристанище.

Ликоой рождается младенцем только в первый раз, и всегда — только в храмах, которых всего существует три. Один из них, самый большой, расположен на острове Небесной кошки, где впервые на свет появилась я.

Из прочитанного я также поняла, что прежде к храмам Ликоой люди и даже маги приносили дары. Ликоев почитали и любили, но в то же время боялись чем-то разозлить. Но со временем все стало меняться и в конечном счете привело к тому, что храмы разорили, а на самих ликоев начали охотиться. Маги хотели заполучить силу, которой обладали удивительные хвостатые создания, а вместе с ней отобрать долгие годы жизни, тем самым обеспечив себе долголетие. Им это не удавалось, зато удалось вызвать гнев Прародительницы. Желая защитить своих детей от страшной участи, она просто перестала давать им жизнь, и постепенно ликои совсем исчезли. Я принадлежала к последнему поколению, которое к настоящему моменту, видимо, тоже практически исчезло.

Еще, насколько я могла судить, каждую такую книгу, какая сейчас была у меня в руках, ликоой получала в храме, где впервые родилась. Печатный текст перемежался со сделанным от руки, и во мне возникло подозрение, что некоторые пометки делала я сама.

На несколько долгих часов я буквально выпала из реальности, все глубже и глубже погружаясь в события минувшего. События, которые не исчезли без следа, а оказывали влияние на настоящее и были обречены существовать до тех пор, пока бьется сердце

хотя бы одной ликой.

«Умирать страшно только в первый раз, — гласил первый постулат Книги мудрости. — Во второй страх притупится. В третий сменится привычкой, которая с каждым разом будет только крепнуть. А последняя, девятая смерть станет восприниматься как долгожданное избавление, как последний шаг на пути к той, что обитает в Немирине, где ждет вечный покой».

«Вот только я почему-то ни в какой Немирин после девятой смерти не отправилась, — про себя фыркнула я, перелистнув страницу. — Десятую жизнь вон живу и здравствую... и никакого вечного покоя пока не желаю».

В моих руках находилась настоящая драгоценность — знания многих и многих поколений, дополненных мною самой. Иногда между страниц встречались засушенные листья и цветы, источающие горьковатый аромат. Задумчиво вертя их между пальцев, я пыталась вспомнить то, с чем они были связаны — не просто же так их сюда положила? — но безуспешно. Погребенное глубоко в подсознании знание там и оставалось.

Текст занимал примерно пятую часть всей книги. Притом у меня возникло ощущение, что оставшиеся страницы не всегда были пусты. Интересно, может ли быть такое, что текст на них был доступен мне прежней, но скрыт от меня нынешней? Может, у меня в настоящий момент недостаточно той самой эфирной энергии, чтобы его прочесть?

Как бы то ни было, этим вопросом я долго не озадачивалась, поскольку даже имеющейся информации мне пока хватило с лихвой.

Самое главное, что я для себя узнала — это как пользоваться силой ликой. Просто с ума сойти, насколько доступно и с какими подробностями здесь излагались такие необходимые мне азы! Судя по всему, постигать их предполагалось еще в детстве, а проживая новые и новые жизни — дополнять и совершенствовать. Но мне предстояло начать все с начала.

Я не знала, сколько точно прошло времени с тех пор, как я здесь очнулась, и не знала, который вообще сейчас час. Окна по понятным причинам отсутствовали, на улицу посмотреть я не могла и, постепенно выныривая из чтения, стала чувствовать себя неуютно. Смешно, но далеко не сразу заметила, что источником света в этой комнате служат парящие под потолком огни, по виду очень похожие на самые настоящие сгустки пламени. Даже любопытно стало — они здесь все время горят, вроде Вечного огня? Или это я, будучи кошкой, как-то сумела их «включить»?

Впрочем, вскоре все это отошло на второй план. Изучение своего наследия — это, конечно, прекрасно, но иметь возможность выйти — еще прекраснее. И поесть прекрасно тоже, и глазам дать отдохнуть, и глотнуть свежего воздуха.

Отложив книгу, я растерла затекшую шею, поднялась с пола и в очередной раз обвела взглядом комнату. Постояла немного и, веря в лучшее, решила еще раз детально ее осмотреть. Может, в прошлом я и была сильной ликой, умеющей обращаться по одному чиху, но еще я была ликой умной и хитрой. И уж о дополнительных путях отступления точно должна была позаботиться!

Минут через десять я частично сдулась, через двадцать — скисла, а через полчаса возжелала взвыть на луну. А что? Запри кошку в четырех стенах, она и не такие звуки издавать начнет!

— Думай, Ритка! — ощущая определенный дискомфорт из-за нахождения в замкнутом пространстве, велела себе. — Думай!

Как оказалось еще спустя некоторое время, мозги здесь были бессильны. Во всей комнате не имелось ничего даже мало-мальски похожего на выход, через который мог бы пройти человек. На всякий случай я поднялась по лестнице и осмотрела ту половицу, сдвинув которую, сюда попала, но ничего нового не обнаружила. Открывать ее не стала, опасаясь, что это кто-нибудь заметит. Вариант, где придется прибегнуть к помощи Лафотьера, рассекретив свое потайное убежище, я оставила на самый крайний случай... который становился все ближе.

— Ладно, — шумно выдохнув, я попробовала подойти к проблеме с другой стороны. — А если так?

Закрыв глаза, расслабилась насколько могла и постаралась погрузиться в свое упрямое подсознательное, никак не желающее выдавать жизненно необходимые сейчас факты. Как-то был в моей жизни период, когда я зачитывалась всякими психологическими штуками. Так вот в одной статье говорилось, что все, однажды увиденное или услышанное нами, никогда не исчезает из памяти. Просто мозг раскладывает всю ненужную информацию по своим кладовым, и чем больше времени проходит, тем на все более нижних ярусах эта информация оказывается. У меня же, при всей любви к чистоте и порядку, в голове, подозреваю, никаким порядком и не пахнет. Все воспоминания перемешаны с назойливыми песенками, репликами из фильмов и вообще откровенным информационным хламом.

Но не суть. Какой бы хаос ни творился в моих подсознательных хранилищах, попытаться вычленив из него что-то полезное определенно стоило. Поскольку внутренняя кошка на призыв отзываться категорически отказывалась и вообще не подавала признаков жизни, пришлось сосредоточиться на поиске выхода.

Как это обычно бывало, напряжение и чрезмерные усилия ни к чему путному не приводили. Но стоило расслабиться, как чудо таки случилось!

Я сидела на краешке стола с закрытыми глазами, но в какой-то момент стало казаться, что вижу всю комнату целиком, даже ту ее часть, которая находится позади. Мне представлялось, как одни за другими исчезают находящиеся здесь склянки и котелки, как сушеные травы делаются свежими, а стрелки ныне остановившихся часов стремительно отматывают время назад. Как скрипит половица и в комнату вбегают большая черная кошка, через несколько мгновений оборачивающаяся нагой длинноволосой девушкой — мной. Вот она надевает любимое черное платье, вот берется за приготовление эликсиров, добавляя в них самый главный ингредиент — крупицу своей силы, и вот к потолку вздымается сизый пар, источающий влажный жар и пряные ароматы.

Погружаясь в недра собственного бессознательного, как в пучины глубокого моря, я видела тысячи деталей, но не успевала их заметить, и они ускользали, точно вода сквозь разомкнутые ладони.

А потом я увидела его. Нет, не так — почувствовала. Словно вернувшись на много лет назад, я стояла у одного из стеллажей, смотрела на стену рядом с ним и знала, что если сейчас положу на нее руку...

Резко распахнув глаза, я шумно втянула воздух. Голова закружилась, и пришлось ухватиться за крышку стола, чтобы не опрокинуться навзничь. Свет огней показался чересчур ярким, и я поморщилась, одновременно улавливая роящиеся перед глазами черные точки.

Задумываться над тем, что мне пригрезилось, не хотелось совершенно. Ощущала я себя опустошенной и измотанной, как если бы безостановочно бегала добрую пару часов, даже дыхание стало прерывистым!

Надеясь на то, что увиденный образ на самом деле был ниспослан мне подсознанием, а не прогрессирующей шизофренией, я подошла к нужной стене. Немного помедлила, передернула плечами и положила на нее ладонь.

Разумеется, ничего не произошло. Кто бы сомневался, что все не будет так просто!

«Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — взмолилась я про себя. — Мне ведь совсем не хочется здесь застрять. И надеяться на помощь Лафотьера тоже очень-очень не хочется...»

Никакие уговоры на силу, которая, предположительно, и должна была открыть проход, не действовали. И вот тогда я разозлилась. Что это, в конце концов, за сила такая, которая не проявляется, когда нужна? На кой ляд она мне тогда вообще сдалась?!

— Открывайся, кому говорю! — рывкнула я, положив на стену сразу обе руки.

И по инерции повалилась вперед, когда вместо стены мои руки провалились в пустоту. О пол приложилась я не слишком сильно, но приятного было мало.

Передо мной предстал темный проход в лучших традициях ужастиков. И крошечный мрак тебе, и такая паутина, и сжая, которая не просто оплетает углы кружевом, но еще и неопытными нитями свисает с низкого потолка.

Фи!

Недолго поразмыслив, я приняла решение книгу с собой не тащить. Спрятав ее в прежнем месте, вторично передернула плечами, теперь уже сугубо от брезгливости, и шагнула в темноту. Хотела бы сказать, что шагнула смело, но нет — трусливо и поджав хвост.

В отличие от моей прелестной подпольной комнатки, здесь света не было и в помине. Чем дальше я удалялась от комнаты, тем дальше становилась и полоса света, что уверенности отнюдь не прибавляло. Хорошо хоть в темноте видеть умею, иначе бы уже сто раз ноги переломала...

Путь оказался длинным. Очень длинным! Seriously, если верить внутренним ощущениям, занял как минимум полчаса! Поближе выход вырыть не могли?

Об облицовке коридорных стен речи даже не шло, и они, равно как нависающий надо мной низкий потолок, были земляными. Только пол устилала местами разрушенные каменные плиты.

Несколько раз вляпавшись в паутину и близко познакомившись с парочкой жирных пауков, я наконец приблизилась к ведущей вверх лестнице. Деревянная и дряхлая, она вызвала серьезные опасения в способности меня удерживать, а покрывающие ее грибок и плесень отнюдь не вызвали желания по ней карабкаться. А уж если вспомнить мое последнее тесное общение с лестницей, подниматься по ней не хотелось тем более. Но выбора не было.

Сморщив нос и стараясь не дышать, я поднялась по натужно скрипящим ступеням и уткнулась в нечто твердое.

Класс. Теперь-то что?

Чем бы это твердое ни было, поддаваться оно не желало, что снова заставило меня разозлиться. Нет уж, не зря я тащилась по этой заплесневелой темени, чтобы теперь вот так легко отступить и топтать обратно!

— Открывайся! — потребовала со всей испытываемой злостью.

Удивительно, но сила откликнулась и на этот раз. То-то же, пусть знает, кто здесь хозяйка!

Преграждающая мне путь каменная плита (а это была именно она) сдвинулась так легко, словно весила как самое невесомое перышко. Сверху тут же хлынул яркий солнечный свет, заставивший на несколько мгновений зажмуриться.

Наполовину высунувшись на поверхность, я, щурясь, обвела окружающее пространство беглым взглядом и присвистнула. Ну надо же, куда меня занесло! Вот уж действительно — проделала долгий подземный путь...

Я очутилась на небезызвестном погосте.

— Храни меня небеса! — внезапно раздалось где-то поблизости. — Да что ж это такое... опять нежить лютует...

Посмотрев в ту сторону, откуда доносились причитания, я увидела знакомого мужика — того самого, у которого однажды позаимствовала одежду. Пятясь и спотыкаясь, тот непрестанно осенял себя защитным знаменем и смотрел на меня еще с большим ужасом, чем в последнюю нашу встречу.

— Нежить... нежить... — в паническом ужасе бормотал он, явно меня не признав.

А затем в какой-то момент сорвался с места и припустил прочь, выронив букет белой сирени. Как только он скрылся из виду, я опомнилась достаточно, чтобы выбраться на поверхность уже окончательно. Чихнула, отряхнулась, сняла с волос налипшие нити паутины и опустила взгляд на плиту... и сразу понятно стало, чего мужик так разорался. Я ж прямиком из могилы вылезла. Ненасостоящей, как показала практика, но кроме меня об этом, видимо, никто не знает.

Справедливо рассудив, что раз никто не знает, то и впредь знать не должен, я попыталась вернуть плиту на место. Но теперь сила отзываться не желала вообще ни в какую и на злость мою тоже чхать хотела. Поэтому пришлось напрягаться, стискивать зубы и, упираясь пятками в землю, толкать что есть сил — не каких-то там эфемерных, а настоящих, богатырских. С горем пополам с поставленной задачей я справилась — все-таки тяжелую плиту сдвинуть оказалось проще, чем приподнять.

В буквальном смысле заметя следы преступления, я отошла от бутафорской могилки и подобрала валяющуюся у соседней ограды сирень. Затем, отойдя на некоторое расстояние, снова положила букет на землю. Там, где я выбралась из подземного коридора, ухоженных могил не было, значит, родственник, к которому шел мужик, покоился в другом месте. В любом случае, если свидетель моего фееричного появления захочет вернуться, то пусть думает, что из-за страха ошибся и «нежить» увидел вовсе не там.

Я почти вышла за территорию погоста, когда до меня донесся стук множества шагов и отдаленные голоса. Успела понять, что сюда пожаловали зерры, а потом передо мной, точно из ниоткуда, внезапно появился господин темный маг.

Злющий! Устрашающий! Заставивший инстинкт самосохранения громко возопить «беги!»

— Привет, — проигнорировав тот самый инстинкт, как ни в чем не бывало приветствовала я. — Прекрасная сегодня погодка, правда?

Нет, ну вот чего так на меня смотреть? Можно подумать, я виновата, что его защита хлипенькой оказалась и не способной меня удержать!

О конструктивных диалогах некоторые темные маги явно не слышали, поскольку Лафотьер неожиданно схватил меня и, ничего не объясняя, потащил за собой. Спасибо, хоть за руку, а не, как обычно, взвалив на плечо!

ГЛАВА 19

— Может, все-таки объяснишь, куда и зачем ты меня тащишь?! — не выдержала я, когда мы отделились от погоста. — Слушай, я же не специально! Если ты бесишься из-за того, что сам же не сумел установить достаточно сильную защиту, то не нужно срывать на мне!

Лафотьер остановился до того резко, что я врезалась ему в спину. Круто развернувшись, он чуть ли не прожег во мне взглядом дыру, причем его лицо в этот момент оставалось абсолютно бесстрастным.

— Ты хорошо помнишь эту ночь? — таким же бесстрастным тоном спросил он.

Я слегка опешила, но, вскорости собравшись, уточнила:

— Это-то здесь при чем?

— Да или нет? — чеканя слова, повторил он.

— Ну... нет, — нехотя признала я и тут же вскинулась: — И что с того?

Если бы взгляд темного мага обладал физической силой, меня бы уже расплющило и раскатало по земле. Но, странное дело, его глаза не горели ненавистью или яростью, а скорее были изучающими и странно подозрительными.

— Что с того? — ровно переспросил он, выразительно изогнув бровь. — Тебя подозревают в нанесении тяжелых физических повреждений двум мужчинам и убийстве одной женщины.

Если бы я по-прежнему не держала его за руку, то точно осела бы на землю. Сказанное никак не хотело укладываться в сознании, и, тряхнув головой, я недоуменно проронила:

— Меня обвиняют в убийстве? Что за бред?

— Бред? — с тем же раздражающим спокойствием произнес Лафотьер. — Тебя видели по меньшей мере пять человек. На пострадавших имеются характерные следы от когтей, а у убитой перегрызено горло. Вдобавок на месте преступлений присутствует сильный магический фон.

Теперь рука показалась не такой уж существенной опорой, чтобы избежать стремительного падения.

Снова тряхнув головой, силясь привести разбегающиеся мысли в порядок, я вновь посмотрела Лафотьеру в лицо и с убежденностью повторила:

— Бред! Я не могла этого сделать!

— Серьезно? — Маска его мнимого спокойствия дала трещину. — Как ты можешь быть в этом уверена, если ничего не помнишь?

— Да потому что я не убийца! — Остатки спокойствия утратила и я. — Мало мне было напоминаний о прошлых якобы преступлениях, о которых я ни черта не помню, так теперь еще и новые повесить пытаются! Да, я не помню, что делала прошлой ночью, но я не могла никого покалечить и уж тем более убить! Да я бы как минимум в крови после такого проснулась!

Тяжело дыша, я не сводила глаз с темного мага, в то время как его взгляд медленно скользил по моему лицу и шее, опускался ниже, исследуя каждую деталь моего тела и одежды.

— Откуда платье? — спустя недолгую паузу последовал вопрос.

— Где было, там уже нет! — пребывая на эмоциях, огрызнулась я. — Мое это.

Бросив короткое «идем», Лафотьер развернулся и снова потащил меня за собой. Мы не шли по дороге, а держались ближе к лесу, и лишь когда погост окончательно исчез из

виду, маг негромко свистнул, и на этот свист к нам прибежала его вороная сивка-бурка.

А дальше, проигнорировав все протесты, он заставил меня на ту самую сивку-бурку взгромоздиться, сел позади и припустил во весь опор. Кажется, встретиться нам кто-нибудь по пути — принял бы за неясное смазанное пятно, до того высокой была скорость.

И все равно мопед лучше!

Сидеть вплотную к Лафотьеру мне, разумеется, не нравилось. Не нравилось чувствовать его дыхание сзади, напряженные твердые мускулы и ненавязчивый, но отчетливо уловимый принадлежащий ему запах. Просто поразительно, как этот маг умудрялся завладевать моими мыслями, когда я должна была переживать вообще о другом! У меня здесь проблем выше крыши, в убийстве опять подозревают, а у него, видишь ли, мускулы и запах... Наверное, не проснись во мне кошачьи качества, чувствовала бы все не настолько остро, но сейчас восприятие обострилось и все обычные ощущения усиливались в несколько раз.

Спасибо, что на дворе май, а не март...

И все же не думать о своем нынешнем положении я не могла. Мыслей было слишком много и все не очень приличные. Кроме того, какая-то крошечная моя часть терзалась сомнениями и испытывала настоящий всепоглощающий ужас — а что, если я действительно виновата? Думать об этом было страшно до дрожащих рук и помутнения сознания.

Ведь я совсем себя не знаю. Наверное, так о себе может сказать каждый: никто не знает границ своих возможностей. Но мой случай особый. И это неведение относительно самой себя, пожалуй, страшнее всего. Я же и правда не помню, что делала ночью и как оказалась в мастерской. Хотя... некоторые образы в памяти все-таки отпечатались, и ни крови, ни агрессии в них нет.

Могла ли я на самом деле совершить что-то настолько ужасное? Что, если та Акира, которую некогда казнили, решила отомстить?

Нет! Ну не могла я этого сделать! Если уж сама начну в себе сомневаться, то что говорить об остальных?

Погруженная в противоречивые мысли и чувства, я не заметила, как конь доставил нас прямо к особняку. Своевольная животина еще и на дыбы встала, когда Лафотьер спешился и вознамерился помочь спуститься мне. Словом, сивка-бурка ко мне симпатией не преисполнился, о чем говорило и недовольное пофыркивание, и демонстративный поворот задом, едва я ступила на землю.

— Зерры намерены предъявить мне обвинения? — осведомилась я, когда мы вошли в дом. — Ты поэтому меня увез?

— Просто посмотри в зеркало, — не оборачиваясь, бросил идущий впереди меня Лафотьер. — Увидь они тебя в таком виде, и вопросов стало бы еще больше.

Я и посмотрела. А как посмотрела, так и ужаснулась. Естественно, шествие по подземному коридору не прошло бесследно, как и недавнее падение. Выглядела я совсем как этот особняк: мрачно и пыльно. Но особого внимания заслуживали мои глаза, зрачки которых стали вертикальными.

Вертикальными, чтоб меня! Жуть какая!

— И это что... навсегда? — Мой голос помимо воли прозвучал жалобно.

— Госпожа Маргарита, вы прекрасно выглядите! — приободрил меня вышедший в холл дворецкий. — Но ванну я вам все-таки приготовлю...

Я тяжело вздохнула:

— Спасибо, Крикко.

Пока я продолжала созерцать свое отражение, подмечая чрезмерный блеск глаз и как будто слегка заострившиеся черты лица, Лафотьер вновь заговорил:

— Рядовые зерры сюда не сунутся. Либо тебе пришлют повестку, либо нас навестит Норт. Второе наиболее вероятно. Весомых улик против тебя пока нет, экспертизы еще проводятся. Даже если улики появятся, задержать тебя зерры не посмеют, поскольку ты — мой фамильяр. Но этот же факт означает, что я несу полную ответственность за все твои действия. И разгребать последствия твоих выходов тоже мне.

Он говорил ровно и монотонно, совсем как преподаватель, излагающий обыденный, не особо важный материал. И это на контрасте с горящим взглядом!

— Я. Никого. Не убивала, — оторвавшись от зеркала, отчеканила я и, вновь испытывая сомнения, прикусила губу. Немного помолчала и уже менее уверенно добавила: — Не убивала ведь?

Наверное, глупее вопроса, адресованного Лафотьеру, и не придумать. Я совершенно не хотела выглядеть перед ним слабой, да и вообще быть слабой в принципе. Но отсутствие воспоминаний о минувшей ночи по-настоящему пугало и выбивало меня из колеи. Все же не так-то просто отстаивать то, в чем ты и сама не уверена...

Выдержав паузу, Лафотьер неожиданно подошел ко мне и, глядя в глаза, задумчиво произнес:

— Порой я забываю, кто ты. Иногда мне, как сейчас, кажется, что ты — перворожденная безобидная ликов, не способная никого обидеть. Акира была способна на все, а что скрывается в твоей душе, Маргарита? — Не знаю, почему не воспротивилась, когда он вдруг приподнял меня за подбородок, делая наш зрительный контакт еще глубже. И почему при звуках моего имени сердце пропустило удар, не знаю тоже. — Ты ужасно сумасбродная, наглая, хитрая и изворотливая особа, которая выведет из себя даже святого. Но... нет. Я не думаю, что ты могла кого-то убить. Даже будучи кошкой.

Услышать от него такое я никак не ожидала. Вся эта ситуация, его слова и взгляд казались донельзя странными и нереальными и добавляли еще больше смятения в мои и без того сумбурные эмоции. По каким-то необъяснимым причинам неверие Лафотьера в мою причастность к убийству обрадовало и побудило воспрянуть духом. Вот, казалось бы, какая разница, что он обо мне думает?

— Спасибо на добром слове, — глядя в сторону, негромко проговорила я, просто чтобы заполнить повисшее молчание. — Но твое мнение вряд ли заставит зерров изменить ко мне отношение.

— Их и не нужно заставлять, — возразил Лафотьер. — Мы всего лишь дождемся результатов экспертиз. Если ты не причастна, остаточная магия будет принадлежать кому-то другому. Пара дней — и все встанет на свои места.

— Эту пару дней, полагаю, мне придется сидеть взаперти? — как можно более спокойно спросила я.

Хвост так и завертелся от растекшегося по венам недовольства.

— Нет, почему же? — удивил темный маг. — Напротив, ты будешь выходить на улицу, мозолить глаза порядочным горожанам и как можно больше находиться на виду. Станешь прятаться — подозрения относительно тебя укрепятся.

— И это повредит твоей драгоценной репутации? — не без ехидства бросила я, тщательно скрывая то, что творилось внутри.

— Порой мы прекрасно друг друга понимаем.

Угадать, что скрывалось за тоном, каким это было произнесено, мне так и не удалось.

Первое, что я сделала после окончания нашего разговора, — приняла ванну, любезно подготовленную Крикко. И в данном случае мне было абсолютно плевать на его полумертвость, на то, что тоненькие облезлые руки взбивали мне пену и добавляли в воду масла. Какое все это имело значение, если я наконец-то могла по-человечески

вымываться? Не холодной колодезной водой, не морской и соленой, не в общественной бане, а в *ванной!*

Даже моя нелюбовь к долгим водным процедурам отошла на второй план. Кошка временно отступила в недра сознания, уступив место типичной девушке, которая жаждет понежиться в нежной и ароматной пенке, аки утопающее в сливках пирожное. Правда, долго я ванну все равно не принимала — минут через десять водные процедуры захотелось прекратить.

Вторым моим действием стала стирка платья. Примерно в середине сего процесса в ванную поскребся Крикко, осведомившись, не требуется ли мне мелкий, но полезный накопитель, который можно использовать для быстрой сушки. Мне, разумеется, таковой требовался, и штукой он оказался убойной! Буквально через несколько минут передо мной висело не только чистое, но и абсолютно сухое платье. После чего я использовала тот же артефакт в роли фена и высушила волосы. Что было очень кстати, поскольку возиться с такой длиннющей шевелюрой — морока еще та!

Ну а пунктом номер три в моей программе стал обед, во время которого я съела столько всего, что Крикко всерьез засомневался, сумею ли я выйти из-за стола. Сказывалось и недавнее обращение, и вызванный последними событиями стресс.

— Госпожа Маргарита, вы не переживайте, — попытался успокоить меня Крикко, со смесью изумления и восхищения наблюдая за тем, как я расправляюсь с четвертой по счету тарелкой ухи. — Скоро этим сплетникам еще стыдно станет, что ваше доброе имя очернить пытались!

Я только негромко хмыкнула — уж каким-каким, а «добрым» мое имя в Морегорье точно не назовешь.

— Нужно с мопедом разобраться, — принялась я размышлять вслух. — И с фотоаппаратом, и... вот черт! Я же на сегодня с Мартой о фотосессии договаривалась!

К счастью, время в запасе еще имелось и можно было не спешить. Взяться за любимое дело хотелось просто до невозможности — если что и способно отвлечь меня от разрастающихся проблем, то это фотография.

— Правильно, прогуляйтесь, развейтесь, — согласился Крикко. — Вон и сопровождающий ваш уже прибыл, под окнами расхаживает.

— Сопровождающий? — недоуменно переспросила я.

— Феорд пожаловал, — охотно осведомил меня дворецкий. — По распоряжению хозяина.

— Федька?! — машинально воскликнула я и, тут же успокоившись, уточнила: — Кстати, где этот «сопровождающий» все последнее время пропал?

— Так по распоряжению хозяина же отсутствовал, — повторился Крикко, который сегодня был особенно разговорчив. — Как хозяин сказал, что хочет видимость вашего одиночества создать, дабы злоумышленник себя проявил, так зерры за вами тайно и приглядывают, а Феорда временно от вас отлучили.

Я даже про суп забыла от таких новостей.

— Что значит «видимость одиночества создать»? — переспросила, опустив полную ложку обратно в тарелку. — А со мной посоветоваться? А предупредить? Ну, Лафотьер!

Поняв, что сболтнул лишнее, Крикко на несколько мгновений стушевался и поспешил добавить:

— Так все ради вас, госпожа Маргарита. Хозяин ведь денно и ночью расследованием своим занят, не спит совсем. Все недоброжелателя вашего вычислить пытается. Вот и сейчас свою экспертизу провести решил, в управление зерров поехал... с убитой пообщаться хочет.

Если при упоминании о лично проводимом Лафотьером расследовании мое кошачье сердце не выдержало и дрогнуло, то последние слова заставили его замереть.

— В каком смысле пообщаться? — спросила, уже зная ответ и не веря в его реальность.

— Обычным темно-маговским способом, — как ни в чем не бывало ответил дворецкий. — Пока еще много времени не прошло, хозяин магией своей воспользуется и узнает у убитой лично, кто ее, собственно, убил. Такое даже самые сильные темные маги часто проворачивать не могут, уж больно сил много этот ритуал требует.

Да-а, вот так дела... Хотя чему я удивляюсь? Мне об этом, на минуточку, нежить рассказывает!

Пожалев бедного, мающегося без дела Федьку, я поднялась из-за стола, собираясь составить ему компанию. Мелькнула мысль, что было бы неплохо поприсутствовать при разговоре Лафотьера с... убитой, но тащиться в участок зерров не хотелось.

Раздумывая над тем, стоит ли соваться в осиное гнездо или лучше перевести дух и преспокойно заняться фотографией, я почти добрела до выхода, когда перед глазами внезапно возникла темная пелена. Тело напряглось, голова сделалась тяжелой, и показалось, что я нырнула в ледяную прорубь.

«Не мои ощущения», — промелькнула уже ставшая привычной мысль.

«Наверное, Лафотьер уже начал свой ритуал», — пришла следом за ней другая.

А потом они обе оказались вытеснены третьей, очень и очень важной. Я даже поразилась тому, что до сего момента об этом не подумала! Ведь наши с магом чувства связаны, что чувствую я — чувствует и он. Значит, он должен знать, что я испытывала этой ночью! Ну, конечно!

Только вот... если знает, то почему мне ничего об этом не сказал?

Федька обнаружился у конюшни и занят был тем, что с интересом рассматривал моего железного «коня». Уловив мое приближение, он резко обернулся и, точно застигнутый на месте преступления, смущенно потупил взор. Меня все еще немного вело, поэтому, едва подойдя к конюшне, я привалилась плечом к стене и шумно выдохнула. Федька молчал, не мешая мне приходиться в себя и думать над своими дальнейшими действиями. Думала я недолго и в конце концов решила усложнить себе жизнь. Наблюдение за разговорчивым покойничком — перспектива сама по себе любопытная, к тому же хотелось услышать своими собственными ушами, что убитая скажет. А то мало ли, вдруг Лафотьер решит что-нибудь утаить или, хуже того, перевернуть?

— Федька, а ты, часом, не в курсе, сколько времени подъем нежити занимает? — поинтересовалась я.

Бедолага аж икнул.

— Т-точно не уверен... — запинаясь, ответил он. — Около часа, кажется...

— Прошу прощения, что невольно подслушал ваш разговор, — встрял неожиданно появившийся у конюшни Крикко. — Осмелюсь сообщить, что процесс поднятия мертвых — очень трудная, деликатная и кропотливая работа. Проходит в несколько этапов, которые иначе именуют кругами. Каждый такой круг длится примерно полчаса, а их количество зависит от цели поднятия. Например, меня провели по десяти кругам, а на временное поднятие с целью разговора, как правило, бывает достаточно двух-трех.

— Двух-трех? — подсчитывая в уме время, задумчиво переспросила я и тут же констатировала: — Успеем!

— Только конюшня у нас пуста, — вздохнул Крикко, с сомнением покосившись на хлипкую лошадку, флегматично пощипывающую траву и принадлежащую, видимо, Феде.

Я вопросительно посмотрела на обладателя оной, и недоросль, пожав плечами, пояснил:

— Что дают, на том и езжу...

Оторвавшись от поедания травы, кобылка обиженно фыркнула.

Перспектива ехать на ней верхом, учитывая то обстоятельство, что лошади меня не особо жалуют, совсем не прельщала. Добираться пешком — долго и есть риск не успеть.

Пока я соображала, что предпринять, мой взгляд внезапно остановился на скромно притулившемся у стены мопеде.

— При всем уважении и восхищении, не думаю, что у вас получится им воспользоваться, глубокоуважаемая госпожа ликой, — проследив за моим взглядом, произнес Крикко. — Могущественное на нем проклятие, а вы в силу еще не вошли.

Да, пожалуй, затея была изначально провальной, но за попытку ведь денег не берут. Почему бы и не попробовать осуществить маленькое, заведомо обреченное на неудачу безумство, если других вариантов нет? Тем более что мне в голову пришла еще более безумная, но вместе с тем крайне интересная мысль.

Присев перед мопедом и положив на него руки, я сосредоточилась.

Мы с Лафотьером связаны. Связаны наши эмоции, ощущения, даже в некоторой степени мысли... Так может, связаны и силы? Что, если это действительно так, а Лафотьер об этом просто умолчал?

Еще больше концентрируюсь, я смежила веки.

Да, вот так... чтобы не видели глаза, но заработало внутреннее зрение. Чутье.

Вместо того чтобы знакомо погружаться вглубь себя, я представляла Йена Лафотьера. Его лицо, черты которого всплыли в памяти в мельчайших подробностях, голос, который звучал точно наяву, и самое главное — тьму, которая всегда неотступно за ним следовала. Вспомнив ощущение, испытанное, когда столкнулась с той самой тьмой в кабинете, я зацепилась за него и максимально на нем сосредоточилась. Параллельно попыталась нащупать свою силу и, как ни странно, мне это довольно быстро удалось. Не то сказались ночные приключения, не то Лев сегодня находился в Козероге, но факт оставался фактом: хоть в этом мне повезло!

Следующее, что я сделала, — это в мельчайших подробностях представила, чего хочу достичь. Нарисовала в воображении проклятие (нет, ну как звучит-то! И кому вообще понадобилось проклинать несчастный мопед?) как грозовую тучу, а свою силу, объединенную все в том же воображении с магией Лафотьера, — как ветер, способный ее разогнать.

Казалось, страннее впечатлений и не испытать. Но в тот момент я не анализировала и не рассуждала, действуя исключительно по наитию и надеясь на великий могучий «авось повезет».

Настолько выпала из реальности, утопая во внутренних ощущениях, что абсолютно перестала осознавать происходящее вокруг. Тем временем туча, которая вроде как была изначально нарисована моим воображением, вдруг стала казаться вполне реальной и даже осязаемой. Не теряя нити, связывающей меня с Лафотьером, и заставляя свою силу повиноваться, я прилагала максимум усилий, создавала «ветер» изо всех сил, и в какую-то секунду туча стала поддаваться. Это огромное грозовое марево начало медленно рассеиваться, и вскоре в окружающую меня ватную тишину ворвались изумленные возгласы.

Как-то отстраненно отметив, что ахи и охи принадлежат Феде и Крикко, я сделала еще один незримый «толчок», напрягаясь просто до невозможности, а затем, шумно выдохнув, медленно открыла глаза.

Яркий свет заставил меня поморщиться и на миг зажмуриться. А затем, вновь разлепив веки, я подумала, что нахваталась солнечных зайчиков, и теперь мне мерещится то, чего быть не может: мопед охватывало легкое зеленое мерцание, плавно перетекающее в фиолетовое. А из его выхлопной трубы валил такой же зелено-фиолетовый, поблескивающий под солнечным светом дым.

ГЛАВА 20

В фильмах иногда случаются такие моменты, когда, чтобы акцентировать внимание на произошедшем, в кадре наступает абсолютная тишина. Так вот, тишина, повисшая в нашем «кадре», тоже была практически абсолютной — практически, поскольку где-то неподалеку назойливо жужжала муха.

Даже определить не берусь, кого снятие проклятия с мопеда изумило больше: Крикко, Федьку или меня. Впрочем, лично мое изумление долго не продлилось, и я, недолго помедлив, с самым невозмутимым видом взгромоздилась на свое рабочее транспортное средство.

Федя округлил и без того широко распахнутые глаза. Крикко уронил челюсть, причем уронил буквально. Поднял, поставил на место и, медленно двигая той самой челюстью, с придыханием произнес:

— Госпожа Маргарита, я потрясен... Примите мое искреннее восхищение и обожание, но как вам это удалось?

С интересом рассматривая своего двухколесного друга, я дернула кончиками ушей, невозмутимо повела пушистым хвостом и небрежно бросила:

— Да так, сущие пустяки...

Я ведь ликой, в конце концов! Древнее существо! А им совсем не обязательно знать, что добрую часть силы для снятия проклятия я позаимствовала у их обожаемого темного мага.

Подумав о Лафотьере, я вострепелась и вспомнила, что вообще-то очень спешу. Как мои действия повлияли на него и на проводимый им ритуал, не имела ни малейшего представления и искренне надеялась, что ничем ему не навредила. Ему — в смысле ритуалу, маг-то о себе позаботится. Все же не хотелось бы испортить допрос пострадавшей, способной своими показаниями меня оправдать.

— Едешь или как? — поторопила я застывшего изваянием Федю.

Судя по выражению лица, он склонялся к «или как», но возможность выбора у него была чисто формальной, а на деле отсутствовала. Помявшись несколько секунд, мой отважный сопровождающий нерешительно пристроился позади меня и еще более нерешительно по моему указанию обхватил меня за талию.

Мопед, словно только и ждавший, когда же его наконец освободят от проклятия, сорвался с места по первому требованию.

Кто бы мог подумать, что эта старая рухлядь может столь стремительно набрать такую скорость! Возможно, я просто отвыкла от быстрой езды, и именно поэтому в сравнении с повозкой мопедик показался сверхскоростной ракетой, но это было нечто!

Пришлось вцепиться в руль изо всех сил, чтобы не слететь с сиденья. В ушах засвистел ветер, развевающиеся волосы атаковали бедного Федю, который, утратив всякую робость, вцепился в меня такой же хваткой, какой я цеплялась за руль. Подпрыгивая на кочках, мопед громко чихал, выплевывая мерцающий дым, и снова рвался вперед. В какой-то момент даже начало казаться, что это не я управляю им, а он управляет мной.

По обеим сторонам тянулись зеленые луга и пшеничные поля, мелькал, сливаясь в сплошное темное пятно, высокий лес, где-то на задворках маячили великаны-горы, и разнообразные запахи щекотали нос. К ним, извечным ароматам Морегорья, сейчас примешивался еще один: резковатый, отдающий одновременно и сладостью, и горечью, и чем-то, не поддающимся описанию, — наверное, так пахла сила, окружающая нас фиолетово-зеленым, переливающимся под солнечным светом облаком.

В город мы влетели на всех парах, распугав встретившихся по пути прохожих. Если до этого дня и оставались те, кто меня не боялся, то после моего фееричного проезда по центральному улицам таковые перестали существовать точно.

Лихо завернув на главную площадь, я сбавила скорость и затормозила прямо у входа в отделение. Федя едва соскреб себя с сиденья и, пошатываясь, подошел к ближайшему столбу, привалился к нему и принялся выравнивать дыхание. Я, соскочив с мопеда, любовно погладила его по рулю, вслед за чем из выхлопной трубы вылетел очередной разноцветный дымок.

Хвост свой на отсечение даю — у моего мопедика есть зачатки разума!

Пока просила Федю провести меня в помещение, где проходит допрос... э-э-э... убитой, чувствовала себя настоящим извергом и эксплуататором. Бледный как мел парнишка едва держался на ногах и, кажется, был готов попроситься с тем, что успел съесть в первой половине дня. Тем не менее он послушно, хоть и неровной походкой, потопал вперед. Я бросила взгляд на мопед, прикидывая, могут ли его спереть, но тут же пришла к выводу, что нет — не рискнут.

Когда вошла в отделение, у меня вырвался невольный смешок. Хвостато-ушастая особа на мопеде, который выплевывает волшебный дым, — это уровень! Не ведьма на метле какая-нибудь!

Кабинет, куда мы пришли, располагался на подвальном уровне. Здесь было темно, сыро и вообще противно, особенно с учетом стоящего в местных коридорах смрада. И вот вроде к кладбищам я уже привыкла, да и покойничков никогда не боялась, но все равно неприятно стало. Даже холодок по позвоночнику пробежал.

Присутствие Лафотьера я почувствовала еще до того, как его увидела. Собственно, мне и смотреть на него не требовалось, чтобы понять, в насколько скверном расположении духа он пребывает. Коридор, которым мы шли, утопал во тьме — и вовсе не из-за отсутствия на этом этаже окон.

— Кхм-кхм, — привлекла я внимание, остановившись в шаге от загораживающего проход в кабинет Лафотьера.

Сперва показалось, что он меня либо не услышал, либо услышал и проигнорировал. Но спустя долгую паузу маг все-таки обернулся и... я для разнообразия почувствовала себя лягушкой. Лягушкой, которую убили, заморозили, разморозили и теперь препарировать.

— Прежде чем ты меня убьешь, позволь уточнить, за что? — дипломатично начала я. — За то, что использовала нашу связь в исключительно корыстных целях, или за то, что испортила допрос?

Прямо-таки ощутила, как в руках темного мага появился невидимый скальпель, готовый в меня вонзиться!

— Портить было нечего, — отрывисто бросил он.

И вот тут стало понятно, что паршивое настроение Лафотьера вызвала не столько я, сколько ситуация. Опять.

— Снова никаких зацепок? — спросила догадавшись.

На моей памяти Лафотьер голос повышал не так уж часто, да и его холодный тон обычно производил впечатление большее, нежели крики. Но сейчас, когда он внезапно рывкнул, стукнув кулаком по стене, у меня буквально сердце в пятки ушло!

— Немыслимо! — Кажется, стена даже содрогнулась. — Как при таком уровне силы, какая ощущалась в твоей мастерской, он мог полностью зачистить следы убийства?! Черт возьми, на трупе сильнейшее магическое клеймо, не позволяющее его поднять!

На всякий случай отступив на шаг, я осторожно поинтересовалась:

— Совсем-совсем никак не поднять?

Он вновь полоснул по мне убийственным взглядом и промолчал, что, видимо, стоило принимать за согласие.

Теперь я хорошо понимала, почему Лафотьер так бесится. Как же! Такой весь из себя

сильный и темный, а ему уже в который раз утирают нос! И вот интересно — кто?

Поскольку с оправдательными показаниями меня обломали, я расстроилась не меньше темного мага. Даже застилающая коридор тьма стала казаться очень уместной и соответствующей мгновенно понизившемуся градусу настроения. Но я была бы не я, не попытайся сунуть свой кошачий нос поглубже в это дело, дабы лично удостовериться в том, что сделать ничего нельзя.

Обогнув застывшего в дверном проеме Лафотьера, я втиснулась в кабинет. Находящиеся внутри зерры при моем появлении откровенно опешили и лишились дара речи, что выразалось в мгновенно смолкших разговорах. Кажется, такой наглости от ликов, совершившей, по их мнению, этой ночью жестокое преступление, они никак не ожидали.

— Где главная пострадавшая? — деловито осведомилась я.

Поскольку речь возвращаться к служителям правопорядка не спешила, я исследовала взглядом помещение, которое оказалось довольно-таки большим, и заметила стоящий у дальней стены стол. На столе лежало что-то... или кто-то, накрытый светло-серым покрывалом. Желание сбежать было очень сильным, поскольку к недавно убиенным я всегда относилась с легкой настороженностью, а если быть до конца честной — вообще никогда их не видела. Сама мысль о том, что это... эта... в общем, убиенная даже чисто гипотетически может подняться и заговорить, вселяла откровенный ужас.

Но вместо того, чтобы сбежать, я задрала хвост трубой и, не обращая ни на кого внимания, гордо прошествовала вперед. Где-то на полпути вспомнила, что хвост приподнимает подол платья, опустила его, но гордости в походке и осанке не убавила.

— Уверена, что хочешь это видеть? — внезапно прозвучало позади меня, едва не вынудив споткнуться.

— У тебя потрясающее умение подкрадываться незаметно, особенно учитывая мой прекрасный слух, — заметила я и соврала: — Разумеется, уверена. Если эта особа может рассказать, кто на нее напал, то мое чувство прекрасного как-нибудь потерпит.

Когда я остановилась у стола с убитой, Лафотьер встал рядом и в тон мне ответил:

— В свою очередь должен заметить, что у тебя потрясающее умение игнорировать суть того, что я говорю. На ней магическое клеймо, защищающее от поднятия. Его не снять.

— Тебе не снять, — поправила я, с удовлетворением отметив, что снова почти вывела темного мага из себя. — А я, пожалуй, попробую.

Как именно буду пробовать и что нужно делать в принципе, естественно, не знала. Ну да, есть у меня еще одно отвратительное качество: делать что-нибудь назло и сугубо из вредности. Нет, сейчас-то я из других соображений действовала, но и побесить Лафотьера всегда приятно.

Впрочем, бесился он недолго и, судя по изменившемуся выражению лица, решил поразвлечься за мой счет. Похоже, ему действительно стало интересно, что я буду предпринимать с учетом того, что даже о своей силе ни черта не помню, не говоря уже о том, как пользоваться темной магией и можно ли ею пользоваться не темному магу вообще.

А уже спустя пару мгновений меня посетила уже которая по счету гениальная идея. У меня ведь получилось снять проклятие с мопеда? Получилось. А как получилось? А так, что я сумела почерпнуть магию Лафотьера и соединить ее со своей.

Как показала практика, любая безумная теория может сработать, нужна только несусветная наглость и творческий подход. И того, и другого у меня хоть отбавляй!

На этот раз я все же решила действовать не спонтанно, а последовательно, чтобы ничего не испортить. Если существовал даже крошечный шанс на успех, было просто грешно по глупости и самонадеянности его упустить.

— Слушай, я тут подумала...

— Подумала? — скептически перебил меня Лафотьер.

— Я умею это делать, если ты намекаешь на обратное, — парировала чисто машинально и, не обращая внимания на яростную вспышку в черных глазах, продолжила предыдущую мысль: — Что, если нам объединить усилия?

— Считаешь, вытащила из меня слишком мало сил? — съязвил темный маг.

Я промолчала. Он, недолго подумав над моими словами, произнес:

— Попробовать можно. Но на положительный результат нет и одного процента.

— Значит, хотя бы полпроцентика уже есть. — Я смотрела на ситуацию более оптимистично. — Тогда я сейчас попробую повторить то же, что делала с мопедом, а ты...

— Нет, — ровно возразил Лафотьер, не дав мне договорить. — Это я почерпну твою силу, а ты просто расслабишься и позволишь мне это сделать. На успех рассчитывать не приходится, но попробовать действительно стоит.

И ведь даже спорить не стал! И без сарказма сказал! Нет, не постичь мне скоростной смены настроений этого мага...

Я, не колеблясь, кивнула. Конечно, промелькнула предательская мысль отказаться и не доверяться темному магу, но я быстро от нее отмахнулась. Как говорится, кто не рискует...

Прежде чем прикрыть глаза, я заметила, как присутствующие зерры потянулись к выходу. Осторожно так потянулись, по стеночке, чтобы, не дай бог, не привлечь внимания двух самых опасных личностей Морегорья, надумавших объединить силы для поднятия важного свидетеля! И только Норт, неведомо когда успевший войти в этот не то кабинет, не то местный морг, наоборот, направился к нам.

Что господин старший зерр делал дальше, я уже не видела. Перед закрытыми глазами повисла блаженная темнота, и я сделала то, что от меня требовалось — расслабилась. Проверять на своей собственной шкурке, как чувствовал себя Лафотьер, когда я тянула из него силу, не хотелось, но пока никаких неприятных ощущений я не испытывала.

Стоять было не очень удобно, и я прислонилась поясницей к тому самому столу, на котором возлежала убитая. Еще успела понадеяться, что она на нас не в обиде за попытки частично вернуть ее с того света, а затем сконцентрировалась на внезапно появившейся перед закрытыми глазами серебристой нити. Она тянулась ко мне и уходила куда-то в темноту — слегка мерцающая, тонкая, но прочная.

Еще некоторое время я не чувствовала ничего особенного, а потом испытала легкую слабость. Ощущения были престранными, их отдаленно можно было сравнить с тем, как если бы у меня долго брали кровь из вены. Только вместо крови я делилась своей энергией, своей пресловутой силой, которую все окружающие так часто любили поминать. Сначала по телу растеклась легкая прохлада, уже совсем скоро сменившаяся холодом. Как существо теплолюбивое, холод я переносила плохо и вообще его не жаловала, но, удивительное дело, сейчас он не казался чем-то неприятным, скорее наоборот.

Если бы не слабость и легкое головокружение, которое благодаря закрытым глазам только усиливалось, все было бы прекрасно. Но из-за этих неудобств я мечтала, чтобы Лафотьер поскорее закончил ритуал, или что он там проводил для того, чтобы разговорить мертвецов.

Не знаю, сколько времени все это продлилось, но я потерялась в собственных странных ощущениях. И все же уловила момент, когда серебряная нить истончилась, после чего меня выбросило в реальность.

— Уммм, — прозвучало у меня за спиной сдавленное мычание.

Даже мурашки от неожиданности по коже пробежали!

Сообразив, что наш сумасшедший эксперимент увенчался успехом, я резко отпрянула от стола и едва сдержала порыв обхватить Лафотьера руками и ногами.

Покрывало на столе тем временем пришло в движение — вернее, пришло в движение то, что было под ним, а само покрывало частично съехало на пол.

Не то чтобы опасно, но с изрядной долей осторожности выглянув из-за плеча Норта, за которым невеста как и когда умудрилась оказаться, я скользнула взглядом выше и наткнулась на застывшие, ничего не выражающие глаза. Именно они — водянисто-голубые, обрамленные слипшимися ресницами, первыми привлекли внимание.

Должно быть, при жизни эта женщина была очень миловидна. Сейчас же от былой красоты осталась лишь тень, да и та — с оттенком жути. Спутанные темные волосы, многочисленные ссадины, следы когтей и рваные раны, самая страшная из которых виднелась на шее... Зрелище откровенно пугало. Впервые за все время пребывания в Морегорье мне не хотелось язвить даже мысленно. Потому что прямо передо мной была смерть. Не та, которая приходит вовремя, уводя с собой дряхлых стариков, а суровая и беспощадная, преждевременно выигравшая бой с жизнью. И осознание того, что в приходе этой смерти хотят обвинить меня, вызывала ужас еще больший.

Воображение помимо воли нарисовало картину, где большая черная кошка прыгает на беззащитную молодую женщину, впивается в нее острыми когтями, обнажает клыки... Я тряхнула головой.

Вот еще, глупости какие! Не делала я этого!

— Кто вас убил? — нарушил повисшую вслед за мычанием тишину Норт.

Видимо, ситуация плохо на меня действовала, поскольку я в очередной раз стала ипподромом для мурашек и нервно вздрогнула.

Жестом велел старшему зерру замолчать, Лафотьер повторил только что заданный вопрос. При этом я бы не взялась определять, кто вселял жуть большую: нежить или все-таки темный маг, вокруг которого клубилась тьма.

— Она, — бесстрастно произнесла та самая нежить, глядя куда-то в пространство.

В воздухе разлилось напряжение, Норт с подозрением на меня покосился, а Лафотьер уточнил:

— Кто?

— Она, — так же отрешенно повторила нежить и, внезапно притянув колени к подбородку, жалобным тоном произнесла: — Было так холодно... и страшно. Умирать — страшно. И больно, очень больно...

Я уже искренне жалела, что Лафотьеру удалось ее разговорить. Все происходящее походило на сцену из какого-нибудь ужастика. А самое скверное заключалось в том, что под абстрактным «она» могла подразумеваться любая личность женского пола, в том числе и я.

Подозревая, что такой допрос ничем хорошим для меня может не закончиться, и решив взять дело в свои собственные лапы, я обратилась к убитой:

— Тебя убила не я, так ведь? Подтверди это!

Пусть я эгоистичная до мозга костей, но в первую очередь меня заботили доказательства собственной невиновности, а поиск настоящего убийцы — уже во вторую. И то лишь потому, что это происшествие могло касаться нападений, ранее совершенных на меня.

— Это попытка давления на главного свидетеля! — сразу же после моих слов возмутился Норт.

— Не вмешивайся! — практически одновременно с ним отрезал Лафотьер.

Я бы тоже возмутилась такому вопиюще бесцеремонному с собой обращению, если бы

«главный свидетель» вдруг мне не ответил. Не иначе как из женской солидарности проигнорировав мужиков, нежить посмотрела на меня своими стеклянными глазами и во вновь воцарившейся тишине проронила:

— Меня убил зверь.

Я чуть ли не взвыла. Слова о женской солидарности беру назад!

— Зомби всегда отвечают так... неопределенно? — поинтересовалась у Лафотьера, лицо которого превратилось в непроницаемую мраморную маску.

— Как тебя убили? — проигнорировав мой вопрос, задал он нежити свой.

Стеклянный взгляд переместился на него, буквально на несколько секунд покойница застыла, а затем вдруг пронзительно закричала на одной ноте, отчего у меня уже не только мурашки пробежали, но еще и волосы на голове встали дыбом. А затем, резко замолкнув, сломанной куклой рухнула обратно на стол. Над ней взвилось и тут же развеялось фиолетово-зеленое облако, осыпавшееся мелкой мерцающей пылью.

— Вот и допросили, — в гробовой, повисшей в третий раз тишине резюмировала я.

— Ты понимаешь, что у меня есть все основания для твоего ареста? — обратился ко мне Норт.

— Ты понимаешь, что никакого ареста не будет? — не дав мне открыть рта, в свою очередь обратился к нему Лафотьер.

В последовавшем за этим сверлении друг друга взглядами старший зерр ожидаемо проиграл. Все-таки в умении уничтожать, подавлять и морально испепелять глазами Лафотьеру равных нет.

Прикрываться властью темного мага — это, конечно, удобно и прекрасно, но мне совершенно не импонировало производить впечатление его бессловесного фамильяра. Поэтому, подбоченившись, я, глядя в упор на Норта, отчеканила:

— Должна заметить, господин старший зерр, что оснований для моего задержания у вас по-прежнему нет. Будь я настоящей убийцей, не стала бы жертвовать свою силу, чтобы разговорить убитого свидетеля, — это во-первых. А во-вторых, ее слова можно трактовать совершенно по-разному. На меня, между прочим, не так давно напали поднятые кем-то дохлые псы! Так может, и на нее, — не глядя, кивнула на стол, — напало нечто подобное?

В какой там раз воцарилась тишина? Кажется, в четвертый.

— Не хочу этого говорить, но я согласен с ликой, — нарушил ее Лафотьер. — Нужно осмотреть погост и заодно городское кладбище.

— Ты же сам на кладбище столько слоев защиты поставил... — усомнился Норт. — Там не то что ритуал провести, даже на территорию попасть нереально.

— До сегодняшнего дня я тоже так думал. — Темный маг бросил задумчивый взгляд на убитую. — Но на ней клеймо высшего порядка. Даже установив связь, я с трудом ее удерживал.

Ну ничего себе, какие откровения! Вот уж не думала, что Лафотьер способен так открыто признать, что не всесилен. Даже уважать его больше начала.

— Городское кладбище? — заинтересованно переспросила я. — Я думала, в Морегорье есть только тот погост, где мы были.

— Одно время на нем хоронили знатных горожан, — ответил мне Норт. — Впрочем, и сейчас некоторые предпочитают быть похороненными именно там. На этом кладбище еще несколько веков назад местным магом была установлена сильная защита от любых злоумышленных проникновений, и с тех пор она непрестанно поддерживается и совершенствуется. Спонсоры на это находят всегда.

Картина вырисовывалась преинтересная.

В моей мастерской Лафотьер почувствовал слабую остаточную магию, принадлежащую мужчине. Но сейчас примененная убийцей магия была очень сильной, плюс несчастная невинно убиенная сказала «она», да еще и зверя помянула... дурдом!

— Значит, идем на городское кладбище, — кивнула я и, не дожидаясь приглашения, двинулась к выходу.

— Ты с нами не идешь, — не терпящим возражений тоном полетело мне в спину. И пока я не успела высказаться как сильная и независимая личность, Лафотьер добавил: — Ты отдала много силы, которая и так нестабильна после оборота. Сунешься сейчас на кладбище, защищенное в том числе и от ликой, — оба провалиемся пластом по меньшей мере неделю.

ГЛАВА 21

Разумеется, валяться пластом целую неделю, а хоть бы и пару дней, в мои планы не входило, поэтому я была вынуждена проявить заботу о себе любимой и на кладбище не соваться. Откровенно говоря, перспектива там оказаться не очень-то и прельщала, особенно в свете того, что меня ожидала фотосессия с Мартой. Как ни крути, смотреть на красивую модель в своем объективе гораздо приятнее, чем лицезреть восстающих покойничков и нестройные ряды могил.

Перед тем как отправиться в особняк за фотоаппаратом, который так некстати забыла, я наведалась к господину начальнику с целью получить наконец полноценные документы, которые мне все никак не могли отдать. Завидев меня, восседающий в рабочем кресле толстяк аж весь содрогнулся и поспешил лично сопроводить в соответствующий кабинет, где мне было незамедлительно выдано все причитающееся.

Вот всегда бы так! Если у тебя есть пушистый хвост — ты автоматически избавляешься от длинных очередей и бюрократических проволочек. Хотя о чем это я? От бюрократии меня даже уши с хвостом не избавили, ведь местного аналога паспорта пришлось прождать невесть сколько!

Покинув взаимно нелюбимое отделение зерров вместе с присоединившимся ко мне Федькой, я взгромоздилась на ожидающий меня мопедик. Как и ожидалось, на него никто посягнуть не посмел. Мой бедный сопровождающий на этот раз ехать на нем отказался, взяв на казенной конюшне лошадь. Хотя это я, конечно, данной животине польстила. Древняя кляча — так правильнее будет ее назвать. А что? На правду не обижаются! Пожалуй, даже та полудохлая кобылка, что осталась пощипывать траву у особняка Лафотьера, и то выглядела получше. А эту только обнять и плакать!

Сперва я хотела сжалиться и над несчастным Федей, и над не менее несчастной клячей, держа небольшую скорость и позволяя им не отставать, но у моего мопеда были иные планы. Моя новоиспеченная «феррари» резво сорвалась с места, подняв облако цветной пыли и даже не думая откликаться на мои попытки сбавить скорость!

В общем, к тому времени как Федя добрался до особняка, я успела забрать фотоаппарат, немного перекусить и поскучать, дожидаясь зерра у спуска с обрыва.

На встречу с Мартой я пришла ровно к назначенному времени. Она тоже. Федя, тяжело дыша, не отставал от меня ни на шаг, а когда мы поравнялись с Мартой, застыл как вкопанный. Общаясь с этим милым парнишкой, я думала, что видела все пятьдесят оттенков его смущения, но оказалось, что есть еще пятьдесят первый — самый сильный, расцветающий на впалых щеках аки маков цвет.

Да-а... вот так и теряют поклонников. Так и знала, что между шикарной брюнеткой и милой куколкой-блондинкой мужики выбирают вторую! Или все дело в меховых ушах?

— Добрый день, госпожа ликой, — вежливо приветствовала меня девушка, сжав тонкими пальцами широкополую изящную шляпку.

— Маргарита, — машинально поправила я. — Привет, Марта. Молодой зерр, который стоит позади меня, это Федя. Надеюсь, тебя не будет смущать его присутствие?

В отличие от Федьки, Марта излишним стеснением явно не отличалась и вообще была вполне самостоятельной личностью. Отрицательно качнув головой, она приветливо улыбнулась окончательно вспыхнувшему парню и даже протянула ему руку, которую он несколько неловко пожал.

Вдохновение накатило на меня так же быстро, как накатывали на берег волны. Море сегодня было беспокойным, пенящимся, вздыбливающим неровные холки и жадно забирающим с берега мелкие камешки. Марта надела длинное бледно-голубое платье, чуть завила волосы, которые частично собрала на затылке, а основную массу оставила распущенной. Словом, ее облик идеально сочетался с морским берегом и породил в моей горячей голове уйму идей.

Заставив библиотекаршу снять обувь, я велела ей пройти по берегу, одной рукой придерживая шляпку, другой — край платья и смотря при этом на море. Должен был

получиться образ этакой Ассоль, в ожидании вглядывающейся в горизонт.

Для человека, ни разу не позировавшего на камеру, с поставленными задачами Марта справилась просто отлично. А пока она изображала задумчивую мечтательницу, я передвигалась по пляжу в позе краба и старалась как можно лучше все это запечатлеть. Признаться честно, в плане фотографий я перфекционист и самокритик еще тот, но сейчас мне безумно нравились получающиеся кадры.

В общей сложности на пляже мы провели минут сорок, под конец которых Марта даже отважилась по моей настоятельной просьбе приподнять платье чуть выше колен и позволить волнам себя облить. Федя в этот момент окончательно превратился в подсвеченный красным приоткрывший рот соляной столб.

Кажется, кто-то втюрился по самое не могу...

А я на выходе получила несколько отпадных кадров, что, невзирая на все последние события, заставило настроение взлететь до небес. Вот что значит творчество!

Единственное, что омрачало радость творца, — это невозможность продолжить работу в фотошопе, где я могла бы довести сырой материал до ума.

После фотосессии на пляже я уговорила Марту попозировать мне в городе. К сожалению, несмотря на всю свою самодостаточность и смелость, садиться на мопед она отказалась наотрез, предпочтя Федину клячу. Парнишка, кажется, был готов бухнуться в обморок от предстоящей поездки и нежданно свалившегося ему на голову счастья.

Я хотела было предложить прогуляться до города пешком, дабы поделаться фото в процессе, но рушить чужое маленькое счастье рука не поднялась.

В итоге я стояла на окраине города, облокотившись о мопед и треская купленное поблизости пирожное, дожидаясь, пока кляча привезет мою модель и моего так называемого телохранителя.

Интересно, что бы сказал Лафотьер, если бы узнал, что Федька оставляет меня одну?

Пирожное было просто дивным: с песочной основой, ягодами и огромной шапкой взбитых сливок, которые я слизывала, тихонечко мурча. Кажется, к этой своей особенности успела не только привыкнуть, но и с ней смириться.

Время от времени я прислушивалась к своим ощущениям, но инстинкты, обычно предупреждающие об опасности, молчали.

Отправив в рот последний кусочек пирожного, я не удержалась и сделала несколько фотографий улицы. А потом еще парочку. Хотя и не была уверена, что получится в ближайшее время зарядить фотоаппарат, экономить заряд батареи в Морегорье было выше моих сил.

В какой-то момент, приблизив изображение и приготовившись нажать на кнопку спуска, я внезапно заметила в другом конце улицы идущего человека. В этом не было бы ничего особенного, если бы этот человек без конца не озирался по сторонам, не прихрамывал и не морщился от боли. А еще он был мне знаком — в объектив моего фотоаппарата попал не кто иной, как господин Грилл, местный городской аптекарь.

И что он здесь делает?

Бросив быстрый взгляд на каменную арку, в которую вот-вот должны были въехать Федя с Мартой, я чуть поколебалась и направилась в ту сторону, откуда шел аптекарь. К счастью, погода стояла солнечная и жаркая, благодаря чему я припарковала мопед в тени, и теперь он не особо бросался в глаза. Помимо нас с господином Гриллом на улице никого видно не было, если не считать поглядывающую в приоткрытое окно лавки торговку пирожными.

Я и сама не знала, почему не шла навстречу аптекарю, а кралась, держась в тени, как и он сам. Наверное, все из-за смеси подозрительности и любопытства, извечно толкающих меня на подвиги. Фотоаппарат болтался на шее, и выключать его я не спешила — авось что интересное получится заснять.

Пока одна новоявленная хвостатая журналистка следила за скромным пожилым аптекарем, тот остановился у ничем не примечательной двери столь же непримечательного здания. На первый взгляд это строение выглядело совершенно заброшенным, но вот господин Грилл вставил в замочную скважину двери ключ и скрылся внутри.

Чувствуя себя теперь уже не столько журналисткой, сколько самой настоящей шпионкой, я прокралась к зданию и осмотрелась. На улицу выходила пара замызганных окон, находящихся слишком высоко, чтобы в них можно было заглянуть. Но неподалеку обнаружились какие-то старые ящики, пару которых я тихонько притянула поближе и, рискуя свалиться, забралась на них и привстала на носочки.

Сквозь мутное стекло виделось плохо. Небольшая неопрятная и практически пустая комната была погружена в полумрак, но кошачье зрение выручило и на этот раз. А еще я вдруг буквально печенкой почувствовала, что сейчас стану свидетельницей чего-то важного. Инстинкты, что странно, помалкивали, и ощущение было основано на интуиции исключительно моей человеческой сущности.

— Я же предупреждал, чтобы ты был осторожен! — донесся из соседней, недоступной моему взору комнаты приглушенный голос.

А теперь пригодился и кошачий слух. Прозвучавший мужской голос был мне определенно знаком, но я не могла вспомнить, где именно его слышала.

— Я не ожидал, что он поставит такую защиту, — принялся оправдываться аптекарь. — Не сумел распознать... это ведь не его дом!

— Не ожидал, что темный маг пожелает защитить жилище своего фамильяра? — В знакомом голосе неизвестного прозвучал сарказм.

Темный маг? Фамильяр? Это они сейчас обо мне? Ну да, точно обо мне, больше темных магов с фамильярами в этом городе нет! Минутку... получается, аптекарь пытался влезть в мой дом, на который Лафотьер втайне от меня повесил защиту?!

Раздался стук, похожий на то, как если бы кто-то со злостью стукнул кулаком по стене.

— Столько времени потрачено впустую! Мы столько лет слой за слоем, постепенно ослабляли защиту ликой, искали бреши, и что теперь? Теперь все насмарку из-за того, что вмешался Лафотьер!

Я едва ли окно внутрь не продавала, желая оказаться в той комнате, где происходил разговор, и высказать все, что думаю! Да что там — мне глаза захотелось выцарапать этим заговорщикам, посмевающим посягнуть на святое — мое жилище!

К слову, выходит, защита вокруг моего дома все-таки изначально была? И каждый встречный-поперечный внутрь попасть не мог? Или же... речь шла не о доме, а о моей мастерской? Или того хуже — комнате, находящейся в ее подвале?

— Она ничего не помнит, — робко вставил аптекарь. — И время еще есть.

— Кстати об этом, — резко сменил тему знакомый незнакомец. — Есть предположения, почему так произошло? Продвинулся в своих изысканиях?

Последовал тяжелый вздох аптекаря:

— Вынужден признать, что не имею ни одного мало-мальски внятного объяснения тому, почему ликой проживает десятую жизнь, почему ничего не помнит и как сумела вернуться в Морегорье.

— Слушай сюда, Грилл! — Теперь раздавшийся звук подсказал мне, что аптекаря с силой впечатали в стену. — Я плачу тебе достаточно, чтобы не иметь никаких сложностей! Если в ближайшие недели ты не достанешь мне то, что требуется, я тебя уничтожу!

— П-помилуйте... — прохрипел аптекарь. — Господин мэр, я...

Мэр?!

Кажется, я выкрикнула это вслух, и голоса тут же смолкли.

Машинально закрыв рот руками, я пошатнулась и едва не свалилась с ящиков, которые издали противный скрип. Больше не мешкая, я соскочила вниз и бросилась прочь. Что случилось дальше, так и не поняла — должно быть, адреналиновая ситуация вынудила Маргариту потесниться, отдав управление телом живущей в подсознании Акире. Я вдруг побежала так быстро, что ветер засвистел в ушах, а все окружающее стало восприниматься как единая смазанная картина. По ощущениям, прошла всего пара мгновений перед тем, как я, оказавшись верхом на мопеде, выехала через каменную арку, нос к носу столкнувшись с Мартой и Федей. К нашему обоюдному счастью, успела вовремя затормозить.

В состоянии я пребывала откровенно ошалелом — и от того, что услышала, и от того, что чуть не попала. А ведь не зря мне мэр, несмотря на смазливую физиономию, сразу не понравился!

Я была почти уверена, что вслед за мной из арки вот-вот появится господин Виар Дэйш, но проходили долгие секунды, а его все не было. Может, пронесло?

Рисковать не хотелось и, опомнившись, я объявила Феде с Мартой, что хочу незамедлительно, вот прямо сию же секунду продолжить фотосессию у леса. Кажется, моей заполошной смене настроения никто из них практически не удивился, и когда я тронулась с места, старая кляча на последнем издыхании повернула за мной.

Я понимала, что если мэр захочет, то с легкостью поймет, кто именно подслушал их разговор. Меня видела как минимум торговка из лавки сладостей, а как максимум — еще парочка не замеченных мною прохожих. Но, как бы то ни было, я считала, что в данный момент мне лучше оказаться подальше.

«Подальше» растянулось до почти самого особняка Лафотьера, где я почувствовала себя в относительной безопасности. Правда, по пути я останавливалась раз пять, дожидаясь клячу с трясущимися на ней всадниками и, только убедившись, что они в порядке, ехала дальше. Хотя было похоже, что они не просто в порядке, а пребывают в состоянии «лучше не бывает» — по крайней мере Федька, светящийся, как медный таз. Благодаря блеску глаз и румянцу парнишка даже как-то похорошел — чует мое сердце, скоро и плечи расправлять начнет, и голову высоко держать, и с содержимым кошелек попросится, потратив его на красивые ухаживания. Уж если мне в свое время по доброте душевной помог — на подарки понравившейся девушке точно не поскупится... Кстати, интересно, почему раньше не действовал? Не захаживал в библиотеку, что сомнительно, или просто повода пообщаться поближе не находил?

После еще нескольких сделанных кадров, которые оказались не такими удачными, как у моря, я отправила Марту домой, а Феде велела ее сопровождать. Ради приличия он немного поотпирался, но в итоге все-таки покинул свой пост, пообещав скоро вернуться.

Крикко на первом этаже отсутствовал — видать, торчал в своей комнате, где обычно проводил несколько часов в день, возясь со своим цветком. Зато на кухне гремела посуда, что говорило о навестившей нас Фокле.

Когда я вошла в кухню, намереваясь спокойно просмотреть сделанные снимки за чашечкой теплого молока, работница меня не заметила. Что-то тихо напевая себе под нос, она помешивала содержимое кастрюли, чем напомнила мне госпожу Еришу. Подумав о ведьме, я подумала и о том, что надо бы ее навестить и хоть спасибо сказать, что ли. Все же с оборотом она мне и впрямь помогла. Может, что-нибудь еще о силе полезное подскажет.

Я присела на стул, и когда тот слегка скрипнул, Фокла вздрогнула всем своим крупногабаритным телом. Обернувшись, нервно поздоровалась, но от того, чтобы осенить себя защитным знамением, воздержалась — явно не по душевному порыву, а из страха вызвать мое недовольство. И как вообще прийти сюда рискнула после минувшей ночи и поползших обо мне слухов?

Получив свое законное молоко, я смачно его отхлебнула и принялась смотреть снимки. Но вместо того, чтобы сфокусироваться на экране фотоаппарата, мысленно я пребывала на окраине города, снова и снова слыша происходивший в старом здании разговор.

Итак, Виар Дэйш — мэр Морегорья и крайне мутный, как выяснилось, тип.

В нашу первую встречу он зашел в аптеку, ссылаясь на то, что господин Грилл периодически готовит ему средство от мигрени. Что ж, если он и страдал приступами мигрени, то ими общение с аптекарем все равно не ограничивалось.

Больше всего меня волновал вопрос, что именно понадобилось этим двоим в моем доме. Неужели они действительно каким-то образом пронюхали о подпольной комнате? Но что им там понадобилось? Ведь на попытки снять мою защиту они, по словам мэра, потратили несколько лет! Какие-то ценные ингредиенты? Эликсиры? Или, может быть... книга?

На предположении о книге меня буквально бросило в дрожь. Пусть лаз в подпольную комнату и был предназначен только для кошки и человеку туда, на первый взгляд, никак не пролезть, что, если они нашли какой-то способ и в самом деле попытаются умыкнуть мою книжечку?

Подумав так, я тут же себя одернула. Да ну, бред! На кой ляд мэру может понадобиться Книга мудрости ликой?

А еще интересно: может ли мэр Морегорья иметь отношение к совершенным на меня нападениям? Положительный ответ на этот вопрос казался, опять же, бредовым. Но если подойти к нему с другой стороны... Они с аптекарем ведь обсуждали отсутствие у меня воспоминаний. Может, в прошлом между нами случилось нечто такое, что теперь заставляло Дэйша желать моей окончательной смерти?

Голова вскипала. Слишком уж много всего свалилось, да и недоброжелателей вокруг хоть отбавляй. Причем не только у меня, но и у господина темного мага.

Лафотьера этим вечером я так и не дождалась. После ночных приключений усталость наконец дала о себе знать, и не успели стрелки часов показать одиннадцать вечера, как я уже клевала носом.

Возвратившегося на пост Федьку я без зазрений совести впустила в дом, и после сытного ужина мы коротали время в гостиной. Крикко рискнул предположить, что хозяину вторжение постороннего не понравится, на что я только выразительно хмыкнула. Не понравится ему... Сам ведь так называемого телохранителя ко мне приставил. А я, может, после пережитых волнений даже в этом особняке себя полностью защищенной не чувствую. Вот пусть «телохранитель» мое тело и охраняет, пребывая в непосредственной от меня близости. К слову, как именно Федя может меня защитить, я представляла смутно... скорее уж наоборот.

Я даже предложила ему остаться, но от чести ночевать в логове темного мага зерр отказался. Кажется, даже защитным знамением себя украдкой осенил и поспешил ретироваться в ночь. Отпуская его одного добираться до дома поздним вечером, я волновалась. Правда волновалась! Так же, как волновалась за младшего братишку, когда этот мелкий балбес сбегал на ночь глядя и шастал где-то со своими закадычными приятелями.

— Вы что, переживаете за меня, госпожа Маргарита? — выходя на крыльцо, удивился Федя, от которого не укрылось мое волнение.

Да так удивился, что даже о своей вечной робости позабыл, едва ли не впервые открыто посмотрев мне в лицо.

Я вздохнула:

— Переживаю, конечно. Хоть до дома тебя провожай...

Слегка оскорбившись, Федька пробормотал себе под нос нечто невнятное о том, что он мужчина и вообще ничего и никого не боится, после чего подошел к конюшне, оседлал клячу и потрусил на ней в ночь.

Пф-ф, мужчина он... как будто только женщинам в темное время суток может угрожать опасность!

Недолго посмотрев в его удаляющуюся спину, я подавила синдром «старшей сестры», зевнула и побрела в свою комнату. Спать и вправду хотелось жутко, а физические силы приближались к отметке «ноль».

Заснула я сразу, буквально провалившись в бархатные объятия обволакивающей черноты. Кажется, мне удалось полностью отключиться на несколько часов, в течение которых я не видела никаких снов, а потом в мою блаженную черноту все-таки пришло сновидение. Притом я прекрасно сознавала, что это именно сон.

Передо мной возвышалось явно старое, но нисколько не покосившееся строение, крышу которого оплетал разросшийся зеленый плющ, тянущийся от самой земли.

«Храм», — откуда-то пришло понимание.

Он ютился среди небольшого леса, окруженный древними криптомериями и кипарисами. Особенная, погребенная под слоем времени красота. К храму вела заросшая тропинка, увенчанная красными квадратными арками, краска на которых частично облупилась. Такими же красными были и стены храма, покрытые гусклым налетом и частично — зеленым мхом. Даже время не смогло уничтожить эти стены, которые остались такими же прочными, как много лет назад. Я не знала, сколько храм стоит на этом месте — полторы тысячи лет, две, три? Наставница рассказывала, что его воздвигла сама Прародительница еще на заре времен. Наверное, именно поэтому он, напитанный древней как мир силой, до сих пор и не обратился в тлен.

«Наставница? Прародительница?» — снова промелькнуло в мыслях мимолетное непонимание.

А потом я увидела себя со стороны, сидящей на ветке раскидистой секвойи — молодую и красивую девушку-кошку, чьи длинные черные волосы и подол легкого платья развевал ветер. В ней я и узнавала, и не узнавала себя. На моем, но словно бы чужом лице застыло выражение глубокой задумчивости, к которому примешивался оттенок тоски по чему-то давно и безвозвратно ушедшему.

Всего несколько мгновений, и направленный в пространство взгляд вдруг обратился ко мне. Я неотрывно смотрела в глаза Акиры, в глаза той части себя, о которой практически ничего не помнила, и сердце внезапно кольнуло. Будто сдерживаемые невидимой плотиной воспоминания частично перетекли от Акиры ко мне и коснулись души и сердца, поселив в них отголоски глубокой печали...

...Резко распахнув глаза, я уставилась в темный потолок. Сердце все еще покалывало, на душе буквально кошки скребли — сон оказался на диво реалистичным.

— Вот так и сходят с ума, — тихо проговорила я. — Привет, шизофрения, давно не виделись...

Сердце кольнуло снова. Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять — эти покалывания уже не имеют никакого отношения к увиденному сну. А еще потолок надо мной как-то странно покачивается, и черные точки перед глазами подозрительно роятся...

Снова ненадолго прикрыв глаза, я сосредоточилась на своих ощущениях и поняла: Лафотьер. С ним что-то не так.

Смирившись с неизбежным, с мученическим стоном присела на кровати, слыша в голове стук сотен молотков. Еще раз прислушалась к себе, повела носом и с облегчением констатировала: маг дома.

Понимая, что повторно заснуть в таком состоянии мне точно не удастся, я с огромной неохотой выбралась из теплой постели. Поежилась от соприкосновения ступней с холодным полом и неровной походкой, периодически держась за предметы мебели, вышла в коридор.

ГЛАВА 22

Дверь, ведущая в комнаты Лафотьера, была закрыта и даже источала легкое фиолетовое свечение, непрозрачно намекающее, что внутрь посторонним лучше не соваться. Но я, понадеявшись, что ввиду нашей с магом особой связи меня за постороннюю все же не примут, сунуться-таки рискнула. И правильно сделала.

Комната, куда я беспрепятственно вошла, оказалась гостиной, дорого и со вкусом обставленной и идеально убранной. Отсутствие пыли на добротной и явно недешевой мебели я отметила чисто машинально, как и горящий камин. При беглом взгляде на полыхающий в нем огонь складывалось впечатление, что он не живой, а электрический, яркость и теплоту которого можно регулировать. Но электрическим он, разумеется, не был. Скорее уж магическим.

Следующая вставшая у меня на пути дверь, как и ожидалось, вела в спальню. Тихо ее открыв, я остановилась на пороге, привыкая к новому освещению, а точнее, к его почти полному отсутствию. Под потолком маячила пара огней, едва ли способных разогнать крошечную, повисшую в комнате темноту. Она была плотной и густой; такой, что даже мое кошачье зрение с трудом могло выцепить из нее предметы.

Комната была довольно просторной, но тесно заставленной. Наряду с мебелью здесь присутствовало несколько странного вида скульптур, большие напольные часы, стоящие в одном конце комнаты, и еще одни, поменьше — в другом. В кристаллах огромной хрустальной люстры преломлялся слабый свет от магических огней, который рассыпался мелкими бликами и терялся где-то все в той же темноте.

В самом центре располагалась большая кровать с нависшим над ней балдахином. Среди множества подушек и атласных одеял я не сразу рассмотрела бледное лицо Лафотьера с разметавшимися вокруг волосами, которые среди окружающей черноты и при тусклом освещении казались не просто платиновыми, а совершенно седыми. Лицо же было бледным настолько, что я усомнилась сразу в двух вещах: уж не помер ли он, часом, и не является ли вампиром под прикрытием темного мага. И если первое сомнение быстро развеялось, поскольку если бы он помер, то на тот свет... в смысле, на ту тьму я бы уже отправилась тоже, то в версию о вампиризме сейчас было очень легко поверить.

— Лафотьер, — негромко позвала я, переминаясь с одной босой ноги на другую. — Лафотьер, восстань... в смысле, встань... короче, ты меня слышишь?

Нет дождавшись ответа, я подошла ближе. Мое собственное состояние, как ни странно, более-менее нормализовалось, и теперь больше беспокоил непосредственно господин «вампир».

— Лафотье-эр, — чуть громче протянула я, тряся его за плечо. — Ваше бледное темномагическое величество!

Уж не знаю, считал ли себя Лафотьер королем или просто мой требовательный тон способен поднять даже мертвого, но только глаза он внезапно распахнул. При этом они полыхнули алым светом, что только прибавило ему сходства с вампиром. Вместе с тем меня от него будто оттолкнуло, вынудив отступить на пару шагов.

Лафотьер резко сел на постели, но тут же с глухим стоном рухнул обратно. В эти короткие мгновения стала отчетливо заметна выступившая на его лбу испарина, плотно сжатые губы и пальцы, крепко вцепившиеся в край одеяла.

Тут я встревожилась уже не на шутку.

— Лафотьер, светлая магия тебя побори! — снова приблизившись, прикрикнула я. — Что с тобой? Что мне делать?

Последний вопрос был особенно актуальным. Мы находились на неблизком расстоянии от города. Даже с учетом скорости моего мопеда, пока я сгоняю туда, пока обратно... Да и к кому обращаться за помощью? Не к аптекарю же!

Пока в моем сознании мелькали суматошные мысли, Лафотьер неожиданно схватил меня за руку и дернул на себя. Потеряв точку опоры, я практически рухнула на него, и

черные, подсвеченные алым глаза оказались невероятно близко к моим. Но, несмотря на это, казалось, что взгляд Лафотьера проходит меня насквозь.

— В шкафу. Первая секция от окна. Третья полка сверху...

Сказал — и снова отключился, а мою руку так и не выпустил.

Кое-как высвободившись, я отбросила подкатывающую панику, сконцентрировалась и полезла в упомянутый шкаф. Вот только там меня поджидал неприятный и крайне досадный сюрприз: на нужной полке находилось столько разного барахла, что понять, о чем именно говорил темный маг, не представлялось возможным.

Черт побери! Если он сейчас коньки отбросит, вдруг и меня та же участь ждет? Кто знает, как наша нестандартная связь себя проявит... Нет уж! И так недавно один раз умерла, с меня на ближайшие годы достаточно!

— Крикко!!! — заорала что есть мочи, надеясь, что меня услышат.

А параллельно принялась шерстить содержимое полки, тоже надеясь, что и без помощи дворецкого найду... что-нибудь. Прямо как в ненавистой мною бестолковой сказке: принеси то, не знаю что!

Одно радовало: мое самочувствие почти полностью пришло в норму, по крайней мере настолько, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. Странно, конечно, но таким странностям, в отличие от многих других, я всегда только рада.

На названной Лафотьером полке царил абсолютный порядок до тех пор, пока я не приступила к обыску. Здесь стояли какие-то пузырьки с неизвестным содержимым, лежали книги и причудливые штуковины на длинных цепочках — должно быть, амулеты. Справедливо рассудив, что вряд ли Лафотьеру вздумалось почитать, я отодвинула книги подальше, а вот пузырьки и амулеты перекочевали поближе ко мне. Крикко приходиться не спешил, и я позвала его еще раз, хотя надежда, что он меня услышит, уже начала угасать. Самой отправляться за ним, теряя время, не хотелось, тем более не будучи уверенной, что ему известно, какие действия следует предпринять в данной ситуации.

Лафотьер к этому моменту больше не издавал ни звука ни шороха и теперь походил уже не просто на вампира, а на самого настоящего покойника.

Да что ж такое-то!

Недолго думая я сгрела все имеющиеся амулеты в кучу и водрузила их на постель. Не имея ни малейшего представления, как они работают и для чего предназначены, несколько поместила темному магу на грудь, руки и даже лоб. Чуть помедлив, откинула одеяла и еще парочку примостила на живот. Несмотря на обилие одеял, Лафотьер оставался очень, можно даже сказать, ненормально холодным. В вырезе свободной черной рубахи проступили вздувшиеся темные вены, которые, как лоза, поднимались по шее и мелкой сеткой растягивались по щеке.

Глядя на него, я на несколько секунд непроизвольно застыла, после чего опомнилась и притянула на кровать все имеющиеся на полке пузырьки. Снова посмотрела на Лафотьера, перевела взгляд на них и... нет, вливать в него все сразу идея точно не лучшая.

И хоть бы какая-нибудь подсказка была! Хоть бы какая-нибудь захудалая этикетка вроде «Выпей меня» или «Дай меня скопытившемуся темному магу!» Так нет, ничего подобного на треклятых пузырьках не наблюдалось.

— Черт, черт, черт! — не сдержалась я, слегка подрагивающими руками перебирая неизвестные склянки и уже обращаясь к бесчувственному Лафотьеру: — Знак бы, что ли, какой-нибудь подал...

Естественно, никакого знака он подавать и не думал. Крикко тоже не появлялся, так что рассчитывать приходилось только на себя. Глубоко вдохнув и размеренно выдохнув, я внимательно посмотрела на пузырьки, пытаюсь пробудить интуицию ликой. Да, Маргарита понятия не имеет, что в них находится, а вот прожившая много жизней Акира вполне может знать.

Заставив себя успокоиться, я сосредоточилась и еще раз перебрала пузырьки. Вместе с этим попыталась нащупать нашу с Лафотьером связь, силясь воспользоваться ею, чтобы узнать, что именно ему нужно.

Выбрав самый маленький бордовый пузырек, я совсем не была уверена, что поступаю верно. Наверное, колебалась бы еще не одну драгоценную минуту, не почувствуй внезапно ужасную слабость. Только-только обрадовалась, что хотя бы мое самочувствие пришло в норму, как оно взяло и ухудшилось, что выражалось не только в слабости, но и в зароившихся перед глазами черных точках.

Больше не мешкая, я приподняла голову Лафотьера и поднесла флакон к его бескровным губам.

— Пей, — велела, хотя знала, что он меня не слышит. — Ну давай же, Йен, мы слишком молоды и прекрасны, чтобы умирать...

Не знаю, действительно ли он находился сейчас между жизнью и смертью, но надеялась, что нам обоим не придется помереть из-за меня и моего выбора лекарства.

Я позволила Лафотьеру сделать всего один маленький глоток, после чего поставила пузырек на прикроватную тумбочку. Хотела подняться, но силы вдруг окончательно иссякли, и я помимо воли рухнула на кровать. Сознание стремительно уплывало, вновь окуная меня в непроницаемую вязкую черноту.

И сновидений в этой черноте больше не было.

Пробуждение было на диво приятным. Я спала, уютно свернувшись в теплом гнездышке одеял и устроив голову на чем-то твердом, но тоже приятно теплом, даже горячем. Из горла непроизвольно вырывалось негромкое мурчание, и мне хотелось выпустить коготки, чтобы запустить их во что-нибудь от переполняющей меня блаженной неги и удовольствия...

Кажется, когти я действительно выпустила, смутно понимая, что впились они не в одеяло или подушку, а в человеческую плоть.

Разлепив веки, я обнаружила себя обнимающей господина темного мага, да притом бессовестно закинувшей на него правую ногу. Голова моя покоилась не на чем-нибудь, а на его плече, и когти мои, стремительно трансформирующиеся в обычные ногти, впивались ему в руку.

Упс... неловко вышло.

Медленно подняв глаза, я наткнулась на его немигающий взгляд. Несколько долгих секунд между нами царил абсолютное безмолвие, а потом я вспомнила все то, что происходило здесь прошлой ночью, и встрепенулась.

— Живой! — констатировала я с облегчением и искренней радостью. — И я жива! Мы оба живы! — И, чуть поуверившись, просияв улыбкой, добавила: — Доброе утречко.

Он молча смотрел на меня еще несколько мгновений, после чего я ощутила, как талию обвивает горячая рука, еще плотнее прижимая меня к не менее горячему телу.

— Действительно доброе, — хриплым не то ото сна, не то от... моего близкого присутствия голосом ответил Лафотьер.

Откровенно говоря, в настоящий момент отодвигаться совсем не хотелось, но именно это я и попыталась сделать. Правда, тщетно, поскольку отпускать меня темный маг не думал. Но этот факт даже обрадовал, поскольку свидетельствовал о том, что силы к нему вернулись.

И все же вести серьезные разговоры, находясь в таком... горизонтальном положении, было решительно невозможно. Поэтому спустя некоторое время я все же исхитрилась высвободиться и, присев, впилась в Лафотьера горящим взглядом.

— Что вчера произошло? — не столько спросила, сколько потребовала ответа.

— Я спал, ты пришла ко мне в комнату, — размеренно, с хорошо различимой иронией произнес Лафотьер. — Пыталась разбудить, забралась ко мне в постель...

Так и захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым! А еще лучше все-таки влить в него перемешанное содержимое всех склянок!

— Очень смешно, — прищурившись, сложила руки на груди. — Должна заметить, что неизвестно, на какой стороне тьмы мы бы сейчас пребывали, если бы я, как ты выразился, не пришла и не забралась к тебе в постель.

— Ты слишком высокого мнения о своих умениях, — вновь сыронизировал Лафотьер.

Можно, я его все-таки стукну?

Приподнявшись, он неспешно взбил подушку и, прислонившись к ней спиной, наконец стал серьезным. Даже более чем серьезным, а его глаза приобрели то самое выражение, которое неизменно вызывало у окружающих непреодолимое желание ретироваться.

— Это был яд, — удовлетворил темный маг мое любопытство.

Я ожидала продолжения, и когда его не последовало, обрушила на него череду новых вопросов:

— Яд? Но откуда? Кто тебе его дал? И почему ты при своих впечатляющих талантах его не почувствовал?

В голове просто не укладывалось! И он мне еще что-то о безалаберности говорил!

— Именно поэтому и не почувствовал, — непонятно изъяснился Лафотьер, и при этом в его взгляде блеснуло что-то демоническое. — На ту тьму он бы меня сейчас не отправил. Но в последнее время я чувствую, что моя магия угасает. Как будто кто-то или что-то тянет ее, подавляет, пытается меня ослабить...

Он на мгновение застыл, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, после чего неожиданно спросил:

— Ты ночью звала Крикко?

Несколько обескураженная его словами, я растерянно кивнула и пояснила:

— Но он не пришел...

Прыткости, с которой Лафотьер подскочил с постели и вылетел из комнаты, позавидовал бы самый лучший спортсмен. Куда только подевалась вся недавняя расслабленность?

Недолго думая я подорвалась следом и уже вскоре стояла в комнате Крикко, где царил такой холод, что впору было надевать шубу.

Дворецкий лежал на кровати, устремив ничего не выражающий взгляд к потолку. Одна его рука покоилась на груди, другая безвольной плетью свисала вниз. Не иди речь о зомби, я бы подумала, что он умер.

Сердце болезненно екнуло — а ведь я даже не заметила, как успела привязаться к этому полумертвому, но такому милому и обходительному дворецкому...

Пока я стояла столбом, Лафотьер взял с подоконника накопитель — кажется, тот самый, что я некогда зарядила, — и положил его на грудь Крикко. В то же время опустил ладонь ему на лоб и, прикрыв глаза, принялся негромко что-то говорить.

Я наблюдала за тем, как шевелятся его губы, как начинают развеиваться длинные волосы под воздействием зарождающегося в комнате ветра. Как сама тьма окутывает углы, ползет по полу и как в ней проступают очертания мелких, подступающих все ближе и ближе к кровати фигурок. На несколько мгновений стало еще холоднее, но оконному стеклу поползли морозные узоры, мое дыхание породило облачко пролетевшего вперед и растворившегося пара...

А потом все в один миг прекратилось. Ветер исчез, температура пришла в норму, а Крикко, несколько раз поморгав, принял сидячее положение.

— Как себя чувствуешь, старина? — с заботой, которой я совсем от него не ожидала, спросил Лафотьер.

Дворецкий моргнул еще один раз, со скрипом повернул шею и, словно бы прислушавшись к своим ощущениям, ответил:

— Вполне сносно, благодарю, хозяин. Не соблаговолите ли сообщить, что с вами произошло?

— А вот это мы сейчас и выясним. — Несмотря на то что темный маг находился ко мне вполоборота, я все равно заметила, как в очередной раз за это утро сверкнули его глаза.

Следующим местом назначения, куда мы прибыли, неожиданно стала кухня. Когда Лафотьер стал поочередно заглядывать во все банки, кастрюли и сковородки, не забывая обнюхивать содержимое, я усомнилась, уж не повредился ли он умом. А когда на свет была извлечена добрая половина запасов из кладовой и так же тщательно обнюхана, пришла к неутешительному выводу, что так оно и есть.

Интересно, если Лафотьер чокнется, я благодаря нашей связи последую его примеру?

Но когда к обнюхиванию добавилось использование магии, выражающееся в вождении руками над продуктами и готовыми блюдами, я свое решение изменила и частично успокоилась. Лафотьер ведь сказал, что ему дали яд. Тогда вполне логично предположить, что этот яд могли добавить в еду. Только вот каким образом? У него же здесь однозначно всяких защитных штук понаставлено! Да и кто бы это мог сделать? Неужели Фокла?

В какой-то момент маг отвел глаза от очередной кастрюли, и его немигающий взгляд направился на меня.

— Пора отрабатывать свой хлеб, фамильяр, — уголок его губ слегка приподнялся в намеке на усмешку.

Я возмущенно повела хвостом:

— Предлагаешь мне тоже обнюхивать все, что здесь лежит? Я тебе не овчарка блохастая на службе у правоохранительных органов!

Разумеется, примерить на себя роль «овчарки блохастой» мне все-таки пришлось. Упиралась я, как обычно, из вредности, прекрасно понимая, что вычислить наличие яда, если он действительно куда-то затесался, и в моих интересах тоже.

— Я вообще-то тоже все это ела, — приступая к работе, напомнила как бы между прочим.

— Если я не ошибся в своих выводах, то яд усилили и видоизменили с помощью довольно редкой и дорогостоящей магии, — на удивление нормально пояснил Лафотьер. — Его действие должно было направляться именно на меня, на тебя яд мог и не подействовать... Хотя, это все равно довольно странно. Притом зельевар, сотворивший его, должен обладать поистине поразительными умениями и талантом.

Следующую четверть часа я была занята разнюхиванием запахов. Раньше удивилась бы, с чего Лафотьер вообще взял, что я могу почуять яд, да еще и незнакомый, но сейчас в себе не сомневалась. Это по неведению я могла его не заметить и даже проглотить. А зная, что он тут во что-то добавлен, и имея конкретную задачу определить его наличие — учую непременно.

Попутно я, не отрываясь от своего занятия, выпытала у Лафотьера еще несколько интересующих меня моментов. Во-первых, удостоверилась в том, что я молодец. Ночью мне удалось не только правильно определить флакончик с редким восстанавливающим эликсиром, но еще и верно рассчитать дозу. А во-вторых, узнала, что связь Лафотьера с Крикко практически не отличается от той, что установилась бы между мной и магом в случае проведения ритуала по классическим правилам. То бишь жизнь дворецкого

напрямую зависела от жизни хозяина. Потому-то ему так поплохело — почти вся хозяйская магия из него, считай, вытекла.

Я уже была готова верить в бесполезность затей и объявить, что все продукты и блюда абсолютно нормальные, когда мое внимание внезапно привлекла солонка. Она не имела никакого особого запаха, и, даже открыв ее, я ничего не унюхала. Но появилось какое-то странное, необъяснимое ощущение, навеянное пресловутой интуицией ликой.

— Что-то почувствовала? — тут же вскинулся Лафотьер.

— Не знаю... — честно призналась я. — Не уверена... запаха нет. Но, кажется, что-то не так.

Пока Лафотьер производил с солью какие-то темномагические манипуляции, я задумчиво покусывала губу и в кои-то веки молчала.

Черт возьми, а ведь добавить яд в соль — очень умно! Особенно если этот яд не имеет запаха и изготовлен настолько искусно, что его не смог почувствовать ни сильный темный маг, ни лико. Но к своей чести должна заметить: я этот яд все-таки вычислила.

В том, что моя интуиция оказалась верна, мы вскоре убедились. Горстку соли, высыпанной Лафотьером на стол, окутала им же созданная темная дымка, после чего среди белых крупинок проявились черные. Их было совсем немного, но, видимо, достаточно для того, чтобы с течением времени повлиять на определенного мага.

— И что теперь? — поинтересовалась я, не сводя взгляда с соли. — Будем ловить и задерживать Фоклу?

Не знаю почему, но черные крупинки вдруг показались мне какими-то знакомыми. От невозможности вспомнить, где и когда могла их видеть, даже голова заболела.

— Ловить и задерживать — прерогатива зерров, — с поразительным спокойствием произнес Лафотьер. — Меня больше интересует, кто ей заплатил и кто изготовил яд.

Судя по уверенности, маг намеревался это выяснить прямо сейчас. Нынешняя я еще слишком мало знала о магии, чтобы понять все производимые им манипуляции, но уже достаточно повидала, чтобы выделить главное: он просматривал остаточную магию.

Даже в самых буйных фантазиях я не могла вообразить, как можно вычислить изготовителя яда. Особенно если учесть, что Лафотьер сейчас не в лучшей форме.

— Яд, сдобренный магией, — это особая форма соединения материального и эфемерного, — словно прочитав мои мысли, тихонько пояснил Крикко. — В таких вещах след всегда остается, нужно только тщательно искать. Даже если изготовитель чрезвычайно искусен, не оставить зацепки невозможно. Отчасти именно поэтому подобные яды — огромная редкость, за их создание мало кто рискует браться. Слишком велик шанс быть пойманным.

На его последних словах окружающая соль тьма вдруг собралась в сгусток и взлетела над столом. Затем преобразовалась в легкий черный туман, в котором проступили очертания, смутно напоминающие...

Чего?! Мои глаза меня подводят или это отпечаток кошачьей лапы?

Не успела я опомниться, как туманное облако приблизилось, на несколько секунд зависло напротив моего лица и бесследно рассеялось.

Пожалуй, никогда в этом особняке не возникала такая мертвенная, делающая его похожим на склеп тишина.

ГЛАВА 23

Округлив глаза в немом вопросе, я ткнула себя пальцем в грудь — мол, это что, серьезно? Я приготовила этот порошкообразный яд? Точно я?!

— Э-э... — протянула ошарашенно, не находя подходящих слов.

— Это наверняка какая-то ошибка... — растерянно проговорил Крикко.

— Никакой ошибки, — сложив руки на груди, произнес Лафотьер. — Яд, предназначенный именно мне с целью ослабить и в конце концов осушить мою магию вместе с жизнью, приготовила госпожа ликой.

Впервые за все время я не могла возразить. Еще могла с горем пополам оспорить вердикт всяких там темных заклинаний, но проблема была во мне самой, в моей пробудившейся памяти. Я ведь и впрямь узнала этот черный порошок! Как именно готовила его, естественно, не помнила, но он казался уж слишком знакомым.

— Это объясняет и тот факт, что яд на нее не подействовал, — тем временем добавил Лафотьер. — Но совсем не значит, что госпожа ликой незаметно травила меня на протяжении последних недель, поскольку она крайне дорожит собственной шкурой и не страдает тягой к изощренным способам самоубийства. Как, впрочем, и к неизощренным.

Не успела я вставить и слова, как он продолжил:

— Отсюда возникает закономерный вопрос: если не госпожа ликой воспользовалась плодом своего таланта, то кто? — И уже обращаясь конкретно ко мне, спросил: — Кому в прошлом могла дать этот яд, ты сейчас, конечно, не помнишь?

К этому моменту я достаточно пришла в себя, сориентировалась в ситуации и успела мысленно кое-что прикинуть. А прикинув, недобро усмехнулась — от Лафотьера такими усмешками заразилась, не иначе.

— Конечно, не помню, — согласилась с ним и без перехода дополнила: — Но знаю, что в свое время я сотрудничала с одним небезызвестным в Морегорье аптекарем. А не далее как вчера случайно услышала один очень интересный разговор...

И я подробно рассказала о том, чему накануне стала невольной свидетельницей. Лафотьер по мере моего рассказа мрачнел все сильнее, да я и сама все больше убеждалась в том, что именно эта парочка причастна к отравлению. Все ведь сходилось! И мое прежнее общение с аптекарем, и защита вокруг моей мастерской, которую они хотели взломать, но из-за вмешательства темного мага их труды полетели в тартарары. Что бы ни понадобилось мэру, это что-то он явно был намерен достать во что бы то ни стало. И в такую картину вполне закономерно вписывалось устранение Лафотьера. Которого, кстати, травить, по его теперешним прикидкам, стали незадолго до того, как я стала его фамильяром.

— Погоди-ка, — когда я закончила рассказ, меня буквально осенило. — А не мог ли мэр и на меня покушения организовывать?

— Сомневаюсь, — задумчиво проговорил Лафотьер. — Ему ведь неизвестно, что связавший нас ритуал был не совсем обычным и действует в обратную сторону.

Мне адресовался выразительный взгляд, в ответ на который я похлопала ресницами, сделав вид, что вообще ни при чем.

— Даже если так, все равно нужно что-то делать! — вознегодовала, заполнив наступившую паузу. — Тебя отравить пытались! Необходимо сообщить обо всем зеррам...

— Да? — В голосе Лафотьера звучал неприкрытый скептицизм. — Речь идет о мэре. А он, если до тебя еще не дошло, первый человек в этом городе. Глава зерров у него буквально с руки ест. Чтобы Дэйша задержали, необходимы железные улики, которых у нас нет.

— Но я же слышала их разговор! — Во мне играла жажда праведного отмщения. — И яд у нас есть!

Лафотьер посмотрел на меня как на идиотку:

— Что ж, вперед. Бери яд и иди сдаваться зеррам, поскольку в первую очередь они арестуют тебя. И твои слова об услышанном разговоре в таком случае яйца выеденного стоять не будут. Дэйш не дурак. Следы магии, по которым можно было бы вычислить того, кто прикасался к яду, отсутствуют, поскольку его подсыпал обычный, не обладающий силой человек — Фокла. По-прежнему считаешь свою идею удачной?

Несмотря на тон, которым он со мной говорил, я огрызаться не стала. И впрямь сглупила, чего уж тут.

— Но этого нельзя так оставлять! — Отступление в мои планы все равно не входило. — И кстати, вероятность, что мэр причастен к совершенным на меня покушениям, я бы все-таки не стала отменять. Помнишь, после вторжения в мою мастерскую ты сказал, что это был мужчина...

Я резко осеклась, внезапно осознав одну крайне важную деталь.

Мэр с аптекарем говорили, что не могут проникнуть на мою территорию. На весь участок, в дом или конкретно в мастерскую — еще непонятно. Но тот, кто подбросил мне фотоаппарат с курткой, сумел это сделать! Значит, это действительно не может быть мэр?

Очередное сомнение в моей душе поселил Лафотьер, сказавший, что мощную защиту вокруг моего участка поставил лишь после ритуала. А фотоаппарат оказался у меня раньше.

Значит, исключать кандидатуру Дэйша и впрямь не стоит...

Господи, ну почему все так сложно? Почему я хотя бы одну жизнь не могу прожить в тиши, глади да вселенской благодати?

Рухнув на табуретку, я подперла подбородок кулаком и тяжело вздохнула. Вот даже ничего спрашивать и предполагать больше не хотела. Чем дальше, тем туже становился клубок проблем и недосказанности, все ниточки которого уходили в прошлое. *Мое* прошлое. Из которого я практически ничего не помнила и о котором знала лишь по рассказам других.

Украдкой покосилась на Лафотьера и вздохнула повторно.

В рассказанную им ранее историю наших минувших взаимоотношений я поверила почти сразу. Подозревала, что он мог что-то утаить, но особо об этом не задумывалась — как-то все не до того было. А сейчас вот задумалась. Ведь должны же быть какие-то причины, по которым я приготовила для него смертельный яд! Не просто какой-то там, а персональный, точно зная, для кого он предназначен.

Мысли об этом вызвали мелкую, стремительно бегущую по коже дрожь. Ну неужели я и правда была монстром, способным кого-то убить? Или... и правда убивала? Впрочем, глупый вопрос. Сколько я там в совокупности прожила? Лет семьсот? Восемьсот? Обладая огромной силой и, честно признаем, далеко не ангельским характером, наверное, я и в самом деле за такой долгий срок успела навесить на себя немало грехов.

Никогда не была склонна давать волю слезам и предаваться самобичеванию, но сейчас вдруг так жалко себя стало. Себя под именем Маргарита, которая ничего не помнит, мало что понимает и хочет просто *жить*. С чистой совестью, в той самой тиши, глади и вселенской благодати.

Как раз в тот момент, когда я была готова пустить скупую ликовскую слезу и заесть stress лежащей поблизости булочкой, во входную дверь внезапно постучали.

В том, что пришла госпожа Ериша, в общем-то, не было ничего удивительного. Удивительным являлось то, что она очень настойчиво попросила впустить ее внутрь. Ранее Лафотьер скрепя сердце разрешал ей находиться в непосредственной близости от особняка, но внутрь она не входила даже в ночь моего оборота. Тем страннее было видеть ее сейчас — с милой улыбкой стоящей на пороге в явном намерении его перешагнуть.

— Если ты не забыла, ведьма, я не отношусь к тем, кто уважает людей только за то, что они дожили до седин, — непрозрачно намекнул Лафотьер на нежелание ее впускать. — Долгая жизнь лишила меня всяческого пиетета перед старостью.

Слушая их препирательства, я как-то невольно подумала о том, что, если разобраться, то главная «старуха» среди нас я. Даже взгрустнулось по этому поводу, хотя поводов грустить у меня и так уже имелось предостаточно.

— Помощь вам моя нужна, — ничуть не смущенная таким к себе отношением, в буквальном смысле с порога заявила госпожа Ериша. — Вам *обоим*. И мне от вас тоже кое-что нужно. Так что, учитывая взаимную выгоду, которую мы можем почерпнуть из нашего общения, ты, темный маг, вполне можешь нарушить свои правила и впустить добропорядочную ведьму в дом.

Круто она, конечно, завернула. Я даже прониклась.

— Какую помощь ты собираешься предложить? — А вот Лафотьер, судя по интонации, не проникся ничуть.

Госпожа Ериша глянула на него исподлобья, после чего перевела хитрющий взгляд на меня и хмыкнула:

— А заговор на удачу ей кто обновлять будет? Али ты думаешь, благоприятные обстоятельства просто так ее находят? Впрочем услышанные разговоры, благополучный уход от преследования, исполнение мелких желаний вроде обретенного транспорта...

Наверное, ко всяким неожиданностям у меня уже выработался иммунитет. Ну или за сегодняшний день я уже просто перестала удивляться, поэтому новость о каком-то там заговоре восприняла относительно спокойно. Хотя брови вверх все равно непроизвольно поползли.

— И это все? — Интонация Лафотьера несколько не изменилась. — Я твои заговоры вижу насквозь. У тебя силы ни на что толковое не хватает, только усилить и без того имеющиеся таланты ликов и способна.

Госпожа Ериша в очередной раз выдала милейшую улыбку и елеино пропела:

— А с мэром нашим ты тоже знаешь, как разобраться? Или, может, знаешь, как напавшего на нашу Маргариту отыскать? Сам-то вон сколько силы за последнее время растерял, даром что одаренный темный маг.

Тут уж я не стала дожидаться, что ответит Лафотьер и, взяв на себя обязанность хозяйки, буквально втащила ведьму в дом. Потому как, если существует хотя бы малюсенькая вероятность, что она может как-то помочь в разрешении накопившихся проблем, очень глупо ее упускать!

Ну а то, что в дверном приеме госпожу Еришу магией шибануло слегка — так это мелочи. Лафотьер, сориентировавшись, быстро свою защиту против ведьмы убрал. А я ей встопорщившиеся, будто от удара током, волосы поправила и шаль съехавшую на плечи вернула. И на чай в гостиную пригласила, куда госпожа Ериша, едва переставляя ноги и дергая обоими глазами, незамедлительно поковыляла.

К тому времени, как я вернулась в гостиную с подносом, ведьма в полной мере пришла в себя. Лафотьер ее обратно за порог не выставил — уже достижение. Только Крикко все крутился поблизости, непрестанно охая и ахая, что, дескать, как же так — ведьму в жилище темного мага впустили. Стыд и срам! Святотатство!

— Угощайтесь, — любезно предложила я госпоже Ерише чашечку чая. — И конфетки берите. Не беспокойтесь, яда в них нет.

Застывший у камина Лафотьер издал какой-то странный звук.

Присев рядом, я тоже угостилась чаем, слопала пару конфет и, с трудом сдерживая нетерпение, спросила:

— Так что вы хотели предложить?

Отставив чашку на столик, госпожа Ериша придвинулась ко мне и проговорила:

— Давай-ка сначала заговорчик свой обновлю...

Она уже протянула ко мне руку, как ее перехватил за локоть Лафотьер. Не знаю, что конкретно происходило в этот момент, но их долгий зрительный контакт определенно что-то обозначал.

— Ладно, — наконец темный маг отпустил госпожу Еришу и отступил на шаг. — Злого умысла нет, можешь приступать.

— И это после всего, что между нами было! — делано возмутилась ведьма.

После такой двусмысленной фразы какой-то странный звук издала уже я.

Когда госпожа Ериша, некоторое время с сосредоточенным видом что-то бормоча и держа меня за руку, отерла влажный лоб, для меня не изменилось ровным счетом ничего. Разве что чуть более бодрой себя почувствовала, но это вполне вписывалось в мои обычные скачки самочувствия. Кажется, в этом вся я — то чуть ли не помирать готова, то, внезапно преисполненная энергии, совершать подвиги.

— Почему вы это для меня делаете? — полюбопытствовала я.

Ведьма выразительно хмыкнула:

— Потому, что мэра нашего терпеть не могу и что ему гадость, то мне — радость. А еще, разумеется, как уже упоминала, надеюсь свою выгоду получить. И вот здесь, — опередила она собравшуюся перебить меня, — мы возвращаемся к ранее заданному тобой вопросу. Вспомнить тебе, Акирочка, нужно. *Себя* вспомнить.

— Даже если бы хотела — а я, честно говоря, не очень хочу, — то как, по-вашему, это сделать? Амнезия у меня глубокая и, судя по всему, лечению не подлежит.

— Так уж и не подлежит. — Госпожа Ериша посмотрела на меня так, словно знала что-то очень важное. А следующий ее вопрос меня по-настоящему удивил и озадачил: — Сны-то тебе особые снятся?

Особые сны?

Даже напрягаться не пришлось, чтобы в мыслях всплыли образы, которые я видела этой ночью. Старый храм, заросшая тропинка и я, сидящая на дереве...

Повеяло легким холодом.

— Помнишь, я тебе про остров Небесной кошки говорила? — спросила госпожа Ериша. — Это место, где впервые рождаются все ликои. Ваш дом и приют. Туда тебе нужно.

— Этого не будет, — внезапно напомнил о себе Лафотьер, причем сказал как отрезал.

Я тут же вскинулась, и не столько из-за действительного возмущения, сколько из моего обычного чувства противоречия:

— Почему это? Может, я и впрямь на малую родину наведаться хочу?

— Потому, — вкрадчиво проговорил он, — что я, будучи темным магом, попасть на этот остров не смогу. А одна ты туда не поедешь.

М-да. Одна я туда точно не поеду, и не из-за запретов Лафотьера, а из чувства самосохранения и здравого смысла.

Госпожа Ериша выразительно прокашлялась, привлекая всеобщее внимание, и, рассматривая кончики своих туфель, как бы между прочим проронила:

— Собственно, я предлагаю помощь как раз на этот счет.

Все-таки госпожа Ериша — персонаж еще тот. Может, как ведьма она и посредственная, но вот актриса просто блестящая и эффектные театральные паузы тоже выдерживать

умеет.

Потомив нас в ожидании, явно намеренно испытывая терпение Лафотьера, она, ничуть не смущаясь, сунула руку в вырез своего платья и извлекла на свет круглый прозрачный кулончик, висящий на простом шнурке. Сначала я подумала, что это просто какой-то стеклянный шарик, в котором сидит светлячок. Но, когда, подняв глаза, посмотрела на темного мага, поняла, что не все так просто.

Даже и не припомню, чтобы его лицо хоть когда-нибудь отражало столь явное потрясение. Пожалуй, даже в момент нашего ритуала он и то был изумлен меньше.

— Да, это он, — видимо правильно истолковав выражение его лица, довольно кивнула госпожа Ериша.

Я была единственной, кто совершенно не понимал, о чем идет речь и какая такая ценность заключается в светящемся шарике. Даже Крикко это явно знал и почему-то испытывал страх, из-за которого предпочел отступить к самой двери.

Меня такое положение вещей категорически не устраивало, поэтому, обращаясь ко всем сразу, я поинтересовалась:

— Не желаете просветить менее сведущих? Что это за штукавина?

Сразу три пары глаз обратились ко мне с одинаковыми эмоциями, среди которых преобладало недоумение.

— Я думала, ты почувствовала его сразу, как только я пришла, — прищурившись, произнесла госпожа Ериша. — Ты, конечно, можешь не помнить, но ощущать его силу должна...

Я посмотрела на шарик повнимательнее, прислушалась к своим ощущениям и равнодушно пожала плечами. Поскольку все молчали, словно чего-то от меня ожидая, подошла ближе, протянула руку, чтобы коснуться кулона и...

— Ай! — воскликнула я и тут же принялась дуть на обожженные пальцы. — Вот же... предупреждать надо!

Пока я шипела, с досадой наблюдая, как на коже проступают небольшие волдыри, остальные продолжали хранить молчание. А когда я снова обвела их недовольным взглядом, параллельно сотрясая пострадавшей конечностью, обнаружила, что на меня смотрят как... на привидение? Как на небывалое даже для этой грани чудо?

— Что? — спросила я, заранее готовясь к какой-нибудь пакости.

Ответил, как ни странно, Крикко:

— Если не ошибаюсь, это частица силы самой Прародительницы ликоев, — негромко произнес он.

— Не ошибаешься, нежить, — не сводя с меня цепкого взгляда, подтвердила госпожа Ериша. — Она самая и есть — частица силы Прародительницы. Чистая энергия, которая достается каждой ликой при рождении. Большая часть силы находится внутри вас, а эту частицу вы храните и оберегаете как память о той, что некогда дала жизнь всему вашему роду. Окружающее его стекло — это особая и очень сложная форма магии, которая не подпускает к частице посторонних. А когда его касается ликой, стекло исчезает, позволяя владелице дотронуться до чистой энергии и, если требуется, ею подпитаться...

Я слушала и не понимала. Вообще ничего не понимала! Потому что если все действительно так, то почему я не только не смогла дотронуться до этой самой частицы, но еще и обожглась? Что со мной не так?

«Господи, Маргарита! — мысленно усмехнулась я. — Да с тобой вообще все не так с той самой минуты, как ты очнулась голая посреди незнакомого леса!»

— Допустим, — кивнула я и, не желая заострять внимание на касающихся меня

странностях, задала другой занимающий меня вопрос: — Но как, позвольте поинтересоваться, эта частица оказалась у вас?

— Мне бы тоже хотелось это узнать. — По тону Лафотьера стало понятно, что ведьма не покинет пределы этого дома и вообще не встанет с дивана, пока не объяснит.

Впрочем, отделяться от ответа она и не собиралась.

— Так ты сама мне его дала, — глядя на меня в упор, произнесла госпожа Ериша. — Прямо перед казнью. На хранение.

Я помотала головой, пытаюсь утихомирить разбегающиеся в стороны мысли.

— С какой стати? — Свое удивление и недоверие я даже не пыталась скрыть. — Зачем? И... Постойте, вы хотите сказать, что мы были в настолько хороших отношениях, что я добровольно отдала вам такую важную для меня вещь?

Верилось с трудом. Да, откровенно говоря, вообще не верилось.

— Да, — тем не менее невозмутимо подтвердила госпожа Ериша. — Сама и добровольно. Нет, мы не были в *настолько хороших* отношениях... скорее, сохраняли нейтралитет. Но все-таки, предчувствуя скорую смерть, ты отдала этот кулон мне. И то, что я держу его столько лет у себя, оставаясь целой и невредимой, является лучшим тому доказательством. Отбери я его насильно — что, учитывая твои прежние способности, для меня было невозможно, — и эта сила меня давно уже убила бы.

Я, нервно меряющая шагами комнату, на миг остановилась и эмоционально спросила:

— Но зачем?! Зачем мне было отдавать это на хранение? Если я собиралась помирать, то на кой ляд мне было заботиться о какой-то там частице силы?

Ведьма развела руками и вздохнула:

— Чего не знаю, того не знаю.

— Не знаешь или не говоришь? — с хорошо различимой угрозой спросил Лафотьер.

Госпожа Ериша едва заметно вздрогнула, но спокойно повторила:

— Не знаю.

А далее произошло то, что подтвердило слова темного мага об отсутствии у него пиетета перед старостью. Как он оказался прямо около ведьмы, я не заметила. Та, судя по всему, тоже. Его окружило знакомое облако тьмы, чьи щупальца потянулись прямо к ней, коснулись, вынудив сдавленно захрипеть.

У меня и без того голова шла кругом, а это стало последней каплей. Может, я и сглупила, но смотреть на мучения пожилой женщины, пусть она хоть сто раз хитрая ведьма, было выше моих сил. Ее страдание было непритворным, а ведь она пришла сюда с изначально благими намерениями и вообще, за исключением начала нашего знакомства, я ничего плохого от нее не видела, только помощь. А у Лафотьера же помимо прочего сейчас еще и с магией проблемы! Он же и контроль потерять может, и невесть что еще...

— Прекрати! — воскликнула, приблизившись к нему.

Но он меня проигнорировал. Тогда я схватила его за плечо и снова потребовала:

— Прекрати, она и так все скажет!

Когда маг обернулся, на меня смотрела сама тьма. Его глаза оказались полностью ею затоплены, а где-то на дне двух этих бездн виднелись едва различимые красные сполохи. Меня подобное уже не пугало, и взгляда я не отвела. Так и играли в гляделки несколько долгих мгновений, пока наше внимание не привлек шорох — это госпожа Ериша пыталась потихоньку сползти с дивана.

Словно потеряв к ней всякий интерес, Лафотьер вдруг приблизился ко мне вплотную, не

оставив между нами расстояния и в пару миллиметров. Нависая надо мной, неотрывно глядя сверху вниз, он будто сдерживался из последних сил, чтобы меня не придушить. Или...

Воспоминание о поцелуе пришло внезапно, и я могла бы поклясться, что он тоже о нем вспомнил. Том самом — отрезвляющем, благодаря которому Лафотьеру когда-то удалось утихомирить свою силу.

Не то на мне сказались последние события, навалившиеся все разом, не то я просто сошла с ума, но сделала то, что сделала. Не дожидаясь, пока меня придушат, поцелуют или еще что сделают, неожиданно для самой себя обвила его руками и уткнулась ему в плечо. Каждой клеточкой своего тела чувствовала сковавшее его напряжение и, хотя не видела его лица, была уверена, что на нем снова проступило удивление. А еще знала, что из его глаз постепенно уходит абсолютная чернота и белки приобретают свой естественный цвет.

Обнимать темного мага почему-то было приятно. Приникнув к нему, я словно бы тоже успокаивалась, теряла нервозность и обретала внутреннее умиротворение... так странно.

— Кхм-кхм, — прервала это состояние госпожа Ериша, которая к этому времени успела прийти в себя и почувствовала, что угроза для нее миновала.

И когда мы с Лафотьером обернулись на звук ее голоса, еще раз повторила:

— Я не знаю, зачем ты отдала его мне в прошлой жизни. Признаться честно, была мысль оставить его себе, раз уж ты ничего не помнишь. Но, учитывая обстоятельства, эта вещица может сослужить хорошую службу нам всем.

Испытав запоздалую долю неловкости, я отстранилась от Лафотьера и уточнила:

— О чем вы?

На сей раз мне ответил сам Лафотьер:

— Надев этот кулон, я смогу попасть на остров Небесной кошки. — Мне адресовался взгляд, который я не сумела прочитать. — Мы навестим твою «малую родину», ликой. Ведьма права. У нас накопилось слишком много вопросов, часть ответов на которые можно попытаться отыскать там.

ГЛАВА 24

Стремительности разворачивающихся в этот день событий могла бы позавидовать сама скорость света. Утрирую, конечно, но и впрямь возникло ощущение, что меня все глубже и глубже затягивает в сумасшедший тайфун.

Сперва Лафотьер отлучился — с его же слов, «решать проблему с Фоклой». Насколько я понимала, в отличие от мэра, ее прижать к стенке гораздо проще, да и свое наказание она в любом случае понесет. Вернулся темный маг вместе с господином старшим зерром, и пока мужчины обсуждали что-то за запертой дверью кабинета, я собирала вещи. Решение поехать на остров Небесной кошки было спонтанным, но пришлось мне по душе. Вся моя кошачья сущность буквально сгорала от нетерпения, предвкушения и волнения, в то время как человеческая — тихо сходила с ума и возвращала в себе паранойю по поводу оставляемой без присмотра мастерской. А ну как во время нашего отсутствия мэр все-таки сможет проникнуть внутрь?

Мне очень хотелось взять с собой Книгу мудрости. А если мне чего-то очень хочется, то я, как правило, так или иначе это получаю. Только на сей раз для получения желаемого требовалось не только незаметно проникнуть в мастерскую, но и каким-то образом обратиться, чтобы забраться в подполье. А затем желательно обратиться снова, чтобы выбраться, поскольку во второй раз бродить по подземельям и погостам мне совершенно не улыбалось.

«Может, оставить Книгу здесь, да и все? — посетила меня вполне рациональная мысль, пока я собирала свои немногочисленные пожитки. — Может, так будет даже лучше и безопаснее?»

Но стоило об этом подумать, как внутренняя кошка с негодованием вцепилась в мою многотрадальную душу. Вот тебе, Маргаритка, и прямое демонстрация смысла выражения «кошки на душе скребут».

В конце концов я решила положиться на удачу. Получится — отлично. Нет — что ж, я хотя бы попыталась.

Закончив со сборами, спустилась вниз, где по-прежнему восседала госпожа Ериша под присмотром прибывшего с Нортон Феди. Не ходя вокруг да около, я прямо спросила, есть ли у меня шанс сейчас обратиться без последствий для себя и окружающих.

Ответом мне стал удивленный взгляд, коронное похлопывание веками с отсутствующими ресницами и отрицательное покачивание головой:

— Госпожа ликой, вы вообще о чем? Откуда мне, простой женщине, знать о ваших оборотах?

Я тоже непонимающе моргнула, а потом сообразила. Ну да, здесь же зерры, только и ждущие удобного повода сцапать незарегистрированную ведьму с поличным...

— Феорд, мы на минуточку, — официально заявила я, взяв госпожу Еришу под руку.

И, пока Федька не успел опомниться, увлекла ее к лестнице, а там и в свою комнату. Следуя примеру Лафотьера, заперла дверь и вперила в свою гостью пристальный взгляд.

— Глупые вопросы задаешь, дорогуша, — сбросив облик милой бабули, произнесла ведьма. — Я тебе с оборотом и так помогла, долг отработала.

— А я вас от темного мага сегодня защитила, — парировала я, не прерывая зрительного контакта.

В ответ госпожа Ериша только выразительно хмыкнула.

Да я и сама понимала, что глупо надеяться на чудо, рассчитывая, что она сейчас вот так легко и просто подскажет, как мне решить проблему с обращением. Но что-то мне подсказывало, что оказать какую-никакую помощь в этом вопросе она действительно может, просто не хочет.

На некоторое время я мысленно перенеслась на несколько часов назад, когда мы, сидя в гостиной, обсуждали визит на остров. В обмен на кулон с частицей чистой силы госпожа Ериша попросила нас с Лафотьером привезти ей цветы, растущие на крыше храма Ликоой. Меня такая просьба изрядно удивила, а вот Лафотьер, кажется, знал, какой ценностью они обладают. Мы обо всем договорились, и госпожа Ериша отдала ему кулон — добровольно, что принципиально важно.

То, что я намеревалась сделать сейчас, возможно, было подло и недостойно, но это меня не остановило.

— Вы уверены, что, получив кулон, Лафотьер исполнит свою часть сделки? — прямо спросила я.

Ответом мне стала выразительная усмешка.

— Как ни странно, темные маги сильно пекутся о своей чести и всегда держат слово.

Мысленно взяв это на заметку, я резонно заметила:

— Вот видите, вы сейчас лишний раз подтвердили, что договор у вас именно с Лафотьером. Ко мне это отношения не имеет, я никакого слова не давала и вполне могу помешать ему осуществить свою часть сделки.

Такого поворота ведьма явно не ожидала.

— Поэтому предлагаю вам заключить ее со мной. — Негодующий взгляд ведьмы я демонстративно проигнорировала. — Вы рассказываете, как мне обернуться без последствий, а я привожу вам хоть целый букет, собранный на крыше храма.

Не будь я ликой, наверняка сейчас услышала бы в свой адрес массу нелестных эпитетов. Но я все же значительно превосходила госпожу Еришу по силе, хотя и не могла пользоваться оной в полной мере. Ведьма это понимала и оставила недовольство при себе, вместо этого задав вполне логичный вопрос:

— Зачем тебе сейчас оборачиваться? И вообще, с чего ты взяла, что я могу этому способствовать?

— Зачем — вас не касается. С чего взяла? Хотя бы с того, что с первым оборотом вы мне справиться помогли, — по порядку ответила я. — До следующего полнолуния еще далеко, а мне необходимо продолжить развивать природные способности уже сейчас... особенно в свете последних событий.

Интуитивно я чувствовала, что права. Что госпожа Ериша в самом деле знает обо мне еще многое, но по каким-то своим причинам предпочитает молчать.

Актрисой она и вправду была блестящей, но тень сомнений, промелькнувшую в ее глазах, я все-таки уловила.

— Целый букет нарву, — решив закрепить успех, повторила я обещание. — К тому же с заговором удачи у вас получилось справиться просто прекрасно. Может, в запасе еще и заговоры на скорый оборот есть?

Даже не ожидала, что своим последним вопросом попаду прямо в точку. Вообще к этому моменту мне уже хотелось обернуться не только ради книги. Кто знает, каким выйдет наше с Лафотьером внезапное путешествие и чем для меня обернется визит на остров Небесной кошки? Нужно быть во всеоружии.

— Как правильно заметил темный маг, заговор удачи я с помощью твоей силы сплетала, — помолчав, наконец произнесла госпожа Ериша. — Да и простенький он совсем. Для того, что ты просишь, совсем другие затраты требуются. Мне себя практически досуха опустошить придется. Да и то не факт, что все получится.

— Практически — не значит до конца, верно? — тут же зацепилась я.

Ведьма чуть ли не присвистнула:

— А ты своего не упустишь! Ну хоть что-то от прежней Акиры осталось... Ладно, кисонька, так и быть, — махнула она рукой. — Давай попробуем. Глядишь, что путное и выйдет. Это до полнолуния о таком даже помышлять было нельзя, а сейчас шанс ускорить твоё «пробуждение» есть.

Мы присели на кровать, и госпожа Ериша взяла обе мои руки в свои. Где-то глубоко внутри я, наравне с другими чувствами, испытывала толику удивления, что мне удалось её уговорить. Но, понимая, что имею дело с весьма коварной и жадной до наживы ведьмой, я предпочла перестраховаться, прежде чем подпустить её к своей силе. Не была уверена, что это сработает, но заставила госпожу Еришу вслух поклясться в том, что она не заберет часть моей силы себе, не использует её больше положенного и не попытается сделать что-то, способное мне навредить. А для надёжности заставила в клятву ещё и её силу вложить — эту мысль мне словно нашептал кто-то. Вернее, не кто-то, а та прежняя Акира, которая время от времени давала о себе знать.

— Что ж я, самоубийца, что ли? — нехотя произнесла клятву, хмыкнула госпожа Ериша. — Вредить фамильяру темного мага...

Весь процесс занял не более пятнадцати минут, но что это были за минуты! Мне казалось, что за это время я поседею, упаду в обморок и вообще умру, причем неоднократно.

Сначала все шло гладко. Госпожа Ериша, выглядящая собранной и сосредоточенной, прикрыв глаза, что-то бормотала себе под нос — совсем как во время обновления заговора на удачу. А потом начались трудности, да притом у нас обеих.

Когда все тело пронзила ужасная боль, я не заорала лишь чудом. Ещё успела заметить, что на лбу ведьмы выступила испарина, а на тонких сухоньких руках, которыми она впивалась в мои запястья, надулись вены, после чего весь окружающий мир для меня померк.

Казалось, меня выворачивает наизнанку, растягивая все мышцы и ломая кости. На глазах выступили слезы, во рту появился солоноватый привкус из-за прокушенной до крови губы. А внутри тем временем вместе с болью физической нарастала боль душевная, связанная с мощным всплеском силы...

Когда агония внезапно прекратилась, вернулась и способность восприятия действительности. А действительность ворвалась в мое сознание громким чертыханием, которое отчетливо различил мой кошачий слух. Затем раздалось что-то вроде «все!» и «убью пушистую заразу!», после чего в коридоре послышался стук приближающихся шагов.

Мы с госпожой Еришей, едва-едва пришедшие в себя, переглянулись и...

Когда дверь, — которую я, между прочим, запираю! — резко распахнулась, едва не слетев с петель, и в комнату ворвался разъяренный Лафотьер, за которым маячил Норт, они оба застали благопристойную и самую что ни на есть умиротворенную картину: мы с госпожой Еришей мило беседовали и угощались заблаговременно принесенными в спальню шоколадными конфетами.

— Что-то случилось? — прожевав шоколад, изобразила я удивление.

Когда-то я считала, что, обладая Лафотьер способностью испепелять взглядом, от меня осталась бы лишь горстка пепла. Так вот заявляю — вообще ничего не осталось бы. Даже этой несчастной горки!

— Попалась, ведьма, — произнес переступивший порог Норт, глядя на госпожу Еришу.

— О чем это вы, господин старший зерр? — Я снова сделала вид, что удивилась, добавив к эмоциям капельку негодования. — И вообще, по какому праву вы вторгаетесь в мою комнату?

— Исходящих отсюда магических импульсов не ощутил бы разве что мертвец, — ответил Норт, но, бросив беглый взгляд на нарисовавшегося рядом Крикко, негромко исправился: — Впрочем, мертвец бы уловил тоже.

— Я фамилляр темного мага, — ответила я, сложив все еще подрагивающие руки на груди. — Когда хочу, тогда и ликоичу... магичу... короче, когда хочу, тогда и пользуюсь силой! Все строго по закону и согласно моим обязательствам. Так что ваше присутствие здесь, господин старший зерр, при всем уважении, совершенно неуместно!

— Хочешь сказать, она здесь ни при чем? — Норт кивнул на скромно потупившуюся ведьму.

— Как эта милейшая женщина может иметь какое-то отношение к магическим всплескам? — в третий раз делано удивилась я.

Прокатило.

Нет, разумеется, все в этой комнате прекрасно понимали, кто в действительности скрывается за маской милой старушки, но уличить ее в этом Норт снова не мог. Ему только и оставалось, что скрипеть зубами да недовольно на меня зыркать... Впрочем, куда старшему зерру до темного мага, который уже практически прожег во мне дыру?

— Вон, — обманчиво спокойным тоном велел Лафотьер.

Первым за дверь шмыгнул Крикко. Госпожа Ериша тоже не заставила себя ждать. Норт, чуть помедлив, негромко хмыкнул и удалился следом за ними, а там и я поспешила выполнить требование желающего остаться в одиночестве мага.

Уйти мне, естественно, не позволили.

— Ты... — выдохнул маг, вокруг которого начала образовываться уже отлично знакомая мне тьма. — Эгоистичная, себялюбивая, хвостатая... зараза!

— Синонимы, — не моргнув глазом, сказала я.

Лафотьер опешил:

— Что?

— Эгоистичная и себялюбивая — синонимы, — просветила я его, любезно улыбнувшись. — Вы повторяетесь, господин темный маг.

Еще несколько секунд он неподвижно стоял на месте, явно борясь с собой, и в итоге проиграл той своей части, которая желала меня прибить. Я же дожидаться его полного выхода из себя не стала и предпочла заблаговременно капитулировать, вскочив с кровати и стремительно пересекая комнату.

Ну подумаешь, больно ему стало! Подумаешь, во время разговора с Нортом! Зачем из-за этого так нервничать? Мне вон тоже плохо было — и ничего! Бегаю, уворачиваюсь, стулья передвигаю, чтобы препятствия нашему «невинно пострадавшему» создать...

— Попалась! — в какой-то момент услышала я позади себя, и обхватившая за талию рука резко потянула меня назад.

Я даже ойкнуть не успела, как меня развернули на сто восемьдесят градусов, буквально окунувшись в штормовой взгляд черных глаз. Да, пожалуй, в них сейчас действительно плескалось штормовое море — ночное, холодное, безудержное... жаждущее меня утопить.

— Зараза, — произнес он в третий раз, только теперь гораздо глуше. — Чтоб тебя...

— Если будет «чтоб меня», то будет и «чтоб тебя», — на всякий случай напомнила я. — Не забыл?

Мой собственный голос тоже прозвучал глуше, чем хотелось, практически на грани шепота. И вовсе не из-за страха, которого я, несмотря ни на что, не испытывала. А из-за чувства, давать которому определение мне совсем не хотелось.

Сделав одну вялую попытку вырваться, я невольно затихла, все глубже и глубже погружаясь в направленный на меня взгляд. В самый эпицентр шторма, в самые глубины смотрящей на меня бездны.

Если долго смотреть в бездну, она посмотрит на тебя в ответ?

Враки!

Если долго смотреть в бездну, бездна тебя поглотит, притянув, точно магнитом, и заставив спрыгнуть вниз.

Иначе как сумасшествием то, что происходило дальше, назвать было нельзя. Нет, я уже привыкла, что подобные сцены так или иначе заканчиваются поцелуем, но чтобы все было так... так... даже слов не подобрать!

Положив одну ладонь мне на лицо, второй Лафотьер обхватил мою шею и склонился так близко, что я слышала его учащенное дыхание. Словно высеченное из мрамора лицо казалось непроницаемым, и только эти чертовы черные глаза отражали такой калейдоскоп эмоций, который говорил больше, чем самый откровенный поцелуй.

Я привлекала темного мага — неистово, до одурения. И это, вкупе с неприязнью, которую он ко мне испытывал, заставляло его ненавидеть меня еще больше.

От любви до ненависти один шаг... а если наоборот?

Сейчас, стоя прямо перед ним, отделенная от него несколькими жалкими сантиметрами наэлектризованного воздуха, я слушала набат своего сердца и с удивлением понимала, что по отношению к нему испытываю примерно то же самое — за исключением ненависти. В сущности, ненавидеть мне его было не за что. И это было единственным, что я в принципе сейчас понимала.

В тот момент, когда я уже перестала различать, где биение моего сердца, а где — его, в тот момент, когда до соприкосновения наших губ осталось всего ничего, а шторм достиг своего апогея, перед моими глазами внезапно предстал окутанный туманом образ.

...Да, тогда был туман...

И море — такое же штормовое, как его нынешний взгляд. И соленое, как стекающие по моим щекам капли. Нет, я не плакала — глаза оставались сухими, просто шел соленый дождь. Просто небо выливалось на мир все непролитые слезы тех ликоев, чья кровь заливала землю последние десятки лет.

Лежа на почерневшей палубе корабля, я не мигая смотрела в хмурое, затянутое тяжелыми тучами небо и не чувствовала физической боли. Ни многочисленные ссадины, ни тянущий силу ошейник, ни железные кандалы не могли ни отвлечь от невидимой дыры в груди, ни заглушить раздражающую изнутри тупую душевную боль.

Ложь.

Проклятый беловолосый маг. Тот, кому я впервые за прожитые жизни позволила себе довериться.

Предательство.

Ликой нельзя любить. Нельзя привязываться. Мы обречены на вечное одиночество. Обречены смотреть на то, как уходят те, кто стал нам дорог.

...Бесконечное число «нельзя».

Но сейчас я бы сама убила его. Выпустила бы когти и разодрала ему горло. Пустила бы алую, как блики в его глазах, кровь. Расцарапала бы бесчувственное и еще несколько часов назад такое родное лицо, чтобы оно стало неузнаваемым. Чтобы я сама забыла, как оно выглядит.

...Нет, забывать тоже нельзя.

Нужно помнить. Помнить каждую черту, каждую деталь. Помнить каждое произнесенное слово, каждый взгляд, каждый нежный поцелуй и жаркие клятвы, от воспоминаний о которых сейчас хочется выть. Свернуться клубком и глухо стонать,

раздирая корабельные доски...

Я должна помнить. Помнить, чтобы однажды отомстить...

От неожиданно накрывших меня картин и эмоций я буквально захлебнулась. Подавилась воздухом, забыв как дышать. Чувство было сродни тому, как если бы во мне нажали переключатель, убрав все то, что испытывала секунду назад, и наполнили чужими страданиями.

Но ведь эти страдания были... моими?

Полностью дезориентированная, растерянная, я не ответила на поцелуй, который закономерно случился. Так и стояла истуканом, пока Лафотьер, не ощутив отклика, не отстранился.

Захотелось тряхнуть головой и сбросить наваждение вместе с оцепенением. Казалось, я все еще лежу на мокрой палубе — обездвиженная, в разодранном платье, едва прикрывающем испещренное ссадинами тело... А рядом с другими магами стоит Он. Повернутый ко мне спиной, облаченный в черное. С длинными белоснежными волосами, которые треплет соленый ветер...

«Предатель, — снова проникает в мысли. — Ненавижу!»

Чувства как будто мои и в то же время чужие.

Какое-то безумие...

Раздираемая противоречивыми эмоциями, я не сразу поняла, что произошло. Просто мир вдруг резко начал меняться, и вот я уже смотрю на Лафотьера снизу вверх, едва доставая ему до колен.

Еще успела заметить промелькнувшее в его глазах удивление, прежде чем, подстегиваемая неукротимым желанием сбежать, сорвалась с места. Дверь оказалась закрыта, но зачем мне дверь, если есть окно?

Одним прыжком перелетев через подоконник, я уцепилась лапами за ползущий по стене плющ и, немного проехав вниз, спрыгнула на землю. Как и положено всякой уважающей себя кошке, приземлилась на четыре лапы. Замерла на миг, отряхнулась от приставшего к шерсти листка и на всех парах помчалась в сторону города.

ГЛАВА 25

До мастерской я добралась без приключений. Скользила, точно тень, петляла неприметными улочками, заставляя встречающихся по пути кучкующихся котов моментально разбежаться в разные стороны, уступая мне дорогу.

Как-то само собой в памяти всплыло, что позади дома в заборе есть дыра, куда я с легкостью могу пролезть. Воспользовавшись ею и оказавшись на участке, я немного покрутилась у крыльца, костеря себя на чем свет стоит.

Прибежала, называется! А внутрь попасть как? Ключей-то с собой нет!

Правда, решение все же нашлось — неожиданное для меня самой.

Инстинкты и, вероятно, подсознание внезапно взяли верх над растерявшейся Маргаритой и заставили подпрыгнуть.

Честное слово, понятия не имею, как так получилось! Попроси меня повторить такой трюк — ни в жизнь бы не смогла!

Коготь вошел в замок как по маслу и успел повернуться, перед тем как я шмякнулась обратно на порог. Раздался характерный щелчок, и амбарный замок открылся.

Вот же! А продавец обещал, что его никакими отмычками не взломать!

Немного посидев на месте, ошалело глядя на плоды своего потрясающего выкрутаса, я снова встрепенулась. Еще пара прыжков ушла на то, чтобы сбить замок на землю, и еще немного усилий, чтобы открыть дверь.

Закреть ее за собой при всем желании не получилось, и я, плюнув на это, решила оставить как есть.

Дальше — проще.

Спуститься в подполье не составило никакого труда. По крайней мере, сделать это оказалось гораздо легче, чем мне представлялось. Мягко спрыгнув с последней ступени, я опять же инстинктивно лизнула испачкавшуюся лапу и тут же поморщилась, поняв, что сделала. Чихнула с непривычки от попавших в нос шерстинок и потрусилась к своему главному тайнику. Перед тем как в него заглянуть, постаралась привести себя в человеческий вид — буквально.

Поразительно, но мне это удалось уже спустя несколько минут. За ускоренно обретенное умение оборачиваться по своему желанию я была готова простить госпоже Ерише все прошлые, настоящие и будущие прегрешения и нарвать целую охапку необходимых ей цветов.

Нет, ну надо же, действительно получилось!

Поскольку вся моя одежда осталась кучкой лежать в особняке, я снова достала платье из шкафа. Не такое классное, как черное, но тоже вполне симпатичное. Хотелось бы сказать, что глубокий изумрудный оттенок красиво оттенил мои глаза, но нет — всего один глаз. Правый.

Достав из тайника книгу, я села на пол и крепко прижала ее к себе.

Наверное, со стороны выглядела смешно: сидела, уставившись в одну точку и слегка раскачивалась из стороны в сторону.

Всплывшие в памяти образы все никак не шли из головы. Ощущения немного поблекли, позволив трезво проанализировать увиденное, но сделать это все равно было сложно. Хотя бы потому, что я никак не могла осознать, что действительно когда-то проживала такие события. Что эти ужасные картины в самом деле существовали в моей биографии.

Предатель... Лафотьер? Или просто похожий темный маг с такими же длинными серебристыми волосами?

Черт! Ну почему я увидела его только со спины? Впрочем, знание о цвете глаз того, кто некогда причинил мне ужасную боль, тоже имело место быть. Те глаза были такими же черными, с периодически загорающимися в них алыми искрами, как и у Йена Лафотьера.

Совпадение? Вряд ли. Таких совпадений просто не бывает... Или бывает?

Вынырнув из мыслительных дебрей, я не сдержалась и треснула кулаком по ни в чем не повинному шкафу. Костяшки пальцев отозвались закономерной болью, и я сдавленно зашипела. Тут же внимание привлек оставленный кулоном ожог, тоже доставшийся многострадальным пальцам.

Интересно все-таки, почему сила, которая, по сути, являлась моей частью, меня же обожгла? Почему стекло кулона не только не исчезло от моего прикосновения — что должно было произойти, согласно словам госпожи Ериши, — но еще и позволило содержимому причинить мне вред?

Сплошные недопонимания и загадки...

Мне никогда не было свойственно долго предаваться размышлениям. Вот и сейчас вместо того, чтобы бесцельно здесь торчать, я еще больше укрепилась в решимости попасть на остров Небесной кошки. Похоже, вернуть себе память — и впрямь единственный способ со всем разобраться. А еще чем дальше, тем больше во мне зрела уверенность в необходимости выяснить, почему Прародительница, судьба или какая-то там еще высшая сила расщедрилась мне на десятую жизнь. Возможно, именно это и является ключом ко многим тайнам.

Что до Лафотьера, то я решила не пороть горячку. Пока все не вспомню, нельзя делать относительно него никаких выводов. Да, следует быть настороже и ни в коем случае полностью ему не доверять, но это и без того всегда было понятно.

По ощущениям, в подполье я пробыла совсем недолго. Снова обратившись кошкой, вернулась в мастерскую тем же путем, каким пришла, предварительно вытолкнув на поверхность книгу, платье и обнаружившуюся среди прочих вещей небольшую сумку. Затем — финальный оборот, отправление Книги мудрости в ту самую сумку и резвое одевание.

Ощущение тяжести книги прямо-таки грело мою кошачью душу. И как бы я ни старалась воспринимать все с долей здоровой иронии, к этой вещи относилась по-настоящему серьезно. В отличие от того же кулона, с ней я ощущала незримую связь, прочную и трепетную.

Будь у меня время, снова засела бы за чтение и проверила, не появилось ли на страницах что-нибудь новое, но требовалось скорее возвращаться в особняк. Чем раньше вернусь, тем быстрее мы отправимся на остров. А чем быстрее отправимся на остров, тем лучше.

Заперев дверь — благо закрывался замок без ключей, — я направилась в сторону калитки. И, миновав загораживающие обзор заросли, увидела у той самой калитки знакомого типа. К сожалению, не Лафотьера. Прямо по курсу меня поджидал господин мэр Морегорья, который при моем приближении вежливо улыбнулся и склонил голову в знак приветствия.

Должна признать, мне стоило немалых усилий сохранить лицо и ничем не выдать охватившего меня волнения. Все же еще оставалась вероятность, что в момент подслушивания разговора заговор на удачу, наложенный госпожой Еришей, сработал и я осталась незамеченной. В таком случае выдать себя сейчас было бы донельзя обидно!

Только сумку сжала чуть крепче.

— Господин Дэйш, — выдала я ответную приветственную улыбку. — Какая неожиданная встреча!

— Надеюсь, неожиданно приятная, — заметил мэр, в то время как я вышла за калитку. — Поскольку лично я очень рад вас видеть, Маргарита.

— И какими судьбами вас занесло к моему дому? — все с той же приклеенной вежливой улыбкой уточнила я. — Просто так или по делу?

— Я хотел кое-что с вами обсудить, — ответил он. — Вы не пригласите меня войти?

И вот очень мне не понравился последний вопрос. Казалось бы, вполне нейтральный, заданный спокойным и, опять же, вежливым тоном, но мне захотелось ответить категорическим отказом. Мало того что видеть на своей территории этого типа и без того не хотелось, так еще и интуиция подсказала, что в гости он напрашивается не просто так.

Хочет попасть внутрь, чтобы осмотреться? Или набрался наглости и решил умыкнуть что-нибудь прямо у меня из-под носа? А может, пригласив его, я тем самым ослаблю для него защиту на будущее?

Как бы то ни было, впускать его в свой дом было опасно в любом случае.

— Боюсь, у меня на кухне царит полная разруха и даже не найдется мало-мальски приличной мебели, не говоря о чайном сервизе, — с деланным сожалением вздохнула я. — Мне неловко принимать самого мэра в таких условиях. К тому же, к сожалению, я очень спешу. Но если у вас разговор срочный, можете сопроводить меня, и обсудим все по дороге.

Красивое лицо Дэйша ни малейшим движением не выдало его недовольства. Но я успела заметить разочарование, раздражение и даже оттенок злости, на миг промелькнувшие в его глазах.

Поэтому, чтобы не дать ему возможности снова попытаться попроситься на чай, я пошла вперед по тротуару. Появление мэра нарушило все планы: я-то думала, что в особняк вернусь в обличье кошки, дабы не привлекать к себе внимания. Все-таки после того, как местные жители стали снова считать меня опасной личностью, не так давно совершившей кровожадное ночное убийство, попадаться им на глаза не хотелось.

— Я вас внимательно слушаю, — прервала я затянувшуюся паузу, когда мэр со мной поравнялся.

— Это касается недавних происшествий, — не заставил он себя ждать. — Ну, вы понимаете... тех, что произошли ночью.

— Вы верите, что убийца — я?

— А вы на моем месте считали бы иначе? — Дэйш едва заметно усмехнулся. — Видите ли, Маргарита, Морегорье — спокойный провинциальный городок. Он остается таковым на протяжении десятков и десятков лет... до тех пор, пока в нем не появляетесь вы. Не подумайте, я вас не осуждаю. Вы ликой, и это всего лишь ваша природа.

— Вы хотите сказать, моя природа — убивать? — прохладно отозвалась я.

— Ваше племя по вине людей, и особенно магов, хлебнуло много горя, — продолжил мэр. — Даже если вы отомстите половине города, вряд ли эти грехи перевесят те, что были совершены в отношении вас.

Резко остановившись, я развернулась и, посмотрев ему в лицо, прямо спросила:

— Чего вы хотите?

— Вопрос в том, дорогая Маргарита, — он смахнул с моего плеча несуществующую пыль, — чего хотите вы. Признаться честно, я удивлен, что вы позволили Йену Лафотьеру связать вас узам ритуала. До меня доходили слухи о ваших, прямо скажем, непростых отношениях. Я подумал, что вас принудили стать фамильяром, и сейчас вы были бы не против избавиться от этой неприятной связи.

Удивление мне даже не потребовалось изображать:

— Хотите сказать, вы знаете, как это сделать?

— Я бы мог помочь, — серьезно кивнул мэр. — Темные маги и ликой представляют собой извечное противостояние. Как мэр я отвечаю за все, что происходит в этом городе, поэтому мне бы не хотелось, чтобы ваши напряженные отношения в конечном счете вылились во что-то, способное навредить местным жителям.

— Но ведь на данный момент наше с Лафотьером... сотрудничество приносит исключительно благо. — Я выразительно приподняла бровь. — Или вы считаете, что я из-за трудностей в общении совершила первый в этой жизни оборот и помчалась убивать? Тем не менее спасибо за заботу, господин мэр. Я обдумываю ваши слова и, возможно, обращусь за помощью.

«Ага, щас!»

— Не затягивайте с этим, — подарив мне очередную улыбку, посоветовал Дэйш. — Наши жители мирные, но страх часто толкает толпу на безрассудства. Вам ли не знать.

Проигнорировав завуалированную угрозу, я в который по счету раз улыбнулась в ответ и завершила:

— Непременно.

Из всего разговора я сделала для себя единственный главный вывод: Дэйш хочет втереться ко мне в доверие, сыграв на трудной ситуации, в которой я оказалась в силу непреодолимых обстоятельств. Вот только он не учел, что ему я доверяю еще меньше, чем темному магу. А еще он не в курсе, что в нашей связке «фамильяр-хозяин» страдает в первую очередь последний. Меня все более-менее устраивает.

Экипаж мэра все это время неспешно ехал за нами, и сейчас Дэйш предложил меня подвезти. Я уже открыла рот, намереваясь отказаться, как вдруг рядом с нами остановилась еще одна крытая повозка — абсолютно черная, с такими же черными шторками на окошках. В следующее мгновение одна из этих шторок отодвинулась, явив бесстрастное лицо Лафотьера.

— Я тебя искал, — так же бесстрастно произнес он. — Забирайся.

Дверка распахнулась, непрозрачно намекая, что мне лучше поторопиться.

Мэр не сводил с меня крайне нервирующего взгляда. В большей степени именно он вынудил меня не мешкая выполнить просьбу темного мага, которая на самом деле звучала как приказ.

— Куда мы едем? — спросила я, когда через некоторое время мы свернули в сторону, противоположную местонахождению особняка.

Лафотьер, до сего момента хранивший молчание, огорошил:

— Наше путешествие началось.

То есть как? Как это началось?

А мои вещи? А со всеми попрощаться? Я думала, мы выедем вечером и у меня будет возможность заскочить в особняк!

— Твои вещи в экипаже, — словно прочитал мои мысли Лафотьер. — Защиту вокруг мастерской я усилил. На следующем перекрестке точно такой же экипаж, в каком едем мы, повернет в сторону моря и остановится у моего дома. Мы покинем город незамеченными. Для всех мы просто станем затворниками на несколько дней.

Мне потребовалось несколько долгих секунд на то, чтобы переварить полученную информацию и задаться сразу несколькими важными вопросами:

— Как ты понял, что защиту нужно усиливать именно вокруг мастерской, а не вокруг всего дома? И как сумел это сделать, если твоя магия ослабла?

Он посмотрел на меня с таким скепсисом, что впору было почувствовать себя неразумным наивным ребенком.

— Меня не зря когда-то наградили титулом придворного мага, — заметил Лафотьер, вальяжно откинувшись на спинку сиденья. — Я неплохо управляюсь со своей магией. Даже в том случае, если по чьей-то милости теряю ее часть. И по его же милости лишился того самого титула придворного мага.

— Мне уже начинать чувствовать себя виноватой в квадрате? — съязвила я.

— Вообще-то следовало бы начать уже давно, — в той же манере ответил Лафотьер.

— Ну, учитывая количество моих шрамов и некоторых обрывочных воспоминаний, маги пытались меня убить бесчисленное количество раз, и иногда успешно. Так что нет, скорее вместо чувства вины во мне разыграет чувство отмщения. Не советую его будить.

Лафотьер прищурился:

— А ты, как я посмотрю, с каждым днем все больше становишься похожа на ту Акиру, которую я знал.

— А ты так и не ответил на вопрос о мастерской, — сложив руки на груди, напомнила я. — И ты врал мне, Йен-черт-тебя-побери-Лафотьер. Говорил, что она стояла без защиты, но это не так. Ее окружала моя сила еще до того, как ты сподобился вмешаться. Почему?

— Почему? — Он неожиданно чуть подался вперед. — Потому что на тот момент я намеревался держать тебя под полным контролем. И пробуждение твоей силы, как и воспоминаний, должно было происходить под моим чутким руководством.

Я непроизвольно сжала кулаки, внезапно вспомнив развевающиеся на ветру белоснежные волосы...

Предатель.

— Что ж, — усмехнулась, затолкав эмоции так глубоко, что он не смог их разглядеть. — В таком случае я снова хвалю себя за предусмотрительное вмешательство в наш ритуал. И да, так все-таки что там с мастерской?

Чего я точно не ожидала, так это кивка на лежащую у меня на коленях сумку.

— Я знаю, что находится в твоей мастерской.

Тщательно заглушаемые эмоции все-таки одержали верх, отразившись на моем лице. Я буквально почувствовала, как брови ползут вверх, выражая всю степень моего изумления.

— Знаешь? — В моем голосе прозвучала растерянность. — И как давно?

— Недавно, — ровно произнес Лафотьер. — Но что-то подобное подозревал и прежде. Я живу уже достаточно долго... Конечно, не так долго, как ты, но многое в этом мире повидал. Мне известно о книге, которую от рождения получает ликой. Хотя о том, что в ней содержится, могу только догадываться. И сейчас, — его взгляд с моего лица опустился на сумку, — эта книга находится у тебя в руках.

Я напряглась, а Лафотьер, заметив это, криво усмехнулся:

— Не беспокойся, отнять ее не попытаюсь. Хотя в прежнее время непременно бы это сделал.

— И что изменилось, позволь спросить? — осведомилась, вернув себе душевное равновесие.

В черных глазах, которые снова смотрели в мои, вспыхнули алые искры:

— Ты. Просто с новой жизнью изменилась ты.

Сердце почему-то бухнуло о ребра с особой силой и забило в два раза чаще — вот уж кто настоящий предатель!

— Не ты ли только что говорил о моей всевозрастающей схожести с прежней Акирой? — не упустила возможности поддеть я.

Вместо того чтобы ответить, Лафотьер промолчал и устремил задумчивый взгляд в окно, за которым проплывали поля. Мы выехали из города, и теперь экипаж катился по мощенной крупным камнем дороге, убегающей куда-то вперед. Смешно, но я только сейчас осознала, что впервые за всю, не побоюсь этого слова, жизнь оказалась за пределами Морегорья. Особняк Лафотьера и пляж не в счет.

До острова, а точнее до небольшого городка, раскинувшегося поблизости от него, предстояло добираться два дня. То есть прибыть на место мы должны были к завтрашнему вечеру. Уже совсем скоро я пришла к выводу, что хочу получить от этого путешествия максимум удовольствия. И никакое соседство в лице темного мага, обрывки болезненных воспоминаний и вообще все проблемы не омрачат моего увлекательного знакомства с этим миром... точнее, *этой гранью* мира.

Экипаж не останавливался до самого вечера. Мы проезжали мимо похожих друг на друга деревушек, один раз прокатили по окраине города, который атмосферой напоминал Морегорье. Из заслуживающих внимания объектов я отметила только убогонькое кафе с говорящим названием «Кошачьи объедки». Прямо интересно стало — это случайное совпадение или какая-нибудь ликов на такое название хозяина вдохновила?

С Лафотьером взаимоотношения у нас складывались просто прекрасно: мы молчали, не досаждали друг другу и вообще сохраняли нейтралитет. Я лакомилась вкусной едой, которую он предусмотрительно купил в ресторанчике, и периодически мурлыкала под нос всякие незамысловатые мотивчики.

Но когда время стало клониться к вечеру, мне стало скучно. Тело требовало размяться, кошачья часть души — разнообразить времяпрепровождение, и человеческая была с ней солидарна.

Лафотьер сказал, что до постоянного двора, где предполагается ночевка, мы доберемся уже скоро, но после моего часового нытья сдался, согласившись сделать остановку. Выйдя из экипажа, я блаженно потянулась, издав не то мурлыканье, не то стон, и покосилась на нашего кучера. Видимо, это был доверенный человек Лафотьера, поскольку держался он отстраненно-вежливо и страха перед убойной парочкой, состоящей из ликов и темного мага, явно не испытывал.

— Когда закончишь трещать костями, догоняй, — донеслось до меня с другой стороны экипажа.

— Это кто тут костями трещит? — возмутилась я, направившись к Лафотьеру. — Это сейчас что, был намек на мой почтенный возраст?

Последние слова я произнесла почти шепотом, поскольку, остановившись как вкопанная, узрела *красоту*.

Закат окрасил небо в тысячи оттенков красного, среди которых преобладал насыщенно-алый, блекнувший на горизонте до нежного розового. А прямо вдоль дороги, насколько хватало взгляда, тянулось маковое поле, тоже алое. Теплый ветер приносил пряный цветочный аромат, смешанный с солью шумящего где-то поодаль моря. Невдалеке виднелись горные хребты, подсвеченные закатом. И все это в совокупности казалось таким невероятным, таким волшебным прекрасным, что у меня перехватило дыхание.

Лафотьер, не оборачиваясь, шел по узкой тропинке, пролегающей прямо через маковое поле. Казалось бы, черная одежда и серебристые волосы должны выглядеть чужеродными в этом буйстве красок, но нет — они просто создавали неожиданный контраст, и я еще несколько долгих мгновений не могла отвести взгляда от такого удивительного зрелища.

ГЛАВА 26

Отмерев, я пошла вперед и вскоре нагнала Лафотьера. Шла за ним по пятам меж алых, колышущихся на ветру маков, чей запах щекотал обоняние, мягко обволакивал и навевал какую-то смутную необъяснимую грусть. Несмотря на завораживающую красоту окружающего мира, меня медленно накрывала пелена странной тоски.

— Слушай, а мы, случаем, на этом поле мертвым сном не заснем? — желая избавиться от непонятного чувства, полюбопытствовала я.

— Способность маков вызывать сон сильно преувеличена. — Лафотьер неожиданно остановился, из-за чего я едва не врезалась ему в спину.

Приподнявшись на носочки, посмотрела ему через плечо и увидела переливающееся под закатным солнцем море. До него было еще далеко, но я различала гребни невысоких волн, подкрашенных, как и весь окружающий мир, розовато-алым закатом. А еще видела — или это мне казалось — что маковое поле не имеет края. Что оно буквально сливается с берегом, и маки растут даже под водой, отчего та воспринимается ярко-алой.

— Это оптическая иллюзия? — спросила я, неотрывно всматриваясь в алую даль.

— Нет, — ответил маг. — Это поле, согласно легенде, появилось пять веков назад. Сколько его ни пытались уничтожить — все бесполезно. Маки вырастают снова и снова. Непостижимым образом растут прямо на песке и под водой.

— Здесь... — я немного замялась, — что-то произошло?

— Когда-то на этой земле было пролито много крови, — произнес Лафотьер. — Крови ликоев. — Он сделал короткую паузу и продолжил: — Магам каким-то образом удалось проникнуть на остров Небесной кошки. Они тщательно продумали план действий, застали тамошних жительниц врасплох и одержали над ними верх. Кого-то убили на месте, кого-то забрали с собой, чтобы взять в личное пользование или продать. Здесь находилась резиденция одного из высокопоставленных темных магов. Ликоев временно держали на ее территории. Что произошло дальше — неизвестно. Точнее, существует несколько вариантов случившегося. Скорее всего, ликой каким-то образом сумели объединить силу и устроили бунт, перебив половину магов. Но из-за плохих условий содержания они были ослаблены, и на них снова надели ошейники. В произошедшей заварухе погибла жена главнокомандующего мага, из-за чего его ненависть к ликоем перешла все границы. Он велел привязать уцелевших ликоев к деревянным столбам и сжечь. Выполнив приказ, маги думали, что на этом все закончится, но огонь перекинулся на резиденцию. Строения большей частью были каменными, их защищала сильная магия, но потушить пламя так и не удалось. Мало кто выжил, а от резиденции остался лишь пепел.

Я стояла ни жива ни мертва и даже не замечала, что по щекам текут горячие слезы. Лафотьер говорил лаконично и сухо, но предстающие перед моим мысленным взором картины были до того яркими, что казалось, будто я перенеслась на пятьсот лет назад. И сейчас в моих глазах отражается не закат, а пламя высоких костров, где кричат, умирая, родственные мне существа...

— Главнокомандующий маг остался жив, хотя и сильно пострадал, — продолжил Лафотьер. — Его вместе с другими потерпевшими отвезли в город, а когда он вернулся, здесь уже цвели маки. Алые, как пролитая им кровь.

Я буквально оцепенела. Чувство, охватившее меня в первые минуты пребывания здесь, усилилось, и теперь стало понятно, чем оно вызвано.

Обойдя Лафотьера, я прошла еще немного вперед и остановилась, слушая ветер, шум прибоя и приглушенный шелест маков, в котором мне чудился сдавленный шепот. И множество далеких голосов — надрывных, полных боли, ярости и отчаяния. В какой-то момент шепот перешел на крик, и я рухнула на колени, закрывая уши руками.

Треск горящих поленьев...

Ужас...

Срывающиеся с губ проклятия...

И душевная боль, которая гораздо сильнее физической. Понимание, что рабские ошейники, смерть в огне и сложные магические заклятия не позволят возродиться. Что это место — последнее пристанище, а извечный дом так и останется стоять разоренным, оскверненным, затерянным в водах соленого моря...

— Маргарита, — неожиданно прозвучало позади меня. — Рита...

Маг осторожно обнял меня, привлекая к себе.

— Я слышу их, — прошептала задыхаясь. — Слышу... Уведи меня отсюда! Уведи, пожалуйста!

До экипажа Лафотьер донес меня на руках. Просто с легкостью подхватил и быстро покинул маковое поле, исполнив тем самым мою просьбу.

— У ликоев есть все основания ненавидеть магов, особенно темных, — произнес он, остановившись у экипажа. — Это часть твоей истории. Твое наследие. Я подумал, ты захочешь об этом узнать.

Посмотрев в черные глаза, я замерла, невольно впившись ногтями в его шею. В какой-то моей части кипела лютая ненависть, вызванная отголосками страданий, — жгучая, всепоглощающая, безмерная. Просто потому, что он — темный маг. Но другая моя половина понимала, что он не жил в то время, не убивал тех ликоев... хотя я и не была уверена, что он не делал этого после.

Но все же, несмотря ни на что, я была ему благодарна за его рассказ. Хотя и не понимала почему.

— Зачем? — озвучила свое сомнение. — Зачем ты дал мне лишний повод себя ненавидеть?

Он как-то странно на меня посмотрел и через несколько мгновений ответил:

— Если все получится, на острове воспоминания к тебе вернутся. Для тебя будет лучше, если к тому моменту ты уже будешь хотя бы что-то знать.

Это он что... обо мне заботится?

Я прекрасно понимала, что разом вспомнить все свои прошлые жизни будет не просто тяжело — мучительно тяжело. И в Морегорье я вернусь совсем другой, не такой, как сейчас. Это откровенно пугало.

— Спасибо, — не глядя на Лафотьера, негромко поблагодарила я.

Посадив меня в экипаж, он забрался в него сам, дал знак кучеру, и мы продолжили путь, оставляя прекрасное и одновременно ужасное маковое поле позади. А алое небо постепенно тускнело, превращаясь в спокойно-синее, предвещающее скорое наступление ночи.

На постоялом дворе, куда мы приехали, обнаружилась всего одна свободная комната, но она как нельзя лучше нам подошла. В ней имелись две односпальные кровати, запирающаяся изнутри дверь и даже чугунная, огороженная ширмой ванна. То обстоятельство, что мне не придется спать в одиночестве, несказанно порадовало.

Ужин нам принесли прямо в комнату. И пока Лафотьер, поставив магическую защиту на дверь и окно, принимал ванну, я уминала жареные куриные крылышки с картофельными дольками и теплым салатом из печеных овощей. Как это обычно бывало, вкусная еда подняла мне настроение и заставила на время забыть обо всем плохом.

Я как раз приступала к десерту в виде брусничного пирога, когда показавшийся из-за ширмы Лафотьер заставил меня подавиться. Нет, полотенце-то он вокруг бедер обернул, но вид все равно имел... провокационно-привлекательный. Обычно не страдающая комплексами, я даже на мгновение неловко себя почувствовала.

Это же надо было природе так расщедриться на одного конкретного мага! Ну ни одного изъяна у него нет!

Заметив мое повышенное внимание, Лафотьер выразительно приподнял бровь, и я тут же отвела взгляд от прекрасного подтянутого тела, по которому стекали капли воды. Вонзила зубы в пирог, насладилась маслянистостью теста с кислинкой начинки и отхлебнула травяного чаю. Когда снова посмотрела на мага, на том уже вместо полотенца красовались свободные черные штаны.

Еще бы рубашку надел — вообще было бы отлично...

От ванны я отказалась, предпочтя легкое умывание. Залезать в воду не испытывала ни малейшего желания, особенно с учетом того, сколько постояльцев пользовались ею до этого. Переодевшись, я нырнула в постель, оказавшуюся на диво мягкой, и с довольным стоном в ней растянулась. Лафотьер в это время заканчивал ужин. Я помнила о его способности довольствоваться всего парой часов сна, поэтому предположила, что спать он ляжет еще не скоро.

В комнате уютно горела пара настенных светильников, в моем распоряжении имелась теплая постелька, желудок был полон, и жизнь в целом казалась не такой уж плохой штукой. А когда я внезапно заметила, что вместо чая Лафотьер пьет красное вино, так и вообще — штукой просто замечательной.

— Ну нет! — возмутилась я, вынужденно поднявшись с кровати. — Ты не будешь пьянствовать в одиночку!

Ставив с постели одеяло, закуталась в него и босыми ногами прошлепала до ужинающего мага. Единственный стол был очень низким, стоял у второй кровати, на которой сидел Лафотьер, поэтому недолго думая я уселась прямо на пол. Вина нам принесли целую бутылку, а вот бокал был всего один.

— Что за дискриминация? — фыркнула я, отметив этот прискорбный факт.

— Ты когда напиваешься, становишься буйной, — поделился неожиданной информацией Лафотьер. — В Морегорье до сих пор вспоминают, как ты в нетрезвом состоянии целую таверну разнесла.

— В самом деле? — полюбопытствовала я, припомнив, что, кажется, в составленном на меня досье нечто подобное действительно читала. — Даже если так — не важно. Это у Акиры крышу сносило, а Маргарита, чтоб ты знал, пить умеет еще как! Да я на всех студенческих тусах главной заводилой была!

Не дожидаясь особого приглашения или возражения, я взяла бутылку и сделала несколько больших глотков.

Вино оказалось очень вкусным, терпким, с легким ягодным привкусом. Таким при всем желании до беспамятства не напьешься! И да, такое нужно пить из красивых бокалов, смакуя каждый глоток, наслаждаясь приятным вечером. Но поскольку в моем распоряжении бокала не было, пришлось забыть об эстетских заморочках.

— Никогда бы не подумал, — глядя на меня сверху вниз, неожиданно хмыкнул Лафотьер, — что когда-нибудь буду пить вино на постоялом дворе в твоей компании, собираясь на следующий день посетить остров Небесной кошки.

— Не поверишь, — вкрадчиво проговорила я. — Я тоже никогда не предполагала, что, умерев, буду распивать вино с темным магом, дергая при этом кошачьим хвостом.

Лафотьер усмехнулся:

— Лучше, чем после смерти отправиться во тьму, не находишь?

Кивнув, я отсалютовала бутылкой.

Мы выпили, и я наполнила опустевший бокал.

Подобрав под себя ноги, склонила голову набок и, решив воспользоваться удобным

моментом, спросила:

— Слушай, а ты правда все рассказал мне о наших прошлых взаимоотношениях?

— Нет, — пригубив вино, спокойно признал он. — Я никогда и не утверждал, что рассказал *все*.

— В таком случае сейчас самое подходящее время для откровений, — заметила я.

Он промолчал, наградив меня долгим взглядом поверх бокала.

— Да ладно тебе! — Мной неожиданно завладело веселье. Наверное, следствие пережитого на маковом поле стресса. — Нам тут торчать всю ночь, ты спишь совсем недолго, меня пока сонливость тоже не одолевает. Почему бы не поболтать, вспоминая былое?

— Может, потому что былое из нас двоих вспомнить может только один? — усмехнулся Лафотьер.

— Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя крайне паршивый характер? — в очередной раз поцеловавшись с бутылкой, полюбопытствовала я.

— Спросил у меня облик аморальности, — съязвил маг.

Мне даже обидеться захотелось:

— И в чем это я аморальна?

Посмотрела на полупустую бутылку, подарила ей еще один поцелуй и, взболтав содержимое, уточнила:

— Не в том же, что вино распиваю?

— Твои прежние жизни были довольно насыщены, — внезапно подавшись ко мне, произнес Лафотьер. — Развлекалась ты так же буйно, как совершала преступления. О твоих похождениях в столице ходили целые легенды.

Поняв, о каких именно похождениях он говорит, я аж подавилась. Что-то совсем не уверена, что хочу об этом вспоминать...

— Прошлое — в прошлом, — прокашлявшись, уверенно заявила я. — У меня жизнь с чистого листа.

Коснувшиеся моей щеки кончики пальцев стали полнейшей неожиданностью. Как и взгляд, которым Лафотьер уже смотрел на меня несколько раз прежде — внимательный, задумчивый, как будто желающий проникнуть в самые глубины души.

— Завтра-послезавтра Маргарита исчезнет, — негромко произнес он. — Пожалуй, я даже буду по ней скучать.

От его слов по коже пробежала мелкая дрожь, ибо маг задел самое больное место. Чем больше я думала о том, что меня вскоре ожидает, тем сильнее становилось желание сбежать обратно в Морегорье, чтобы остаться самой собой. Но это было бы самым трусливым поступком в моей жизни. Да и любопытство во мне всегда побеждало страх. Надо же, в конце концов, узнать тайны, скрытые в моем прошлом, которые напрямую влияют на настоящее?

— Акира заскучать не даст, — отстранившись от руки Лафотьера, с показной беззаботностью бросила я. — Мне почему-то кажется, что, несмотря на всякие сплетни, в прошлом я-таки была неплохой девчонкой! Выпьем за меня!

И не дожидаясь, пока собутыльник ко мне присоединится, вновь глотнула терпкого сладковатого напитка, заглушив всколыхнувшееся внутри беспокойство.

— Я кое-что выяснил, когда был на городском кладбище, — внезапно сменил тему Лафотьер. — Напавшая на тебя нежить в виде псов была поднята там. Но главное не это. В накрывающей кладбище защите мне удалось обнаружить небольшую брешь. И когда я

говору «удалось обнаружить», то подразумеваю, что сделать это было крайне сложно, поскольку замаскировали ее блестяще. Ну и самое важное: экспертиза показала, что действовал там тот же, кто в последнее время проводил серьезные ритуалы на погосте, прикрываясь балующимися подростками. Не уверен до конца, но, если принять во внимание показания поднятой нами убитой, за всем этим может стоять женщина.

Когда мой немного захмелевший мозг принял и проанализировал информацию, я нахмурилась:

— Но ты говорил, что фотоаппарат в мастерскую мне подбросил мужчина, причем с крайне слабой магической одаренностью. В этом ты уверен?

Лафотьер кивнул:

— Да. Из этого следует, что мы имеем дело не с одним, а с несколькими магами.

— А это точно маги? — усомнилась я. — Может, простые люди, использующие какие-то артефакты? И один из них — мэр.

— Возможно, — снова кивнул Лафотьер. — Но не в случае кладбища. Окружающую его защиту не сможет пробить никто из известных мне сильнейших магов. Должен признать, мне даже представить сложно, какой мощью обладает тот, кто это сделал. Да и его магия какая-то... странная. Никогда прежде с подобным не сталкивался.

Я тяжело вздохнула:

— Ничего, вот верну воспоминания, и все они у меня попляшут... Кстати, — внезапно осенило меня. — Если маги в прошлом пробрались на остров Небесной кошки и разнесли дом ликой, почему ты сейчас туда попасть без моего кулона не можешь?

— Храм все еще действует. — Лафотьер неопределенно пожал плечами. — Некоторые верят, что ваша Прародительница по сей день время от времени туда наведывается. С течением столетий питающая его сила восстановила защиту, и магам на остров теперь снова доступ закрыт.

Я вновь вздохнула.

Уж не знаю, правда ли прежнюю Акиру выносило от алкоголя, и понятия не имею, сколько ей приходилось для этого выпить, но меня от небольшой дозы вина внезапно склонило в сон. В какой-то момент я почувствовала, что готова заснуть прямо на полу, благо была укутана в теплое одеялко.

Вставать было лень.

Подрагивающие на стенах тени умиротворяли и гипнотизировали, где-то на улице заводили трели соловьи, и сквозь приоткрытое окно просачивались ароматы цветущих яблонь. А еще по стеклу вскоре начал мерно барабанить дождь, благодаря чему находиться в теплом помещении стало еще приятней.

Потом я внезапно поймала себя на том, что действительно засыпаю, свернувшись при этом тугим пушистым комком.

И когда только обратиться-то успела?!

Невольно встрепенувшись, я привстала, выпустила когти и зачем-то потрепала, словно бы взбивая, одеяло. Потопталась, помурлыкала, поймала на себе насмешливый взгляд Лафотьера, демонстративно фыркнула и снова улеглась. На этот раз заснула быстро.

...Я шла по заснеженной тропинке, пролегающей между цветущими белоснежными деревьями. Снег и цветы — странный для природы контраст, но здесь он создавал удивительную гармонию. Было совсем не холодно, а легкий обволакивающий ветер срывал с деревьев белые лепестки и ронял их на землю, смешивая с равным им по оттенку снегом.

Казалось, я уже бывала здесь раньше. Когда-то давным-давно... так давно, что ни за что не вспомнить.

— Эй, догоняйте! — неожиданно прозвучало где-то поблизости.

Обернувшись на голос, я увидела рыжеволосую девочку с чуть вздернутым, покрытым веснушками носиком. Ее замотанный в несколько слоев синий шарф контрастировал с окружающей белизной, как и голубое шерстяное платье.

— Вот еще, — фыркнула другая девочка, обладающая черными волосами, едва достающими до плеч. — Это все детские глупости, а я уже взрослая!

— Вечно ты задаешься! — беззлобно обратилась ко второй третья — миловидная девчужка с длинными светлыми кудряшками.

— Эй, Малетта, догоняй! — крикнула ей рыжая.

И тут же помчалась вперед, а блондиночка припустила за ней. Черноволосая снова показательно фыркнула и, сложив руки на груди, неспешно двинулась за ними.

Не сводя взгляда с их кошачьих ушей и хвостов, я пошла следом. Странно, но хотя дети двигались быстрее меня, я не отставала и слышала все, что они говорили. Девочки же, судя по всему, меня не видели.

«Это воспоминание», — приятный женский голос прозвучал прямо у меня в голове.

— Попалась, Сонна! — радостно взвизгнула светловолосая, поймав рыжую.

А затем они обе спрятались за деревом и, дождавшись, пока важно задирающая нос подруга приблизится, принялись забрасывать ее снежками. Их хохот перемежался с недовольными криками черноволосой, но вскоре и она, забыв о показной важности, с азартом пуляла снежки в ответ. Закончилась эта эпопея дружным падением в снег.

— Везет тебе, Кир, — глядя на нежно-дымчатое небо, проговорила Сонна. — Уже оборачиваться научилась...

— Ага, наша Акирка вечно во всем первая, — проворчала Малетта, сдув прилипшую ко лбу кудряшку.

Черноволосая фыркнула и с уверенностью заявила:

— И так будет всегда. Я всегда буду первой! Всегда и во всех жизнях!

— Гордячка. — Сонна незаметно взяла пригоршню снега. — А как тебе такое?!

Когда снег попал «гордячке» за шиворот, началась сопровождаемая громкими воплями куча-мала.

Я смотрела на этих детей, смотрела... и уже знала, кого вижу перед собой. По крайней мере, знала одну из них. Ту самую черноволосую гордячку — Киру... Акирку... Акиру... себя. Двух подруг вспомнить не могла, хотя лицо Малетты казалось смутно знакомым, а в груди болезненной глубокой раной разливалась тоска.

«Ты была самой талантливой, — прозвучал в мыслях все тот же голос. — Многому научилась за свою первую жизнь. И в последующие жизни вы были неразлучны».

Я хотела спросить, где они обе сейчас, но почему-то не смогла произнести ни слова. А затем весело хохочущие девочки вдруг исчезли и мир окрасился алым. Сменили цвет лепестки яблонь, а по белому снегу побежала кровь. И там, где она бежала, мне чудились проглядывающие из сугробов маки...

Затем все перед глазами стало расплываться, в уши словно заложили вату, и я провалилась куда-то вниз.

ГЛАВА 27

Первое, что обнаружила, проснувшись, — я голая. Второе — рядом, непозволительно тесно прижавшись ко мне, спит мужчина, тоже почти голый. Третье — мы лежим под одним одеялом, а у кровати пристроилась пустая бутылка из-под вина. Как мы на этой довольно узкой кровати вообще уместились — тема отдельная.

Все эти факты в совокупности натолкнули сонную и оттого плохо соображающую меня на мысль о совершённом накануне непотребстве. Я успела запаниковать, ужаснуться из-за того, что ничего не помню, потом осознать, что полуголый мужик — это, на минуточку, темный маг, а уже потом относительно успокоилась.

Видимо, я во сне каким-то образом умудрилась забраться к нему на кровать в виде кошки, а под утро обратилась обратно.

Нет, ну что за... нецензурщина сплошная!

С постели я вставала осторожненько, стараясь не тревожить Лафотьера и по возможности не дышать. Выскользнув из-под одеяла, добралась до валяющегося на полу платья и...

— Отличный вид.

Судя по ощущениям, у меня вспыхнули даже кончики меховых ушей, в то время как я с максимальной скоростью, прихватив платье, шмыгнула за ширму.

— Не знал, что древние ликои умеют смущаться, — не скрывая довольства, произнес Лафотьер. — Ты покраснела так сильно, что щеки запылали даже у меня.

Вот же... последствия ритуала! Может, на острове и от них избавиться как-нибудь получится?

Позавтракав отменными сырниками из исключительно натурального творога — это определил мой чуткий нос, — мы стали собираться в дорогу.

Попутно Лафотьер сунул мне невесть откуда взявшийся платок и велел повязать на голову, чтобы спрятать уши. С его слов, в городе, куда мы направляемся, к ликоям отношение еще более предвзятое, чем в Морегорье. Из-за соседства с островом Небесной кошки тамошние жители испокон веков испытывали на себе все прелести вражды ликоев и магов. Оттого и не жалуют все сверхъестественное, хотя находятся и исключения. Даже Лафотьер намеревался по возможности не афишировать свои навыки. В общем, в нашей ситуации чем меньше внимания, тем лучше.

Уже садясь в экипаж, я вдруг ощутила нечто странное. Показалось, что за мной кто-то неотрывно наблюдает, но, быстро осмотревшись, я никого не обнаружила.

— В чем дело? — не укрылась моя обеспокоенность от Лафотьера.

— Да так, — задумчиво протянула я. — Показалось, наверное...

Тем не менее, когда я рассказала о причине своего беспокойства, он решил сам все проверить. Велев сидеть в экипаже и не высовываться, исследовал ближайшие окрестности, из-за чего наш отъезд задержался на добрых полчаса. Я в это время, чтобы не маяться без дела, достала из сумки Книгу мудрости и, ни о чем особо не задумываясь, ее открыла.

Каково же было мое удивление, когда я увидела, что на еще недавно пустых страницах появился текст!

Это утро оказалось щедрым на новую информацию о ликоях, и я узнала, как мы рождаемся в первый раз. Как-то до этого дня не особо задумывалась над тем, каким образом мы появляемся на свет... точнее, думала, что происходит это естественным и общеизвестным способом.

Но нет.

У каждой чистокровной ликой нет отца, а матерью, если ее можно так назвать, является непосредственно Ликой, потому ее еще и называют Прародительницей. В храме на острове Небесной кошки существует особый зал, куда нет входа посторонним, и даже не все ликои имеют право туда входить. Именно там появляются на свет младенцы с кошачьими особенностями. Наставница — самая первая ликои, имеющая возможность по мере необходимости напрямую обращаться к Прародительнице, когда приходит время, принимает из ее рук младенца, который словно бы соткан из эфирного света. Процесс этот красивый и завораживающий, сопровождающийся чтением специальных священных текстов. Но все это осталось в прошлом, так как за последние столетия новорожденных ликоев не появлялось.

В качестве иллюстрирования приводилась всего одна черно-белая картинка, по которой представить, как зал выглядит в реальности, было довольно-таки сложно.

Также я прочитала о том, что зачастую ликои все-таки производят на свет потомство. Полукровками также рождаются только девочки, они тоже обладают кошачьими «аксессуарами», но силы в них гораздо меньше и живут они, как правило, всего одну жизнь. Но поскольку главное правило чистокровных ликоев — ни к кому не привязываться, они редко решают заводить детей. Да и каково это — родив ребенка, знать, что он умрет в лучшем случае лет через девяносто, а ты разменяешь еще не одну сотню лет? Впрочем, изредка ликои все-таки заводили семьи, но происходило это неизменно в последней — девятой жизни.

Закончив читать, я машинально пролистала несколько страниц и внезапно наткнулась на еще одно новшество: лежащую между страниц голубую ленточку. А рядом с ней — три сплетенные между собой буквы: «А», «М» и «С».

Догадаться, чьи имена они символизируют, труда не составило. И в мыслях тут же всплыл сегодняшний сон, который, впрочем, простым сном вряд ли можно назвать.

Когда дверца экипажа резко открылась, я, погруженная глубоко в себя, вздрогнула от неожиданности.

— Все чисто, — сообщил Лафотьер и, уже обращаясь к кучеру, велел: — Трогай!

До приморского городка, носящего название Гальниж, мы добрались без приключений. Один раз сделали остановку, а, подъезжая к городу, сменили экипаж на менее приметный.

В отличие от Морегорья, Гальниж окружала высокая каменная стена, а стоящие у врат зерры требовали у всех въезжающих в город документы. Не знаю, что сделал или сказал им Лафотьер, когда ненадолго покинул экипаж, но нас пропустили без лишних вопросов.

Дело близилось к вечеру, погода, не в пример ночной, стояла прекрасная, и по улицам сновало множество прохожих. Опять же, в отличие от Морегорья, здесь присутствовал совсем иной колорит: не было многочисленных палаток, где торговали сувенирной продукцией, в воздухе не витал соответствующий запах деревянных изделий. Зато встречались небольшие «фургончики», где торговали уличной едой. Многие дома были выкрашены в яркие цвета, тем же многоцветием пестрили черепичные крыши.

А еще здесь было много кошек. Нет, не так — очень много кошек! Они встречались буквально на каждом углу — большие и маленькие, пушистые и облезлые, довольные и побитые суровой котинной жизнью. Пока мы ехали к гостинице, я насчитала целых три кошки, прямо среди улицы кормящих совсем крошечных котят.

— Это из-за близости острова, — объяснил мне Лафотьер. — Кошки стекаются сюда отовсюду, и местные жители ничего не могут с этим сделать. У них даже возникло поверье, что, если приютить бродячего кота, то Прародительница ликоев будет к ним благосклонна и никто из ее детей им не навредит.

— И как это сочетается с платком у меня на голове? — усмехнулась я.

— Гальниж — необычный город. Тут все построено на контрастах. И здешнее население такое же, во многом противоречивое и странное. В приметы сильно верит. К слову, поверье о бродячих котах на черных не распространяется.

Просто возмутительно! Опять дискриминация по цветовому признаку! Современного общества с той грани на них нет — попробовали бы заикнуться про цвет...

В гостинице нам снова достался один номер, только на этот раз он был единственным свободным в принципе и с одной двуспальной кроватью. В лучших традициях бульварных романчиков, честное слово! Но спать на одной кровати с Лафотьером мне было не впервой, так что это смутило не слишком, а наличие нормальной ванны с душем так и вообще порадовало. Судя по обстановке в целом, включая балкон с видом на море, нам достался один из лучших номеров.

— Это и есть твой способ не привлекать внимания? — сыронизировала я, осмотревшись.

— Обычные люди не обязаны быть стесненными в средствах, — с такой же ироничной полуулыбкой заметил Лафотьер.

Приняв долгожданный душ, я завернулась в халат и, выйдя из ванной комнаты, увидела стоящие на столике принесенные фрукты... и бутылку вина.

Что, опять?!

Пока Лафотьер плескался в ванной, я жевала виноград, то и дело косясь на пузатую бутылочку. Но все же решила сегодня к алкоголю не прикасаться — завтра мне нужна свежая голова.

Из ванной маг вышел, не в пример вчерашнему, полностью одетым. В простой темной рубашке и темных брюках, с минимумом украшений и собранными в низкий хвост волосами.

— Собирайся, — сказал, приблизившись.

Я вопросительно на него посмотрела.

— Неужели ты и впрямь собираешься последний вечер своего существования как Маргариты провести в четырех стенах?

Вопрос был риторическим. Только я думала, что Лафотьер меня никуда не выпустит, но раз он сам предлагает...

Собралась я в рекордные сроки, особо не заморачиваясь в выборе одежды. Надела простой сарафан, купленный еще в первые дни пребывания в Морегорье, повязала на голову платок на манер банданы — вот, собственно, и все.

Но провести этот вечер в таком неприметном облике мне было не суждено. Около гостиницы располагался магазин одежды, на витрине которого я, проходя мимо, невольно задержала взгляд. Стоило мне это сделать, как Лафотьер, ничего не говоря, схватил меня за руку и повел внутрь. Я так удивилась, что даже сопротивляться не подумала, а оказавшись внутри, вообще забыла, что могла бы это сделать.

Здесь было столько всякой милой женскому сердцу всячины, что у меня разбежались глаза. Платья, юбки, блузки, сарафаны, украшения... есть где разгуляться! Подошедшая ко мне пышнотелая и симпатичная продавщица была предельно любезна, предложив мне помощь в подборе вещей.

Существовал лишь один нюанс: отправляясь в путешествие, я совершенно не планировала шопинг и денег на него у меня не было.

— Я оплачу, — в который раз за последнее время словно прочитал мои мысли Лафотьер. И пока я не успела возразить, склонился ко мне и вкрадчиво прошептал: — Должен же я иногда радовать своего фамильяра. Но если тебе не хочется принимать подарки, можешь считать это авансом своей зарплаты.

Такой расклад меня более чем устроил, и на следующие минут сорок я была потеряна для общества. Скромность никогда не относилась к числу моих добродетелей, и я не ограничивала себя в желаниях. Приобрела пару блузочек, юбок и — о чудо! — кожаные штаны, которые вообще-то были рассчитаны на субтильного парня, но мне идеально подошли. К ним присовокупила удобные ботинки, представила, как завершу все это

великолепие кожаной курткой, и та-дам! — образ для езды на мопеде готов.

Финальным приобретением, в котором я и решила провести этот вечер, стало черное, открывающее плечи платье со свободным подолом, край которого был окаймлен цветастой тканью. Затем я приобрела платок из такой же ткани и повязала на голову уже на манер тюрбана. В качестве аксессуаров выбрала крупные черно-золотистые серьги и несколько длинных подвесок, благодаря чему стала напоминать себе этакую псевдоцыганку. В целом вид получился необычный, но красивый и с изюминкой.

Покинув магазин, мы прошлись по центральным улицам, купили в одной из палаток местный аналог шаурмы. А вечер тем временем сгустился. Солнце село, и теперь Гальниж освещали фонари. Гулять вдоль цветных домиков, вдыхая чистый соленый воздух и слушая шум прибоя, было приятно. Только постоянно путающиеся под ногами кошки, из-за которых я несколько раз чуть не упала, немного раздражали. Хотя и они идеально вписывались в атмосферу этого городка, гармонично ее дополняя.

— Зачем ты это делаешь? — отогнав очередную пытающуюся потереться о мои ноги кошку, спросила я у Лафотьера. — Гуляешь со мной, покупаешь одежду. Ведешь себя не как полный... не как обычно.

— А зачем ты позволяешь мне гулять с тобой, покупать тебе одежду, вести себя не как обычно? — остановившись, вопросом на вопрос ответил он. — У меня были старые счёты к Акире, прожившей девять жизней. Но не к Маргарите, прожившей чуть более двадцати лет. Пожалуй, будет справедливым заметить, что у тебя теперешней есть больше оснований ненавидеть меня, чем у меня — тебя.

— Ну-у... — протянула я, склонив голову набок и лукаво прикрыв один глаз. — Ты с ходу начал на меня орать, заявлять о своих правах и моих обязанностях, попытался сделать из меня безвольного фамильяра. Тебе подобные люди когда-то ужасно издевались над существом, подобным мне, так что, видимо, да, поводов ненавидеть тебя у меня предостаточно. Но, знаешь, ненависть — это все-таки слишком. Раз уж мы говорим откровенно, то я и неприязни-то к тебе не испытываю.

Не знаю, что ожидал услышать Лафотьер, но мои слова его явно удивили. Он даже в лице переменялся, словно усомнившись в том, что правильно меня понял.

— Просто не верится, что ты это говоришь, — сдавленным голосом подтвердил он мои впечатления. — Мне и раньше было сложно, а теперь...

— Что? — не поняла я, машинально накрыв его руку, которой он коснулся моей щеки.

Если бы только можно было в это поверить, я бы решила, что много лет назад он был в меня влюблен. Но ведь Акира разрушила его карьеру, при нашей первой встрече он ее явно ненавидел, поэтому о какой любви может идти речь? Или все-таки...

— Ничего, — словно очнувшись, Лафотьер отдернул руку и отступил.

Именно в этот момент до нас донеслись звуки музыки и множество восторженных голосов.

— Что там? — отвлекшись, спросила я.

— Пойдем. Тебе понравится, — многозначительно пообещал Лафотьер. — У тебя очень подходящий наряд.

Что он под этим подразумевал, стало ясно, едва мы оказались на центральной площади. Этим вечером здесь проходило настоящее гуляние, эпицентром которого стал разложенный прямо в центре гигантский костер. Квартет музыкантов расположился на возведенной неподалеку от него небольшой сцене и исполнял красивую музыку, в которой солировала скрипка. Мелодия была такой зажигательной, что под нее немедленно хотелось танцевать, что некоторые и делали — люди, нисколько не смущаясь, брали друг друга за руки, водили подобие хороводов, танцевали парами или в круг.

Тут и там торговали напитком, который по запаху напоминал грог; еды тоже было в избытке. Но еда для вечно голодной в последнее время меня впервые отошла на второй

план, вытесненная желанием слиться с музыкой.

Как же давно не доводилось танцевать... Да я последний раз в прошлой жизни танцевала! А ведь танцевать я вообще-то люблю. Еще учась в школе, в танцевальную студию ходила.

— Не желаете? — улыбнулся нам молодой розовощекий парень, предлагающий всем тот самый «гrog». — Такого вкусного найша больше нигде не попробуете!

Моя взрывная натура уже требовала активной деятельности, веселья и нарушения всех установленных запретов. Больше не хотелось думать ни о свежей голове, которая мне понадобится утром, ни о предстоящем возвращении воспоминаний.

Я молода, свободна, у меня новое красивое платье, и я хочу танцевать!

Прежде чем я успела выпить предложенный напиток, Лафотьер перехватил стаканчик, просканировал взглядом содержимое, вероятно проверяя его на магическое вмешательство, и, не обнаружив ничего подозрительного, протянул мне.

По вкусу найш и впрямь походил на гrog, только еще более пряный, с хорошо различимым оттенком алкоголя, крепкого чая и гвоздики.

— Не желаете потанцевать, господин темный маг? — озорно поинтересовалась я.

— Пожалуй, воздержусь, — хмыкнул тот. — Не люблю танцы.

Кошмар какой! Ну как, как можно не любить танцевать?

Махнув рукой, я помчалась к костру и вскоре влилась в калейдоскоп танцующих. Музыканты заиграли новую композицию, начало которой было не слишком динамичным, позволяющим плавно войти в танец. На пластичность я не жаловалась никогда, но сейчас чувствовала свое тело в разы более легким и сильным, чем прежде, ощущала его необычайную гибкость и сполна ею пользовалась, наслаждаясь каждым движением, каждым мгновением этого прекрасного вечера, взмывающими в небо искрами костра... Сейчас я была просто Ритка, которая любит жизнь и любит танцевать.

Я ощущала, как летит подол платья, слышала, как бьются сердца — мое и других танцующих, как дыхание становится одним на всех, как стучат чьи-то каблуки, как поет, сливаясь с остальными инструментами, звучная скрипка. В какой-то момент танцующий рядом мужчина взял меня за руку и закружил. Я засмеялась, подстраиваясь к его движениям, и мы стали танцевать уже в паре. Обхватив за талию, он приподнял меня над землей, и в тот же миг я заметила наблюдающего за нами Лафотьера. Его лицо находилось в тени, но подсвеченные пламенем глаза ярко блестели.

— Ты прекрасно танцуешь, красавица, — опустив меня на землю, сделал комплимент мой партнер.

— Банально звучит, — улыбнулась я, взмахнув руками в такт музыке.

Откинула голову назад, а когда снова посмотрела перед собой, на месте незнакомца уже стоял Лафотьер.

— Ты права, некоторые совершенно не обладают талантом делать комплименты. — Он вдруг шагнул ко мне, точно попав в музыкальный ритм и, резко притянув к себе, вынудил прижаться к нему спиной.

Тому, как он управлял нашим танцем, какими точными, резкими и выверенными были его движения, мог бы позавидовать мировой призер.

— Ты же говорил, что не любишь танцевать! — возмутилась я, когда мы снова оказались лицом к лицу.

— Не люблю — не значит не умею, — поучительно заметил он.

— Может, еще и комплименты делать умеешь? — спросила с вызовом, положив руки ему на плечи.

— Зараза пушистая. — Уголки губ Лафотьера приподнялись в полуулыбке, в то время как глаза продолжали ярко блестеть, и не только от бликов огня.

Это было невероятно. Немыслимо. Чувственно и необыкновенно. Танец, похожий на танго, стер все барьеры, убрал застарелые обиды и недопонимания, уничтожил прошлое. Казалось, мы заново рождаемся в окружающем нас пламени — и в том, что принадлежит костру, и в том, что заполнило сердца.

«Какая глупость и пошлость», — со скептицизмом подумала бы я когда-то.

Но сейчас чувствовала именно так. Да и сами чувства словно бы обострились, стали открытыми и ясными. Только теперь я нашла в себе смелость хотя бы мысленно признаться в том, что Лафотьер мне небезразличен. Нет, любовь — слишком громкое и претенциозное слово, как и ненависть. Но определенную... нет, даже очень-очень сильную симпатию я к нему действительно испытывала. Несмотря на все его недостатки, а может, даже благодаря им.

А еще я отчетливо улавливала ту же энергию, что исходила от него. Вновь и вновь окуналась во взгляд черных глаз, в которых видела отражение тех же эмоций, что испытывала сама.

Я нравилась ему. По-настоящему нравилась, по крайней мере в данный момент. Это было так же очевидно, как и то, что он нравился мне.

К сожалению, которое я тщательно постаралась скрыть, этот наш танец был единственным. Лафотьер решил, что нам лучше вернуться в гостиницу, а конкретно мне — отдохнуть перед завтрашним днем.

Уходить с праздника не хотелось категорически, но мой темномагический терминатор был непреклонен. Он вообще словно переключился в режим «темный маг бесчувственный, подвид обыкновенный», за что его захотелось прибить. Это произошло до того резко, что я опешила.

Просто поразительно, как один и тот же человек может одновременно привлекать с той же силой, что и бесить!

До гостиницы мы шли в молчании, которое оттеняла летящая нам в спины музыка.

Где-то в глубине души мне было даже обидно. Ведь все шло так хорошо, нам было весело... ему было весело, черт побери! Я видела его равнодушным и ироничным, раздраженным и предвзято настроенным по отношению ко мне. Но этим вечером мне начало казаться, что все это — лишь многослойная маска. А еще я даже допустила мысль, что периодически вспыхивающие между нами искры — возможно, нечто большее, чем просто притяжение, как бы невероятно это ни воспринималось.

Когда мы оказались в номере, мое терпение лопнуло.

— Не хочешь объяснить? — Мне едва удалось заставить себя не повышать голос. — Почему мы не могли побыть там еще немного? Ты же практически не спишь! И я бы пару часов недосыпа тоже как-нибудь перенесла!

— Да, ты бы перенесла, — подчеркнуто ровным тоном согласился Лафотьер. — Но мне стало скучно.

Я буквально воздухом подавилась, а пока подыскивала подходящие слова, он вышел на балкон. Уподобляться мелкой собачонке, тявкающей вслед проехавшей машине, я не собиралась, поэтому стремительно бросилась за ним, себя уже не сдерживая:

— Да что с тобой, черт возьми? Ты же сам сказал, что это — мой вечер, который я имею право провести, как захочу!

— Я говорил не совсем это, — возразил Лафотьер, глядя на темное море. — И я не обязан тебя развлекать.

— Меня развлекать? — эхом переспросила я.

В груди что-то болезненно сжалось.

Да, мне стало больно, чтоб его!

— Я тебе не котенок, которого можно то погладить, то отпихнуть, — прошипела и, выпустив когти, вцепилась ему в плечо, заставив на меня посмотреть. — Ты не такой равнодушный, каким хочешь показаться. И я для тебя не просто фамилляр, Йен Лафотьер. Да ты меня даже по-настоящему работой никогда не загружал! Несмотря на нашу связь, ты все равно мог бы отыскать способ мне досаждать, но ты этого не делал. Даже не пытался сделать! Всегда кричал и угрожал, но всегда и спасал. И, готова поклясться, тоже не только из-за этой чертовой связи! А теперь, глядя мне в глаза, скажи еще раз, что на празднике тебе стало скучно и именно поэтому мы ушли. Скажи, что флиртовал со мной тоже от скуки! Скажи, что тебе было неприятно со мной танцевать и во время этого танца ты не чувствовал ничего!

Он молча на меня смотрел, и его и без того черные глаза с каждой секундой становились еще темнее. Внешне он оставался все тем же отстраненным, но именно глаза его выдавали. И дыхание — человек бы не заметил, но ликой слышала, что оно участилось. И неистово забившуюся на бледной шее жилку видела тоже.

— Что ж, молчание тоже ответ, — отрезала разозлившаяся я.

И, отвернувшись, вознамерилась уйти, когда Лафотьер уже совсем другим тоном, в котором легко читались с трудом сдерживаемые эмоции, произнес:

— Что ты хочешь от меня услышать? Да, меня тянет к тебе! Я глушил это чувство долгие годы и смог заставить себя ненавидеть Акиру, потому что она сама дала мне для этого достаточно причин! Но тут появилась ты — вроде бы и она и вроде бы другая. Невыносимая, гордая, эгоистичная... но гораздо более человечная. Не способная осознанно причинить кому-то существенную боль. И прежнее чувство вернулось, я не могу глушить его ненавистью, Рита...

Взметнулись волосы, зашумел прибор... Лафотьер резко развернул меня к себе, и уже в следующий миг смял мои губы в неистовом, полном жара поцелуе. У меня не было времени понять весь смысл его слов, да и последнее, чего я сейчас хотела — это понимать и думать.

Только чувство. Только слившееся горячее дыхание, такие же горячие, сжимающие меня в объятиях сильные руки и мои пальцы, запутавшиеся в его волосах. Как давно хотелось нарушить их вечно идеальный вид, растрепать, взъерошить...

«Предатель», — мелькнула где-то на краю сознания какая-то совершенно чужая мысль.

Нелепость. Не обращать внимания...

Да, это мой вечер. Пусть завтра я стану другой, но настоящий момент останется в моей памяти. И плевать на давние распри темных магов и ликоев...

С головы упал платок, оголенные плечи чувствовали, как их покрывают мелкие поцелуи, бессвязный шепот тонул в за клубившейся вокруг нас тьме — буйной, но в то же время ласковой, как будто одобряющей.

Я не заметила, как меня подняли на руки, только машинально обхватила Йена ногами за пояс и растворилась в очередном шальном поцелуе. Затем почувствовала под собой мягкую кровать, запустила руки под шелковую рубашку, ощутив горячую гладкую кожу и неистовое биение чужого сердца.

А потом меня накрыло такой волной, что я забыла как дышать. Все, что испытывал он, испытывала и я. И от понимания, что мои собственные чувства тоже передаются ему, голова еще сильнее шла кругом.

Больше ничего не существовало: только он, я и этот насыщенный, полный самых ярких красок момент.

В какое-то мгновение Йен вдруг отстранился и, глядя мне в лицо затуманенным взглядом, хрипло произнес:

— Кошачьи... твои глаза.

Вонзив когти ему в спину, я потянулась за новым поцелуем, и он ответил, но уже в следующую секунду отстранился снова. Я не успела уловить произошедшую в нем перемену, только смутно отметила, что он отвернулся в сторону балкона и глухо произнес:

— Нам не стоит этого делать.

Когда спустя целую вечность до меня сквозь жаркое марево пробился смысл его слов, желание избавить этот мир от одного темного мага стало как никогда сильным.

Да он что, издевается?!

— Завтра ты вернешь себе воспоминания, — нависнув надо мной и прижав мои запястья к кровати, выдохнул он. — И будешь жалеть об этой ночи. Раньше я был бы только рад причинить тебе боль, но не теперь.

Снова не дав мне осознать весь смысл сказанного, Лафотьер резко поднялся с кровати и буквально вылетел из номера.

Хлопнула входная дверь, за окнами продолжал мерно шуметь прибой. Присев, я коснулась горящих огнем припухших губ, просидела неподвижно несколько долгих секунд и, обхватив себя руками, уткнулась лбом в колени.

Рядом все еще клубилась тьма, напоминающая о своем хозяине.

От переизбытка эмоций хотелось плакать, но этого я себе не позволила.

Вот еще! Ни разу из-за мужика не ревела и сейчас не буду тем более!

Последние сомнения насчет того, хочу ли возвращать воспоминания, исчезли. Хочу. Очень хочу! Иначе мне никогда не узнать, что творится в голове Лафотьера и что, черт побери, произошло между нами в прошлом.

ГЛАВА 28

Рано утром мы с Лафотьером уже стояли на причале, ожидая, когда корабельщик соизволит занять свой пост. На остров Небесной кошки можно было попасть двумя способами: либо на лодке, либо на корабле, совершающем туда рейсы по запросу. Впрочем, назвать кораблем эту старую посудину можно было лишь с большой натяжкой. Скорее уж тоже лодкой, только побольше. Учитывая мои взаимоотношения с водой, садиться на этот «корабль» не очень-то хотелось. Но выбора не было.

Лафотьер, с которым мы со вчерашнего вечера не обмолвились и парой слов, был погружен в себя и, казалось, попросту меня не замечал. Я отвечала ему тем же.

Глыба бесчувственная! В благородство ему вчера поиграть захотелось... Рыцарь, чтоб его, на черном коне!

Волнение меня настигло, когда корабль отчалил от берега. До острова предстояло плыть около получаса, и для меня это стало своеобразным обратным отсчетом. Сейчас все мое существо безумно хотело туда попасть, устремлялось вперед вместе с попутным ветром.

Стоя на палубе, я смотрела вдаль и старалась не попрощаться со съеденным ранее плотным завтраком. Никогда не страдала морской болезнью, так что, видимо, это еще одна новообретенная кошачья особенность.

Лафотьер маячил где-то неподалеку, и я продолжала его игнорировать. Хотя заговорить с ним прямо-таки язык чесался, было очевидно, что толку сейчас от разговоров не будет. Вот вспомню все, тогда и поговорим. Ух, как поговорим!

— С вами все в порядке? — спросил подошедший ко мне матрос — единственный, кто плыл с нами помимо капитана.

Меня хватило только на то, чтобы отрицательно покачать головой. Вот зачем глупые вопросы задавать? Как будто не видно, что я здесь сейчас помру!

— Сейчас, погодите, у меня где-то микстурка специальная была... — С этими словами матрос принялся обыскивать свои карманы, а я в это время перегнулась через борт.

До чего все-таки скверно...

— Не нужно миксур, — неожиданно прозвучал за моей спиной голос Лафотьера, и в следующий миг мне на затылок легла его ладонь.

От того, чтобы не вывернуться и не высказать все, что о нем думаю, меня удержало лишь то, что вместе со мной в таком случае вывернулся бы и мой желудок. Зато посетившая мысль, что Лафотьер зеленеет лицом и страдает вместе со мной, немного подбодрила.

Впрочем, буквально через несколько секунд неприятные ощущения бесследно ушли.

— Не мог раньше помочь? — не оборачиваясь, проворчала я, снова чувствуя себя человеком, а не только что поднятой нежитью.

— Весь твой вид этим утром говорит о том, что, если я приближусь, ты вцепишься мне в горло.

— И с чего бы это? — съязвила я.

На этом наш обмен репликами закончился, и я услышала звук удаляющихся шагов. Не удержавшись, все-таки обернулась и... сердце подскочило, забившись где-то в районе горла.

Вокруг шумело море, Лафотьер находился ко мне спиной, и соленый ветер развеивал его белоснежные волосы...

Я буквально физически почувствовала под собой шершавость корабельных досок, испачкавшую тело липкую кровь, многочисленные ссадины и ноющую боль в груди, где вместо сердца словно бы зияла черная дыра.

— Так ваш спутник — маг? — вернул меня к реальности пониженный голос матроса.

— Ага, — сбросив оцепенение, подтвердила я.

Парень украдкой осенил себя защитным знаменем, что вызвало у меня смешок. Знал бы он, что сейчас с ликоем разговаривает!

— У вас в городе что, действительно всего сверхъестественного жутко бояться? — поинтересовалась я. — Вы же фактически возле кошачьего острова живете.

— Большинство боится, конечно. — Он опасливо покосился на Лафотьера. — Но находятся и те, кто ликоев до сих пор почитает. Даже к храму на остров всякие пожертвования относят. Он заброшен, вообще-то, но у нас есть добровольцы, которые иногда за ним присматривают. Ну, тропинку там расчищают, крыльцо вот недавно подлатали. Хотя сам храм на диво хорошо сохранился. Не берет его время!

Перестав сверлить взглядом Лафотьера, матрос посмотрел на меня:

— А вы чего на остров плывете? Просто как туристы или у Прародительницы попросить чего?

— Здоровьечка попросить. — Я хитро улыбнулась. — У спутника моего вон диабет, суставы без конца ломит, сердце пошаливает. Он же старик уже, даром что всю свою магию последнюю на поддержание внешности тратит.

Я даже отсюда услышала, как Лафотьер подавился. И та-а-ак на меня посмотрел... словно вцепиться в горло уже собирался он мне, а не наоборот.

— Так разве ж магу Прародительница ликоев помощь окажет? — удивился матрос. — Он же *маг!*

— А он у меня очень слабенький, — мстительно добавила я. — Ни на что уже не годен... и не только в плане магии. Старость, знаете ли.

Теперь я увидела, как у Лафотьера задергался один глаз. У меня даже настроение как-то сразу поднялось! Оказывается, морское плавание может быть вполне приятным.

— И часто на остров туристы наведываются? — полюбопытствовала, оторвавшись от созерцания негодующего Лафотьера.

— Редко, по правде говоря, хотя нам все равно какой-никакой заработок. Но раз на раз не приходится. Вчера вон тоже парочка на остров каталась, только у нас корабль на ремонте стоял, так они на лодке.

— Что за парочка? — заинтересовалась я, краем глаза отметив, что Лафотьер прислушивается к разговору.

— Да обычная супружеская, — пожал плечами матрос. — Приятель мой слышал, они потомства просить приехали. Уж все средства перепробовали, совсем отчаялись...

— Мужчина — высокий смазливый блондин? — неожиданно подал голос Лафотьер.

— Да, видный такой, — крикнул со своего места капитан, который, как оказалось, тоже нас слушал. — Даром что просто одет.

— А женщина?

— Она в капюшоне была, волос не разглядел, — хмыкнул капитан, по тону которого стало понятно, что разглядеть он как раз-таки пытался. — Да и лица толком не видел, она все за мужем пряталась. А вы чего интересуетесь? Знакомые, что ль?

— Возможно, — пространно ответил Лафотьер, и впервые за это утро наши взгляды встретились.

Думали мы, по-видимому, об одном и том же. Это могла быть действительно просто супружеская пара, а мог быть и очень подходящий под описание мэр со своей напарницей.

С другой стороны, такие мысли отчетливо пахивали паранойей. С какого ляда Дэйшу за нами тащить? Да и его напарнице, — если это она поднимала нежить, пыталась меня убить и, стало быть, была в ладах с темной магией, — на остров Небесной кошки все равно не попасть. Если только кто-нибудь ей такой же кулон с искрой не пожертвовал, как у меня, что вряд ли.

Все это было не более чем домыслами, но держать ухо остро стоило.

Договорившись, что корабль будет ждать нас столько, сколько потребуется, и щедро за это заплатив, мы сошли на берег. Сложно описать, что я почувствовала, ступив на белый песок... Наверное, так чувствовали себя моряки, когда после очень долгого плавания, истосковавшись, возвращались домой. Длинная пляжная коса плавно переходила в покрытую невысокой зеленой травой возвышенность, где виднелись кроны цветущих яблонь. И я точно знала, что там находится яблоневый сад, а за ним — лес.

Даже воздух здесь был особенным. Напоенный ароматами цветов и трав, дикой ежевики и пряного мха, он наполнял меня сожалениями и одновременно радостью. Казалось, само море преклоняет колено перед этим островом, осторожно вплетая в здешние запахи лишь малую капельку соли.

И ветер здесь тоже был другим. Ласковым, распахнувшим мне объятия, как старому доброму другу, как дочери, вернувшейся под родительское крыло.

Теперь я не обращала внимания на Лафотьера по-настоящему. Так странно, но, оказавшись здесь, я как-то сразу забыла о причине, по которой проделала весь этот путь. Я не знала своего прошлого, но чувствовала его всем своим существом. Ощущала что-то большое и великое, спокойное и умиротворенное, далекое от людской суеты и мелких житейских проблем. Минуют десятки лет, пролетят столетия, обратятся гленим империи, а этот остров так и будет омывать коленапреклоненное море — так мне казалось, пока мы поднимались на небольшой холм.

На нем действительно раскинулся яблоневый сад. Деревья здесь были старыми, некоторые иссохли и накренились до самой земли, но они все еще цвели. Парадоксально, невозможно, но я была уверена, что знаю их — каждую яблоню, вместе со мной разменявшую почти тысячу лет. А может, они росли здесь и дольше, видя все поколения ликоев, которые сначала приходили из Немира, озаренные лучами эфирного света, а затем покидали дом, чтобы обрести свое место в большом и таком негостеприимном по отношению к ним мире.

Я шла медленно, всматриваясь в каждую деталь, и хотя пока еще не могла всего вспомнить, многое казалось знакомым.

«Везет тебе, Кир, — разносится по саду голос жизнерадостной Сонны. — Уже обращаться научилась...»

Только вместо травы под ногами — снег.

Положив ладонь на одну из яблонь, я на несколько секунд прикрыла глаза. Почудилось, что я ощущаю бегущий в ней сок, саму энергию жизни — а может, силу эфира, энергию самой Ликоой, раз за разом снисходящей на этот остров.

За яблоневым садом стояло с десятков простых одноэтажных деревянных домиков. Рядом пристроился заросший колодец, навеявший ассоциацию с тем, который стоял на моем участке в Морегорье. Отсюда же начинался лес — негустой, но довольно темный из-за гигантских секвой, чьи кроны, казалось, подпирают небо.

Сквозь просветы между ветвей струился солнечный свет, бликами падающий на вздутую мощными корнями землю. Деревья были такими огромными, что потребовалось бы организовать целый хор, чтобы обхватить ствол одного из них. На многих кора потрескалась, обнажив голую древесную кожу, испещренную мхом и мелкими цветами.

Зрелище завораживало.

Где-то негромко щебетали птицы, шелестели крылья крупных стрекоз, и эти звуки были единственными нарушающими тишину леса. Я непроизвольно старалась ступать бесшумно, потому что нарушать безмолвие казалось кощунственным. Лафотьер вообще

скользил тенью — его слышно не было, я только интуитивно ощущала его неотступное присутствие позади.

Для меня заблудиться здесь было нереально. Нет, теоретически, наверное, это было возможно, но меня будто магнитом тянуло в определенном направлении. И мое подсознание знало, что именно там находится храм.

Через некоторое время под ногами появилась тропинка: сначала заросшая, а потом аккуратно расчищенная — должно быть, энтузиастами, о которых говорил матрос. Она вела через высокие квадратные арки, окрашенные в красный цвет. Подумалось, что их стиль отдает азиатскими мотивами, но эту ассоциацию быстро вытеснили те же ощущения, что возникли на берегу: как будто я после долгих скитаний возвращаюсь домой.

На некоторых арках висели порванные бумажные листы с какими-то символами.

«Разрушенная защита», — пришло мне в голову, но было совершенно непонятно, моя это мысль или нашептанный кем-то неизвестным.

Еще несколько бесполезных амулетов трепетали на ветру, напоминая о чем-то далеком и безвозвратно ушедшем.

Храм был в точности таким, каким я видела его во сне: в несколько этажей, с красными, местами облупившимися стенами и немного асимметричной изогнутой крышей, снова навеявшей ассоциации с Азией. Крышу усыпали мелкие желтые цветы, напомнившие об обещании, данном госпоже Ерише.

Помимо храма за разросшимися криптомериями виднелось еще несколько построек, которые сохранились так же хорошо.

В нескольких шагах от входа на потрескавшемся каменном постаменте возвышалась скульптура сидящей кошки. Ее глаза, когда-то инкрустированные драгоценными камнями, сейчас зияли пустыми углублениями, но своего величия кошка не утратила. Даже лишившись глаз, она продолжала взирать на мир с достоинством и легким оттенком снисходительности.

Чуть правее раскинулся небольшой простенький фонтанчик, берущий воду из текущего здесь же ключа. Его журчание привлекло меня, и вот что странно — по отношению к этой воде, чистой и холодной, я никакого предубеждения не испытывала. Даже попить захотелось, что я и сделала, зачерпнув ее пригоршней, попутно заметив блестящие на дне монетки. Должно быть, подношения просителей.

Поднесла к губам воду, сделала небольшой глоток и...

...Я словно наяву увидела, как вода окрашивается алым. Как тягучие ручейки стекают вниз и как угасает жизнь в некогда ярко блестящих зеленых глазах. Разметавшиеся рыжие волосы контрастируют с бледной кожей, а на нежно-голубом платье в районе груди растекается темное пятно. И белые лилии тянутся к чуть приоткрытым губам...

Сонна.

Я узнала ее, и вместе с узнаванием пришла такая боль, как будто подруга детства умерла прямо сейчас, в эту самую секунду, на моих глазах.

Задыхаясь от накативших эмоций, я согнулась пополам и упала на колени. Почему, ну почему из всех возможных картин прошлого, среди которых однозначно были и радостные, я увидела именно эту?

— Тшш, — коснулось моего слуха, и меня укутали в объятия. — Дыши. Просто дыши.

Голос Лафотьера гипнотизировал. В нем не было сочувствия, которое сейчас мне бы ничем не помогло, но не было и безразличия. Просто ровное, необходимое мне спокойствие и твердость, за которую можно ухватиться.

Когда мне полегчало, я с его же помощью поднялась, но высвободиться из кольца рук не спешила. Даже вчерашние обида и злость на фоне только что увиденного и

почувствованного показались совсем незначительными.

— Ее убили, — не своим голосом глухо проговорила я. — Убили, понимаешь? Прямо здесь. Темные маги. Мне кажется, я знаю, чего они хотели. Чего всегда жаждут получить от ликой. Возможность переродиться. Долголетие. Дар после смерти обрести земную жизнь. Маги верили, что, отнимая жизнь, они забирают ее себе. Ей нанесли четыре удара мечом, последний — в сердце! В сердце, понимаешь?! Ты понимаешь, черт тебя побери?! Последний — прямо в сердце! Это же просто бесчеловечно... зверство...

Я захлебывалась в эмоциях и даже заплакать не могла. Наверное, все слезы были выплаканы еще в прошлых жизнях.

— Мне жаль. — Теперь в тоне Лафотьера зазвучало сожаление. Искреннее, глубокое, неподдельное.

Возникло ощущение, что он разделяет мою боль, и не только из-за нашей связи. Что действительно переживает и проживает те мгновения и что в самом деле знает, как все произошло.

— Ты был здесь? — осененная догадкой, которая прежде была лишь смутным подозрением, спросила я. — Видел, как это произошло?

Когда Лафотьер отрицательно качнул головой, я испытала такое облегчение, что едва снова не осела на землю. Скажи он сейчас, что присутствовал при совершенном здесь убийстве, не говоря о том, что принимал в нем участие, я бы больше не смогла на него даже посмотреть.

И он сейчас не солгал, это я знала точно.

— Темные маги живут дольше обычных магов и людей, — негромко произнес он. — Но не настолько. То, что ты увидела, произошло около пятисот лет назад, Маргарита.

Внезапно где-то в храме раздался громкий стук, как будто на пол упало что-то тяжелое. Это могло быть что угодно, но интуиция, да и банальная осторожность подсказали, что внутри, возможно, кто-то есть.

Мы синхронно напряглись.

— Держись за мной, — подняв взгляд на верхние этажи, велел Лафотьер и сделал шаг по направлению ко входу.

Но я тут же его обогнала, преградила путь и серьезно возразила:

— Это храм ликоев. Это остров ликоев. Ты не сможешь использовать здесь свою магию, и тебе об этом известно. Так что это ты держись за мной. — Потом развернулась и с усмешкой бросила через плечо: — Если нас там ожидает опасность, то постарайся не помереть. Мне еще пожить охота.

— Еще немного, и я собьюсь со счета, сколько раз ты задела мою гордость этим утром, — вернул мне такую же усмешку Лафотьер. — Может, я и «слабенький, страдающий от диабета» маг, но физическая форма у меня прекрасная.

— Что ж, по крайней мере, смерть от скромности тебе точно не грозит, — хмыкнула я, мысленно согласившись по поводу физической формы.

Помедлив пару секунд, мы поднялись по ведущей к приоткрытой двери лестнице и вошли в храм. Переживания и боль я оставила снаружи, сконцентрировавшись на том, что происходило не в далеком прошлом, а сейчас.

Внутри царил полумрак. В косых лучах света, проникающего из небольших окон, витала пыль, пол под ногами издавал тихий скрип, как будто жалуясь на то, что его потревожили. Тем не менее следов явного запустения, какое ощущается в нежилых зданиях, здесь не было. В сравнении с моим домом — просто образец порядка!

Из просторного пустого помещения, куда мы попали, вели три арки. Лафотьер двинулся было к правой, но я, повинувшись зову пресловутого шестого чувства, потащила его в

противоположную сторону. Ну как потащила... просто пошла сама, и он тут же оказался рядом.

При иных обстоятельствах я бы даже испытала удовлетворение оттого, что из нас двоих в кои-то веки по-настоящему команду я.

Выбранная мной арка привела в узкий коридор, в конце которого имелась деревянная лестница. Поднимаясь по ней, я снова поразилась, насколько хорошо здесь все сохранилось: снова легкий скрип, немного пыли и немногочисленные следы плесени — вот и все, что могло бы напомнить о старости этого строения.

На втором этаже пара окон была разбита ветвями разросшейся вишни, и теперь они, покрытые бледно-розовыми цветами, находились прямо в помещении.

Особенная, немного грустная красота...

Я снова выбирала направление, подталкиваемая своим подсознанием, или памятью, или той частью прежней Акиры, что сидела где-то внутри, время от времени прорываясь наружу.

Миновав еще несколько коридоров и пару лестниц, мы оказались перед неприметной одностворчатой дверью. Попытавшись ее открыть, я потерпела неудачу. Лафотьер предложил применить грубую мужскую силу, но, судя по интонации, он тоже понимал, что эта идея не самая лучшая.

— Подожди. — Я бесцеремонно потеснила его в сторону. — Дай попробую еще раз.

Коснувшись дверной ручки, я закрыла глаза и сконцентрировалась — точно так же, как когда касалась старой яблони. Спустя несколько мгновений мне удалось уловить ту самую эфирную энергию, которая здесь ощущалась еще явственнее. Можно сказать, она тут была ключом, словно это место являлось ее средоточием. И если весь остров был телом, храм — грудной клеткой, то за этой дверью находилось сердце.

Вместе с тем ко мне пришло понимание, как попасть внутрь, и такое простое решение вызвало мимолетную улыбку. Ручка и замочная скважина исполняли исключительно декоративную роль, а на самом деле дверь отъезжала в сторону.

Надавив в нужном месте, я попробовала ее отодвинуть, и она очень легко поддалась. Не сдержавшись от того, чтобы наградить ошарашенного Лафотьера снисходительным взглядом, я вошла в открывшийся проем.

ГЛАВА 29

Помещение, куда мы вошли, оказалось небольшим залом. В отличие от остальных комнат, мимо которых мы проходили, здесь сохранились кое-какие вещи. На стене висела пара раскрытых вееров и кошачья маска, в углу стоял диванчик с истертой зеленой обивкой, а в самом центре — светлый каменный постамент кубической формы с округлыми углами. Под высоким потолком одиноко болталась такая же порванная бумага-амулет, какую я видела на красных арках.

— Нужно осмотреть все здание, — напомнил Лафотьер.

— Подожди, — повторила я, подходя ближе к постаменту.

Поправив на плече сумку с книгой, которую, как и всегда, потащила с собой, я протянула вперед руки. Возникло стойкое ощущение, что если коснусь постамента, то воспоминания хлынут в меня подобно прорвавшей плотину реке. Но я медлила. И не столько из-за страха, который, разумеется, чувствовала, сколько из-за какого-то необъяснимого душевного трепета. Почти не испытывала сомнений, что именно этот зал и есть то самое место, куда прежде был открыт доступ только наставнице и где на свет появлялись новые ликои.

Наверное, я не имела никакого права касаться алтаря. Обычной ликой, даже толком не помнящей, кто она такая, вряд ли позволялось это делать. Ведь отсюда до сих пор исходила эфирная энергия, несмотря на то что храм был razорен. Не так много, как в прежние времена, но все же ошутимо.

— Рита, — неожиданно позвал Лафотьер.

— Да-да, я сейчас, — ответила, чуть тряхнув головой.

И уже вознамерилась все-таки положить руки на постамент в надежде, что Прародительница за такую дерзость не будет на меня в обиде, когда Лафотьер произнес:

— Я не могу пошевелиться.

Резко обернувшись, я увидела, что он стоит неподалеку от двери, и одна его нога находится впереди другой — как если бы он шел и вдруг застыл в той позе, в которой находился.

— Попробуй что-нибудь сделать, — не глядя на меня, поскольку не мог повернуть голову, попросил Лафотьер.

Подойдя, я вознамерилась воспользоваться силой, хотя не совсем представляла, как это сделать. Если его удерживает магия этого места, то...

Додумать я не успела, внезапно услышав позади себя негромкий и очень характерный звук — точно такой же сопровождал открывающуюся дверь. Моя реакция оказалась достаточно быстрой для того, чтобы, обернувшись, заметить встающую на место дверную створку. В отличие от того входа, которым воспользовались мы, этот был совсем незаметен.

А потом меня перестали волновать какие бы то ни было входы и выходы, поскольку я увидела... господина мэра Морегорья собственной персоной. Выглядел он, как всегда, безупречно. Разве что дорогой костюмчик на одежду попроще сменил.

— Дэйш? — спросил Лафотьер, который по-прежнему не мог пошевелиться и посмотреть в ту сторону.

— Доброе утро, Йен. — На лице мэра появилась неизменная вежливая улыбка. — Мое почтение, Маргарита.

— Где прячется твоя напарница? — поинтересовался обездвиженный темный маг.

Я заметила в глазах Дэйша удивление, явно вызванное нашей осведомленностью о существовании некой спутницы, а уже в следующий миг из другого конца комнаты прозвучало:

— А я не прячусь. И я не напарница этому лощеному пижону. Всего лишь позволяю ему исполнять мои поручения.

До меня не сразу дошел смысл прозвучавших слов, поскольку, увидев говорившую, я на некоторое время лишилась дара речи и впала в ступор. Уж кого-кого, а ее увидеть здесь я уж точно не ожидала. Да какое там не ожидала! Мне и самом страшном сне в голову не могло прийти, что она ко всему этому может иметь хоть какое-то отношение!

Поверить в причастность к покушениям госпожи Ериши и то было бы проще.

— Удивлена? — правильно истолковав выражение моего лица, недобро улыбнулась Марта. — Что ж, это ожидаемо. Я не зря потратила столько сил на то, чтобы ты меня не узнала и не почувствовала.

От милой библиотечарши, которую я знала, осталась разве что оболочка, хотя и та несколько переменялась — проглянувшее нутро заострило правильные черты, сделав красивое лицо немного хищным.

Хищным и... кошачьим?

Да ну, быть не может...

Кукольное личико, светлые, слегка вьющиеся волосы, голубые глаза, в которых когда-то отражалось небо... Нет, не может быть! Это уже слишком!

— Ты вспомнила? — Психологом она явно была неплохим. — Хотя, скорее всего, просто догадалась, полноценных воспоминаний у тебя все еще нет.

Мне хотелось сказать очень многое, задать бесчисленное количество вопросов, но я почему-то продолжала молчать, не сводя с нее глаз и застыв, копируя неподвижного Лафотьера.

— Ну же, Кир. — Марта усмехнулась. — Ты все еще где-то там внутри, в потаенном уголке души. И ты уже знаешь, кто я. Скажи это. Назови мое настоящее имя.

Ее последние слова стали для меня подобием сигнального гудка, побудившего дар речи вернуться. Все так же глядя ей в лицо, я ровно произнесла:

— Малетта.

Ее улыбка превратилась в довольную, и она делано вздохнула:

— Я была не слишком изобретательна, подбирая новое имя. Малетта, Марта — так или иначе, вы всегда звали меня Матой. Ты и Сонна. Помнишь Сонну? Она ведь погибла из-за тебя.

На миг красивое лицо Марты-Малетты исказила гримаса злобы, но она тут же взяла себя в руки и спокойно продолжила:

— Поэтому мы здесь. Пора платить по счетам, дорогая сестрица.

Я никогда не жаловалась на скудный словарный запас и неумение находить подходящие слова, но сейчас будто онемела. Все происходящее казалось каким-то нереальным, как будто я заснула и видела очередной странный сон.

Подойдя чуть ближе, Малетта смерила меня взглядом с ног до головы и сладко пропела:

— Готова попрощаться с незаслуженной десятой жизнью?

— Отойди от нее! — внезапно произнес Лафотьер, о присутствии которого я почти успела забыть.

Переменившись в лице, Малетта обернулась к нему и буквально зашипела:

— Заткнись! Для тебя у меня приготовлено нечто особенное. Ты будешь подыхать долго и в страшных мучениях, темный маг! — Вновь переведя взгляд на меня, она с прежней улыбкой добавила: — Это так кстати, что ты стала его фамильяром. Истязая его, я буду

ослаблять и тебя. Удобно, не находишь?

Удивительно, но ее угрозы возвратили мне самообладание и чувство реальности. А еще разозлили. Что бы там ни было в прошлом, отправляться из-за этого в Немирин сейчас я не собиралась! И Лафотьера убить не позволю. Только я могу над ним издеваться, больше никому не дам!

Сложив руки на груди, я окинула Малетту оценивающим взглядом и осведомилась:

— Где твои уши и хвост?

Мой расчет на то, что такой вопрос выбьет ее из колеи, оказался верен. Она явно рассчитывала, что я начну спрашивать о чем-то более важном, например, о нашем общем прошлом. Но овладевшая ею растерянность долго не продлилась.

— После смерти Сонны мы с тобой не одно столетие изучали возможности совмещения темной магии и силы ликоев, — охотно поделилась она. — Экспериментировали, совершенствовались. Но ты всегда была слишком азартна, импульсивна и не могла долго сидеть на одном месте. Пока я практиковалась и выводила формулу, позволяющую на время принимать внешность обычного человека, ты влипала в аферы и ходила по лезвию ножа в поисках адреналина. Впрочем, в итоге ты все равно мне помогла, и формулу мы вывели вместе. Только существовал нюанс: чтобы эликсир заработал, требовалось пожертвовать частицей эфирной силы, заключенной в кулоне. Мне не было жалко ее использовать, но ты отказалась, так ни разу и не применив теорию на практике. Мы переезжали с места на место и в конце концов остановились в Морегорье — небольшом провинциальном городке, где нас никто не знал. Точнее, не знал меня. О тебе-то все были наслышаны. Я не захотела открывать свою истинную сущность и устроилась работать в библиотеку, выдав себя за обычного человека. Очень удобно. Этот эликсир — одно из самых полезных моих изобретений. Досадно только, что из-за постоянного употребления усилились побочные эффекты, и я больше совсем не могу обращаться.

Похоже, ей уже не требовались мои вопросы, чтобы рассказывать. Сложилось впечатление, что она все последние годы только и ждала этого момента, когда могла бы мне все выложить.

— Я знала о существовании в твоей мастерской подпольной лаборатории, хоть ты и не рассказывала о ней даже мне. Со временем я все-таки сумела пробиться сквозь твою защиту и попасть внутрь, где позаимствовала некоторые ингредиенты. Я всегда была проницательной. Хотя должна признать, в своей никчемной восьмой жизни ты стала подозрительной ко всем, даже ко мне. Нет... в последние дни той жизни ты стала подозрительной *особенно* по отношению ко мне. Не знаю, где я прокололась. Наверное, все дело в интуиции ликой. Я ловко водила тебя за нос, играя в дружбу, но интуиция заставляла тебя искать подвох. Нужно отдать тебе должное, хоть я всегда была талантливее в технической стороне вопроса, у тебя было отлично развито чутье. Даже силы тебе от рождения досталось больше... огромная несправедливость! Я добивалась всего упорным трудом, а тебе все давалось просто так! — Малетта резко осеклась и, глубоко вдохнув, успокоилась. — Впрочем, это не важно, я отвлеклась. Итак, в последние дни своей восьмой жизни ты стала особенно подозрительной по отношению ко мне. В то время Морегорье сотрясали преступления — сперва редкие, а вскоре все более и более частые. Сначала этому не придавали слишком много значения, а потом заволновались, когда в одну ночь были зверски убиты пятнадцать человек.

Глаза Малетты загорелись — воспоминания о тех днях явно приносили ей удовольствие:

— Я блестяще воплотила свой план в жизнь. Вовремя напоила тебя сильнодействующим снотворным с добавлением кошачьей мяты, благодаря чему ты не проснулась, когда под утро к тебе пришли зерры — раны на телах жертв были красноречивым доказательством того, что это дело лап ликой; да и об остаточной магии я позаботилась. Они надели на тебя ошейник из сплава железа и серебра, оставшийся еще с тех времен, когда в Морегорье жили его предки, — она кивнула на Лафотьера. — Утром ты пришла ко мне и обвинила в совершённом преступлении, из-за которого уже гудел весь город. Но я убедил тебя в том, что к нему не причастна. Надетый на тебя ошейник хранил магию сильнейшего темного мага, и сама его с себя снять ты не могла. Я тоже не могла, даже если бы захотела — а я, как ты теперь понимаешь, не хотела. Но ты удивила меня, Кир. Задавшись целью, ты всегда добивалась желаемого, ничто не казалось тебе

невозможным. Даже я не знала о том, что тебе удалось не только отыскать описание древнейшего ритуала, но и за долгие годы подготовить все необходимое для его проведения. Наверное, как раз на такой экстренный случай. Тебя не сразу взяли под арест — ошейник все равно ограничивал силу и не позволил бы сбежать. А ты не слишком беспокоилась о предстоящей казни, поскольку была уверена в успехе ритуала: умерев, ты должна была переродиться уже через несколько дней. И не просто переродиться в девятый раз, а продолжить предыдущую оборвавшуюся жизнь. Но твоя ошибка состояла в том, что ты рассказала об этом мне и попросила помочь — свою-то силу использовать не могла. И не учла одного: власти Морегорья решили провести свой собственный ритуал, который перебросил бы тебя на другую грань мира. Понятно, кто подбросил им такую идею, да? И в какой библиотеке «случайно» отыскалась книга с необходимым описанием, понятно тоже. Но, как я уже говорила, ты что-то подозревала относительно меня, поэтому свой кулон с частицей силы, который должен был стать привязкой для перерождения, отдала не мне, а нелегальной городской ведьме. Один ритуал должен был поглотить другой — у тебя не существовало ни шанса на успех. Ты была казнена. Горожане требовали, чтобы тебя, согласно древней традиции, сожгли на костре, но я проявила слабость. Устроила так, чтобы сожжение заменили на повешение. Костер — это слишком... даже для тебя. Я поклялась, что сделаю все, чтобы больше ни одной ликой не коснулось пламя.

На этом месте ее длинного рассказа я даже удивилась: значит, в ней еще осталось хоть что-то человеческое.

— Как и ожидалось, ты не смогла продолжить восьмую жизнь, — тем временем произнесла Малетта. — Но что-то пошло не так. И вместо того, чтобы, как и положено, переродиться уже взрослой ликой, ты родилась в семье обычных людей младенцем, не имеющим никаких кошачьих признаков, за исключением присущей тебе гетерохромии и постепенно появляющихся старых шрамов. Более двадцати лет я об этом не знала. Вообще ничего о тебе не знала. Проведенный ритуал крепко связал тебя с той гранью, и пройти через открывающийся проход на эту сторону ты не могла. Раз за разом я искала тебя, но не находила. Обнаружила лишь пять лет назад по чистой случайности. Просто, совершив переход, увидела тебя на улице — живой и процветающей. А я-то думала, что из-за ушей и хвоста тамошние невежды упрячут тебя в какую-нибудь лабораторию, и всю свою девятую жизнь ты будешь влачить существование в виде подопытной крысы... По крайней мере, лелеяла в себе надежду на такой исход, хотя и не исключала, что ты приспособишься.

Она сделала короткую паузу и продолжила:

— Тогда мне было интересно, как ты избавилась от особенностей ликой. Кулона с частицей силы у тебя не было, эликсир приготовить ты не могла. Так я и узнала всю твою биографию. В дни, когда открывался проход, я наблюдала за тобой. Единственное, чего не знала наверняка, — действительно ли ты ничего не помнишь или умело притворяешься. В итоге стала склоняться к первому варианту и, как оказалось, не ошиблась.

— Я находилась на другой грани без возможности вернуться, не помнила себя, — впервые перебила я поток ее красноречия. — Но тебе этого было мало, и ты решила меня убить?

— Верно, — легко согласилась Малетта. — Несмотря ни на что, ты жила. А Сонна, как и многие другие ликой, погибшие по твоей вине, — нет. Я все еще не была до конца уверена насчет твоих воспоминаний и не исключала вариант, что ты сумела сохранить силу. Поэтому не стала рисковать. Отправила к тебе нашего нового мэра. — Она покосилась на притихшего и внимательно слушающего ее Дэйша.

— Так вот кому я обязана девятой смертью? — усмехнулась я, тоже на него посмотрев.

— Он у нас помешан на идее получить Книгу мудрости, — не дав ему ответить, с насмешкой бросила Малетта. — И продлить жизнь. Мнение, что, убив ликой, можно получить ее непрожитые жизни, — не такая уж и чушь, если действовать с умом, а не напролом, как темные маги в прошлом. Так вот, я пообещала, что дам Виару Дэйшу желаемое, если он станет мне помогать. Жизней у тебя в запасе не осталось, но почти на сотню лет он свое существование продлит.

— А зачем было подбрасывать мне фотоаппарат? — усердно подавляя эмоции и стараясь сохранять холодный ум, спросила я. — И все эти ритуалы на кладбище — твоих рук дело, как и недавно совершенное убийство? Хотя про убийство можешь не отвечать. Уверена, что оно на тебе. Ты и правда не слишком изобретательна. Повторяешься.

Малетту мои слова ничуть не задели:

— Не буду отрицать очевидное. Я узнала, когда случилось твое первое обращение в нынешней жизни. И сделала то же, что и более двадцати лет назад. Ритуалы — просто способ отвлечь внимание. Повторюсь, я кое-чего достигла в сплетении силы ликой и темной магии. Создать остаточный фон было совсем несложно, а прикрыться баловством подростков помогло еще сильнее все запутать. В том числе и совершаемые на тебя покушения. Вообще-то я была бы не против, сработай хотя бы одно из них. Но в конечном счете я надеялась подвести тебя к решению приехать на этот остров. Что до фотоаппарата, то это заслуга исключительно Дэйша. Он у нас не только на продлении молодости помешан — к слову, аптекарь не без моей помощи готовит ему для этого специальные эликсиры, — но еще и подзаработать никогда не прочь. Вот и забрал твои вещи с той грани, надеясь их здесь выгодно продать. Ну а я просто этим воспользовалась, чтобы сделать игру еще интереснее. Дала ему амулет и отправила к тебе в мастерскую.

С каждым ее словом картина происходящего становилась все более цельной, но я все равно не понимала еще многого.

— А как же разговор мэра с аптекарем? — Это был один из тех самых непонятных моментов. — Я слышала, как они...

— Ты слышала, — перебила меня Малетта, — то, что я хотела, чтобы ты услышала. Это часть все той же игры. Мы, кошки, вообще очень любим играть.

«Мы» из ее уст прозвучало как оскорбление.

— Или ты думала, что это в самом деле сработал «заговор на удачу», наложенный госпожой Еришей? — Малетта снисходительно на меня посмотрела. — Нет, заговор-то она действительно наложила, иначе вы бы стали ее подозревать. Кстати, — лукаво посмотрела она на меня, — это ведь ведьма подкинула вам с магом идею сюда приехать.

А вот это настоящая подстава! Ну, госпожа Ериша...

— Выходит, она играет за тебя? — Сдерживать эмоции давалось все труднее, но я пока справлялась.

— Ериша — посредственная в плане силы ведьма, — спокойно ответила Малетта. — Но умная и хитрая. Можно сказать, она играет за обе стороны, а в конце останется на стороне победителя. Эта ее черта меня даже восхищает. Хотя, конечно, мне пришлось ей немного пригрозить, а то она стала излишне сентиментальной. С чего-то вдруг начала питать к тебе симпатию. Так что, если тебя это утешит, играет она за нас обоих, но болеет за тебя.

Ну ладно, подстава не такая уж крупная. Уже что-то.

— Но зачем тебе потребовалось выманить меня на остров? — задала я самый главный и наиболее актуальный вопрос.

— А вот теперь мы подошли к главному. — Любительница поговорить разве что руки в предвкушении не потеряла. — Я не знаю, что именно пошло не так в прошлый раз и какой отпечаток на тебя наложил тот ритуал. Ты должна была умереть окончательно еще на той грани, но почему-то переродилась снова. То, что перерождение произошло в Морегорье, неудивительно — там находился твой кулон, служащий своего рода Привязкой. А теперь и ты, и кулон здесь. Я знала, что маг последует за тобой. С ядом особо ничего не вышло — наверное, потому что ты готовила его не для него, а для его предка, — но не беда. Все равно Лафотьер не может сейчас пользоваться магией.

— В каком смысле я готовила яд для его предка? — оборвала я ее затянувшуюся речь.

— О, как это мило, ты и об этом не помнишь, — практически промурлыкала Малетта. —

Но перед смертью я предоставлю тебе возможность вспомнить об этом самой. Я и так достаточно развлеклась, рассказывая тебе истории минувших дней.

В следующий момент она резко переменилась в лице, снова став похожей на холодную и расчетливую хищницу.

— Ты должна вспомнить, за что умираешь. И умереть на том же алтаре, где родилась. Я не просто так говорила, что талантлива. Ты пошла против закона Прародительницы, получив десятую жизнь. И я сделаю так, чтобы ты не просто умерла, но и вовсе исчезла, не сумев пройти в Немирин.

Далее произошло то, чего я не ожидала. И Малетта, судя по всему, тоже. Видимо, за то время, пока мы мило болтали, Лафотьер пытался избавиться от сковывающих его магических пут, и в конце концов ему это удалось.

— Первым здесь умрет он, — произнес темный маг, безо всякой магии крепко обхватив мэра и приставив к его горлу нож.

Я даже неожиданно для себя и, наверное, не слишком уместно в данной ситуации гордость за него испытала. И все-таки он правда в отличной физической форме! Еще и нож с собой прихватил, молодец какой!

— Оу! — Мимолетная растерянность Малетты быстро сменилась равнодушием. — Прежде чем убивать нашего мэра, вы оба взгляните на это.

Она щелкнула пальцами, и та дверь, через которую они пришли, распахнулась. В зал ворвался ветер, принесший с собой висящего над полом, смотрящего на нас с застывшим ужасом в глазах молодого зера. Федьку.

ГЛАВА 30

— Одно мое движение — и он умрет, — рассматривая свои ногти, неуловимо трансформирующиеся в длинные острые когти, произнесла Малетта. — Видите ли, мне по большому счету плевать на жизнь Дэйша. Свою работу он выполнил. Но тебе, Акира, не плевать на этого мальчишку. А Лафотьеру не плевать на тебя. Поэтому вы все будете делать то, что я скажу. Такой вот расклад.

Я почти ее не слушала, глядя на бедного, безвольно болтающегося в воздухе Федю. Его присутствие здесь стало едва ли не большей неожиданностью, чем появление Марты. Просто сердце кровью обливалось оттого, что этот добрый, искренний, оказавший мне помощь в трудную минуту паренек сейчас находится на волосок от смерти, и все из-за меня.

В какие-то считанные доли секунды мне в голову пришла идея. Да, Лафотьер сейчас не может пользоваться темной магией, я со своей силой тоже управляюсь не слишком хорошо, а Малетта, научившись сплетать и то, и другое, имеет существенное преимущество. Но она не знает о нашей с Лафотьером особой связи. Что, если передать ему часть своей силы — так же, как уже делала однажды, чтобы разговорить убитую?

В тот раз провернуть это было несложно: во-первых, от меня требовалось только расслабиться, а во-вторых, обстановка была куда менее напряженной. Сейчас же было необходимо действовать мало того что быстро, так еще и незаметно.

— Начнем с тебя, — обратилась Малетта к Лафотьеру. — Отпусти его.

Похоже, заговор на удачу госпожи Ериши все-таки работал, потому что сила откликнулась практически мгновенно. И я без особого труда начала передавать ее Лафотьеру. В этот момент я чувствовала себя больше Акирой, чем Маргаритой, которая точно знала, что и как следует делать.

Лафотьер ничем нас не выдал, но я была уверена, что у меня все получается. Он демонстративно отпустил Дэйша, толкнув его вперед, прямо на Малетту. Она отвлеклась всего на несколько коротких мгновений, но их оказалось достаточно, чтобы я подскочила к Феде и... черт его знает, что именно я сделала, но что бы это ни было — оно работало!

Зерр упал на пол, и я тут же заслонила его собой. Потом так же быстро передо мной оказался Лафотьер, и нас окружил темный полупрозрачный купол, по которому пробегали бледно-зеленые искры.

Настал черед Малетты лишаться дара речи: такого она точно не ожидала. Еще бы! Не только эта кошка облезлая умеет сплетать силу с темной магией, мы тоже кое на что способны!

— Как вы... — начала она и, не договорив, вернула на миг утраченный самоконтроль. — Не важно. Ты все равно слаб, маг. А ты, Акира, разучилась пользоваться силой. Вы не ровня мне.

В следующий миг она подтвердила статус «сильнейшего мага», как ее назвал Лафотьер, когда говорил о том, кто сумел проникнуть на городское кладбище. Не было никаких спецэффектов, никаких взрывов или чего-то подобного, просто — раз, и вся наша защита полетела коту под хвост, разрушенная прокатившимся по залу незримым, но хорошо ощутимым импульсом.

Лафотьер снова был обездвижен, и я осталась один на один с разъяренной фурией. Меня отшвырнуло назад, прямо к постаменту, и я лишь чудом избежала болезненного с ним столкновения. Мои последующие попытки напасть на Малетту ни к чему не привели — она всякий раз оказывалась быстрее, уклоняясь от всех адресующихся ей атак. Возникло странное ощущение, что мое сознательное каким-то образом сдерживает бессознательное, не позволяя ему контролировать ситуацию и управлять силой в полной мере.

Пока меня уносило к постаменту, я выронила сумку, и подобранный ее Дэйш уже лихорадочно листал страницы Книги мудрости. Сказал бы мне кто-нибудь — он и правда

такой дурак? Думает найти там секреты долголетия? Или рассчитывает, что Малетта позволит ему меня убить? Да она сама, собственноручно жаждет меня прикончить, очевидно же!

Из-за хаоса, творящегося последние несколько минут, я далеко не сразу заметила, что вокруг меня появились зажженные свечи, принесенные ветром, точнее силой, все из-за той же двери вместе с пучками каких-то трав, среди которых однозначно присутствовала кошачья мята. На мое счастье, ее было не настолько много, чтобы я начала терять рассудок.

А Малетта подготовилась основательно. Наверное, вчера здесь ночевать осталась и поджидала нас с утра пораньше.

Наряду с мечущимися в голове суматошными мыслями проскальзывали и более трезвые, связанные с поиском выхода из данной ситуации. А ситуация-то была откровенно скверная. Ужасная просто!

— Пора повеселиться. — С многообещающей и какой-то маниакальной улыбкой Малетта подошла к застывшему каменным изваянием Лафотьеру.

— Не смей! — крикнула я и, попытавшись к ним приблизиться, наткнулась на невидимую преграду.

Неожиданно Малетта рассмеялась — громко, заливисто.

— Занятное зрелище, — отсмеявшись, бросила она. — Ты даже не понимаешь, кого защищаешь. Сама ведь желала ему смерти. Если это из-за того, что ты его фамилляр и погибнешь вместе с ним, тоже можешь не трепыхаться. Погибнешь в любом случае. Начнем!

Она вытянула перед собой руку, и по застывшему лицу Лафотьера пробежала судорога боли. Не знаю, чем это было вызвано, но мне эта боль не передалась. Вообще только сейчас обратила внимание на то, что и неподвижность мне не передавалась тоже, хотя, по идее, должна была.

Я не знала, каким образом Малетта собиралась возратить мне воспоминания, перед тем как убить, но сделать это она намеревалась явно не сейчас, а позже. Не уверенная в том, что поступаю правильно, я все-таки решила рискнуть.

Круто развернувшись, поднесла ладони к алтарю. Поколебалась еще пару секунд, услышала от Малетты: «Нет, еще рано!» — поняла, что на правильном пути, и решительно коснулась чуть шершавого и теплого, как кошачий язык, камня.

Несколько долгих секунд ничего не происходило, а потом ладони вдруг обожгло — совсем как в тот раз, когда я попыталась взять кулон. Хотела вскрикнуть, но голос больше мне не принадлежал, как и тело, которым я перестала управлять. Сознание билось в нем запертой птицей до тех пор, пока его не подхватили мягкие волны, напрочь отделившие меня от реальности.

...Я шла той же тропинкой, что и этим утром. Миновала арки и фонтан, обошла каменную скульптуру, обогнула храм и, оказавшись на заднем дворе, увидела старую, широко раскинувшую скрюченные ветви секвойю. На одной из этих ветвей, совсем как в однажды приснившемся мне сне, сидела Акира. В свободном легком платье, с распущенными черными волосами и взглядом, направленным на меня, — цепким, пронизательным, мудрым. Таким, какой может быть только у того, кто прожил далеко не одну сотню лет и пережил очень многое.

— Привет, Маргарита, — произнесла она голосом, очень похожим на мой, только чуть более низким и глубоким.

Я остановилась и вздрогнула.

Плохой, очень плохой признак разговаривать с самой собой! И не просто перед зеркалом или рассуждая вслух, а фактически наяву!

Может, я заработала шизофрению, притом уже давно? И вся эта грань мира, включая

кошачьи уши, хвост, темных магов и спятивших давних подруг-сестер, — просто плод моей прогрессирующей болезни?

— Нет, ты не сошла с ума, — понимающе усмехнулась Акира.

Спрыгнув с дерева, она подошла ко мне, едва не заставив непроизвольно попятиться, и, глядя в глаза, произнесла:

— Просто ты — не я.

Где бы мы сейчас ни находились, здесь было очень тихо. Так тихо, что повисшая звенящая тишина казалась ощутимой буквально физически. А после последних слов Акиры стала еще плотнее.

Я подумала, что ослышалась.

— Ты не Акира, — прозвучало повторно. — Ты человеческое дитя по имени Маргарита, которой было суждено умереть через несколько дней после рождения.

Понятия не имею, каким чудом я осталась стоять на ногах, а не сползла потихоньку на землю. То есть сначала меня все убеждали, что я ликой, прожившая бог весть сколько лет, заставили в это поверить, а теперь оказывается, что я — просто «человеческое дитя»?

Ничего не понимаю!

— Но как же...

— У нас не так много времени, — оборвала меня Акира. — В отличие от Маты, я не могу позволить себе говорить долго. Поэтому я просто покажу.

С этими словами она обхватила мое лицо руками, заставляя смотреть ей в глаза, и надавила пальцами мне на виски.

И я увидела заполненную людьми площадь, в центре ее стоял эшафот, на который всходила одетая в черное девушка-кошка. Увидела накинутую на ее тонкую шею петлю и ощутила вспышку боли, когда она затянулась. Несколько долгих мгновений агонии — и чувство полета, в то время как оставшееся внизу тело рассыпалось на сотни эфирных частиц, которые вскоре растворились.

Гудящие где-то машины, простаивающие в вечных пробках, и мигающие светофоры. Подтаявший мартовский снег и крики, доносящиеся из палаты одного родильного отделения. Страх и отчаяние, вызванные пониманием того, что ничего не получилось. И еще больший страх, граничащий с трепетом, когда на границе жизни и смерти появилась она — девятихвостая белоснежная девушка, не имеющая возраста. Прародительница.

В ее глазах читались и сострадание, и укор.

Закон попытались нарушить, а значит, последует наказание.

Еще одно понимание: в качестве того самого наказания могут отобрать и последнюю, девятую жизнь.

Но этого не происходит. У Прародительницы свои далеко идущие планы.

Крик роженицы, который почему-то становится еще громче. Снова полет на сумасшедшей скорости, вереница разноцветных огней. Первый детский плач — и две накрепко сплетенные, сросшиеся, как деревце с деревцем, души.

Человека и ликой.

...Когда череда образов схлынула, я жадно вдохнула не имеющий запаха воздух и во все глаза воззрилась на Акиру.

— Как же так? — спросила у нее севшим голосом. — Получается, ты не переродилась и не ушла в Немирин, а продолжила жить как часть меня? Делить со мной тело?

— Я стала частью твоего подсознания, — кивнула Акира. — Но моя сила изменила тебя физически. Ты родилась точной копией меня. Тебе ведь всегда говорили, что ты не похожа ни на кого из родителей. Родственники еще иногда шутили, уж не взяли ли тебя из детского дома.

Я сглотнула — да, такое действительно было.

Снова стало нечем дышать. Наряду с терзающими меня чувствами изнутри грызла и обида: и в самом деле, как же так? Неужели я всю сознательную жизнь была лишь чужой тенью? А где в таком случае я? Где настоящая Маргарита? Какая она? Какой могла стать, если бы не так причудливо повернувшаяся судьба?

— Ты всегда была собой. — Похоже, Акира прекрасно читала мои мысли. — За исключением внешности. Пока мы были на той грани, я никак не могла себя проявлять. Просто наблюдала за тобой словно бы со стороны. Чувствовала все твои переживания, как свои. Я даже полюбила тебя. Наверное, это и стало моим искуплением — я ведь так давно разучилась любить... Долгое время я не могла осознать, что происходит. Прародительница не посвятила меня в свои намерения. Лишь совсем недавно стала что-то понимать, а по мере того, как ты училась управляться с моей силой, смогла приходиться к тебе хотя бы в снах. И давать некоторые подсказки, черпая их из своих воспоминаний. Я училась существовать с тобой так же, как ты — со мной.

— Но что нужно Прародительнице? — никак не могла я понять. — Зачем ей понадобилось все это делать?

— Она предвидела все, что случилось, с самого начала, — произнесла Акира. — Это был долгий путь, и вскоре он завершится. Но об этом ты узнаешь несколько позже. А сейчас нам пора, Маргарита. *Мне* пора. Пора освободиться.

Мне не требовалось дополнительных пояснений, чтобы сообразить: сейчас мы разделимся. Может, Малетта и считала, что это она привела меня на этот остров, но на самом деле то была воля высшего существа, которое называют Ликоой.

— Подожди! — попросила я, порывисто взяв Акиру за руку. — Как бы то ни было, я приехала на этот остров за воспоминаниями...

Акира заметно напряглась, но понимающе кивнула:

— Йен. Уверена, что хочешь это знать?

— Да, — твердо ответила я, глядя в разноцветные, такие же как у меня, глаза. — Покажи мне. Покажи все!

Снова взяв мое лицо в ладони, она невесело усмехнулась:

— Все свои жизни показывать не буду. В них было столько, что всего и не вспомнить. Но да, ты должна знать то, что тебя так волнует. Смотри...

И я смотрела. Затянутая в водоворот чужого прошлого, которое по воле провидения стало в какой-то мере и моим, проживала каждую секунду того, что мне было показано.

Тихая и мирная первая жизнь, почти полностью проведенная на острове. Детские игры и совместное взросление с подругами и сестрами — Сонной и Малеттой, вместе с которыми Акира пришла в этот мир.

Картины из нескольких последующих жизней, наполненных азартом, безудержным духом свободы и нескончаемым поиском приключений.

Пятая жизнь... Тогда, около пятисот лет назад, отношения между ликоями и темными магами накалились до предела. Все ликой снова стекались на остров Небесной кошки, где всегда находили надежное пристанище и защиту.

Городской праздник с кострами в Гальниже, на который сбежала неугомонная Акира, спрятавшая уши и хвост — совсем как недавно я. Страстные танцы, в один из которых ее увлек беловолосый темный маг — тоже совсем как меня. Она чувствовала в нем темную магию, но он казался не таким, как его собратья. Не способным причинить вред.

Сколько их потом еще было, этих встреч...

Он хотел помочь ликой. Не разделял взглядов своего главнокомандующего, клялся в любви. И Акира тоже полюбила его, так, как делала все — безудержно, отчаянно, без оглядки бросаясь в омут чувств. Она доверилась ему настолько, что в конце концов дала свой кулон и провела на остров, чтобы переговорить с наставницей.

Эта ночь стала кровавой. Даже луна окрасилась в алый цвет.

Непонимание в разноцветных глазах, когда следом за возлюбленным на остров приплыли другие маги, принесшие с собой разрушение и смерть. Когда оказалось, что тот, кому она подарила свое сердце, разбил его на мелкие части, оказавшись воплощением кошмара. Самим главнокомандующим темным магом — Риагом Сайтехом Лианом Лафотьером. Предком, а если быть точнее — дедом Йена. Безжалостным убийцей многих и многих ликоев, в числе которых оказалась Сонна. И даже наставница, до последнего защищавшая своих подопечных.

Шершавые корабельные доски, давящие тиски ошейника и кандалы на запястьях. Потрескавшиеся соленые губы и непроходящая тупая боль в груди, постепенно превращающаяся в неукротимую жажду мести.

Недели пыток и унижений в проклятой резиденции, попытка бунта и костры, на которых с криками ужаса сгорали те ликой, которым не удалось спастись.

Сбежав вместе с Малеттой, Акира набралась сил и через некоторое время вернулась мстить. Она собственноручно убила Риага, заставив его страдать, и поклялась, что не даст спокойной жизни всему его роду. Еще через несколько лет последовало убийство его повзрослевшего сына, а затем настал черед и внука. С последним она решила не торопиться. Он был так похож на Риага... Акира потратила много сил на то, чтобы влюбить его в себя, дала ему надежду, заставила потерять голову и отвергла. Рассказала, что это с ее руки его отец и дед отправились на ту тьму, и исчезла из его жизни. До тех пор, пока по стечению обстоятельств не была вынуждена прийти к нему за помощью.

И снова обманула, подставила, разрушила карьеру, ушла, решив, что окончательно расправиться с ним сможет и позднее.

Внешне он очень походил на Риага, но внутри был совсем другим. В нем не было той жестокости и бессердечия, хотя на первый взгляд он производил впечатление холодного и равнодушного ко всему мага. Именно это и сдержало Акиру, так и не попытавшуюся его убить. Она раз за разом откладывала это на потом, пока не стало слишком поздно и не убили ее саму...

...Открыв глаза, я обнаружила, что плачу. Мне было так жаль их всех — и Акиру, и Йена, и погибшую вместе с другими ликоями Сонну. Даже Малетту, которая тоже прошла через ад. И Малетта, и Акира трансформировали свою боль в месть, только направили ее на разных людей.

— Я не горжусь тем, что сделала, — негромко произнесла Акира. — Но если бы могла отмотать время назад, поступила бы точно так же. Возможно, пощадила бы его потомков, но самого Риага убила бы снова.

Я не могла ее осуждать после того, что сейчас увидела и пропустила через себя.

— Теперь нам и правда пора, — убрав ладони от моего лица, Акира взяла меня за руки. — Что твое, то у тебя и останется. Я уйду, забрав лишь свое. Просто закрой глаза и ни о чем не думай.

Стоило выполнить требуемое, как нас окутал ветер и меня подхватили знакомые мягкие волны. Они убаюкивали и несли куда-то вперед, навстречу ослепляющей вспышке света, на несколько долгих мгновений выпившей мое дыхание.

А потом я задышала вновь, и мир начал стремительно наполняться звуками. Судя по тому, что я увидела, открыв глаза, из реальности я выпала на считанные минуты. Обстановка практически не изменилась: Лафотьер все так же стоял неподвижно, Дэйш листал книгу, Федя лежал без чувств, и только Малетта начала чтение какого-то заклинания, а в ее руках появился длинный, инкрустированный драгоценными камнями

кинжал. Заметив, что я пришла в себя, она бросила на меня быстрый взгляд, и окружающие меня свечи загорелись ярче.

Поймав на себе взгляд Лафотьера, я отметила, каким ужасающе бледным стало его лицо. Подумала, что сейчас ему придется очень несладко, когда он вдруг сорвался с места. Набросился на Малетту и повалил на пол, с силой сжав ее шею. Бросив быстрый взгляд на мэра, я увидела, что он намеревается вмешаться, приближаясь к Лафотьеру со спины, но тут его сшибло с ног черно-зеленым вихрем, стремглав промчавшимся по комнате. Тем же вихрем Лафотьера отбросило от Малетты, после чего «вихрь» навис над ней и, обретя очертания полупрозрачной женской фигуры, произнес:

— Ну, здравствуй, Мата.

ГЛАВА 31

Появление призрачной Акиры имело эффект взорвавшейся бомбы. Ошеломлены были все. Ну, кроме меня. С лица Лафотьера можно было писать картину, не говоря уже о Малетте, которая переводила взгляд с Акиры на меня и никак не могла взять в толк, что происходит. Даже мэр наконец оторвался от Книги мудрости и со смесью непонимания и ужаса воззрился на явившегося нам «призрака».

— Н-невозможно, — с запинкой выдавила лежащая на спине Малетта. — Ты же не могла раздвоиться!

— Я и не раздвоилась, — спокойно произнесла Акира. — Когда твоими стараниями мой ритуал был нарушен, пришлось слиться с человеческим ребенком. Так и существовала.

— Акира? — хрипло позвал поднявшийся на ноги Лафотьер.

Наверное, это было глупо, но я испытала укол ревности. Он ведь когда-то сильно ее любил. И все его чувства ко мне во многом тоже адресовались ей...

— Привет, Йен, — как ни в чем ни бывало приветствовала Акира. — Как жизнь?

В этот момент Малетта, яростно зашипев, вскочила и использовала силу против духа... вернее, попыталась это сделать. В отличие от меня, Акира управлялась со своими способностями просто блестяще. Даже будучи нематериальной, она могла наносить окружающему миру, включающему живых существ, ощутимый урон. Несчастный диванчик, простоявший здесь бог весть сколько лет, разлетелся в щепки, когда его приложило ударной волной.

Я от греха подальше спряталась за постамент, поскольку противостояние двух ликоев разворачивалось нешуточное. А силы у меня больше не было — ее отсутствие я чувствовала предельно отчетливо. Акира сказала, что все свое заберет с собой, вот и забрала. Только уши с хвостом и остались — видимо, на физиологию ее уход повлиять не мог.

Пока ликои — одна из плоти и крови, а другая в эфирном воплощении — выясняли отношения, я, наблюдая за ними, никак не могла осознать, что это самое эфирное воплощение еще буквально несколько минут назад было частью меня.

Я так увлеклась созерцанием Акиры, что не успела вовремя отреагировать, когда Малетта внезапно бросилась ко мне. Зато успел Лафотьер, оттолкнувший меня в сторону. Мы кубарем покатались по полу и оказались практически у самой двери. Мэр попытался было схватить меня сзади, но Лафотьер вновь оказался быстрее и так съездил ему по физиономии, что тот отшатнулся и упал не хуже, чем от магического удара.

— Бежим! — поднимая меня с пола, крикнул Лафотьер.

— Там же Федя, — попыталась возразить я.

Но он, буквально силком таща меня за собой, еще громче рявкнул:

— Живее, Рита!

На ходу открыв дверь, мы выбежали в коридор и едва успели уклониться от последовавшей за нами Малетты, на всех парах вылетевшей в окно и выпавшей на улицу. За ней устремилась Акира, которая и отправила бывшую подругу в этот полет.

Не сговариваясь, мы с Лафотьером подошли к тому самому окну и выглянули на улицу. Схватка между Акирой и Малеттой продолжалась недолго, но бурно. Должно быть, это тихое место не видело таких сражений со времен нашествия темных магов!

Отвлеклись мы лишь на минутку, чтобы перенести все еще бесчувственного Федю в коридор. А когда затем снова выглянули на улицу, увидели, что картина переменилась.

Запыхавшаяся Малетта упала на колени около фонтана и, тяжело дыша, отерла бегущую из носа кровь — лишнее подтверждение тому, что она выжала свой максимум.

— Ну давай же, убей меня, — подняв взгляд, сипло выдавила она. — И покончим с этим, ты победила!

Акира, как мне показалось, горестно вздохнула и, присев рядом с ней, возразила:

— Я не хочу тебя убивать, Мата. У меня было двадцать два года и на то, чтобы тебя простить, и на то, чтобы обдумать все, что я совершила и через что прошла за свои предыдущие жизни. Я еще в момент смерти поняла, как сильно ты меня ненавидишь. Увидела твой взгляд среди сотен других, взирающих на мою казнь... Наверное, я этого заслуживаю.

— Конечно, заслуживаешь! — вскинулась Малетта. — Ты погубила нас! Погубила Сонну, наставницу, всех! Все из-за твоей беспечности!

— Да, так и было, — покаянно склонив голову, согласилась Акира. — Я всегда была слишком гордой, чтобы открыто это признать. И это бремя тяготит меня на протяжении пяти веков. Я уже фактически мертва, Мата. Меня предал тот человек, которого я безмерно любила. Меня пытали, истязали, унижали больше, чем других. Ему это доставляло удовольствие. Я убила его. Его сына. Заставила страдать внука. Что еще я могу сделать, чтобы искупить свою вину?

Даже теперь, когда я не была связана с Акирой, ее сквозящая в каждом слове боль все равно бередила сердце. Исподлобья взглянув на Лафотьера, тоже наблюдающего за этой сценой, не смогла понять, о чем он думает — его лицо будто закаменело.

— Она умерла прямо здесь, — дрогнувшим голосом произнесла Малетта. — На этом самом месте. У фонтана... помнишь?

— Помню. — На глазах бесплотного духа выступили такие же бесплотные слезы. — Помню, Мата.

— И наставница, — продолжила та. — Она так часто сидела здесь. Нам было так хорошо, так... спокойно.

Еще совсем недавно я бы не поверила, что она может говорить с такой надрывной тоской. Что может чувствовать так глубоко. И что картины прошлого могут на некоторое время затмить в ней горящую последние столетия ненависть. Малетта посвятила всю себя этой ненависти и жажде мести. А сейчас, почти потеряв ее, словно бы лишилась главной опоры.

Прилетевший ветер сорвал с ее шеи шелковый шарф, открыв всеобщему обозрению оставшийся от ошейника шрам. Почему я никогда его не замечала? Так же как Лафотьер долгое время не замечал мои.

Как часто мы проходим мимо чужой боли, не замечая ее. Не потому, что не хотим, а просто потому, что не находим времени, занятые собственными переживаниями.

— Я уйду в Немирин, Мата, — произнесла Акира. — Но у тебя впереди еще остаток этой и целая девятая жизнь. Больше сотни лет в запасе, и ты можешь потратить их на что-то стоящее. Тебе всегда нравились цветы. Из всех эликсиров больше всего нравилось придумывать формулы тех, что связаны с садоводством. Поезжай в новый город, открой свой магазин. Ты ведь так красива, и еще можешь полюбить. Заведи семью, роди дочь... Пожалуйста, Мата, пусть хотя бы одна из нас будет счастлива!

По щекам Малетты ручьями стекали слезы.

— Ты не можешь мне этого говорить, — выдавила она. — Ненависть к тебе — все, что у меня осталось. Не отбирай это...

— Значит, не так уж сильно ты меня ненавидишь, раз это чувство так легко отобрать, — улынулась Акира. — До той трагедии ты была самой доброй из нас. Я вечно задирала нос, а Сонна всегда всех смешила.

На лице Малетты расцвела бледная улыбка. Она не могла так резко перемениться, отпустив то, чем жила последние столетия. Не могла искренне простить Акиру, но понимала, что проиграла. И все же слезы, льющиеся сейчас из ее глаз, очищали,

вытесняли ненависть и заставляли вспомнить прежнюю себя, ту, какую помнила и описала Акира, — милую и искреннюю девочку, играющую с подругами в снежки под сенью вечно цветущих яблонь...

— Я бы хотела все забыть, — произнесла Малетта. — Но не могу...

Никто не успел среагировать вовремя. Я вообще не заметила тень, подкрадывающуюся к ней со спины, Акира была поглощена разговором, а Лафотьер выкрикнул «осторожно!» слишком поздно.

Длинный кинжал, который Малетта выронила в комнате, вонзился ей в спину точно на уровне сердца, и зажат он был в руке Дэйша.

Наполненные слезами глаза Малетты в последний раз с удивлением взглянули на мир и застыли, когда кинжал прошел насквозь. Дэйш дернул ее на себя, и она упала навзничь.

Теперь в этих глазах снова отражалось небо...

— Нет, — прошептала шокированная Акира и, обратив на Дэйша полный горячей ненависти и ярости взгляд, уже громко воскликнула: — Нет!

К его рукам тем временем потянулись голубоватые, похожие на дым нити, идущие из груди Малетты.

Я в ужасе закрыла рот руками. Это что, ее непрожитые годы сейчас перетекают к нему?!

Не знаю, на что рассчитывал Дэйш. Может, на то, что вместе с жизнью к нему перейдет и сила, которая поможет нам противостоять? Или, помешавшись на жажде долголетия, он напрочь лишился здравого смысла?

В считанные мгновения Акира бросилась вперед, издав громкий крик, прошла прямо сквозь него, и туманные нити с треском оборвались. Развернувшись, призрак пролетел сквозь пошатнувшегося мэра еще раз, и тот с полубезумным взглядом попробовал бежать. Но, сделав всего несколько шагов, остановился и захрипел, схватившись за горло. Амулет на его шее — наверное, тот, что когда-то дала Малетта, — не выдержав напора, разлетелся на мелкие осколки.

В следующую секунду Морегорье лишилось мэра. Виар Дэйш был мертв, и вместо красивого молодого мужчины среди разросшихся диких лилий лежал глубокий старик.

А потом Акира запела, присев около Малетты и положив ее голову себе на колени. Не знаю, что это была за песня и на каком языке, но только было в ней столько светлой печали и какой-то тихой, затаенной надежды, что я снова поймала себя на том, что вот-вот разрыдаюсь.

Я никогда не была сентиментальной, скорее в меру эгоистичной и заботящейся в первую очередь о себе. Скажи мне еще недавно кто-нибудь, что я стану сожалеть о смерти той, которая только что пыталась меня убить, — ни за что не поверила бы. Но уж если ее простила Акира, то мои претензии тем более ничего не стоят.

Звучащая колыбельная разносилась по острову, подхватываемая легким ветром, и тело Малетты постепенно исчезало, рассыпаясь на тысячи мелких светящихся крупинок.

Внезапно очнувшийся и присевший на полу Федя издал какой-то странный звук, и в тот же момент позади прозвучал смутно знакомый голос. Голос, который я слышала, когда шла к храму:

— Она больше не возродится. Я заберу ее в Немирин.

Медленно оборачиваясь, я уже знала, кого увижу.

В дверном проеме, окруженная ореолом света, стояла Ликоой — с мудрыми глазами цвета аметиста и девятью хвостами, широким веером раскинувшимися за спиной.

Раздался тихий шелест, повеяло едва ощутимой прохладой, и рядом с нами оказалась Акира, на лице которой больше не было ни следа от слез.

— Ты позволила ему убить ее, — произнесла она, обращаясь к Прародительнице.

— Это искупление для Малетты, — ответила та. — Я лишила ее последней жизни здесь, но дарю вечность в Немирине. И тебе тоже.

Взгляд Ликоой обратился к нам с Лафотьером, и не могу сказать, что я была этому рада. Казалось бы, после всего пережитого я уже должна перестать удивляться, но внимание непостижимого высшего существа все равно пугало. Все-таки я, как выяснилось, далеко не настоящая ликой. Самозванка с незаконно полученными ушами, хвостом и шансом на вторую жизнь, можно сказать. А ну как эту вторую жизнь попытаются отнять?

Умирать мне совершенно не хотелось.

— О нет, — словно прочитала мои мысли Ликоой. — Для вас двоих все еще только начинается. Ты ведь не хочешь идти в Немирин?

Вопрос явно адресовался мне.

— Не горю желанием, — сцепив руки за спиной, я скрасила нервность тона вежливой улыбкой. — Смеею заметить, я свою настоящую жизнь ценю больше любой вечности.

Прародительница негромко засмеялась:

— В этом вся ты. И этим ты похожа на ликой. Мои дети тоже ценят настоящее, предпочитая брать от жизни все и наслаждаясь всеми ее вкусами. Даже я сама порой тягочусь благ Немиринина и снисхожу в ваш, такой контрастный и щедрый на людские эмоции мир.

Кажется, единственным участником этой сцены, не испытывающим должного пиетета перед высшим существом, был Лафотьер.

— Наверное, я должен это отдать, — не постеснялся он вклиниться в божественную речь, коснувшись висящего на шее кулона.

Проследив за движением его руки, Прародительница отрицательно качнула головой:

— Отдашь, но позже. Сейчас вы двое отправитесь домой. Но по дороге остановитесь у макового поля, я буду ждать вас там.

— Зачем? — прямо спросил Лафотьер, почему-то задвигая меня назад будто бы в попытке защитить.

Заметив этот жест, я даже поморгала, думая, что мне мерещится.

— Ишь ты какой, — не укрылось это и от цепкого взгляда Прародительницы. Она хитро улыбнулась и многозначительно пообещала: — Все узнаете в свое время.

Затем развернулась и, уже обращаясь к Акире, фыркнула:

— Дуреха ты! Столько лет прожила, а ума так и не набралась! Это же надо было такого мужика упустить...

Что ответила Акира и ответила ли вообще, мы уже не узнали, поскольку они обе растворились, оставив после себя лишь сверкающую на свету мелкую пыль.

В город мы возвращались в том же молчании, что и по пути сюда. Лафотьер нехотя и с определенной долей брезгливости взвалил на себя тело Дэйша, которое мы оставили в Гальниже. Дали денег, чтобы его похоронили, — в Морегорье родственников у него все равно не было, — погрузили вещи в экипаж и тронулись в дорогу.

Я чувствовала себя опустошенной. Не хотелось ни говорить, ни вспоминать, ни даже есть, хотя прихваченная из ресторана гостиницы еда дразнила обоняние приятными запахами. Хотя сила от меня ушла, мой нюх все еще оставался чутким, а зрение — острым. Правда, способностей к обращению я в себе не чувствовала. Даже жаль — быть кошечкой мне понравилось, хотя черных котов мало кто любит.

В отличие от меня, Федька стресс заедал. Повисшую в экипаже тишину нарушал мерный хруст сухариков, ну и еще цоканье лошадиных копыт.

Мы с Лафотьером сидели друг напротив друга и лишь изредка переглядывались. Безусловно, нам было о чем поговорить, но мне заводить разговор не хотелось. Вообще ничего не хотелось после такого изматывающего дня. Только одно занимало мысли: зачем Прародительница позвала нас на маковое поле. К слову, возвращаться туда я не испытывала никакого желания.

— Рита, — спустя несколько часов поездки все-таки не выдержал Лафотьер.

— Только давай без серьезных разговоров, а? — страдальчески на него посмотрев, попросила я. — Я сегодняшними исповедями сыта по горло.

Но когда он неопределенно повел плечами и снова устремил взгляд в окно, сама же у него спросила:

— Ты знал? Про своего деда и Акиру.

— Нет, — тут же ответил он, как будто только и ждал этого вопроса. — Но я знал, что мой дед был главнокомандующим темным магом, разорившим остров Небесной кошки. Наша семья поколениями жила в особняке, стоящем на обрыве в Морегорье. Он тоже жил там, но потом за заслуги перед королевством ему была подарена резиденция, на месте которой сейчас находится маковое поле. Я не хотел иметь с ним ничего общего, как и со своим родовым гнездом. Поэтому почти всю сознательную жизнь провел в столице. И жил там до тех пор, пока из-за Акиры не лишился титула придворного мага. Что ж, — невесело усмехнулся он, — теперь я, по крайней мере, могу ее понять. Я думал, она ненавидит меня и весь наш род только лишь из-за того, что она ликой. Но, как оказалось, она имела непосредственное отношение к событиям тех дней.

Я не знала, что тут можно сказать, поэтому промолчала. Так и не смогла понять, что Лафотьер теперь испытывает по отношению к Акире. И, что еще более важно — что испытывает по отношению ко мне.

— Как тебя схватили? — неожиданно обратился он к смачно чавкающему Феде.

Тот быстро прожевал очередную порцию сухариков и, точно рядовой перед генералом, отчитался:

— Мы даже до вашего дома доехать не успели! Марта... то есть Малетта... фактически бросилась под экипаж, вынудив нас остановиться. Потом меня по голове шарахнули — должно быть, господин Дэйш. Дальше ничего не помню... Точнее, помню, что один раз очнулся на постоялом дворе. Еще в окно выглянул и увидел, как вы садитесь в экипаж. Но меня опять в отключку отправили. Потом уже только на острове в сознание пришел...

Мне сразу же вспомнилось ощущение на постоялом дворе: как будто на меня кто-то смотрит. Выходит, не показалось.

Бедный впечатлительный Федька, на долю которого выпало слишком много потрясений, опять приложился к сухарикам. Он храбрился, но было хорошо заметно, как болезненно ноет его разбитое сердце. Марта ведь ему по-настоящему нравилась.

На этот раз ночь мы провели в экипаже, не делая остановки на постоялом дворе. Хотелось быстрее со всем покончить, поэтому мелкие неудобства вроде затекшей шеи были несущественны. Я спала крепко и без сновидений, а проснулась как раз к тому времени, когда мы подъезжали к маковому полю.

Уже наступило утро. Солнце взошло, но еще недостаточно, чтобы изнурять зноем. После прошедшего ночью дождя воздух сделался влажным и свежим, усилились все запахи, и именно сладковатый аромат маков разбудил меня.

Из экипажа мы вышли все вместе. Только Федя так и остался стоять около повозки, не горя желанием снова встречаться с Ликоой, а мы пошли по уже знакомой тропинке среди маков. Признаться честно, я бы тоже предпочла никуда не ходить, но куда уж тут денешься, если встречу назначило высшее существо, по сути, подарившее тебе новую жизнь?

— Как думаешь, чего она хочет? — немного нервно спросила я, когда мы прошли добрую половину поля.

— Понятия не имею, — честно признал Лафотьер и, глянув на меня через плечо, добавил: — Не теряй бдительности.

И без того нервничающая, я не могла не съязвить:

— Ну конечно, я же, в случае чего, так легко смогу дать ей отпор! Особенно теперь, когда у меня нет силы и выяснилось, что я никакая не ликой, а... а вообще непонятно кто! Ошибка природы.

— Ты не ошибка природы, — сказал Лафотьер так тихо, что я не была уверена, не послышалось ли мне.

Дойдя практически до самого конца макового поля, так и не увидев Прародительницу, мы остановились на том месте, где земля плавно сменялась песком.

Вблизи это место оказалось еще более поразительным, чем издали. Маки устилали прибрежную полосу и невесомой россыпью убегали под воду, делая ее ярко-алой. На берег набегали волны, стараясь утянуть с собой цветы, но те, проявляя недюжинную прочность, лишь колыхались в такт их движениям. Снаружи хрупкие, но сильные внутри. И гибкие, что позволяло им выживать... совсем как ликой.

— А вот и вы, — прозвучало поблизости.

Мы непрестанно выискивали взглядами Ликоой, но ее появление перед нами все равно стало неожиданностью. Она пришла с морской пеной, стелющейся у ее ног и казавшейся продолжением длинного струящегося платья. Озаренная розовато-золотистыми лучами солнца, она смотрела на нас так же внимательно, как мы на нее.

— Ну вот, мы пришли, как ты и хотела. — Лафотьер упорно не желал выказывать пиетета перед ее почтенным возрастом и божественным статусом. — Может, наконец скажешь, что тебе нужно?

Прародительница показательно вздохнула, и тонкая бретелька платья плавно соскользнула с ее плеча.

— Какой ты все-таки нетерпеливый, — с долей кокетства усмехнулась она.

Но эта улыбка в следующий миг оказалась стерта, сменившись отрешенной серьезностью. Теперь перед нами стояла настоящая Ликоой — Прародительница целого рода сверхъестественных созданий, высшее существо, обладающее огромной силой, и жительница Немирина.

— Посмотри на это поле, Йен Трейнар Лиан Лафотьер. — Она сделала широкий жест рукой. — Ты знаешь, что случилось здесь пятьсот лет назад. Мои дети страдали здесь, подвергались пыткам, умирали. Их боль и ярость были так сильны, что повисли на их душах якорем, до сих пор привязывающим их к этой земле и не дающим уйти в Немирин. Только прислушайся. Вы оба прислушайтесь и услышите их голоса.

Мне и прислушиваться не требовалось. Как и в прошлый раз, я ощущала их присутствие. Улавливала негромкие стоны и безмолвный плач.

Судя по тому, как напрягся и стиснул кулаки Йен, он тоже услышал.

— В тебе течет кровь того, кто сделал это с ними, — продолжила Ликоой. — Хочешь того или нет, ты наследник его силы. Один из сильнейших темных магов своего времени. Ты должен умереть. Здесь, на этом же месте. Добровольно отдав жизнь во имя спасения душ тех, кто заслужил долгожданную свободу и покой.

— Что? — тихо выдохнула я и, наплевав на то, кто передо мной, возмутилась: — Что за бред? С какой стати он должен умирать? Как будто на этой земле и так пролито мало крови! Что еще за провоцирование суицида?!

— Мы с Маргаритой связаны. — В отличие от меня, Лафотьер оставался спокоен. — Умру

я — умрет и она.

— Эта связь начала ослабевать, когда вы оба пришли на мой остров, — возразила Прародительница. — А когда Акира ушла из сознания Маргариты, исчезла вовсе. Маргарита останется жить.

Я ожидала, что сейчас Лафотьер усмехнется в своей обычной манере и скажет, что не собирается умирать из-за каких-то незнакомых ему ликоев. Или просто развернется и уйдет, послав Прародительницу куда подальше.

Поэтому его следующие слова заставили меня не в первый раз усомниться в здравости собственного рассудка:

— Хорошо. Я согласен.

Чего?! Он что, и в самом деле хочет помереть?!

— Не смей! — шокированная до глубины души, воскликнула я.

— Не встречай, Маргарита, — как никогда серьезно и твердо велел Лафотьер. Сейчас его источающий властную решимость облик производил впечатление даже большее, чем Ликоой. — Это только мое дело. Мой долг.

«Долг? Да какой к чертям собачьим долг?!» — хотелось крикнуть мне, но ошарашенная происходящим, я не смогла больше выдать ни слова.

Хорошо быть эгоистом. Так просто и легко. Не нужно думать о ком-то другом, переживать. А значит, не нужно бояться потерять. И жертвовать собой во благо сотен потерянных из-за деяний твоего предка душ не нужно тоже.

Я ведь всегда была эгоисткой. В меру, но все-таки. И Йен Лафотьер, как мне казалось, тоже. Отчего же он сейчас, отдав кулон с частицей силы Прародительнице, медленно входит в воду? И отчего я в эту самую минуту думаю о том, что уж лучше бы мне требовалось принести эту жертву?

Он не попрощался со мной. Не сказал напоследок ни слова. Просто уходил, растворялся в соленой алой воде... а я смотрела на него в каком-то тупом оцепенении и в который раз за последние бесконечно долгие дни не верила, что это реально. Что на небе сияет солнце, тихо проплывают облака и где-то этим совершенно обычным утром люди идут на работу. Открываются уютные кофейни, откуда тянет приготовленной к завтраку выпечкой, где-то на заборе умывается кот и в отделении зерров шуршит бумагами вечно недовольный секретарь... Что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Кто-то умирает, но тут же кто-то рождается, и все снова идет по неизменному кругу.

Одна жизнь в обмен на множество других.

Такой ли равноценный это обмен, как может показаться на первый взгляд? И так ли это справедливо?

Я продолжала смотреть в удаляющуюся спину.

Шумел прибой. Ветер развеивал длинные светлые волосы...

«Предатель», — вспомнилась не моя, чужая мысль.

Но предателем был Риэг. А Йен... он... он...

«Люблю», — уже моя, стрелой пронзившая мысль разбила оковы оцепенения и заставила стремглав сорваться с места. На всей скорости пронестись по красным макам, забежать в воду, забыв обо всех своих фобиях, догнать темного мага и крепко-крепко обнять его за пояс, вынуждая остановиться. Прижаться к нему изо всех сил, словно желая вобрать в себя. И, сбиваясь с крика на шепот, судорожно проговорить:

— Нет, Лафотьер, если ты умрешь — я тоже умру, и связь тут ни при чем! Просто возьму и пойду следом за тобой, а плавать я не умею! Так что знай, если ты решишь покончить жизнь самоубийством и даже если тебе удастся спасти души заточенных здесь ликоев,

на твоей совести все равно будет еще одна смерть!

Он на некоторое время замер, а потом резко развернулся и, схватив меня за плечи, спросил:

— Почему? Почему Маргарита?!

— Не напрашивайся на признание в любви, — делано проворчала я, хотя этими словами, по сути, в ней и призналась. — Я знаю, что ты любил Акиру. И ко мне что-то испытывал только потому, что принимал меня за нее. Но... наверное, я дура последняя, но все равно не хочу тебя терять.

Я отвернулась, опустив глаза в плещущую красную воду. Нас качали морские волны, легко подбрасывали, и если бы не удерживающий меня Йен, я бы давно оказалась или снесена к берегу, или погребена в морской пучине.

— Ты не дура, Марго. — Не только его обращение ко мне прозвучало по-новому. Изменилась сама интонация, в которой звучало нечто очень похожее на нежность. С таким чувством он со мной еще не говорил.

Заставив вновь на него посмотреть, поймал мой взгляд и произнес:

— Акира — часть моего прошлого. Я не живу прошлым днем. Да и то чувство к ней давно умерло. Я полюбил *тебя*.

Похоже, мой чуткий слух все-таки дал сбой. Я ведь не могу этого слышать? Не могу, правда? Не может этот временами холодный, временами язвительный и вспыльчивый темный маг признаваться мне в любви!

— Знаешь, если ты сейчас все-таки суициднешься, мне придется найти другого темного мага, — не отводя глаз, пригрозила я. — С той целью, чтобы он поднял тебя в виде зомби и ты еще раз повторил то, что сказал сейчас.

Лафотьер издал негромкий смешок, окончательно разрушив всю пафосность и претенциозность момента. А потом склонился ко мне и поцеловал.

Этот поцелуй был с привкусом соли, сладостью маков и легкой горчинкой прошлого, которая вскоре окончательно исчезла, растворившись в новом, связавшем нас чувстве. И связь эта была посильнее всяких ритуалов, призывающих фамильяров.

— Кхм-кхм, — внезапно раздалось позади деликатное покашливание.

Нехотя прервав поцелуй, я обернулась, и Йен тут же, обнимая, привлек меня к себе. Должно быть, со стороны эта сцена смотрелась забавно: мы, по пояс стоящие в воде, и Ликоой, взирающая на нас с берега поблескивающими аметистовыми глазами.

— Подойдите, — велела она и, поскольку мы этот приказ исполнять не спешили, миролюбиво добавила: — Идите-идите, я не кусаюсь... разве что иногда. И, Маргарита, не нужно на меня так смотреть, не буду я убивать твоего ненаглядного!

Вечно в море не прстоишь, поэтому волей-неволей выходить на берег пришлось. Позиции изменились, суть — нет. Ликоой все так же взирала на нас, переводя взгляд с одного на другого.

— Я готов умереть, — сказал Лафотьер, крепче меня обнимая. — Обещаю прийти сюда в глубокой старости, чтобы вернуть долг. Эти души уже ждут пятьсот лет, думаю, потерпят еще одну сотню.

— Не потерпят, — возразила Прародительница и, улыбнувшись, указала жестом на поле: — Смотрите!

Над алыми маками взлетали маленькие и круглые, взмывающие в лазурную высь огоньки. Поднимаясь, они медленно рассыпались на сверкающие частицы, и еще недавно звучащие здесь голоса затихали, лишая это место ореола долгой скорби.

— Но как? — вырвалось у изумленной меня.

— Они наконец-то свободны, — с глубоким внутренним наслаждением выдохнула Ликоой. — Многие только говорят красивые слова о готовности принести себя в жертву, играя в благородство. Но ты, Йен, был готов умереть по-настоящему. Умереть ради ликоев. И отказался от смерти тоже ради ликой. — Она перевела взгляд на меня. — Вы двое — мост к новой жизни, ожидающей эту грань. В прошлом между магами и ликоями было достаточно войн и боли, нора перешагнуть этот этап. Это ваше предназначение. Вы двое обладаете огромной, поистине великой силой.

Прародительница светло улыбнулась, когда за ее спиной вдруг появилась призрачная фигура Акиры.

— И эта сила — любовь, — закончила Ликоой.

— Береги себя. — Шагнув ко мне, Акира невесомо коснулась моей щеки. — Проживи эту жизнь за нас всех.

Еще несколько мгновений, и она ушла следом за остальными, покидающими маковое поле душами ликоев, завершив переход в Немирин.

— И еще кое-что. — Прародительница протянула мне кулон Акиры. — Возьми его. Пусть это будет моим прощальным подарком. Ты не совсем ликой, скорее тебя сейчас можно причислить к полукровкам. У тебя больше не будет перерождений, но эта жизнь продлится долго.

Заметив, что я медлю, она пояснила:

— В прошлый раз он обжег, потому что по-настоящему тебе не принадлежал, даже несмотря на то, что Акира была твоей частью. Сейчас я добровольно дарю его тебе.

Как только я взяла кулон, хрупкое стекло от моего прикосновения вдруг расплавилось, а теплящийся внутри огонек впился мне в ладони. Знакомая сила стремительно пробежала по венам, наполнила каждую клеточку тела и, проникнув в самое сердце, свернулась там уютным пушистым клубком.

— Спасибо, — не успевая приходить в себя от все новых и новых переживаний, искренне поблагодарила я. — Спасибо огромное!

Прародительница весело хмыкнула, подмигнула и начала медленно растворяться в воздухе. Но, прежде чем исчезнуть окончательно, как бы невзначай бросила:

— Кстати, Книгу мудрости тоже можешь оставить себе... Вообще-то я писала ее в подпитии и ничего особо мудрого там нет, но вдруг пригодится.

Я аж подавилась.

А Ликоой тем временем напоследок игриво стрельнула глазами в сторону Йена. С ее плеча снова упала бретелька, и она лукаво промурлыкала:

— Ты же не думал, что я и впрямь позволю тебе утопиться? Эх, не была б я так привязана к Немирину... Тяжела жизнь божества...

Последние ее слова выпил ласковый морской бриз и улетел куда-то в сторону горизонта, где море целовало небо так же, как меня снова целовал Йен...

ЭПИЛОГ

Я лихо вывернула на Норейскую улицу, обдав прохожих фиолетово-зеленым выхлопом, вылетевшим из моего ярко раскрашенного железного монстра. Именно на этой улице, в доме под прекрасным номером тринадцать расположилась моя фотостудия. Я уже сказала, что Норейская улица находится в столице?

Мы с Йеном переехали в этот замечательный город еще в начале лета и, надо сказать, прекрасно здесь устроились. Изменившийся магический фон на маковом поле не остался незамеченным, и вскоре каждая собака знала о том, кого нужно за это благодарить. Йену снова предложили должность при дворе, и хотя этот упрямец долгое время отказывался, мне все-таки удалось его уговорить. Теперь у нас есть трехэтажный дом в самом центре, дворецким в котором, естественно, служит Крикко.

Вместе с должностью Йен вернул и влияние, и теперь совершенствует программу, согласно которой ликой получают еще больше свобод и привилегий в обществе. Я, разумеется, ему помогаю, хотя основной моей работой является фотография. Это так здорово, когда любимое увлечение превращается в любимую работу! Свой Сапон я научилась заряжать в совершенстве, как и устройство для печати фото, которое приобрела несколько месяцев назад. И теперь могу похвастаться тем, что зарабатываю не меньше, а в некоторые месяцы даже больше, чем наш высокопоставленный темный маг! Люди в столице живут более прогрессивные, открытые ко всему новому, а что еще важнее — дружелюбные по отношению к ликоям. Так что желающих получить красивые фото просто толпы, и все эти толпы идут ко мне, поскольку конкуренции у меня пока никакой. Хотя, подозреваю, скоро кто-нибудь надумает со мной посоперничать, но это станет для меня только стимулом работать лучше.

Студийные съемки пользуются большим спросом — как постановочные, в любовно созданных мной локациях, так и лаконичные — для документов. Но больше всего мне нравится проводить творческие съемки на улицах, в парках, разнообразных кафе, каждый раз открывая новые просторы для вдохновения. Совсем скоро у меня накопится достаточно материала для персональной фотовыставки, которую я очень хочу провести. И главными в ней станут фотографии Марты-Малетты.

Иногда я возвращаюсь к этим кадрам. И, смотря на них, думаю о том, что в те моменты, когда мы гуляли у моря, мне удалось запечатлеть милую и добрую девушку, все еще жившую где-то глубоко внутри яростной мстительницы. Наверное, поэтому эти снимки и кажутся такими живыми.

Про Морегорье мы тоже не забыли. Теперь периодически ездим туда в короткие отпуска, когда хочется взять перерыв и просто отдохнуть. Хотя кого я обманываю? Какое там отдохнуть! Для Йена всегда находится работа на местном погосте, а меня тащат в гости или Федя, или госпожа Ериша, а иногда оба вместе.

К слову, о них. Федька начал встречаться с хорошей девушкой. Тот факт, что она хорошая и никаких дурных намерений не имеет, я проверила лично! Досконально проверила, заставив Йена обратиться к Норту и устроить тотальное изучение ее подноготной. Ну а что? Должна же я знать, чьим рукам своего Федюшу доверяю!

Госпожу Еришу больше арестовать не пытаются. Зерры махнули на нее рукой и смирились. Вреда она больше никому причинить даже не помышляет — и ладно. Цветов, которые я перед отъездом успела нарвать на крыше храма, для подзарядки накопителей хватит ей с лихвой. Что до ее связи с Малеттой, то зла на нее за это я не держу. Не стоит оно того, учитывая, через сколько мы все прошли.

Затормозив у входа в фотостудию, я припарковала мопед и сняла шлем. Его мне подарил Йен и, где его достал, так и не признался. Будучи черным, шлем прекрасно подошел к моей кожанке и черным кожаным штанам, купленным в Гальниже. Словом, самый прекрасный и удобный комплект для езды!

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я, войдя внутрь и увидев восседающего на диване Йена.

Поднявшись навстречу, он недовольно на меня посмотрел:

— Заехал напомнить, что над моим предложением ты думаешь уже две недели! Долго еще прикажешь ждать?

— Скажите пожалуйста! — Я всплеснула руками. — Целых две недели! Йен, ты же знаешь, что у меня куча работы, мне некогда и...

— Некогда сказать мне «да»?! — возмутился темный маг. — Да Крикко уже и приглашения разослал, и о банкете позаботился, под который, кстати, король нам один из главных дворцовых залов отдал! А ты все формальность соблюсти не можешь!

— А может, я скажу «нет»? — Вот ничего не могу с собой поделывать, нравится мне его бесить.

Йен недобро прищурился.

— Ну не люблю я свадьбы, — в очередной раз попыталась отстоять свою позицию. — Еще с прошлой жизни не люблю! Все эти церемонии, расшаркивания, толпы гостей, свадебный торт... Хотя нет, торт, конечно, люблю...

— Марго!

— Да, пожалуй, ради торта я даже готова согласиться...

— Маргарита!!!

— Ну ладно, так уж и быть... — Я набрала побольше воздуха, на миг замерла и, показав язык, пообещала: — Я обдумаю ваше предложение.

— Зар-р-раза пушистая...

Обожаю это его рычащее «р».

Когда один злющий темный маг кинулся ко мне, я рванула в сторону двери и на улицу выбежала уже крупной черной кошкой. Помчалась вперед по тротуару, попетляла немного и вернулась обратно. Чтобы, запрыгнув на диван, удобно устроиться у Йена под боком, как делала всякий раз после подобных ссор.

Полежала немножко в виде «пушистой заразы» и приняла «облик аморали», хитро на него взглянув.

— Во сколько, говоришь, придет клиент? — севшим голосом уточнил Йен.

— Мы успеем, — замурчав, пообещала я и прижалась к его губам горячим, чувственным поцелуем.